

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 4 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · Ленинград

Редакционная коллегия

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора доцент М. Г. Левин,
член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов,
Н. А. Кисляков, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Н. Н. Степанов

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, к. 326

Печ. лист. 11 ³ / ₄	Уч.-издат. л. 17,62	A03896	Заказ 2887
Подписано в печать 20.VIII.1947 г.	Тираж 2500 экз.	Цена 22 руб. 50 к.	

2-я типография Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский пер., 10



ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

АМАЗОНКИ *

История легенды

V

Если вспомним, местопребывание амазонок относилось еще в античную эпоху и к Африке. Таково показание Дидора Сицилийского. Сюда же можно присоединить и сообщение Помпония Мелы, транспонирующего рассказ карфагенянина Ганнона.

Тема эта вновь оригинальным образом развивается в середине века. Первыми, у кого мы находим соответствующие известия, являются и в данном случае арабские авторы.

Писатель начала XIII в. Джемаль-уд-дин аль-Ауфи в сочинении, написанном на персидском языке, «Djami-al-Nikayat», ссылаясь на другого арабского автора¹, пишет: «Говорят, что в пустыне Магреба находится народ, происходящий от Адама, который состоит только из женщин. Если мужчина попадает в эту страну, то немедленно умирает. Продолжение рода происходит благодаря реке, протекающей в этой стране: купаясь в этой реке женщина беременеет, но рождает только девочек»². Более пространное изложение той же версии дает персидский историк и географ Хамдаллах аль-Казвини (около 1281—1349) в своем сочинении «Nuzhet al-qulub» («Услада сердец»), написанном около 1339 г. Сославшись на Джемаль-Ауфи, Казвини пишет: «Мы читаем в «Djami-al-Nikayat», что посреди песчаной пустыни находится город, населенный только женщинами. Если там поселится мужчина, то под влиянием климата теряет все свои мужские способности и вскоре умирает. Продолжение рода осуществляется благодаря одному источнику, в котором женщины купаются, отчего беременеют и рожают девочек; если иногда рождается мальчик, то неизменно умирает в малолетстве. Благодаря всемогущему богу эти женщины совершенно лишены страстей, и это в такой мере, что если одна из них приезжает в Магриб и если вступает в связь с мужчиной, то тяжело заболевает. Но если она

* Окончание. См. СЭ, 1947, № 2.

¹ Источник Джемаль-Ауфи, согласно указанию издателя этого текста, Хюара, не поддается уточнению.

² G. Huart, Documents persans sur l'Afrique (publiés et traduits par...), in: Recueil de mémoires orientaux, textes et traductions, publiés par les professeurs de l'École Spéciale des langues orientales vivantes à l'occasion du XIV Congrès International des Orientalistes, réuni à Alger, Avril, 1905, Paris, 1905.

остается здесь продолжительное время и привыкает к климату, то страсть и ею овладевает. В этой стране занятия, которые везде обычно составляют дело мужчин,— земледелие, ремесла и пр.,— исполняются женщинами. Эти женщины связаны между собой для раздела продуктов, у них нет различия между малыми и большими, нет споров о прибылях или убытках, их вера запрещает стремиться к увеличению своего имущества, думать о роскоши, жаждать украшений, забирать домой еду. Поистине,— заключает автор,— их обычаи и их поведение хороши, и такие женщины лучше, чем многие мужчины»³.

Иное, скорей чисто этнографическое, известие, относящееся к нашей теме, находим у арабского писателя аль-Макризи (1364—1442) в его сочинении «*Ma'waizh wel-l'tibar*» («Увещания и соображения»), представляющем собой историю и географию Египта. Макризи даст здесь довольно пространное описание обитающего в Нубии народа беджа⁴. Описав их вооружение, в частности их особенные копья, Макризи прибавляет: «Эти копья изготовляются женщинами, которые живут в особой местности, имея дело только с теми, кто является к ним за покупкой их оружия. Когда одна из них рождает девочку, то оставляет в живых, но если это сын, то убивает, считая, что мужчины лишь вызывают вражду и войну»⁵.

С XVI в. начинаются посещения Африки и европейскими путешественниками. И у них, в частности у посещавших Абиссинию и смежные районы, находим отражение нашей легенды.

Португальский монах Франциск Альварес (1490—1540), сопровождавший посольство в Абиссинию, или, по терминологии того времени, «земли пресвитера Иоанна» и прбывший там с 1520 по 1527 г., сообщает, что, как его уверяли, в соседстве с этой страной, близ царства Дамут, находится государство, управляемое женщинами, которые могут быть названы амазонками. Но эти женщины имеют при себе своих мужей, живущих с ними в течение всего года. Возглавляет это государство не король, а королева, но она не имеет мужа и не признает мужчин. Наследует ей старшая дочь. Женщины этой страны очень сильны, очень воинственны, отлично стреляют и еще в детстве засушивают себе правую грудь. Мужья их не занимаются военным делом, потому что жены не позволяют им владеть оружием. В этой стране, отмечает Альварес, добывают много золота, которое вывозится в другие страны⁶. Участник другого португальского посольства в Абиссинию, врач Иоанн Бермудес (ум. в. 1570 г.), дает несколько иную версию того же сообщения. Близ царства Дамут, пишет он, находится страна женщин без мужей, которые живут по образу древних амазонок Скифии и так же, как те, в определенное время года сходятся с соседними мужчина-

³ Ibid.

⁴ Беджа (Blemmies античных авторов, так же именовавшиеся и арабскими писателями) — народ, принадлежащий к так называемой эфиопской или нубийской группе, состоящей из нескольких племен: абабуа, бишарин, бени-амер, джалин и др. Беджа издавна были известны своей воинственностью, отличаются стойкими пережитками матриархата.

⁵ E. Quatremère, *Mémoires géographiques et historiques sur l'Egypte et sur quelques contrées voisines, recueillis et extraits des manuscrits coptes, arabes, etc., de la Biblioth que Imp riale*, 2 vls, Paris, 1811; см. vol. II, *Mémoire sur les Blemmyes*. — Существующие новые французские переводы сочинения Макризи (E. Blochet и U. Bouriant et P. Casanova) остались нам недоступными.

⁶ Записки Альвареса напечатаны впервые в Лисабоне в 1540 г. Мы пользовались италианским переводом в известном собрании: С. В. Ramusio, *Navigazioni et viaggi*, etc., vol. I, ed. 4, Venetia, 1588, и старинным английским переводом: S. Purchas, *op. cit.*, vol. VII, 1903. Существует новое издание английского перевода записок Альвареса: F. Alvarez, *Narrative of the portuguese embassy to Abyssinia during the years 1520—1527, Translated from the portuguese and edited with notes and introduction by Stanley of Alderly* (Hakluyt Society Publications, 1 Series, vol. 64), London, 1831.

ми; родившихся мальчиков отсылают к отцам, а девочек воспитывают. Так же поступают женщины Эфиопии, которые тоже выжигают себе левую грудь, чтобы лучше стрелять из лука, которым они пользуются в войне и на охоте. Правительница этой страны не знает мужчин, за что эти женщины поклоняются ей, как богине. И Бермудес заключает свой рассказ указанием на различные чудеса и диковины этой страны⁷. Наконец, еще более поздний посетитель Абиссинии, испанский монах-доминиканец, Иоанн дос Сантос (ум. в 1622 г.), бывший здесь в 80-х гг. XVI в., рассказывает, что воинственные женщины царства Дамут в детстве прижигают себе правую грудь. Хотя они не замужем, но когда рожают детей, то только выкармливают, а затем отсылают к от-



Рис. 1. Амазонки Мономотапа (Зап. Африка). Рисунок XVII в.

цам, на которых лежит дальнейшее воспитание. Управляет этой страной королева, подчиняющаяся тем же законам и обычаям. За то, что она стойко сохраняет девственность, и за ее храбрость она пользуется уважением не только своих женщин, но и соседних народов, которые ищут ее дружбы и за честь почитают с оружием в руках сражаться с ее врагами⁸.

Аналогичное сообщение существует и для Западной Африки. Португальский путешественник XVI в. Дуарте Лопес, проводивший много лет в королевстве Конго и приехавший в Рим в качестве посла от туземного короля к папе, рассказал, что самые храбрые войска властителя государства Мономотапа (территория юго-востока современной Южной Родезии) — это его женские легионы. Женщины эти выжигают левую грудь, чтобы она не мешала им при стрельбе. Король отдал им во владение отдельную страну, где они живут одни, лишь иногда выбирая себе по

⁷ Записки Бермудеса напечатаны впервые в Лисабоне в 1565 г.; новое издание: там же, 1875. Цит. по: The portuguese expedition to Abissinia in 1541—1543, as narrated by Castanhoso with... the short account of Bermudez, etc., edited by R. S. Whiteway (Hakluyt Society Publications, II Series, vol. 10), London, 190, p. 36.

⁸ Записки дос Сантоса (Santos) были напечатаны впервые в Лисабоне в 1607 г.; несколько раз переводились и пересказывались. Цит. по F. Nagel, Geschichte der Amazonen, Stuttgart und Tübingen, 1833.

своему желанию мужей; рождающихся мальчиков отсылают к отцам, девочек оставляют и воспитывают в воинском духе⁹.

Более или менее близкие приведенному сообщению повторяются затем в последующей литературе по Западной Африке, причем в течение долгого времени материал для этих сообщений дает в особенности Дагомея, рассказы о которой не говорят, правда, о наличии здесь особой «страны женщины», но сообщают о действительно существовавших здесь военных отрядах, состоявших из одних женщин¹⁰.

Неведомыми путями проникло известие об африканских, точнее, именно абиссинских амазонках в Московскую Русь. Они фигурируют в бывших широко распространенными в XV—XVII вв. рукописных толковых словарях или своего рода энциклопедиях, носивших название «Азбуковник» или «Сказание о неудобопонимаемых речах». Так, один из таких «Азбуковников» содержит следующую статью: «Амазанийки. Толк.¹¹ Есть в Мурских¹² странах земля, наричема Амазанйтская. В ней же царствуют едины девы чистые, наричемая (а)мазаники, иже храбростью и умом всем одолевают». В другом «Азбуковнике», содержащем почти точно тот же текст, над заглавным словом «Амазаники» показано киноварью: «ефи», т. е. «ефиопски»¹³.

В заключении мы можем и для Африки привести фольклорные записи, сделанные уже современными этнографами.

Легенда, записанная известным африканистом Эмилем Тордайу племени батетела, в Бельгийском Конго, гласит: «Виния, сотворив человеческие существа, разместил их в двух селениях: в одном — женщин, в другом — мужчин. Мужчины кормились охотой, женщины — земледелием. Обе деревни находились далеко одна от другой, и жители их никогда не встречались. Однажды, возвращаясь из леса с добычей, охотник встретил женщину, которая шла с поля и несла охапку проса. Завязалась беседа. Женщина научила мужчину есть растительную пищу, а мужчина научил женщину есть мясо; они соорудили себе хижину и стали жить вместе. Через некоторое время женщина родила ребенка, и оба супруга отправились каждый в свою деревню, чтобы сообщить об этом событии своим родным. Удивленные мужчины захотели своими глазами увидеть чудо и пошли за отцом ребенка в его хижину. В свою очередь и женщины последовали за молодой матерью. Увидев чудо, мужчины решили последовать примеру первой пары и выбрать себе жен. Так произошло человечество»¹⁴.

Параллель к этой легенде записана французским этнографом Л. Токсье у одного из племен негров аньи, на Слоновом берегу.

⁹ Описание путешествий Лопеса (Lopez) было составлено по его мемуарам в 1539 г. итальянским историком Фелиппе Пигафетта (1533—1603); впервые издано на итальянском языке в 1591 г. в Риме, многократно переводилось и переиздавалось. Цит. по S. Purchas, op. cit., vol. VI, 1905.

¹⁰ Об этих «амазонках» Дагомеи, помимо рассказов и упоминаний во всей, довольно обширной, литературе об этой стране, см. в частности: R. Hartmann, *Amazonen des Königs von Dahomey*, „Zeitschrift für Ethnologie“, 23, 1891, pp. (64)—(71); новейшая монография со сводкой старых сообщений об «амазонках» Дагомеи: M. J. Herskovits, *Dahomey, An ancient West African kingdom*, 2 vls, New York, 1938.

¹¹ Т. е. «толкование».

¹² «Мурские» — от мурин, «негр», «эфиот», «арап».

¹³ Рукописные экземпляры из собрания Государственного Исторического Музея в Москве: Шуксинск., № 450, Азбуковник в 1^ю, на 186 листах, скорописью конца XVII в.; см. лист 8; Синод., № 835, Азбуковник в 8, на 361 листе, скорописью XVII в.; см. л. 136, обор.; см. также: Чудовск., № 297, лист 17, и др. — За любезное предоставление нам возможности ознакомиться с этими «Азбуковниками» и помощь при их чтении выражаем благодарность члену-корреспонденту Академии Наук СССР М. Н. Тихомирову.

¹⁴ E. Toroday, *Causeries congolaises*, Bruxelles, 1925; русский перевод: Э. Тордай, Конго, перевод с французского Ек. Галати, предисловие М. Косвена, М.—Л., 1931.

В прежние времена, гласит эта версия, женщины и мужчины жили в разных селениях, те и другие не знали брака, пока какой-то незнакомец не научил мужчин покупать жен ¹⁵.

VI

Новая глава истории амазонской легенды начинается с открытием Америки.

Уже Колумб (1446—1506) во время первого своего путешествия услышал от араваков, одной из туземных народностей Антильских островов, об острове, населенном одними женщинами. Известие это, по всей видимости, крайне заинтересовало великого мореплавателя. Об этом свидетельствует ряд записей в судовом журнале, относящихся к концу путешествия, когда Колумб уже стал направляться в обратный путь, а именно, записи от 13, 14, 15 и 16 января и 14 февраля 1493 г. Содержание этих записей сводится к следующему. По словам индейцев, как раз по пути Колумба на восток находится остров «Матинино» (туземное название острова, получившего впоследствии название «Мартиник»), населенный целиком только женщинами, без мужчин (*toda poblada de mugeres sin hombres*), причем на этом острове имеется много золота. Вблизи острова «Матинино» расположен остров «Кариб» (современное название «Доминик»), тоже богатый золотом. Колумб решил пойти к этим островам и взять несколько их обитателей, в особенности этих женщин, с собой, чтоб отвезти королю и королеве. Однако, адмирал все же усомнился, хорошо ли знают индейцы-проводники, хотя и подтверждавшие эти сведения об островах Матинино и Кариб, туда дорогу, с другой стороны, он не мог больше задерживаться... При всем том, отмечает журнал, адмирал был уверен, что этот «остров женщин» (*isla de las mugeres*) действительно существует, и рассказывал, что в известное время года его обитательниц посещают мужчины с острова Кариб, что если эти женщины рожают мальчиков, то отсылают их на остров мужчин, если же это девочки, то оставляют у себя. Сообщение об обнаруженном в «Индиях» острове женщин и его обитательницах, с некоторыми подробностями, включил Колумб и в свой знаменитый отчет о первом путешествии, написанный, как полагают, еще на корабле, на возвратном пути, а затем подвергнутый широкому распространению ¹⁶.

Образы амазонок не оставляли великого мореплавателя и во время его второго путешествия, о чем в свою очередь свидетельствует одна из записей судового журнала. Здесь рассказывается, что когда в апреле 1496 г. испанцы стали высаживаться на острове Гваделупе (в группе Малых Антильских островов) они встретили энергичное сопротивление туземцев. Высадившись, испанцы захватили десять женщин с тремя детьми. Одна из этих женщин, которую журнал титулует «кащикшей или госпожей» (*caciqua o signora*), отчаянно сопротивлявшаяся при ее

¹⁵ L. Tauxier, *Religion, moeurs et coutumes des Agnis de la Côte d'Ivoire (Indénia et Sanwi)*, Paris, 1932.

¹⁶ Судовой журнал первого путешествия Колумба и помянутый отчет были напечатаны уже в 1493 г. Мы пользовались изданием: *Scritti di Cristoforo Colombo pubblicati ed illustrati da C. de Lollis* (Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla R. Commissione Colombiana pel quattro centenario dalla scoperta dell' America, p. I, vol. I), Roma, 1892; см. pp. 96—100, 107 и 131.— Цитируемый «отчет» Колумба, фигурировавший до последнего времени как «письмо к Габриэлю (или Рафаэлю) Санхес» или иному адресату, на самом деле не был адресован какому-либо определенному лицу, а, содержа рассказ о великом открытии, был рассчитан на то, чтобы возбудить интерес к этому событию и привлечь средства для нового путешествия. Не без мысли об этих целях, быть может, включил великий мореплаватель в свой отчет и рассказ об амазонках. Новейшее об этом документе: S. E. Morison, *Admiral of the Ocean Sea, A life of Christopher Columbus*, 2 vols, Boston, 1942; см. vol. I, pp. 413—414, notes 17—18.

взятии в плен, сообщила, что весь этот остров принадлежит женщинам, что это были именно женщины, препятствовавшие высадке, что четверо мужчин, случайно находившиеся здесь, были с другого острова, имея обыкновенные приезжать в известное время года для сожительства с ними, и что так же живут женщины с острова «Матримино». И здесь журнал записывает, что адмирал полагал, что эти женщины вероятно имеют такие же обычаи, как это рассказывается об амазонках, и что о том же, видимо, сообщали индейцы¹⁷.

В свете приведенных данных можно считать вполне вероятным, что именно в связи с этими известиями об амазонках находится название «Девичьи острова», «Islas Virgines» (современные географические названия: Virgin islands, Виргинские острова, Jungferininseln), данное Колумбом особой северо-западной группе Малых Антильских островов¹⁸.

С 1517 г. начинается плавание вдоль восточных берегов американского материка, приводящее к открытию Юкатана и Мексики. Вслед за Кордобой, открывшим в 1517 г. Юкатан, в 1518 г. посылается Хуан Грихальва, доставивший первые сведения о стране Анахуак (Мексике). Капеллан этой экспедиции Хуан Диас, рассказывая о кратковременной высадке испанцев в одном из пунктов побережья Юкатана, пишет: «Мы обнаружили на одном мысе очень красивую башню, в которой, как нам сказали, обитают женщины без мужей. Полагают, что они являются потомками амазонок»¹⁹. Иное сообщение принадлежит участнику походов Кордобы, Грихальвы и Кортеса, известному автору «Истории завоевания Мексики», Берналю (собств. Бернардо) Диасу дель Кастильо (1492—1581). Описывая начало экспедиции Кортеса—плавание вдоль Юкатана в марте 1519 г., Диас сообщает, что испанцы обнаружили на одном мысе четыре храма, в которых находилось много идолов, причем все они представляли собой изображения больших женщин, почему испанцы называли это место «Мысом женщин» (Punta de las mugeres)²⁰. С этими же ранними плаванием испанцев у побережья Центральной Америки связано очевидно и наименование маленького островка, находящегося у северо-восточной оконечности Юкатана, поныне именуемого «Островом женщин» (Isla Mujeres). Выразительный

¹⁷ Scritti di Cr. Colombo, etc., pp. 226—228.

¹⁸ Согласно иному объяснению, Колумб дал такое название этой, состоящей из свыше 100 вытянувшихся цепочкой островов, группе по некой аналогии с 11.000 «дев непорочных» христианской легенды. Как было упомянуто (гл. II), Р. Хенниг возводит это название к кельто-ирландской амазонской традиции, что, однако, еще менее вероятно. Работа Хеннига: Der Name der Jungferininseln, „Zeitschrift für Namenforschung“, 1938, Nachtrag, 1939, осталась нам недоступной.

¹⁹ Записки Хуана Диаса (Díaz) были напечатаны впервые на итальянском языке в Венеции в 1520 г. Цит. по французскому переводу: Н. Тернау-Сомпанс, Voyages, relations et mémoires originaux pour servir à l'histoire de la découverte de l'Amérique, 20 vls, Paris, 1837—1841; vol. X, 1838. Существует новое издание испанского текста: Crónicas de la conquista de Mexico, „Biblioteca del Estudiante Universitario“, 2, 1939 (Mexico).

²⁰ „Правдивая история завоевания Новой Испании“ Диаса, написанная в 1568 г., была издана впервые только в 1632 г. в Мадриде; многократно переиздавалась и переводилась на разные языки; существует русский сокращенный пересказ: Д. Н. Егоров, Записки солдата Берналя Диаса, 2 издание, Л., 1928. Цит. по изданию: B. Díaz del Castillo, Historia verdadera de la conquista de la Nueva España, 2 vls, Madrid, 1933: см. vol. I, cap. XXX, p. 90.—То же объяснение находим у христианизатора и раннего историка Юкатана Диего де Ланда (1524—1579). Рассказывая об экспедиции Кордобы, Ланда говорит, что Кордоба „достиг Isla de Mujeres, которому дал такое название в связи с обнаруженными там идолами, изображавшими богини этой страны“. Описание Ланда, написанное около 1566 г., было напечатано впервые в 1844 г. Новейшее издание испанского текста: Mexico, 1938. Цит. по: Landa's Relacion de las cosas de Yucatan, A translation, Edited with notes by A. M. Tozzer (Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology, Harvard University, vol. XVIII), Cambridge, 1941, p. 9.

отклик на эти и вероятно другие им подобные сообщения составляет появление на современных географических картах, начиная с 1520 г., а затем на картах 1524, 1527, 1529 и 1538 гг., обозначения близ берегов Америки «мыса» или «острова» женщин: p. point) de magieles, y. (ysola) de mueres, y. de myjeres, и «девичьих островов» (insulae delle pulzelle)²¹.

Сообщение Колумба об острове «Матинино» воспроизвел в несколько измененном варианте первый историк открытия Америки Петр Мартир (1457—1526) в своих знаменитых письмах о вновь открытом материке, дважды еще подтверждая это сообщение ссылками на других участников путешествия. В другом месте Мартир пишет, что близ берега «Колуакан» (название Мексики в эпоху открытия Америки.— М. К.) расположен ряд островов, населенных только женщинами, живущими как амазонки. Иные думают,— говорит Мартир, что это — весталки, но говорят, что существуют и настоящие амазонки. «Я думаю,— заключает Мартир,— что это басня»²².

Отныне амазонки, их остров или страна становятся, наряду с золотом, жемчугом, источником молодости и прочими чудесами «Индий», предметом напряженных исканий и вместе с тем своего рода миражем конкистадоров: «страна амазонок, этих Гесперид испанцев XVI века»,— замечает Г. Банкрофт²³.

При отправлении в свой поход на завоевание Мексики Эрнандо Кортес (1485—1547) получил прямое указание губернатора Кубы Диэго Веласкеса искать, наряду с разными монстрами, и амазонок²⁴. С открытием Тихого океана тому представились новые возможности, и не лишено вероятия, что соответствующее указание дал Кортес отправленной им в 1523 г. на юг, к побережью океана, в район современной Гватемалы, экспедиции Кристобала Олида. В своей реляции Карлу V, от 15 октября 1524 г., Кортес, говоря об этой экспедиции, между прочим доносил, что, по словам местных касиков, в их владениях находится остров, населенный только женщинами, которых время от времени посещают мужчины с материка. Когда у этих женщин рождаются девочки, они их оставляют, мальчиков же изгоняют. Остров этот находится в 10 днях пути, и некоторые мои люди, пишет Кортес, бывали там. Говорят, что этот остров богат золотом и жемчугом. «Я постараюсь,— заключает Кортес,— собрать все сведения и представлю вашему величеству полное донесение по этому делу»²⁵. Амазонки с их богатствами сыграли несомненную роль и в самовольном походе сопер-

²¹ см. E. F. Santarem, op. cit.; M. H. Saville, The discovery of Yucatan in 1517 by Francisco Hernandez de Cordoba, „Geographical Review“, 1918, November.— По нашему мнению, используя в частности те же, что и приведенные нами, данные для решения спорных вопросов об открытии Юкатана, Сэйиль, а за ним и Ройс (L. Roys, The background of Colonial Yucatan, Washington, 1943) делают две ошибки: неосновательно отождествляют „мыс“ и „остров“ (pu. ta и isla) женщин (это отождествление, впрочем, как можно видеть из сопоставления Берналя Диаса и Ланда, создано уже издана) и односторонне объясняют возникновение этих названий в связи с женскими статуями из рассказов Берналя Диаса и Ланда. Роль амазонской легенды здесь так или иначе несомненна, и об этом прямо говорит рассказ Хуана Диаса.

²² P. Martyr, Le orbe novo, I, 2; VII, 8, 9; IV, 4.— Впервые не полностью было издано в 1504 г., затем ряд все пополнявшихся изданий и переизданий. Мы пользовались французским переводом: P. Martyr d'Anghiera, Le orbe novo, Les huit décadés, traduites du latin, avec notes et commentaires, par P. Caffarel, Paris, 1907.

²³ H. Bankroft, History of Mexico, 6 vls („Works“, vls IX—XIV), San Francisco, 1893—1888; см. vol. II („Works“, vol. X, p. 356).

²⁴ По G. Friederici, Der Charakter der Entdeckung und Eroberung Amerikas durch die Europäer, 3 vls, Stuttgart—Cötha, 1921—1937; см. vol. I, p. 408.

²⁵ Цитируемая реляция Кортеса (4-ая из известных) была впервые напечатана в 1525 г. Цит. по F. Cortes, Lettres à Charles Quint sur la decouverte et la conquête de Mexico, Traduction par D. Charnay, Paris, 1896, p. 257. Существует новейшее издание реляций Кортеса: Cartas de relacion de la conquista de Mejico, Madrid, 1932.

ника Кортеса Нуња де Гусмана в 1529—1530 гг. в тот же примерно район, где был Олид. Обращаясь в свою очередь с донесением к Карлу V 8 июля 1530 г., Гусман писал между прочим, что вскоре имеет в виду найти амазонок, находящихся в 10 днях пути. «Говорят,— пишет Гусман,— что они богаты, считаются жителями этой страны богинями, более белы, чем другие женщины, и вооружены луками, стрелами и щитами. В определенное время года они вступают в связь со своими соседями — мужчинами и, как говорят, родившихся мальчиков убивают, а девочек оставляют»²⁶. Упоминание о походе Гусмана «на поиски амазонок» (*en demanda de las Amazonas*) находим также в одном исходящем от конкистадоров Мексики письме от 30 марта 1531 г.²⁷ Еще один документ той же эпохи — королевский патент от 26 июня 1530 г. на присвоение герба с оружием некоему Иерониму Лопес в Мексике, перечисляя разнообразные труды и заслуги награждаемого, трудности и опасности, которым он подвергался, упоминает и о его участии в походе к побережью Южного океана «на поиски амазонок» (*en demanda de las Amazonas*)²⁸. Мы видим таким образом, что поиски амазонок составляют во всяком случае заметную статью интересов и устремлений конкистадоров Мексики, что эта тема входит в донесения королю, что эти поиски поощряются и награждаются наряду с другими «подвигами».

Открытие Америки «открывает» вскоре еще одну страну амазонок, локализирующуюся на севере Южной Америки, в бассейнах рек Амазонки и Ориноко.

Первые появившиеся в литературе известия об этих южно-американских амазонках явились результатом похода сподвижника покорителя Перу Франциско Писарро, Франциско Орельяна (1511—1546), совершившего в 1541 г. впервые путешествие по р. Амазонке до ее устья. Единственный, принадлежащий непосредственному участнику, отчет об этом походе был составлен монахом Гаспаром де Карвахаль (род. ок. 1504 г.). Как рассказывает Карвахаль, испанцы уже в начале своего путешествия получили от одного индейского вождя известие, что вниз по реке живут амазонки, обладающие большими богатствами. Через некоторое время испанцы действительно вступили, судя по заявлениям индейцев, во владения амазонок. Индейцы говорили, что они — подданные амазонок и платят им дань. В одной битве, которую испанцам пришлось вести, рассказывает далее Карвахаль, на стороне индейцев виднелись 10—12 женщин, с большой храбростью сражавшихся в первых рядах в качестве начальников, причем эти женщины побуждали к бою и мужчин, и, если те показывали спину, то тут же их убивали. Женщины эти были очень высокого роста, очень белы, носили длинные волосы и пр. В дальнейшем испанцы путем расспросов одного пленного индейца получили следующие сведения об амазонках. Пленный заявлял, что много раз бывал у амазонок, так как относил им дань. Амазонки занимают свыше 70 селений. Они не имеют мужей, но если придет нужда, то вступают в войну с соседями, берут в плен мужчин и держат их, пока не забеременеют, а затем отпускают, не причинив вреда. Родившихся мальчиков убивают или отсылают к отцам, девочек обучают военному делу. Все эти амазонки подчиняются одной правительнице. В ее владениях много золота и серебра, все

²⁶ Реляция Гусмача (Guzman) была напечатана впервые на италийском языке у С. В. Ramusio, *op. cit.*, vol. III, 1539; 4 ed., 1583. О его походе и поисках амазонок см. еще: Н. Вancroft, *op. cit.*, vol. II, ch. XVII.

²⁷ См. *Epistolario de Nueva España*, 1505—1818, *Recopilado por F. del Paso y Francoso* (Biblioteca Historica Mexicana de obras ineditas, Segunda Serie, 1—16), 16 vls, Mexico, 1939—1942; см. vol. II, No. 91.

²⁸ *Ibid.*, № 80. — Лопес — вероятно один из участников похода Гусмана.

знатные женщины едят на золотой и серебряной посуде. В столице этой страны имеются большие каменные здания, богато украшенные храмы, в которых стоят золотые и серебряные изображения женщин, и т. д.²⁹

Один из наиболее ранних литературных откликов на экспедицию Орельяна принадлежит испанскому историку Франциско Лопес де Гомара (1511 — ок. 1560). Говоря в своей «Истории Индий» об открытиях Орельяна, Гомара заявляет, что отчет его «полон лжи»³⁰. «Одно из его наиболее экстравагантных утверждений,— пишет Гомара,— это заявление, будто на реке находятся амазонки, с которыми он якобы сражался. Что женщины в тех местах берутся за оружие и сражаются,— это не новость, и они так же поступают и в других местностях. Но я не верю, чтоб какая-либо женщина прижигала или отрезывала бы себе правую грудь, чтоб удобнее стрелять из лука, ибо они и так отлично стреляют. Столь же невероятно, что они убивают или изгоняют сыновей и живут без мужей. И другие, помимо Орельяна, рассказывали ту же басню об амазонках с того времени, как были открыты Индии, но никогда подобная вещь не была видана и никогда не будет видана. Из-за этого обмана некоторые уже пишут и говорят «река амазонк»³¹, и много партий собираются туда отправиться»³².

Совершенно иначе отнесся к открытию страны амазонок в Южной Америке известный французский географ XVI в. Андре Теве (1502—1592), сам побывавший в Бразилии в 50-х гг. Ссылаясь на рассказ об экспедиции одной партии испанцев из Перу к Тихому океану, Теве сообщает, что испанцы доехали до страны амазонок. «Могут сказать,— пишет Теве,— что это не амазонки, но что до меня, то я их считаю таковыми, поскольку они живут точно так же, как жили амазонки Азии. Амазонки, о которых мы говорим, удалились на жительство на несколько маленьких островов, служащих им как бы крепостями, и ведут постоянные войны, будучи постоянно осаждаемы врагами». Сделав затем экскурс на тему об античных амазонках и возвратившись к американским амазонкам, Теве продолжает: «Амазонки живут раздельно от мужчин, которые посещают их лишь редко, по ночам, тайно. Живут они в маленьких хижинах и пещерах в скалах, питаются

²⁹ Отчет Карвахалья (Carvajal) об экспедиции Орельяна (Orellana), повидимому, стал известен и стал использоваться уже в эпоху конкисты. Впервые этот отчет был воспроизведен в сокращенной редакции другим сподвижником Писарро, Гонсало Фердинандесом Овиедо (1478—1557) в его «Истории Индий», изданной впервые неполностью в Севилье в 1535 г., полностью — лишь в 1851—1855 гг., когда в т. IV этого издания и появилось описание Карвахалья G. F. Oviedo y Valdes, *Historia general y natural de las Indias, islas y terra firme del Mar Oceano*, 4 vols, Madrid, 1851—1855; см. vol. IV, l. XLIX, cap. IV, pp. 378—389; l. I, cap. XXIV, p. 565. В различных местах своего труда Овиедо упоминает и о других местностях Южной Америки, где женщины являются полными господами (absolutos señoras), управляют страной, творят суд, ведут войну и могут таким образом, замечает Овиедо, быть названы амазонками. — Другая, более полная, редакция отчета Карвахалья, которой мы и придеркивались, была опубликована впервые испанским историком Хозе Медина в 1894 г. в Севилье. Мы пользуемся ались английским переводом: J. T. Medina, *The discovery of the Amazon, according to the account of friar Gaspar de Carvajal and other documents, Translated from the Spanish by B. T. Lee, edited by H. G. Hutton* (American Geographical Society, Special Publications, No 17), New York, 1934.

³⁰ Гомара вероятно также использовал отчет Карвахалья. Медина полагает, что существовал не сохранившийся отчет и самого Орельяна; см. J. T. Medina, op. cit., p. 25.

³¹ Река Амазонка была открыта еще в 1500 г. Винченце Яньес Пинсоном и именовалась «Маранион» (происхождение этого названия спорно); действительно, со времени Орельяна она стала именоваться «река амазонок» (rio de las amazonas), впоследствии — «Амазонка».

³² «История Индий» Гомара (Gomara) была напечатана впервые в Сарагосе в 1552 г.; существует новое издание: Madrid, 1932. Цит. по J. T. Medina, op. cit., p. 26.

рыбой, дичью, кореньями и плодами. Мальчиков убивают сейчас же по их появлении на свет или передают отцам, девочек оставляют у себя. Находясь обычно в войне с каким-либо народом, они весьма бесчеловечно обращаются с пленными, подвешивая их за ногу к ветке дерева, а затем убивают стрелами. Во время битвы эти амазонки испускают ужасные крики, чтобы устрасшить врага». «Вопрос о происхождении амазонок Америки,—пишет далее Теве,—трудно решить. Одни полагают, что они распространились по всему миру после падения Трои, другие, что они из Греции переселились в Африку, а оттуда



Рис. 2. Американские амазонки. Защита амазонками своих островов

были изгнаны одним жестоким королем». Когда амазонки, заключает свой рассказ Теве, увидели странных для них испанцев, они собрались в течение менее трех часов в числе от 10 до 12 тысяч, девушек и женщин, совершенно нагих, но с луками и стрелами, и стали выть... Ими было пущено несколько стрел, и испанцы отступили и удалились³³.

Начиная с этих первых известий об амазонках Южной Америки, сообщения и рассказы о них фигурируют в длинном ряде описаний последовавших за экспедицией Орельяна путешествий в район Амазонки и Ориноко. Одним из наиболее выразительных в этой серии является рассказ немца-конкистадора, бывшего в Бразилии с 1534 по 1554 гг., Ульриха Шмиделя (1510—1579). Описывая посещение племени «шеру» (?) в районе р. Параболь, Шмидель рассказывает: «Король спросил нашего начальника, куда мы направляемся и какова цель нашего путешествия. Начальник ответил, что мы ищем золота и серебра.

³³ Описание Америки Теве напечатано впервые в Париже в 1556 г. Мы пользовались переизданием: A. Thevet, *Les singularitez de la France Antarctique*, Nouvelle édition, avec notes et commentaires par M. Gaffarel, Paris, 1878; ch. 62—63. Издатель этой книги Гаффарель считает, что, рассказывая об экспедиции на р. Амазонку, Теве имеет в виду поход Орельяна. Это очевидно так, но, как можно видеть, версия Теве радикально отличается от рассказа Карвахала, и остается все же вопрос об источнике Теве. Рассказ Теве об амазонках иллюстрируется в 1-м издании его книги двумя рисунками, которые мы воспроизводим.

Тогда король подарил ему серебряную корону весом примерно в полторы марки, золотой слиток длиной в ладонь, шириной в половину того и несколько других предметов из серебра. Он сказал, что больше у него нет и что он добыл это когда-то в войне с амазонками. Мы были весьма приятно поражены, услышав об амазонках и их великих богатствах. Мы поспешили спросить, далеко ли находится их страна и можно ли туда добраться водным путем. Король ответил, что туда можно попасть только по суку и что пути туда два месяца. Лишь только король сообщил нам эти сведения, мы решили отправиться к амазонкам». «Амазонки,— пишет далее Шмидель,— имеют только одну грудь и

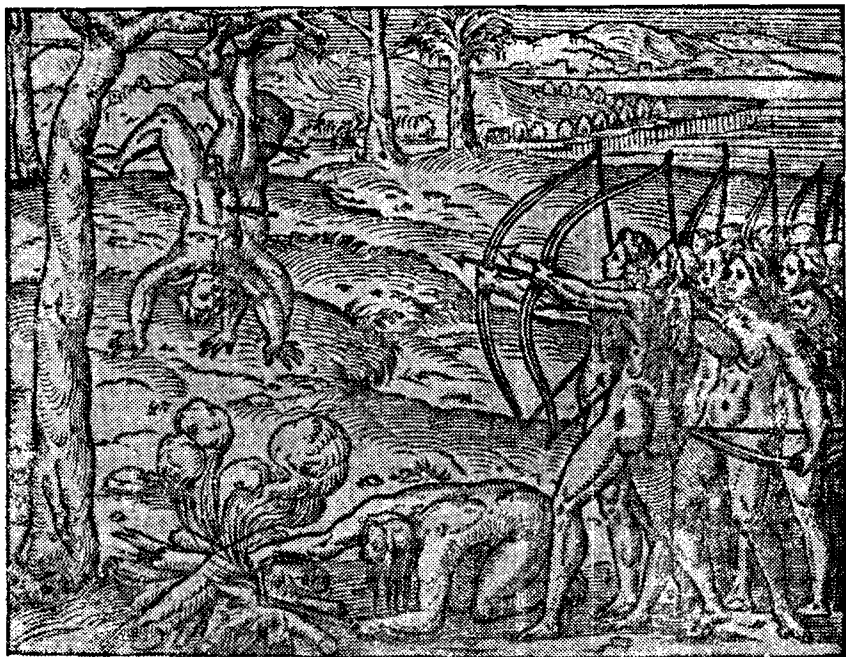


Рис. 3. Американские амазонки. Обращение с пленными

принимают посещения мужчин только три или четыре раза в год. Если у амазонки рождается мальчик, она отправляет его к отцу, если же это девочка, оставляет у себя и выжигает ей правую грудь, чтобы она с большим удобством могла стрелять из лука, ибо амазонки очень храбры и ведут войны со своими врагами. Эти женщины живут на острове, на который можно попасть только на лодках. Там не видать ни золота, ни серебра, но оно находится в большом количестве на твердой земле, обитаемой мужчинами. Эта последняя нация очень могущественна». Дав такое, явно противоречащее его прежнему рассказу, описание амазонок, Шмидель повествует далее о попытке конкистадоров дойти до амазонок, попытке, не удавшейся ввиду необычайного разлива рек³⁴.

Мы включаем в наш обзор, хотя данный сюжет имеет особый характер, рассказ еще одного конкистадора, фламандца Педро де Магаланес де Гандаво (род. в 1540 г.), бывшего в Бразилии около 1572 г. Гандаво рассказывает о женщинах, которые дают обет целомудрия и не желают знать мужчин. Они не признают занятий своего

³⁴ Рассказ Шмиделя (Schmiedel) напечатан впервые на испанском языке в 1555 г., на немецком — в 1567 г. Цит. по французскому переводу: Н. Терпач-Сотрапс, *op. cit.*, vol. V, 1837.

пола и во всем подражают мужчинам: ходят на войну, вооруженные луком и стрелами, и наравне с мужчинами участвуют в охоте. Каждая из этих женщин имеет в своем услужении индианку, с которой живет в супружестве³⁵.

Большое впечатление произвел в свое время и своеобразную роль сыграл в судьбе автора рассказ знаменитого английского авантюриста Вальтера Рали (1552—1618), отправившегося в экспедицию в Бразилию в поисках баснословной страны золота — Эльдорадо, а также — амазонок. Знакомый, очевидно, с прежними сообщениями об американских амазонках, Рали говорит, что он стремился узнать правду об этих воинственных женщинах и расспрашивал о них туземцев. Передавая собранную им информацию и повторяя прежние версии, Рали отмечает, что у амазонок имеются большие запасы золотых изделий, но отрицает, что амазонки отрезают себе правую грудь³⁶.

Из ряда сообщений об амазонках, появившихся в XVII в., наиболее значителен рассказ патера Кристобаля Акунья (1597—1675), участника экспедиции португальца Педро Тейхейра, повторившего сто лет спустя после Орельяна, в 1639 г., путешествие вниз по течению р. Амазонки. Акунья рассказывает, что по пути он получал сведения об амазонках, причем сведения эти подтверждали данные, полученные раньше различными миссионерами от туземцев. Известия эти сводились к тому, что в этой стране существует район, населенный женщинами-воинками, живущими без мужчин, с которыми они сближаются лишь в определенное время года. Женщины эти живут в селениях, обрабатывают землю и добывают своим трудом все им необходимое. Акунья подчеркивает, что рассказывает только то, что слышал сам собственными ушами и о чем тщательным образом расспрашивал во все время пути. При этом оказалось, что одна и та же версия широко распространена по всему району Амазонки. Не может быть, рассуждает Акунья, чтобы, если бы это было неправдой, одинаковый рассказ повторялся на различных языках у ряда разных племен. Особенно подробные сведения об амазонках получены были Акуньей у племени тупинамба, и патер вновь повторяет подробности о том, как эти женщины встречаются с мужчинами, дочерей оставляют у себя, а мальчиков отдают отцам, по другим утверждениям, убивают, и т. д. В стране амазонок, заключает свой рассказ Акунья, скрыты сокровища, которые могут сделать богатым весь мир³⁷.

Не остаются без внимания американские амазонки и у путешественников XVIII в. Совершивший в 1735—1745 гг. большое путешествие по Южной Америке французский астроном, академик Шарль-Мари Ла Кондамин (1701—1774), рассказывает, что, будучи знаком с сообщениями Орельяна и Акуньи, он на всем пути по р. Амазонке расспрашивал туземцев об этом народе женщин. Туземцы говорили, что действительно слышали о существовании такого народа от своих отцов, передавали некоторые подробности и давали кое-какие указания относительно того, как можно найти этих амазонок. В рассказе Конда-

³⁵ „История Бразилии“ Гандаво (Gandavo) напечатана впервые в Лисабоне в 1576 г.; переиздание: Rio de Janeiro, 1900. Цит. по Н. Тегнаих Сомпанс, *op. cit.*, vol. II, 1837.

³⁶ Описание путешествия Рали напечатано впервые в Лондоне в 1596 г. Цит. по изданию: W. Raleigh, *The discoveries of a large, rich and bewtiful empyre of Guiana, with a relation of the great and golden city of Manoa (which the spaniards call El dorado), etc., performed in the year 1596*, reprint from the edition of 1596, edited, etc., by Rob. H. Schomburgk, London, 1848; существует новое издание: London, 19.8.

³⁷ Описание Акуньи (Аси́па) напечатано впервые в Мадриде в 1641 г.; новое издание: Madrid, 1891. Цит. по английскому переводу в публикации: *Expeditions into the valley of the Amazon, 1539, 1540, 1639*, translated and edited with notes by C. R. Markham, London, 1859.

мина есть одна черта, мелькающая и у более ранних авторов. Внимание французского академика привлекли встречавшиеся в довольно большом количестве у туземцев пластинки или фигурки из зеленого нефрита, которыми туземцы чрезвычайно дорожили, считая их амулетами, оберегающими от разных болезней. Туземцы говорили, что они получили эти «камешки» от своих отцов, которые в свою очередь получили их от племени «женщин без мужей». Относясь ко всем этим рассказам туземцев с достаточным доверием, Кондамин выражает лишь сомнение в том, что амазонки сохранились до настоящего времени, и полагает, что либо они были покорены, либо им наскучило их уединение и они соединились с каким-нибудь другим племенем. Но если, говорит Кондамин, и не окажется возможным найти современные следы этой республики женщин, то это не значит, чтобы таковой не существовало никогда. Ибо если амазонки существовали вообще, то это было именно в Америке, где жалкая судьба женщин могла дать им мысль уйти из-под ига своих мужей-тиранов и жить независимо³⁸. Идея, как увидим, своеобразно воспринятая последующей трактовкой амазонской легенды.

Несмотря на то, что Кондамин подошел к вопросу об амазонках с некоторой критичностью, рассказ его вызвал в свое время немало насмешек. Здесь уже сказался скептический восемнадцатый век.

И все же, с новым свидетельством о наличии племени женщин в Южной Америке выступил итальянский миссионер Филиппо Сальвадоре Джилли (1721—1789), подвизавшийся в районе р. Ориноко. Ссылаясь на существующие, начиная с Орельяна, показания, в частности на Кондамина, и возражая против скептицизма последнего, Джилли убежденно и энергично отстаивает действительность существования амазонок на р. Ориноко и по сей час. С своей стороны Джилли рассказывает, что, расспрашивая о том, какие племена живут в данном районе, он услышал название «Айкеам — бенано», что означает: «женщины, живущие одни». При дальнейших расспросах индейцы подтвердили, что такое племя действительно существует, и рассказали следующее. Женщины эти крайне воинственны и, вместо того, чтобы, — замечает от себя Джилли, — прасть, как это делают наши женщины, занимаются изготовлением сарбаканов (вид так называемого духового ружья. — М. К.) и другого военного оружия. Раз в год они принимают мужчин из соседнего племени «вокеари», а когда почувствуют себя беременными, дают им в подарок сарбаканы и отсылают домой. Родившихся мальчиков убивают, девочек же оставляют для продолжения рода. Заявив, что приведенный им рассказ туземцев вполне заслуживает веры, Джилли заключает: «Мое мнение, что эти женщины существуют и сейчас»³⁹.

Интерес к американским амазонкам стойко сохраняется и в дальнейшем, и вопрос о них продолжает привлекать внимание путешественников по Южной Америке в XIX в. Вместе с тем для некоторых по-прежнему остается открытым вопрос, существуют ли или по крайней мере существовали ли в прошлом эти американские «женщины без мужей».

Знаменитый ученый и путешественник Александр Гумбольдт (1769—1859), путешествовавший по Южной Америке в 1799—1802 гг., рассказывает, что когда он вернулся в Париж, его часто спрашивали, каково его мнение об этой легенде и в частности о рассказе Кондамина.

³⁸ Ch. M. la Condamine, Relation abrégée d'un voyage fait dans l'intérieur de l'Amérique méridionale, etc., Paris, 1745.

³⁹ F. S. Gilij, Saggio di storia Americana, o sia Storia naturale, civile e sacra de regni e delle provincie spagnuole di Terra-ferme nell' America Meridionale, etc., 4 vls., Roma, 1783—1784; см. vol. I, cap. VI, pp. 145—155.

на. Останавливаясь на этой теме, Гумбольдт разбирает сообщения своих предшественников, в особенности Кондамина, и в свою очередь сообщает, что нашел у туземцев Риу Негро зеленые камни, известные под названием «каменей амазонок», относительно которых туземцы говорили, что эти камни происходят из страны «женщин без мужей» или «женщин, живущих одни». Подытоживая рассказы об американских амазонках, Гумбольдт отмечает, что ранние путешественники по Америке имели вообще манеру переносить на туземцев те черты, которые греки находили у варваров. Это обстоятельство сказалось и в окраске рассказов об американских амазонках. Вместе с тем, повторяя трактовку Кондамина, Гумбольдт высказывает предположение, что в различных местах Америки женщины, удрученные рабским положением, в котором их держали их мужья, соединились, желание сохранить свою независимость сделало их воинственными, они изолировались и лишь принимали визиты своих соседей, быть может не так регулярно, как об этом рассказывает легенда. Эти подлинные факты, происшедшие в различных местностях, были затем объединены в одной легенде, которая была расцвечена античными мотивами. С другой стороны, толкует Гумбольдт, в создании этой легенды сыграло роль и воинственное поведение туземных женщин, которые нередко в отсутствии своих мужей храбро сами защищали свои жилища⁴⁰.

Критически отнесся к американской версии амазонской легенды немецкий естествоиспытатель Карл-Фридрих-Филипп Марциус (1794—1868), путешествовавший по Бразилии (совместно со Шпиксом) в 1817—1820 гг. Дав в описании своего путешествия сводку старых рассказов об американских амазонках и высказав свое критическое отношение к этим рассказам, Марциус в позднейшей специальной работе «О правовом состоянии туземцев Бразилии» высказался за то, что все рассказы европейцев на данную тему имеют литературное происхождение, соответствующие же рассказы туземцев подсказаны самими европейцами. Останавливаясь в свою очередь на описании «амазонских камней», Марциус считает, что связывать их с амазонской легендой нет оснований⁴¹.

И все же в рассказе более позднего путешественника по Южной Америке, Рихарда Шомбургка (1811—1891), бывшего в Британской Гвинее в 1840—1844 гг., сказывается, правда, глухая, попытка еще раз проверить, не существуют ли эти пресловутые амазонки в действительности. Шомбургк свидетельствует, что хотя он, как и его брат (знаменитый Роберт Шомбургк, также путешествовавший в тех же местах), не нашел амазонок, традицию об этом племени женщин он встретил широко распространенной среди народностей макузи и араваков, причем каждое племя называло в качестве местонахождения «ви-рисамока», как туземцы называли этих «женщин без мужей», другую местность, обычно такую, где рассказчики никогда не бывали. Один аравакский главарь рассказывал Шомбургку, что его, главаря, брат однажды посетил этих «ви-рисамока» и получил от них в подарок зеленый камень; женщины эти сами обрабатывают землю, принимают мужчин только один раз в год, мальчиков убивают и пр. Тот же рас-

⁴⁰ A. Humboldt, Voyage aux régions équinoxiales du Nouveau Continent, fait en 1799—1804, 30 vls, Paris, 1807—1831; см. vol. VIII, 1824, ch. 23; то же: A. Humboldt, Reise in die Aequinoctial-Gegenden des neuen Continents, in deutscher Bearbeitung von H. Hauff, nach der Anordnung und unter Mitwirkung des Verfassers, 4 vls, Stuttgart, 1859—1860; см. vol. II, Kap. 23.

⁴¹ J. B. Spix und C. F. Ph. Martius, Reise in Brasilien in den Jahren 1817 bis 1820, 3 vls, München, 1824—1831; см. vol. III; C. F. Martius, Von den Rechtszuständen unter den Ureinwohnern Brasiliens, München, 1832; перепечатано in: C. R. Ph. Martius, Beiträge zur Ethnographie und Sprachkunde America's zumal Brasiliens, 2 vls, Leipzig, 1865—1867; см. vol. I.

сказ Шомбургк слышал от многих туземцев, но при этом, подобно первому рассказчику, никто не видел амазонок сам, а это всегда приписывалось деду, отцу или другому родственнику, уже умершему. В заключение Шомбургк высказывает мнение, что вся эта легенда имеет своим основанием воинственный характер женщин некоторых туземных племен ⁴².

Пространное истолкование амазонской легенды попытался дать знаменитый естествоиспытатель Альфред Уоллес (1823—1913), совершивший путешествие по Амазонке и Риу Негро в 1848 г. Остановившаяся в свою очередь на вопросе о происхождении рассказов об амазонках, Уоллес указывает, что обыкновение молодых индейских воинов носить длинные волосы, украшать себя ожерельями и браслетами из раковин и выщипывать волосы бороды делает их похожими на женщин. «Учитывая это,— пишет Уоллес,— я положительно держусь того мнения, что история об амазонках возникла в связи с этими женоподобными воинами, которых встретили ранние путешественники. Я склоняюсь к этому мнению по тому впечатлению, которое они произвели и на меня самого, причем только при ближайшем рассмотрении я увидел, что это мужчины. Поскольку к тому же верхняя часть их тела и грудь были закрыты щитом, который они всегда носят, я убежден, что всякий, кто видел их впервые, мог решить, что это женщины... Единственное возражение против этого объяснения,— продолжает Уоллес,— это то, что у туземцев существует традиция о народе «женщин без мужей». Однако, я лично не мог найти никакого следа этой традиции и полагаю, что она возникла целиком пугем внушения, будучи вызвана подсказками и расспросами самих европейцев. Когда история об амазонках впервые появилась, она стала, конечно, вопросом, который все последующие путешественники стремились проверить и, при возможности, взглянуть на этих воинственных дам. Индейцев очевидно забросали этими вопросами и подсказками об амазонках, и они, считая, что белый человек должен лучше их знать, передали своим семьям и своему потомству идею, что такой народ действительно существует в каком-либо отдаленном месте их страны. Последующие авторы, найдя среди индейцев следы этой легенды, приняли это уже как доказательство действительного существования амазонок» ⁴³.

Приведем, наконец, еще одно показание путешествовавшего в районе р. Амазонки в 70-х гг. прошлого века французского врача Жюль Крево (1847—1882). Крево еще раз попытался найти пресловутых амазонок и нашел действительно на р. Пару деревню, в которой жили одни женщины. «Я не сомневаюсь,— пишет Крево,— что Орельяна действительно встретился с племенем женщин, но в какое фантастическое воображение надо было пуститься, чтоб сравнить их с благородными воительницами гомеровских времен». Оказалось, однако, что обитавшие в этой деревне женщины были отвергнутые мужьями жены. «Я утратил,— заканчивает Крево свой рассказ,— мои последние иллюзии на счет легенды о прекрасных амазонках» ⁴⁴.

Весьма вероятно, что в тех показаниях путешественников, которые мы привели, вернее, в показаниях, данных этим путешественникам туземцами, отразилась соответствующая местная фольклорная традиция.

⁴² R. Schomburgk, Reisen in Britisch-Guiana in den Jahren 1840—1844, 3 vls, Leipzig, 1847—1848; см. vol. II, cap. 9; то же, статья того же автора: Über die Geschichte der Tradition von der Amazonen in Guiana, nebst einigen Bemerkungen über den Amazonenstein, „Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, N. F., 3, 1845/1846, pp. 27—33.

⁴³ A. R. Wallace, A narrative of travels on the Amazon and Rio Negro, etc., London, 1855, pp. 343—344.

⁴⁴ J. Crevaux, Voyages dans l'Amérique du Sud, etc., Paris, 1883, pp. 263—265.

Но, как и для других районов локализации амазонской легенды, мы имеем для Америки и непосредственные фольклорные записи.

Начать с того, что уже через пять лет после открытия Америки, в 1497 г., один из спутников Колумба, испанский монах Рамон Пана, занявшись, по поручению самого Колумба, на Испаньоле (Гаити) собиранием туземных аравакских преданий, записал между прочим следующую легенду. В некие отдаленные времена некий Гуакугиона сказал женщинам: Оставьте ваших мужей и ваших детей и пойдем в другие страны, где будем иметь много радостей. Так он увел всех женщин на остров Матинино, там внезапно всех их оставил, а сам ушел в другое место. Покинутые матерями маленькие дети, проголодавшись, стали плакать и звать своих матерей, их отцы не могли их накормить, и дети превратились в маленьких животных, имевших вид лягушек. Так все мужчины остались без женщин (следует рассказ о том, как мужчины чудесным образом вновь добыли себе женщин)⁴⁵.

В известной мере близкая амазонской легенде, однако, весьма своеобразная, версия распространена среди племен Новой Мексики и Аризоны. Однажды, рассказывает легенда племени сия, произошла ссора между мужчинами и женщинами одной деревни. По совету вождя они разделились: женщины остались в деревне, оставив при себе грудных детей мужского пола, а мужчины перешли на другую сторону протекавшей у деревни реки, причем женщины обязались отправлять к мужчинам мальчиков как только они будут выкормлены. Женщины стали выполнять все мужские работы, а мужчины — женские. В течение трех лет и мужчины, и женщины были очень счастливы. Но мужчины охотились и имели много мясной пищи, которой женщины не имели, поэтому мужчины пополнели, а женщины похудели. Женщины рожали детей, но дети эти были совершенно непохожи на остальных сия и, когда подрастали, обращались в великанов-канибалов, которые стали пожирать людей своего племени. На четвертый год женщины пожелали мужчин, последние, однако, хорошо себя чувствовали и без жен. Благодаря посредничеству вождя, мужчины все же переплыли реку и вернулись к своим женам, после чего женщины в течение четырех дней вновь пополнели⁴⁶. Почти аналогична легенда навахов. В других легендах навахов и племен пуэбло проходят мотивы восстания женщин, их отделения от мужчин, их противоестественных сношений с неким водяным чудовищем и их последующего возвращения к мужчинам⁴⁷.

Переходя к Южной Америке, мы можем привести следующие записи.

Бразильский фольклорист и археолог Хуан Барбоза Родригес, работавший в семидесятых годах XIX в. в долине р. Амазонки, на р. Ямунда, как раз в той местности, к которой относятся рассказы об амазонках Орельяна и Акунья, записал со слов туземцев следующую легенду. В районе истоков р. Ямунда находится красивое озеро, по-

⁴⁵ Мемуар Рамона Пана (Pape) был включен сыном великого адмирала, Фердинандом, в составленное им жизнеописание отца, изданное впервые на итальянском языке в Венеции в 1571 г.; существует новое издание: Milano, 1930. Мы пользовались изданием: *Vita di Cristoforo Colombo descritta da Ferdinando, suo figlio, e tradotta da A. Ulloa*, Nuova edizione, diligentemente riveduta e corretta per Castilla y por Leon, L. Odra, 1967; тот же текст Пана в цитированной выше публикации: *Scritti di Cr. Colombo*, pp. 213—223; см. p. 211.— Об этом мемуаре см. E. S. Morison, op. cit., p. 404, note 4.

⁴⁶ M. C. Stevenson, *The Sia*, „11 Annual Report of the Bureau of American Ethnology, Smithsonian Institution, for the year 1889—1890“, Washington, 1894, pp. 41—42.

⁴⁷ По: *The Mythology of all races*, vol. XI, H. B. Alexander, Latin-America, Boston, 1923; ch. X, l. „The amazons“.—Указанные здесь источники остались нам доступными.

священное амазонками луне. В определенное время года и в известную фазу луны на это озеро собираются амазонки для устройства праздника в честь луны и «матери» тех резных из нефрита фигурок, которые амазонки дарят во время встречи мужчинам и которые называются «муиракитан». Через несколько дней после начала праздника, когда гладкая и спокойная поверхность озера отражает луну, амазонки бросаются в озеро и опускаются на дно, чтоб получить из рук «матери муиракитан» эти нефритные фигурки⁴⁸.

Оригинальная версия записана американским этнографом В. Бретт в Британской Гвиане. Жена главаря, Тоэйза, недовольная положением женщин, берет себе в любовники ягуара, который ежедневно является к ней на свиданье, на место купанья. В конце концов мужчины убивают этого ягуара. Тоэйза призывает своих подруг к мести. Женщины оставляют своих мужей и, вооруженные, уходят, призывая повсюду других женщин к ним присоединяться, и основывают свою общину⁴⁹.

Близкую приведенной сейчас версию записал немецкий этнограф, исследователь Бразилии, Пауль Эренрейх. Женщины одного селения имели обыкновение в определенное время отправляться к заливу и, взяв с собой посуду, украшения и пр., устраивать там пиршество. В этом заливе жил Аллигатор, который приносил женщинам рыбу. Женщины приготавливали рыбу, пировали и возвращались домой, принося своим мужьям только скорлупу от плодов. Мужчины недоумевали, почему женщины приносят им только скорлупу, выследили женщин, отправились на тот же залив, когда женщины оставались дома, убили Аллигатора и бросили его в лесу. Женщины отправились в другой раз на свое обычное место, но Аллигатор не появлялся и женщины нашли его труп в лесу. Исполненные гнева, женщины поспешили домой, сделали себе луки и стрелы, вызвали мужчин на поединок и убили всех мужчин, за исключением немногих, спасшихся бегством. После этого женщины поднялись вверх по реке, и с тех пор о них нет никаких известий⁵⁰.

Следующие две записи, сделанные в Британской Гвиане, принадлежат известному этнографу Уолтеру Роту. У араваков имеется легендарный цикл, рассказывающий об их похождениях в поисках волшебных каменных топоров. Одно из приключений привело араваков к деревне, в которой оказались только женщины, не видно было не только мужчин, но даже мальчиков. Старуха-главарша этой деревни заявила пришельцам, что всякий, кто проходит мимо этой деревни, обязан остаться там по меньшей мере один год, чтоб ему дозволено было продолжать свой путь. Таким образом старуха велела и им остаться, причем каждый мужчина должен взять в жены двух-трех местных женщин. Через год те, кто станут отцами девочек, смогут уйти, те же, от которых родятся мальчики, должны будут остаться до тех пор, пока не родятся девочки. Путешественникам пришлось остаться. Эта старуха была хитрая женщина. Она привязала к каждому гамаку трещотку, а сама не спала всю ночь. Если она слыхала, что трещотка трещит, это было для нее знаком, что все в порядке, но если трещотки не было слышно, она подходила к этому гамаку и напоминала мужчине о его

⁴⁸ J. B. Rodrigues, Exploracao e estudo do valle de Amazonas, Relatorio sobre o Rio Jamunda, Rio de Janeiro, 1875, по подробной передаче содержания у H. Fischer, Über die Herkunft der sogenannten Amazonensteine, sowie über das fabelhafte Amazonenfolk selbst, „Archiv für Anthropologie“, 12, 1880, 1.

⁴⁹ W. H. Brett, Legends and myths of the aboriginal indians of British Guiana, 2 edition, London, 1880. Цит. по: P. Ehrenreich, Die Mythen und Legenden der südamerikanischen Urvölker und ihre Beziehungen zu denen Nordamerikas und der alten Welt (Supplement zu „Zeitschrift für Ethnologie“, 37, 1905), Berlin, 1905.

⁵⁰ P. Ehrenreich, Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens (Veröffentlichungen aus dem Museum für Völkerkunde, II, 1/2), Berlin, 1891.

обязанностях... По утрам эти женщины ходили с луком и стрелами на охоту или отправлялись на рыбную ловлю, мужа же оставались лежать в гамаках. Прошло несколько лет, пока все араваки смогли уйти из этой деревни.

Легенда племени варрау рассказывает, как они добыли табак и стали его разводить. В былые времена табака у них не было. Табак рос далеко в море на острове, который назывался «Нибо-юни» («без мужчин»), потому что был населен одними женщинами. При помощи маленькой птички табак был украден с этого острова женщин⁵¹.

Как мы видели, различные авторы, писавшие об амазонках Америки, делали, начиная с Гомары, и разнообразные попытки объяснить происхождение этих американских версий. Прибавим сюда попытку известного ориенталиста Б. Лауфера доказать, что Колумб заимствовал свой рассказ об острове «Матинино» из китайских источников⁵². Возникшая на данную тему некоторая специальная литература, нося преимущественно обзорный характер, в объяснение американской амазонской традиции лишь повторяет уже высказанные догадки и домыслы⁵³.

VII

Как мы знаем, античная традиция относила местопребывание амазонок в частности к району Кавказа. В течение ряда веков Кавказ остается сравнительно мало посещаемым европейскими путешественниками. С начала XVII в. посещение Кавказа европейцами усиливается, и когда сюда приезжают более образованные путешественники, они неизменно вспоминают рассказы античных писателей об амазонках. Можно сказать, что почти все видные путешественники по Кавказу так или иначе затрагивают эту тему.

Вспоминает об амазонках голштинский посол в Москву и Персию Адам Олеарий (около 1603—1671), побывавший на Кавказе дважды. В главе, посвященной проезду своему через Дагестан, Олеарий приводит ряд соответствующих цитат из античных и средневековых авторов и в заключение присоединяется к мнению одного из последних — Горопия Бекана: хотя, мол, эти общераспространенные сказания и переплетаются с баснями, однако, совершенно откидывать их не приходится и некоторое зерно истины все же лежит в их основе⁵⁴.

Другие путешественники не ограничиваются ссылками на литературные известия, но ищут на месте их подтверждение.

⁵¹ W. E. Roth, An inquiry into the animism and folk-lore of the Guiana indians, „20 Annual Report of the Bureau of American Ethnology, Smithsonian Institution for the year 1903—1904“, Washington, 1915, pp. 222, 335—336.

⁵² B. Lauffer, Columbus and Cathay, and the meaning of America to the orientalist, „Journal of the American Oriental Society“, 51, 1931, 1.—Обычно высказывается догадка, что Колумб в данном случае находился под впечатлением рассказа Марко Поло.

⁵³ Помимо указанных выше специальных обзоров Шомбургка, Фишера и Эренрейха, назовем: E. Beauvois, La fable des amazones chez les indigènes de l'Amérique pré-columbienne, „Museum“, N. S., 5, 1904; A. F. Chamberlain, Recent literature on the south american amazons, „Journal of American Folk-Lore“, 24, 1911, No. 91; R. Lasch, Zur südamerikanischen Amazonensage, „Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“, 53, 1910, 4.—Публикации: G. Friederici, Die Amazonen Americas, Leipzig, 1910; A. Guido, O reino das mulheres sem lei, Ensaios de mythologia amazonica, Porte Alegre, 1937, и A. Rosell Castro, Las amazonas, „Boletín de la Sociedad Geografica de Lima“ (Numero extraordinario del IV centenario del descubrimiento del rio Amazonas), t. 59, 1942 (Lima, Peru), pp. 147—156,—остались нам, к большому сожалению, недоступными.

⁵⁴ Описание Олеария напечатано впервые в Шлезвиге в 1647 г. Цит. по: А. Олеарий, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина, СПб., 1906.—Сочинение бельгийского ученого Г. Бекана (Goropius Besapius, 1518—1572)—„Indoscythia“, на которое ссылается Олеарий, осталось нам недоступным.

Итальянский монах, миссионер Архангел Ламберти (гг. рожд. и смерти неизвестны), пробывший в Грузии с 1630 по примерно 1650 г., в своем «Описании Колхиды или Мингрелии» сообщает, что в его время сваны и черкесы после сражения с напавшим на них неприятельским народом нашли среди убитых врагов женщин. Князю Дадриану было доставлено искусное женское вооружение. Подробно описывая эти доспехи, Ламберти рассказывает, что Дадриан обещал крупное вознаграждение, если ему доставят одну амазонку живой⁵⁵. Находясь, весьма вероятно, под впечатлением рассказа Ламберти, другой путешественник, бывший на Кавказе в 1672 г., французский купец Жан Шарден (1643—1713), сознается, что он не видел никого в Грузии, кто бы был в стране амазонок, однако, от многих людей слышал о них. Шарден все же рассказывает, что сам видел одежду убитой в бою амазонки, а местные духовные лица говорили ему, что собираются послать к амазонкам миссионеров. Шарден пишет далее, что он подробно обсуждал вопрос об амазонках с сыном грузинского князя, и оба они пришли к заключению, что этот народ действительно существует, но чтобы амазонки выжигали себе грудь и пр.—это, мол, выдумки греческих писателей⁵⁶.

Продолжают интересоваться амазонками и путешественники по Кавказу XVIII в. Француз Обри де-ла-Моттре (1674—1743), побывавший у черкесов в 1712 г., рассказывает, что черкесские женщины так же хорошо, как и мужчины, ездят верхом, охотятся и стреляют из лука, и осторожно замечает, что это могло бы служить подтверждением «верной или неверной» истории об амазонках, которых многие авторы относят к этой стране⁵⁷. Но вполне доверчиво отнесся к нашей легенде немецкий врач, бывший лейб-медиком при Петре I, Готлиб Шобер, совершивший большое путешествие по Кавказу в 1717—1722 гг. и собиравший этнографические сведения по Грузии и Дагестану. Описывая Дагестан, Шобер говорит, что среди разных народов этой страны жили когда-то и храбрые амазонки. Сейчас их уже больше нельзя встретить, но армянские и татарские купцы рассказывают, что остатки амазонок находятся на некоторых горах в «Большой Татари» и носят название «амазун». Они на самом деле властвуют над мужчинами, употребляя их только для низших домашних дел и для сожителства. Эти амазонки уже не ведут войн, но остаются отличными охотницами⁵⁸.

В представлениях последующих посетителей Кавказа амазонки уже отходят в сферу более или менее отдаленного прошлого. Путешествовавший по Кавказу в 1779—1783 гг. немецкий авантюрист Якоб Рейнеггс (1744—1793) ограничивается тем, что записывает со слов

⁵⁵ Описание Ламберти впервые напечатано в Неаполе в 1654 г. Мы пользовались французским переводом у M. Thévenot, *Relations de divers voyages curieux, etc.*, 6 vls, Paris, 1663—1696, см. vol. I, и русским переводом у К. Гана в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», 43, 1913.

⁵⁶ J. Chardin, *Voyages en Perse et autres lieux d'Orient*; первое издание неполное: Londres, 1686; первое полное издание: Amsterdam, 1711. Мы пользовались изданием: Paris, 1811, 10 vls; см. vol. II. Существует русский перевод части описания Шардена, относящейся к Закавказью: Ж. Шарден, Путешествие по Закавказью в 1672—1673 гг., перевод Е. В. Баутсвой и Д. П. Косовича, «Кавказский вестник», 1900—1901; отдельно: Тифлис, 1902.

⁵⁷ A. de la Mottraye, *Voyages en Europe, Asie et Afrique, etc.*, 2 vls, La Haye, 1727; см. vol. II.

⁵⁸ Большой труд Шобера (Schöber) „*Memorabilia Russico-Asiatica*“, в котором содержится и описание Кавказа, остался неизданным, были напечатаны лишь отдельные части. Приведенный нами материал содержится в публикации: *Auszug aus D. Gotlob Schöbers bis' er noch in gedruckten Werke „Memorabilia Russico-Asiatica“*, in: *Sammlung russischer Geschichte*, hrsg. von G. F. Müller, Bd. VII, 1/2, 1702 (St. Petersburg).

стариков-черкесов следующее предание. Когда наши предки, рассказывали черкесы, еще жили на берегу Черного моря, они часто воевали с народом эме́ч. Это были женщины, владевшие всей нынешней черкесской и сванской землей. Они не допускали к себе мужчин, но, исполненные воинственного духа, принимали всякую женщину, которая бы пожелала принять участие в их набегах и вступить в их героическое содружество. После долгих войн, которые велись с переменным счастьем, оба войска однажды вновь оказались друг против друга, готовясь к решительному сражению. Совершенно неожиданно предводительница эме́ч, которая пользовалась известностью и как великая прорицательница, пожелала встретиться тайно с вождем черкесов Тульмой, тоже обладавшим пророческим даром. Между двумя армиями была поставлена палатка, куда оба они вошли. Через несколько часов предводительница эме́ч вышла из палатки и объявила своему женскому войску, что, уступив пророческим доводам Тульмы, она стала его женой, что военные действия прекращаются и что оба войска должны последовать примеру их предводителей. Так оно и совершилось: женщины эти перестали сражаться, оставили черкесов у себя в качестве своих мужей, и черкесы расселились в местах их нынешнего обитания⁵⁹.

Знаменитый ученый и путешественник Петр-Симон Паллас (1741—1811), побывавший на Кавказе в 1793—1794 гг., присоединяет к своему описанию черкесов следующее рассуждение: «Особенный обычай благородных черкесов чуждаться своих жен, жить отдельно от них и отдавать своих детей на воспитание чужим, имеет, очевидно, некоторое сходство с рассказом Страбона о связях гаргареев с амазонками. По крайней мере рассказы об амазонках ни к одному из кавказских народов не относятся лучше, чем к черкесам, если только можно было бы доказать, что они являются столь же древними обитателями этих гор, или если принять, что они в более поздние времена смешались с названными Страбоном народами». Сближая, далее, р. Мермидик, впадающую в Азовское море, с Мермадалий или Мермода Страбона и отождествляя страбоновских гелов с галгаями и легов с лезгами, Паллас высказывает предположение, что «амазонки, покоренные черкесами, сохранили кое-какие свои древние обычаи», т. е., как можно его понять, смешавшись с черкесами, дали те черты быта, на которые он указывает выше⁶⁰.

Любопытную попытку этнографически рационализировать предание об амазонках Кавказа нашли мы у некоей англичанки Мэри Гэсри, бывшей директрисы Смольного Института, путешествовавшей по югу России в 1795—1796 г., собиравшейся побывать на Кавказе, не бывшей там, но в свою очередь заинтересовавшейся вопросом об амазонках. В той части Кавказа, пишет Гэсри, которая была в древности страной амазонок, обитают ныне черкесы и их обычаи могут пролить свет на эту древнюю легенду о воинственных женщинах. И ныне женщины здесь живут отдельно от мужчин, и в ныне происходящих сражениях между различными кавказскими народами обнаруживались среди убитых женщины в полном вооружении. На этом основании, пишет Гэсри, кто-либо, имея склонность к чудесному, может вообразить, что он открыл общину воинственных женщин, живущих отдельно от мужчин и лишь принимающих их визиты во избежание полного исчезновения их амазонского государства. Однако, все это требует иного объяснения. Во-первых, по старинному обычаю, у черкесов

⁵⁹ J. Reinegg's, Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, hrsg. von F. S. Schröder, 2 vls., Cotha—St. Petersburg, 1796—1797; см. vol. I, cap. 30.

⁶⁰ P. S. Pallas, Bemerkungen auf ei er Reise i die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, 2 vls., Leipzig, 1799—1801; 2 Auflage, Leipzig, 1803; см. vol. I.

мужья посещают своих жен тайно, ночью, женщины же живут совершенно одни, отдельно от мужей, не имея при себе и мальчиков-сыновей. Во-вторых, каждого мальчика, как только он родится, забирают от матери и он воспитывается только мужчинами. И вот, заключает Гэсри, путешественник, имея в виду эти обычаи, доселе существующие у черкесов, может в этом найти происхождение греческих сказок об амазонках, сложившихся на почве свойственного грекам поэтического воображения⁶¹.

Однако, убеждение в действительном существовании кавказских амазонок,— по крайней мере в древности,— продолжало жить и позже. Так, польский историк, археолог и путешественник Ян Потоцкий (1761—1815), побывавший на Северном Кавказе в 1798 г., останавливаясь на вопросе об амазонках, комментирует соответствующие сообщения античных авторов и отклоняет возможный упрек в том, что он серьезно отнесся к этой теме: Страбон, мол, ко всему относился скептически, но существование амазонок на Кавказе считал фактом установленным⁶². Немецко-французский ориенталист, живший некоторое время и в России, Генрих-Юлий Клапрот (1783—1835), путешествовавший по Кавказу в 1807—1808 гг., дает обзор известий о кавказских амазонках, начиная с античности, присоединяет сюда и некоторые этнографические показания об амазонках других стран, говорит, что предание об амазонках сохраняется на самом Кавказе, и только выражает сомнение, чтоб амазонки существовали долго как особый народ; история же их, как ее рассказывает Геродот, не содержит ничего невероятного⁶³.

Наконец, подтверждение действительного существования амазонок на Кавказе было найдено и в археологических данных.

Работавший продолжительное время в 70-х гг. XIX в. на Кавказе немецкий археолог Фридрих Байерн сообщил между прочим следующее. Описывая находки, сделанные им в 1878 г. в Хевсуретии, Байерн указал, что в районе хевсурского аула Нов. Джута он в одном женском погребении нашел, наряду с женскими украшениями, наконечники для стрел, шиферный камень для пращи и железный нож, в другом женском погребении — точно также, наряду с женскими бронзовыми украшениями, железные наконечники для стрел и тоже маленький нож. В другом хевсурском ауле, Артхмо, им в свою очередь, наряду с женскими украшениями, была найдена часть медной панцирной рубашки. Наиболее обильная вещами находка была сделана Байерном в ауле Степан-Цминда (Казбек), на правом берегу р. Терек. Здесь, в раскопанном им бассейне, который по мнению Байерна, был некогда сооружен при существовавшем тут источнике и в который бросались приношения, Байерн нашел преимущественно большое количество разнообразных золотых и бронзовых украшений. Характеризуя данную свою находку, Байерн писал: «Все, что я собрал здесь, принадлежит женщинам и именно воительницам, хотя из настоящего оружия в этом бассейне ничего, разве бы это были только следы, найдено не было... Но, независимо от оружия, все остальные предметы говорят о воинственном народе, женские же украшения прямо указывают на амазо-

⁶¹ M. Guthrie, A tour performed in the years 1795—6 through the Tawrida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, etc., described in a series of letters to her husband, the editor Matthew Guthrie, London, 1802; let. LXXIX, p. 250.

⁶² J. Potocki, Voyage dans les steps d'Astrahan et du Caucase, Histoire primitive des peuples, etc., Publié et accompagné de notes par M. Klaproth, 2 vls, Paris, 1829; см. vol. I. — Издатель этой книги Клапрот присоединяет, в примечании к этому месту, в подтверждение того, что амазонки существовали на Кавказе еще в XVII в., выписку из Ламберти.

⁶³ H. J. Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien in den Jahren 1807 und 1808, etc., 2 vls, Halle, 1812—1814; см. vol. I.

нок, чьи хлысты были снабжены такой рукояткой, которая отлично могла служить оружием. Широкие в дюйм, очень выпуклые, толстые бронзовые кольца, какие и сейчас носят хевсуры, употреблялись в качестве оружия, почему я называю их боевыми кольцами... Уздечки, украшения верховой сбруи, остатки попон с несомненностью говорят о конном народе, а то обстоятельство, что эти верховые лошади были увешаны многочисленными колокольчиками, в частности на пополах, указывает на то, что эти украшения были убранством женских верховых коней. Мужчины несомненно не навешивали бы на своих лошадей этих вещей. Я не могу назвать ни одной вещи, которая могла бы быть приписана мужчине». К этому Байерн присоединяет следующие рассуждения. Напротив аула Степан-Цминда расположен аул Гергеты, а над этим аулом, на вершине горы, находится храм св. Гаргара, как его называют грузины из Гергеты. Аул Гергеты, рассуждает Байерн, получил себе название от имени этого святого, и настоящее название аула было несомненно Гаргар, как его, мол, называет и Страбон, согласно которому амазонки совершали паломничества с Мермодоса (Кумы) к гаргареям. «Однако,— пишет далее Байерн,— по Страбону к гаргареям совершали свои паломничества только кабардинские амазонки. Это подтверждается находками в Степан-Цминда. Но Гилгал был священной горой и евреев, вместе с которыми амазонки переселились на Северный Кавказ. Сохранившиеся здесь еще до сего дня обычаи, заимствованные из моисеевых законов,... определенно указывают на то, что не одни амазонки искали своего счастья в Гилгале, но что все еврейство и все соседние горские народы, как с Северного, так и с Южного Кавказа, собирались сюда и месяцами переходили от одной святыни к другой, совершая свои празднества»⁶⁴.

Как и в других очагах нашей легенды, она представлена и в местном, кавказском, фольклоре. Помимо приведенной записи Рейнегтса, мы можем привести еще две записи: беллетриста В. Светлова и покойного заведующего Музеем в Нальчике М. И. Ермоленко.

Используя, как он указывает, литературные источники, устные предания и рукописные материалы, Светлов дал вольную литературную обработку легенды о женском царстве, возглавленном царицей Томирандой. Место действия — долина Фермодонта. Фабула рассказа Светлова сводится к следующему. Воспользовавшись тем, что мужчины, ушедшие на войну, долго не возвращались, Томиранда задумала избавиться от ненавистных, угнетавших своих жен, мужей и основать женское царство. Томиранда выжгла себе правую грудь, сделала то же всем женщинам, они взяли власть в свои руки и стали учиться военному делу. Когда мужья вернулись с похода, амазонки их перебили. Затем амазонки управляли своей страной, строили города, успешно воевали с соседями. Впоследствии Томиранда издала закон, по которому амазонки получили право раз в год, весной, сходить к двум месяца с соседним народом. Сама Томиранда взяла себе в мужья простого пастуха. Родившихся девочек амазонки воспитывали, мальчиков убивали. В конце концов, в результате сложной романтической коллизии, Томиранда погибает, и женское царство прекращает свое существование⁶⁵. Легенда, записанная в Кабарде М. И. Ермоленко, связывается с высокой горой на нижнем течении р. Малки. Легенда рассказывает о девице-богатырише Кунитаге, жившей на этой горе и возглавлявшей большое войско влюбленных в нее удалых джигитов.

⁶⁴ Fr. Bayer, Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfundstücke in Kaukasus, herausgegeben und mit einem Vorwort versehen von R. Virchow, „Zeitschrift für Ethnologie“, 17, 1885, Supplement; Separat-Abdruck, Berlin, 1885, pp. 42—51.

⁶⁵ В. Светлов, Томиранда, Амазонская легенда кавказского побережья Черного моря, в книге: В. Светлов, Кавказские предания и легенды, СПб., 1895.

Однажды утром на противоположной горе, на другом берегу Малки, появилось чужеземное войско, предводительствуемое красавцем-горцем. Горец предложил Кунитаге свое сердце и руку. Кунитага сначала отказалась, но под влиянием своей воспитательницы явилась в палатку горца и стала его женой. Заметив исчезновение своей предводительницы, ее войско подумало, что она похищена противником, и вступило с ним в бой. Кунитага прокляла за это своих воинов, они обратились в черных змей и спустились по склонам горы, образовав «змеиные дороги»⁶⁶.

К приведенным записям можно еще присоединить беглое указание Н. М. Дрягина на карачаевскую легенду о Кызе-хане (девице-паре), владевшей укрепленным замком, гарнизон которого составляли исключительно девушки⁶⁷.

В общем, таким образом, записанный по Кавказу амазонский фольклор не велик. К тому же не трудно видеть, что легенда Светлова представляет собой литературную обработку сюжета Эфора — Помпея Трога, легенда Ермоленко — вариант, или, вернее, фантазию на сюжет Рейнегса и, наконец, последняя легенда — фантазию на тему Страбона. Все эти записи не имеют следовательно оригинального, местного характера. Такая скудость литературного отражения местной амазонской традиции объясняется недостаточной исследованностью кавказского фольклора вообще и недостаточным вниманием к данной теме в частности. Между тем, следы такой местной традиции широко распространены на Кавказе. Мы можем здесь сослаться как на собственные наши сборы, так и на ряд, к сожалению, лишь беглых литературных указаний. Довольно широко распространено на Кавказе наименование отдельных гор — кы з-к а л а, «девья крепость», причем связанные с этими горами легенды гласят, что они некогда оборонялись девушками. Впрочем, на Кавказе дают и иное объяснение: эти горы-крепости никогда не были взяты неприятелем, сохранив таким образом свою «девственность». Название города Кизляр читается как кы з л я р, «девушки», Кы з-б у р у н — «девичий мыс», «О з у р-э т и» — «страна девушек», племя я с а и — «девичий народ» (по-аварски) и проч. Амазонские элементы имеются в распространенном на Кавказе нарттовском эпосе, как в его отдельных сюжетах и мотивах, так и в лице его отдельных женских персонажей. Все это, однако, остается недостаточно выявленным и записанным⁶⁸.

Вопрос о существовании амазонок на Кавказе сделался предметом особого рассмотрения, не без дискуссии, со стороны русских историков-кавказоведов. Остановливаясь на этом вопросе, И. И. Шопен возражает против скептицизма Страбона и пишет: «Нельзя же, безусловно, отнести к вымыслам столько свидетельств глубочайшей древности, единогласно удостоверяемых и сохранившимися памятниками». Вместе с тем Шопен предлагает свое истолкование амазонства, представляющее собой комбинацию из знакомых нам мотивов. «Существование амазонок с давних эпох истории, — пишет Шопен, — не только вероятно, но даже правдоподобно; в те времена, когда люди были сами хищниками или жертвами хищничества, ... мужское население иной местности могло погибнуть поголовно, ... тогда оставшиеся дома

⁶⁶ М. И. Ермоленко, Предания и легенды ущелий Кабарды и Балкарии, Центральной части Северного Кавказа, Нальчик, 1909; наш пересказ этой легенды: М. Косвер, Die Amazonen im Kaukasus, Mos. aue. Ru. dschau, 1931, No. 19 (116).

⁶⁷ Н. М. Дрягин, Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нарттов с еммеч в свете яфетической теории, «Яфетический сборник», 6. 1930 (Ленинград).

⁶⁸ И. И. Шопен, Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей, СПб., 1866; Н. М. Дрягин, цит. соч.; Л. М. Меликсет-Беков, К вопросу об обычаях кувады на Кавказе в связи с языковыми пережитками матриархата, Сборник «Академия Наук СССР — академику Н. Я. Марру», Л., 1935.

жены забрали власть в свои руки, а самые воинственные могли решить-ся отказаться навсегда от зависимости мужей и таким образом учредить особые женские республики». И автор находит следы господства женщин по всему Кавказу, видя эти следы в частности в топонимиче-ских и ссылаясь на приводимое Рейнеггсом предание о народе эмеч, а в подтверждение возможности и вероятности существования женских царств ссылается, заимствуя эти сведения у Иакинфа, на китайское известие о таком царстве в Центральной Азии⁶⁹. Столь же убежденно выступил другой кавказовед прошлого века, В. Б. Пфафф, впрочем, почти дословно повторивший (без ссылки! — М. К.) Шопена. «Многие писатели, — писал Пфафф, — считают амазонок народом мифическим, ...но об них говорится в столь многих и разнообразных источниках древней истории, что можно и не сомневаться в их существовании». И Пфафф в свою очередь предлагает объяснение происхождения амазонок, повторяя Шопена и присоединяя некоторые собственные домыслы⁷⁰. Со специальной статьей, посвященной опровержению взглядов Шопена и Пфаффа, выступил Е. Г. Вейденбаум⁷¹. Попытку объяснить античную легенду в ее связи с Кавказом сделал П. К. Услар. Основу для этой легенды составляли для греков сведения об определенном народе, а именно, о каппадокийцах Малой Азии, с их вооруженными гиеродулами. При последующем непосредственном знакомстве с каппадокийцами, греки, не найдя в них подлинных амазонок, решили, что они переселились в другую страну и отнесли их местопребывание не то к Скифии, не то к Кавказу. Узнав в свою очередь о существовании в этих странах народов, управляемых царицами, народов, у которых женщины ездят на конях, владеют луком и стрелами, одеваются по-мужски и пр., узнав о черкесском обычае бинтования у женщин груди, греки нашли в этом подтверждение своих предположений. Услар указывает далее на соответствующий кавказский фольклор, однако, как это связывается с античной традицией, не объясняет⁷².

Опыт историко-этнографической интерпретации амазонской легенды по отношению к Кавказу находим и у М. М. Ковалевского. Суммируя этнографические данные, свидетельствующие, по его мнению, о былом матриархате народов Кавказа, Ковалевский пишет: «Не вполне баснословными представляются нам рассказы древних писателей, и во главе их Страбона, о живших на Кавказе, к востоку от черкесов, женщинах-воительницах или амазонках. Не все, конечно, подробности этой столь распространенной в древности легенды, — оговаривается Ковалевский, — должны быть признаны достоверными. Весьма вероятно, что амазонки не выжигали себе правой стороны груди, не ограничивали период половой жизни двумя весенними месяцами и не сходились для этой цели со своими соседями гаргарянами на отделявшей их друг от друга горе. Но следующие частности их быта находят прямое подтверждение в только что описанных нами обычаях кавказских племен; а совместное жертвоприношение, сопровождаемое смещением полов в тайне ночи, напоминает собою те проявления религиозного гетеризма, повод к которому дают совершаемые в честь Лаши жертвоприношения. Жизнь амазонок отдельно от избранных ими временных любовников иллюстрируется обычаем хевсур оставлять жен в первый

⁶⁹ И. Шопен, цит. соч.

⁷⁰ П. [В. Б. Пфафф]. Материалы для древней истории осетин, „Сборник сведений о кавказских горцах“, 4, 1870.

⁷¹ Е. Вейденбаум, Кавказские амазонки, „Знание“, 1872, 9—10.

⁷² П. К. Услар, Древнейшие сказания о Кавказе (Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 10), Тифлис, 1891, стр. 505—517. — Предложенное им истолкование античной амазонской легенды Услар в основном позаимствовал у M. Dunker, Geschichte des Alterthums, 5, verbesserte Auflage, vol. I, Leipzig, 1878, pp. 472—477.

год, следующий за свадьбой, в жилищах их матерей». Интерпретируя далее в том же духе другие элементы амазонской легенды, Ковалевский не считает невероятным, что легенда эта жила среди черкесов еще во времена Рейнеггса, представляя собой, по мнению Ковалевского, легендаризированный реликт памяти о матриархате и переходе к патриархату⁷³.

Наконец, уже в начале нашего века реалистическую точку зрения вновь попытался возродить историк кубанского казачества Ф. А. Щербина. Проанализировав ряд античных сообщений об амазонках, Щербина готов причислить этот народ к первобытному населению Кубани и, историзируя отдельные черты амазонской легенды, объясняет их действительными отношениями эпохи группового брака. «Так как, — пишет Щербина, — женщины в ту пору пользовались полной независимостью, то тогда, действительно, они могли организоваться в самозащищающиеся боевые группы или дружины. В качестве матери, вынужденной силой обстоятельств заботиться о воспитании и кормлении детей, женщина несла уже тяжелую экономическую ношу. Прибавка к этой ноше обращения с оружием была неизбежной и естественной. Весьма возможно, что женщина, выкармливая жеребят или телят, первая приручила и животных, что она же первой села верхом на лошадь, как гласят об этом сказания об амазонках. Одним словом, период коммунальных брачных отношений более, чем последующие формы брака, давал возможность женщине быть амазонкой, борцом за себя и за свои женские права»⁷⁴.

VIII

Непрестанно в течение длинного ряда веков повторяющиеся и накапливающиеся сообщения об амазонках разных стран вызывают попытки обобщения и общего истолкования этого материала. Не имея в виду собрать все весьма многочисленные, сюда относящиеся высказывания, отметим лишь наиболее значительные или интересные.

Первым, насколько нам известно, специальным трактатом на данную тему является вышедшее в 1685 г. на латинском языке «Рассуждение об амазонках» французского эрудита, врача, поэта и публициста, Пьера Пти (1617—1687). Используя в основном античные литературные известия и лишь в заключение ссылаясь также на сообщение Ламберти о Кавказе, автор усердно доказывает, что амазонки представляют собой бесспорную реальность⁷⁵.

Убеждение это находит авторитетную поддержку со стороны людей, непосредственно знакомых с этнографическим миром. Французский миссионер Жозеф-Франсуа Лафито (1670—1740) в своем ставшем классическим сочинении «Обычаи американских дикарей в сравнении с обычаями древних времен» пишет: «Мы быть может считали бы историю амазонок баснословной, если бы мы не удостоверились, что и сейчас на берегах реки Мараньон или реки Амазонки существуют эти воинственные женщины, которые... живут отдельно от мужчин, постоянно упражняются в стрельбе из лука, оставляют у себя только девочек, а мальчиков либо убивают, либо отдают их отцам»⁷⁶.

⁷³ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, 2 тт., М., 1890; см. т. I, гл. 1, стр. 23—25.

⁷⁴ Ф. А. Щербина, История кубанского казачьего войска, 2 тт., Екатеринодар, 1910—1913; см. т. I, «История края».

⁷⁵ P. Petitus, De amazonibus dissertatio, sua an vere extiterint, necre variis ultro citro ue conjecturis et argumentis disputatur, Parisiis, 1685; editio 2, Amstelodami, 1687. Цит. по французскому переводу: P. Petit, Traité historique sur les amazones, traduction du latin, Leyde, 1718.

⁷⁶ J. F. Lafitou, Moeurs des sauvages américaines comparées aux mœurs des premiers temps, 2 vls, Paris, 1724; см. vol. I, p. 40.

В 1741 г. французский историк Жильбер-Шарль Ле Жандр (1686—1746) в сочинении «О древностях французской нации и монархии», принимая за предков франков — «свободных скифов» Геродота и используя геродотовский рассказ о связи скифских юношей с амазонками, от этой связи ведет происхождение французской нации (*c'est de cette alliance que la nation des francais est sortie*). Это дает автору основание посвятить амазонкам пространную главу, где он подробно излагает сообщения как об античных, так и о современных (кавказских, чешских и американских) амазонках. Если относительно существования современных амазонок автор выражает некоторое сомнение, то весьма энергично отстаивает он реальность амазонок древности, вновь анализируя сообщения античных авторов и полемизируя с теми из них, которые высказывают по этому поводу скептические замечания⁷⁷. Такую же не подвергаемую сомнению историческую реальность составляют амазонки и для русского ученого и поэта, знаменитого Василия Кирилловича Тредьяковского (1703—1769). Тогда как Ле Жандр ведет от амазонок происхождение французов, Тредьяковский относит амазонок вместе со скифами и сарматами к числу праславянских народов. Между прочим, название «амазонки» по Тредьяковскому — греческое искажение славянского слова о мужены, т. е. «мужественные женщины», как, мол, они сами себя и другие народы их называли⁷⁸.

Весьма энергичную, причем довольно эрудитную, защиту реального существования амазонок, как в прошлом, так и в настоящем, представляет собой небольшая книжка некоего аббата Гюйона «История амазонок, древних и современных». Автор говорит об амазонках как античности, так и чешских, кавказских, американских и абиссинских⁷⁹.

Как мы уже отмечали, XVIII в. приносит с собой некоторый скептицизм в нашем вопросе. Скептически относится к рассказам об амазонках французский историк-ориенталист Николай Фрере (1688—1749). Автор считает сказкой сообщения о чешских и американских амазонках и, разбирая показания античных писателей, приходит к заключению, что амазонками назывались у сарматов женщины, особо отличившиеся на войне. И все же Фрере не считает существование амазонок невозможным, ибо, говорит он, ведь и в наши дни «существовало в Центральной Африке государство женщин, в котором матери убивали новорожденных мальчиков и сохраняли только девочек», и пр.⁸⁰. Скептически отнесся к амазонской легенде в начале XIX в. анонимный автор статьи в «Московском собеседнике». «Были ли амазонки? — начинает он. — Толикое множество древних писателей об них говорят и превозносят похвалами, что никто почти даже доселе не осмеливается объявить противного чувствования. Но что касается до меня, то я почти за баснь все то, что ни говорили о сей материи». И автор подвергает далее критическому разбору различные сообщения об амазонках, главным образом, Юстина⁸¹.

⁷⁷ J. Ch. Le Gendre (marquis de Saint Aubin-sur-Loire), *Des antiquités de la nation et de la monarchie française*, Paris, 1741, p. 86 et ch. 2.

⁷⁸ В. К. Тредьяковский, Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, I. О первенстве славянского языка перед тевтоническим. — Впервые напечатано посмертно в 1773 г. Цит. по: В. К. Тредьяковский, Сочинения, т. III, СПб., 1849.

⁷⁹ Guyon, *Histoire des amazones, anciens et modernes*, Paris, 1740; немецкий перевод *Geschichte der Amazonen, Übersetzung von J. G. Krünitz*, Berlin-Stettin-Leipzig, 1763.

⁸⁰ N. Freret, *Observations sur l'histoire des amazones*, Paris, 1733; то же in: „Histoire de l'Académie R. des inscriptions et belles-lettres avec les Mémoires de littérature“, etc., t. 21, 1754 (Paris).

⁸¹ Амазонки живут без мужчин, „Московский собеседник“, 1806, ч. II, стр. 72—80.

И все же исторической реальностью, в той или иной версии, продолжают считаться амазонки рядом авторов и XIX века. Этому в известной мере содействовала появившаяся в 1825 г., хотя и весьма малосодержательная, статейка уже цитированного нами ориенталиста Г.-Ю. Клапрота, воспроизводившего некоторые, — впрочем, как мы знаем, давно известные китайской литературе, — версии об амазонках Центральной Азии⁸². Статьёчка эта стала усердно цитироваться в качестве нового доказательства действительного существования амазонок⁸³. Исторической реальностью считает амазонок автор появившейся в тридцатых годах XIX в. «Истории амазонок», немецкий ориенталист Фр. Нагель. Выступая с энергичной защитой действительного существования «народа женщин», в чем, — заявляет он, — «не может быть никакого сомнения», Нагель ссылается на античных, кавказских, абиссинских, американских и прочих амазонок⁸⁴.

Если вспомним, путешествовавший по Южной Америке в XVIII в. французский академик Кондамин высказал предположение, что «республика женщин» могла возникнуть в результате ухода жен от своих тиранов — мужей. Любопытным образом идея эта была воспринята писателями XIX в. Так, лейпцигский профессор философии Фридрих-Август Карус, останавливаясь в своих «Идеях к истории человечества» на вопросе об амазонках, писал, что у некоторых племен подчиненное положение женщин могло их привести к открытому восстанию (offener Widerstand). Этим, говорил Карус, объясняется как герозим, так и господство женщин у некоторых племен, такова же историческая основа преданий об амазонках⁸⁵. Повторение того же тезиса в новом, довольно бессвязном, варианте находим у Густава Клемма, в его «Всеобщей истории человеческой культуры». «Нет сомнения, — пишет Клемм, — что там и тут у полудиких народов имело место возмущение (Rebellion) женщин против их тиранических мужей и происходило соединение и более или менее длительное восстание (Widerstand). Однако, — прибавляет Клемм, — подобное состояние чересчур неестественно и могло быть лишь кратковременным»⁸⁶.

Исключительное значение придал традиции об амазонках гениальный создатель учения о матриархате Иоганн-Яков Бахофен. Как известно, Бахофен делил начальную историю развития человечества на три периода: гетеризма, гинекократии, или материнского права, и патриархата. Переход от гетеризма к гинекократии составляет у Бахофена особый этап, именуемый им амазонством. Сказания об амазонках Бахофен считает подлинной исторической традицией и, широко интерпретируя этот материал, принимает амазонство в качестве универсального явления общественного прошлого всего человечества. «Амазонство, — говорит Бахофен, — представляется совершенно всеоб-

⁸² J. Klaproth, Notice sur les amazones de l'Asie Centrale, „Magazin asiatique ou Revue géographique et historique de l'Asie Centrale et Septentrionale“, I, 1825 (Paris).

⁸³ Нам осталась недоступной, составляющая, впрочем, библиографическую редкость, книжка на ту же тему: Ch. H. Paravey, Dissertation sur les amazones dont le souvenir est conservé en Chine, ou Comparaison de ce que nous apprennent les monuments indiens et les livres chinois sur les Niu — Muou-Jo, avec les documents que nous ont laissés les grecs, Paris, 1840.

⁸⁴ Fr. Nagel, Geschichte der Amazonen, Stuttgart und Tübingen, 1838. — Из посвященной амазонкам специальной литературы первой половины XIX в. осталось нами неразысканным: Francesco Predari, Le amazzoni, rivendicate alla verità della storia, con un quadro dell'origine, delle costumanze, della religione, delle imprese, del decadimento e della totale dispersione avvalorito, con documenti tratti dalle tradizioni, dagli storici et dei monumenti, Milano, 1838.

⁸⁵ F. A. Carus, Ideen zur Geschichte der Menschheit (Nachgelassene Werke, Bd. VI), Leipzig, 1809.

⁸⁶ G. Klemm, Allgemeine Cultur-Geschichte der Menschheit, 10 vls, Leipzig, 1843—1852; см. vol. I.

щим явлением. Оно коренится не в особых физических или исторических отношениях определенного народа, а в состоянии и явлениях человеческого существования вообще. Вместе с гетеризмом имеет оно характер универсальности. Одинаковые основания вызывают везде одинаковые действия. Явления амазонства вплетены в происхождение всех народов». Заимствуя знакомую нам идею «восстания» женщин, Бахофен изображает «амазонство» как своего рода социальный переворот, совершенный женщиной. «Амазонство,— пишет он,— стоит в тесной связи с гетеризмом... Гетеризм должен необходимым образом привести к амазонству. Униженная недостойным отношением мужчины, женщина первая чувствует тяготение к прочному положению и чистому существованию. Чувство испытанного стыда, неистовство отчаяния воспаляют ее к вооруженному восстанию» (*zu bewaffneten Widerstand*). Или в другом месте: «Беззащитно отданная унижительному обращению мужчины,... она первая и глубже всего проникается страстным желанием урегулированного положения и чистой нравственности, к неволе которой мужчина, в дерзостном сознании своей превосходящей физической силы, лишь неохотно приспосаблиется». Так, «амазонство», представляющее собой, по Бахофену, своего рода революционный рубеж, приводит к наступлению новой, второй эпохи — гинекократии или материнского права. При этом, начинаясь с «восстания», с военных действий, гинекократическая эпоха сохраняет, по Бахофену, в известной мере военный характер, однако уже не наступательный, а оборонительный. Вместе с тем военная роль женщины постепенно изживается. «Хотя ратное дело,— пишет Бахофен,— никогда не было совершенно чуждо женщинам в гинекократических государствах, хотя они всегда фигурировали во главе воинственных народов в защите своего владычества, хотя и особая любовь к лошади и ее украшению сказывались еще позднее в характерных, даже культовых, чертах,— все же ведение войны становится либо исключительным занятием мужчин, либо по крайней мере оно остается делом и тех, и других»⁸⁷.

Более осторожную позицию в вопросе о действительном существовании амазонок занял современник Бахофена, немецкий ориенталист Андреас Давид Мордтман, автор новой специальной работы на данную тему: «Амазонки, опыт беспристрастной проверки и оценки древнейших преданий», возражая лишь против истолкования амазонской легенды в символическом плане⁸⁸.

Сколько-нибудь значительных, что-либо новое содержащих общих трактовок нашей темы в течение второй половины XIX в. не появлялось. Мы можем назвать лишь статейку известного немецкого этнографа Адольфа Бастиана⁸⁹ и весьма ограниченную попытку некоего В. Штрикера собрать кое-какой материал⁹⁰.

Не дал приемлемой трактовки нашей легенды и XX век. Не считая популярной статейки М. И. Вольфа⁹¹ и нелепейшей затеи некоего Э. Кантера якобы марксистского, на самом деле ровно ничего общего с марксизмом не имеющего, истолкования легенды об амазонках в плане все той же «теории восстания»⁹², заслуживает внимания книга:

⁸⁷ J. J. Bachofen, *Das Mutterrecht*, etc., Stuttgart, 1861; 2 Auflage, Basel, 1897; см. „Eirleitung“.

⁸⁸ A. D. Mordtmann, *Die Amazonen*, Ein Beitrag zur unbefangenen Prüfung und Würdigung der ältesten Ueberlieferung, Hannover, 1862.

⁸⁹ A. Bastian, *Zur Amazonen-Sage*, „Zeitschrift für Ethnologie“, 2, 1870, 3.

⁹⁰ W. Stricker, *Die Amazonen in der Sage und Geschichte* (Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge, III, 61, Berlin, 1868; 2 Auflage, 1873; то же в сокращенном виде: *Ethnographische Untersuchungen über die kriegerischen Weiber (Amazonen) der alten und neuen Welt*, „Archiv für Anthropologie“, 5, 1871/1872, 2.

⁹¹ M. J. Wolf, *Die Amazonensage*, „Atlantis“, 4, 1934, 10.

⁹² Em. Kanter, *The amazons*, A marxian study, Chicago, 1926.

«Амазонки античности и современные» некоего Г. Ротери. Автором привлечен довольно большой и разнообразный, все же далеко не исчерпывающий материал, с другой стороны, в значительной части непосредственно к теме не относящийся. Вообще, отбор материала, его передача, анализ и интерпретация, — все это не имеет научного характера. Диллетантскими представляются обобщения и выводы автора. По его мнению, основным, исходным для образования амазонской легенды является то положение, в силу которого на низших ступенях общественного развития мужчины обычно уходят из своих селений на продолжительное время на промысел, женщины же остаются одни. Это приводит к тому, что женщины сами берутся за дело управления и военной обороны. Привлекая для объяснения амазонской легенды ряд других обстоятельств и моментов, автор особо выдвигает роль религии и на этой основе — изоляцию женщин в обществе мужчин⁹³.

Еще одну попытку истолкования амазонской традиции сделал сравнительно недавно немецкий историк географии Р. Хенниг. Взяв небольшой материал и преимущественно мотив острова, населенного одними женщинами, автор мотив самого острова, находящегося в море, объясняет из фата-морганы, знакомой приморским жителям; присоединившаяся сюда фантазия населила этот остров прекрасными женщинами или девушками и снабдила его чертами счастливой, блаженной страны. К этому автор прибавляет домысел, что источником амазонской легенды было якобы обыкновение отсталых народов где-то и когда-то (без всякой ссылки на какой-либо источник!) жить раздельно мужчинам и женщинам, притом не по каким-нибудь иным, как по мальтузианским соображениям. Каких-либо действительных примеров подобной нелепости автор привести, конечно, не может, но ссылается на личное сообщение, полученное им в 1940 г. от французского географа Бермана, по словам которого голландской колониальной администрацией было проведено на Молуккских островах «мероприятие»: туземцев принудительно расселили, мужчин и женщин, по различным островам для того, чтобы привести их к вымиранию⁹⁴. Такого рода «изобретению» колонизаторов можно поверить, однако, до амазонской легенды тут достаточно далеко.

Просмотренная нами история легенды об амазонках характеризуется прежде всего тем, что на протяжении длинного ряда столетий литература вскрывает все новые и новые места локализации этой легенды, число стран и народов, которым эта легенда оказывается знакомой, все более умножается, и из традиции, свойственной лишь античному миру, легенда эта становится традицией, распространенной по всему земному шару. При этом предание об амазонках оказывается широко отраженным как в литературе (исторической, географической, художественной и пр.), так и в фольклоре исторических и этнографических народов. Еще раз отметим, что мы не брали тех обильно представленных в литературе указаний и тех широко распространенных в мировом фольклоре мотивов, которые говорят об участии женщин наравне с мужчинами, либо в виде особых отрядов, в военных действиях, об отдельных женщинах — воетельницах, о воинственности и храбрости женщин и пр. Таковы, например, богатыриши-поленицы русских былин, женщины-нарты кавказского эпоса, скьялдмор — «девы со щитом» скандинавских сказаний (см., например, сагу о Волсунгах) и пр. Мы брали везде только сюжеты и мотивы, которые говорят о народе женщин, о женщинах, живущих отдельно от мужчин, или о женщинах, господствующих над мужчинами.

⁹³ G. C. Rothery, The amazons in anti-quity and modern times, London, 1910.

⁹⁴ R. Hennig, Über die voraussichtlich völl' er' undlichen Grundlagen der Amazonen-Sagen und deren Verbreitu g, „Zeitschrift für Ethnologie“, 1940, 4/6.

История нашей легенды сводится в основном к постепенному накоплению материала, становящегося все более обширным и разнообразным. Истолкование данной легенды, начиная с античности, ограничивается вопросом, существовали или нет в исторической действительности эти амазонки в виде «народа женщин» либо хотя бы в виде народа, у которого женщины играли господствующую, а мужчины — подчиненную роль. Наряду со скептическими нотами, звучащими подчас в трактовке данного вопроса, взгляд, явно господствующий еще со Страбона, сводится к убеждению в полной исторической реальности амазонства, причем не только во втором, но и в первом варианте этой традиции. Убеждение это стойко держится на протяжении многих веков, вплоть чуть ли не до наших дней, и отдельные исследования или экскурсии на эту тему имеют своей целью подтвердить этот тезис.

Вопрос о том, на каких основаниях, в силу каких причин или как возникли такие амазонские общества, в течение очень долгого времени почти совершенно не ставился. Лишь с конца XVIII в. возникает своеобразная трактовка данного вопроса в форме теории «восстания» женщин, причем теорию эту встречает неожиданный успех, удерживающийся даже во второй половине XIX в.

В новое время предположение о действительном историческом существовании амазонок имеет мало защитников, однако, удовлетворительных интерпретаций самой легенды не появляется. Остается неудовлетворительной по части общей трактовки амазонской традиции указанная нами специальная литература, посвященная истолкованию античных версий этой традиции. Ничего приемлемого (мы не говорим об истолковании частных вопросов) не дает и общая литература по истории, литературе и искусству античности, нередко затрагивающая тему об амазонках. Но с того момента, как мы убеждаемся в том, что амазонская легенда не только принадлежит античному миру, но и распространена по всему свету, исследователь не может при постановке данной темы ограничить после своего зрения лишь античным материалом. Действительное истолкование амазонской традиции должно охватывать весь наличный материал, должны быть взяты все известные варианты этой легенды. Только путем основательного анализа всех этих вариантов, установления их филиации, выявления их основных мотивов, исследования развития самой легенды и пр. можно прийти к раскрытию ее происхождения и исторического смысла.

Это — сложная задача. В настоящем очерке мы ставили себе задачу проследить преимущественно литературную историю амазонской легенды и заодно собрать и представить ее разнообразные варианты.

Я. Я. РОГИНСКИЙ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО ТИПА

(Место сванскомбского черепа в системе гоминид)

В течение нескольких последних десятилетий на территории Южной Англии был сделан ряд находок костей ископаемого человека, свидетельствующих, по мнению многих английских ученых, об исключительно большой древности человека современного типа. Такова, прежде всего, находка скелета в Галли-Хилл (1888), затем находки черепов и зубов в Пилтдауне (1911—1915), и, наконец, задний отдел черепа из Барнфилдских копей у Сванскомба (1935).

Известно, что скелет из Галли-Хилл вызвал большие разногласия, и если некоторые крупные авторитеты признали его шелльский и даже дошелльский возраст, относя его ко времени отложения гравия стофутовой, т. е. верхней террасы Темзы, то другие исследователи полностью отвергли такое мнение. Так, Джон Эванс и Бойд Даукинс обратили внимание на контраст в степени сохранности между костями животных и остатками человека. Человеческие кости лежали близко друг к другу, между тем как части скелетов животных были чрезвычайно разбросаны. Кроме того, ввиду трудности обнаружения нарушения слоев в речных отложениях не было оснований утверждать, что скелет найден *in situ*, тем более, что ни один геолог не присутствовал при выемке этого скелета и что критическая проверка этого вопроса была предпринята лишь спустя несколько лет после того, как скелет был обнаружен. Неудивительно, что значение скелета из Галли-Хилл в качестве представителя древнейшего человечества не было принято большинством ученых, среди которых можно назвать имена Адриана де Мортилье, Буля, Обермайера, Осборна, Декворса и многих других.

Пилтдаунские находки, как известно, породили еще большее число разногласий. Мнения резко разделились по всем основным вопросам, связанным с этими находками. Неясной осталась, прежде всего, геологическая древность пилтдаунских костей, так как они были найдены в отвале, а не на месте их залегания. Фауна оказалась разновозрастной и перемешанной. Не получил единогласного мнения вопрос о том, кому принадлежала нижняя челюсть: шимпанзе (Геррит, Миллер, Грегори, Мэттью, Рамстрем), орангу (Вейденрейх), древнейшему человеку (А. Грдличка) или дриопитеку (Ленгоссек).

Реконструкция мозговой коробки по отдельным частям дала очень разные результаты не только у различных авторов (Смит Вудвард — 1922, Эллиот Смит — 1927, Фредерикс — 1932, Вейнерт — 1933), но и в двух исследованиях крупнейшего анатома и антрополога Артура Кизса, относящихся к 1915 и 1938 гг. Наибольшие споры, однако, возникли по поводу вопроса о принадлежности нижней челюсти, изолированного зуба (клыка) и фрагментов мозгового отдела к одному индивиду. С точки зрения Кизса и других английских исследователей, этот вопрос получил окончательное и положительное решение в 1915 г., когда в двух милях (трех километрах) от места первой находки были найдены фраг-

менты лобной и затылочной кости, сходные с ранее известными, вместе с левым нижним коренным зубом, очень похожим по величине и по форме на первый коренной зуб правой стороны пильтдаунской челюсти.

Сочетание частей, которое казалось анатомически и антропологически несовместимым, таким образом, повидимому, осуществилось вторично и должно было по мнению сторонников Вудварда и его гипотезы об «эоантропе», рассеять всякие сомнения по поводу реальности последнего. Однако еще Рей Ланкестер, выступив в прениях по докладу Смита Вудварда о втором черепе эоантропа 28 февраля 1917 г., отметил возможность, правда очень маловероятную, по его мнению, принадлежности осколка лобной кости и коренного зуба той же особи, которая была найдена в 1911 г. Еще более решительно высказал сходное предположение А. Грдличка в 1921 г., обратив внимание на поразительное совпадение не только размеров изолированного зуба и соответствующего зуба в челюсти, но и всех морфологических деталей, а также характера стертости жевательной поверхности. Принадлежность обоих зубов одной особи представляется Грдличка бесспорной, а дубликация, столь далеко идущая у двух разных индивидов, почти невозможной. Не следует забывать, что вторая находка была сделана Даусоном в одной сборной куче обломков, поднятых рабочими со всего пространства большого вспаханного поля, и поэтому связь черепных костей и коренного зуба осталась столь же недоказанной, как и в случае первой находки.

Вместе с тем нужно отметить, что Грдличка, лично ознакомившийся с остатками пильтдаунских людей, присоединился к выводу о невероятности соединения мозгового черепа с нижней челюстью.

Все эти трудности, стоявшие на пути разрешения «пильтдаунской проблемы», не помешали Осборну воспользоваться ею для обоснования своей теории антропогенеза, выдвинутой им против теории Дарвина о происхождении человека от форм, близких к обезьяне. Пильтдаунский человек, по мнению Осборна, подтвердил его теорию о существовании в третичном периоде «человека зари» (*dawn man*). Кизс примкнул к позиции признания действительности эоантропа и не только посвятил ему большую часть своего труда о древности человека, но даже украсил переплет обоих изданий названной книги (1915 и 1929 г.)¹ изображением реконструкции пильтдаунского черепа. Однако в антропологии и в археологии на континенте Европы и за его пределами продолжали поступать в огромном количестве факты, подтверждавшие во всех без исключения случаях более поздний возраст людей современного типа по сравнению с неандертальским человеком. Кизс должен был вследствие этого привлечь для подкрепления своих выводов старый, во многих случаях архивный материал. В числе использованных им находок оказались, например, скелеты из Кастенедоло, найденные в период 1860—1889 гг. в морских отложениях плиоценового времени, скелет «Клиши», найденный в Париже в 1868 г., нижняя челюсть из Мулен-Киньон. Хорошо известно, что эти и другие костные остатки человека современного типа, вновь вызванные Кизсом из забвения, не удержались в науке, так как жаркие споры об их древности, занимавшие ученых более чем полвека назад, не уничтожили убеждения большинства в том, что они были погребены сравнительно недавно или случайно оказались в древних слоях.

Вполне понятно после всего сказанного, какое впечатление в научном мире должна была сделать находка сванскомбского черепа. В отчете комитета Королевского антропологического института (комитет был организован специально для всестороннего изучения этой находки) единогласно засвидетельствовано, что сванскомбский череп имеет бесспорный возраст верхней (стофутовой) террасы Темзы. Гравии этой тер-

¹ Arthur Keith, *The Antiquity of Man*, London, 1915; idem, 1929.

расы представляют собой аллювий Темзы эпохи плейстоцена и принадлежат межледниковому периоду, границы которого в Восточной Англии определяются нижними и верхними мергелистыми валунными глинами. Каменная индустрия представлена ручными рубилами, вполне типичными для среднего ашеля. Список фауны содержит *Elephas antiquus* Falconer; *Elephas* sp.; *Rhinoceros* cf. *hemitoechus* Falconer; *Bos primigenius* Bojan; *Dama clactoniana* (Falconer); *Cervus elaphus* Linn.; *Alces* sp. *Equus caballus* Linn. (группа *plicidens*). Характер сохранности костей одинаков на человеческом черепе и на остальных животных того же слоя. Древность черепа датируется поздней стадией миндель-рисса.

Каков же антропологический тип сванскомбского человека? На основании результатов очень подробных и точных исследований, произведенных Морантом на черепе и Ле Грос Кларком на слепке его внутренней полости, комитет пришел к следующим выводам:

«Затылочная и левая теменная кости суть единственные части черепа человека, которые были найдены. Обе почти полностью сохранились; следы изношенности малы и кости превосходно соединяются друг с другом. Нет ни малейших следов посмертных повреждений. Индивид, которому принадлежали кости, был, вероятно, женщиной, которая умерла в возрасте немного старше двадцати лет. Синусы основной кости продолжают в базальную часть затылочной кости. Это необычайная черта на современных черепах даже в зрелом возрасте. Нет ни одной черты слепка полости сванскомбского черепа, которая на основании солидных данных могла бы послужить для ее различения от слепков современных человеческих черепов. Полушария мозга должны были обладать хорошим развитием извилин.

Насколько можно судить по двум костям, полный череп был почти совершенно симметричен. Черепной указатель был близок к 78, а емкость — 1325 см³. Эти величины, а также величина имеющихся налицо костей не представляют ничего необычного для современного женского черепа.

Сравнение детальных промеров, контуров и неметрических признаков показывает, что сванскомбский индивид имеет только две черты, кроме упомянутой аномалии, которые являются своеобразными по сравнению с *Homo sapiens*. Эти черты суть:

1) необычайная ширина затылочной кости. Она не выходит за пределы вариаций существующего вида, но она ставит ископаемый череп на край ряда, и некоторое значение этой особенности в том, что большая часть древних человеческих черепов обладает исключительно широкими затылками;

2) необычайная толщина обеих костей. Эта черта, повидимому, наиболее замечательна, хотя сравнительный измерительный материал беден.

Показано, что черепа Сли II и питекантропа можно легко отличить от *Homo sapiens* с помощью измерения одних только теменной и затылочной костей, и то же, вероятно, справедливо и для всех других черепов нижнего палеолита, кроме Штейнгейма. Упомянутые отделы у последнего даже менее своеобразны, чем у сванскомбского черепа, а отсюда необходимо допустить, что недостающие части Сванкомба могли быть так сформированы, что их отличие от современного человека было вполне очевидным. Для более точного определения Ашельского человека нужны новые материалы»² (97—98 стр.).

Несмотря на осторожность, с которой формулированы выводы отчета, его содержание в целом привело многих антропологов к убеждению, что сванскомбский череп весьма близок по типу к современному

² The Swanscombe Committee of the Royal Anthropological Institute; Report on the Swanscombe skull, „The Journal of the R. Anthr. Institute of Gr. Br. and Ir.“, vol. LXVIII, 1938, Jan. to June, pp. 17—98.

человеку и представляет собой окончательный довод об ашельской древности этого типа. Особенно отчетливо выражена эта точка зрения в работе Кизса, посвященной вторичной реконструкции пильтдаунского черепа 1938 г. Опубликованная в трудах Интернационального конгресса по антропологии и этнологии в 1939 г. классификация ископаемых гоминид Франца Вейденрейха содержит в себе перечень представителей *Homo sapiens fossilis*, в числе которых присутствует сванскомбский череп (в качестве находки миндель-рисского времени)³. Мэттью Юнг в работе о лондонском черепе 1938 г. также сближает череп из Сванскомба с современными⁴.

Не подлежит сомнению, что авторитет названных исследователей, усиленный общим характером выводов официального отчета, цитированного выше, окажет значительное влияние на общественное мнение в антропологии по одному из важнейших вопросов этой науки.

Однако, если тщательно всмотреться в данные, представленные Морантом, и попытаться применить к ним некоторые дополнительные приемы исследования, нетрудно убедиться, что близость сванскомба к современным людям была преувеличена упомянутыми авторами.

Прежде всего следует присоединиться к выводу комитета о том, что отсутствие лобного отдела не дает возможности с уверенностью отнести сванскомбский череп в ту или иную группу гоминид. Однако и в оценке тех частей черепа, которые были найдены, следует более далеко, чем это сделал комитет, отодвинуть сванскомбский череп от современной женской серии, послужившей Моранту масштабом для сравнения.

С точки зрения автора, в работе комитета не были приняты во внимание следующие соображения:

1. Хотя большое количество признаков в программе измерений составляет бесспорное достоинство исследования Моранта, однако при суждении о видовой принадлежности сванскомбского черепа, т. е. о том, был ли его обладателем неандертальский человек или человек современного типа, следовало опираться только на те признаки, которые позволяют отличить два этих вида один от другого, а не на всю массу более или менее безразличных в этом смысле особенностей. Теоретически говоря, можно было бы набрать сколько угодно таких нейтральных измерений и в них как бы утопить те немногие разграничительные признаки, которые одни только и могли бы иметь значение. Так, в частности, утверждение о том, что черепной указатель сванскомбского черепа и его емкость не отличаются от очень многих современных женских черепов, конечно, вполне справедливо, но, в интересах ясности аргументации, требует оговорки о том, что указанное сходство не играет никакой роли для решения поставленного вопроса.

2. Было необходимо выбрать все основные признаки, более или менее отчетливо характеризующие различия между современным человеком и более древними формами в строении теменной и затылочной костей. Затем, следовало сопоставить сванскомбский череп по этим признакам с современными людьми и со всеми находками неандертальского круга, а не только со Сли II и Штейнгеймом. Если остановиться, например, на таких признаках, как: 1) ширина затылка в процентах высоты черепа, 2) длина теменной хорды в процентах теменной дуги, 3) указатель ширины затылочного отверстия, 4) расстояние между точкой инион (inion) и внутренним затылочным бугром, то легко увидеть,

³ F. Weidenreich, The classification of fossil hominids and their relations to each other with special reference to *Sinanthropus Pekinensis*, 1939. Congrès International des Sciences anthropologiques et ethnologiques. Compte rendu de la deuxième session, Copenhagen, 1938.

⁴ Matthew Young, The London Skull, Biometrika, vol. XXIX, 1938, pp. 277—321.

Ширина затылка. 100

Высота черепа (баз. брегма)

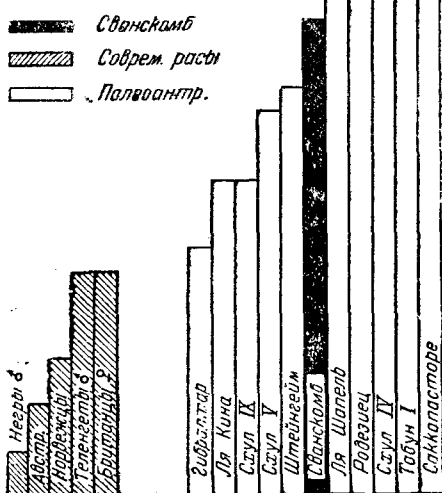


Диаграмма I

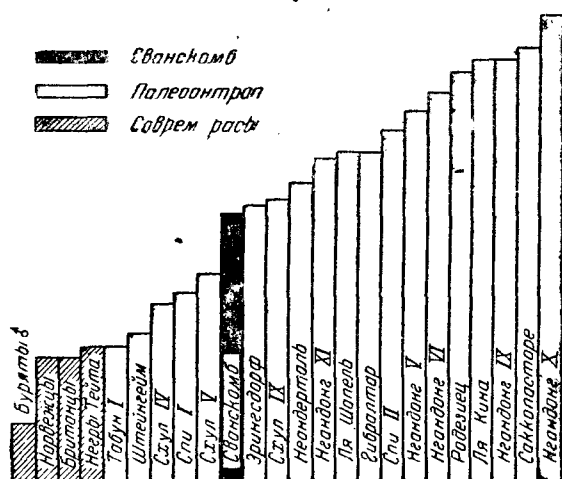
Теменная хорда. 100
Теменная дуга

Диаграмма II

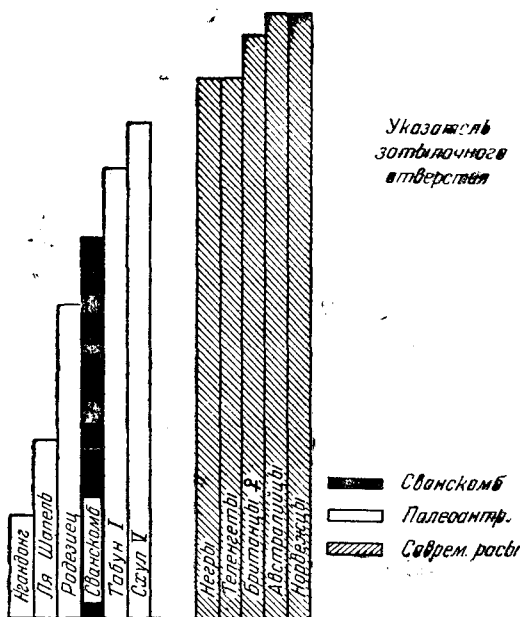


Диаграмма III

что сванскомбский череп по этим важнейшим диагностическим признакам занимает место не среди современных людей, а среди неандертальских форм (см. диаграммы №№ 1, 2, 3, 4).

Толщина стенок черепа не позволяет с достаточной четкостью разграничить неандертальского человека и современного, но резко отличается от того и другого от питекантропа и синантропа. Сванскомбский череп по толщине костей примыкает к этим древнейшим гоминидам (см. диаграмму № 5). Форма сагитального профиля затылка, которая главным образом и привела к легенде о том, что обладатель сванскомбского черепа был *Homo sapiens*, не является достаточно надежным критерием. На диаграмме № 6 видно, что Табун I и Нгандонг XI дальше отстоят в этом отношении от других неандертальских находок, чем современные расы.

3. Статистические расчеты Моранта основаны на рассмотрении отдельных признаков, а между тем было необходимо взвесить их также как совокупность.

Там, где разница между сванскомбским черепом и современной серией меньше чем в три раза превышает величину сигмы в данной серии, Морант исключал соответствующий признак из числа характерных для Сванскомба. При таком способе сравнения многие важные особенности классических неандертальцев также следовало бы оставить без внимания. Большая высота лица, очень большая ширина грушевидного отверстия, очень большая верхняя ширина лица — признаки, типичные для неандертальца, но не дающие hiatus'a, так как во многих сериях черепов современного человека можно встретить у отдельных индивидов близкие размеры. Морант не довел до конца свой анализ, так как не использовал приема, учитывающего уклонение всей системы диагностических признаков в целом. Между тем выводы при этом способе оказались бы существенно иными, чем те, к которым он пришел.

Указатель затылочного отверстия, кривизна теменной кости, кривизна затылочной кости и расстояние инииона от внутреннего затылочного бугра — четыре независимых признака, каждый из которых порознь не позволяет с полной уверенностью противопоставить сванскомбский череп современным черепам, так как разница ни в одном случае не превосходит утроенной сигмы. Однако, если вычислить сумму квадратов уклонений (в долях квадратов стандартных уклонений) по всем четырем, т. е. «хи квадрат» (X^2), то получим 11.56, что означает ничтожно малую величину P (меру совпадения), равную здесь, примерно, 0.01⁵. Приписать случайности отклонение сванскомбского черепа по совокупности данных признаков от современных серий практически невозможно. Сванскомбский череп реально отличается от современных. Если же присоединить к этим четырем признакам еще ширину затылка, взятую в процентах высоты черепа, то величина X^2 будет равна 21.12, т. е. гораздо больше той, которая была бы достаточной, чтобы полностью отвергнуть гипотезу о случайном происхождении различий.

В итоге имеется значительно больше оснований предполагать, что ашэльский человек из сванскомбского гравия был близок к неандертальским

⁵ Все величины вычислены на основании данных Моранта, исключая признак «расстояние между точкой иниион и внутренним затылочным бугром». Эта величина для сванскомбского черепа заимствована из работы Ф. Вейденрейха о черепе синантропа (F. Weidenreich, The Skull of Sinanthropus Pekinensis, 1943, Palaeontol. Sinica, New Series D № 10, Whole Series № 127). В качестве современной серии были использованы горизонтальные распилы в количестве 64 (русские) из Музея антропологии МГУ, измеренные автором.

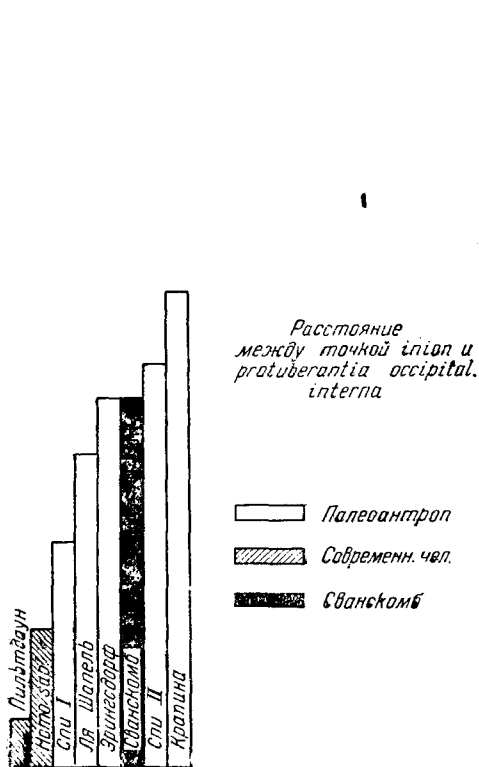


Диаграмма IV

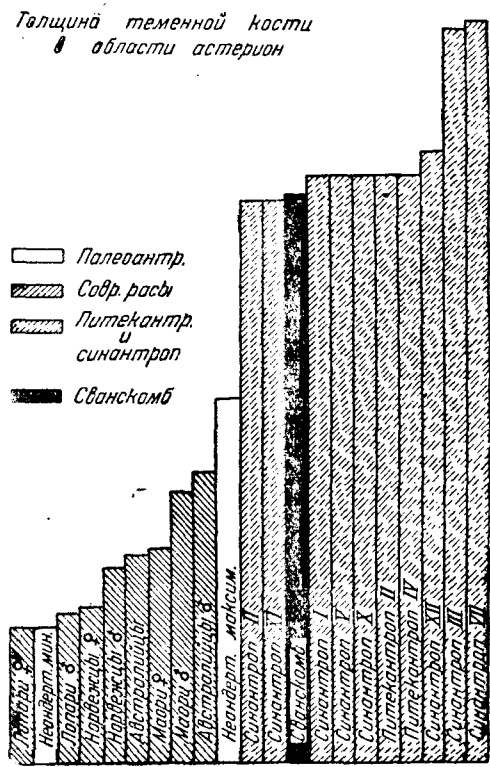


Диаграмма V

Затылочная хорда (лямбда опистхон) : 100
Затылочная дуга.

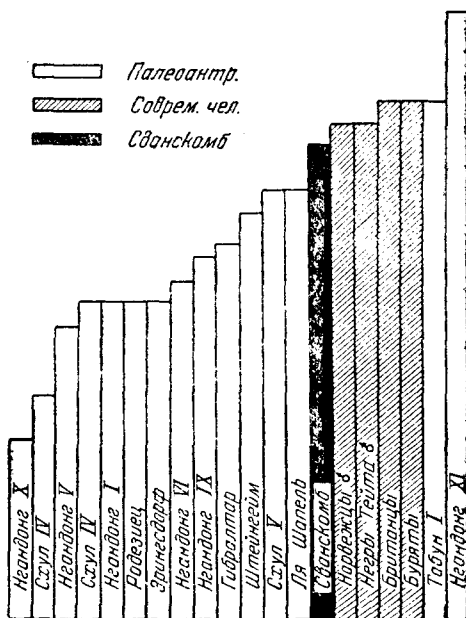


Диаграмма VI

формам, чем настаивать на его принадлежности к людям современного типа.

Что касается слепка мозга, то здесь приходится считаться с высокой авторитетностью Ле Грос Кларка и признать, что сванскомбский человек не обнаруживает никаких особых отличий от современных людей по форме мозговой полости и характеру извилин. Однако не следует забывать, что названный автор проявляет вообще большой скептицизм в использовании слепков для суждения о рельефе коры. Так, выражая сомнение, что большая борозда сванскомбского слепка, выпуклой стороной обращенная вперед и расположенная за ламбдовидным швом, есть действительно *sulcus lunatus* (очень примитивное образование), Ле Грос Кларк столь же скептически относится к аналогичному истолкованию борозды в той же области на слепке мозга синантропа.

Если согласиться с Ле Грос Кларком, то, конечно, лучше вообще не пользоваться рельефом затылочного отдела слепка для разрешения вопроса о месте сванскомбского черепа в системе гоминид. Впрочем, Марстон и Эллиот Смит вынесли иное впечатление в результате изучения слепка. Так, исключительно большие размеры и форма зрительных областей обоих полушарий сванскомбского слепка, по мнению Эллиота Смита, имеют определенно обезьяноподобный характер («are definitely simian») и гораздо примитивнее, чем у эоантропа⁶. Было бы также интересно выяснить, как часто совпадают на современных слепках такие особенности, которые отмечаются Ле Грос Кларком на слепке из Сванскомба,— уплощение (платицефалия), положение наибольшей ширины слепка в его нижней трети, малое развитие височной доли.

Вся совокупность изложенных фактов заставляет сделать вывод о том, что сванскомбская находка не дает никаких оснований для пересмотра классической точки зрения об относительной древности человека современного типа.

⁶ Alvan T. Marston, The Swanscombe Skull, „The Journal of the R. Anthr. Institute of Gr. Br. and Ir.“, vol. LXVII, 1937, July to December, pp. 339—406.



ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА



А. Н. БЕРНШТАМ

К ВОПРОСУ ОБ УСУНЬ || КУШАН И ТОХАРАХ

(Из истории Центральной Азии)

Пожалуй, одной из самых неясных и в то же время увлекательных проблем современного востоковедения является проблема историко-культурного развития народов Восточного Туркестана. С того времени, как Ватерхауз доложил на заседании Бенгальского Азиатского общества о находке капитаном Боуэром рукописей на березовой коре в Кучаре¹ и после определения — сначала Бабу Сарат Чандра Дасом, а затем Рудольфом Горнилом их санскритского происхождения², прошло уже свыше 45 лет. За это время востоковедение обогатилось обширнейшими собраниями документов из Восточного Туркестана, особо богато представленными в собрании Поля Пелльо³ и А. Стейна⁴. Несколько десятков высококвалифицированных специалистов, главным образом филологов и лингвистов разных стран, представителей почти всех главных отраслей востоковедения — синологов, индологов, иранистов, тюркологов и сирологов — выступали в печати с чтением и комментированием текстов⁵. По существу создалась новая наука — «восточно-туркестанская филология»⁶, породившая ряд больших исторических проблем. Достаточно указать, что в течение века складывающаяся индоевропеистика, в лице такого колосса буржуазной науки, как Эдуард Мейер, отказавшись от традиционных представлений о происхождении индоевропейцев, перенесла поиски их прародины в Восточный Туркестан⁷. Но если историки начали, хотя и слабо, пользоваться выводами восточнотуркестанской филологии, то все же они мало приложили труда к непосредственному решению этих проблем. Это приводит-

¹ «Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», Nov. 1890, pp. 221—223.

² Определение Ватерхауза, назвавшего их „индо-татарскими“; см. «Proceedings ASB», Nov. 1890, pp. 221—223. Чтение и перевод R. Hoernle — см. «Proceedings ASB», April 1891, pp. 54—65.

³ Rapport de M. Paul Pelliot sur sa mission au Turkestan Chinois, 1906—1909 (отд. отт.).

⁴ Guide to an Exhibition of Painting, Manuscripts and other Archaeological objects collected by sir Aurel Stein in Chinese Turkestan, London, 1919. Только одних рукописей в Дуньхуане было открыто 6 500, а в других местах — еще 4 500: на санскрите, китайском, тибетском, хотанском, кучарском, согдийском, тюркском и уйгурском языках.

⁵ Из многих обзоров укажу, например: L ü d e r s, Über die literarischen Funde des Ostturkestan, SPAW, VI, 1914.

⁶ Выражение Н. Миронова, Из рукописных материалов экспедиции М. И. Березовского в Кучу, «Известия Академии Наук», 1909, № 8, стр. 557.

⁷ E d u a r d M e y e r, Geschichte des Altertums, I, 2. Teil, 1909, S. 801.

ло не только к неправильным историческим выводам, но, полагая, задерживало и развитие восточнотуркестанской филологии. Теоретические и исторические выводы последней свелись ныне к более или менее удачным гипотезам, которые завели в тупик эту отрасль знания⁸.

В настоящей статье мы коснемся одного вопроса из этого большого цикла проблем, а именно, вопроса о происхождении и взаимоотношении двух этнонимов: тохары и кушаны.

Содержательный обзор, знакомящий с состоянием тохарской проблемы, был недавно дан И. И. Умняковым⁹. Отметим, что термин «кушаны», как уже установлено, является названием господствующего рода племен юечжи — тохаров¹⁰. Именем последних в начале VII в., по свидетельству Сюань Цзана (630—648 гг.)¹¹, назывались области как на юге современного Синьцзяна, так и на юге Узбекистана и северного Афганистана. Многочисленные языки этих областей представляли собой диалекты иранских языков, лучше всего отраженных ныне в письменных документах из оазисов Хотан, Ния, Эндере и библиотек, открытых в Дуньхуане. Иранскому языку «хотани» (Кирсте)¹², ныне именуемому также сакским (Людерс Лекок)¹³, северноарийским (Лейман)¹⁴, тохарским (Сталь-Гольштейн)¹⁵ языком II¹⁶, находят больше всего параллелей в припамирских языках¹⁷. Литература на этом языке крайне разнообразна: здесь и переводы текстов религиозных буддийских книг на санскрите¹⁸, и тибетские хроники, и деловые документы и пр. Север представлен ограниченным и по численности и по репертуару количеством документов в Кучаре, Турфана, и Карашаре. Этот «язык кентум», больше всего интригующий современную науку, представлен только в переводах с санскрита религиозных и медицинских книг, относящихся к VI—VII вв.¹⁹.

И здесь, на севере, были обнаружены уйгурские тексты VIII—X вв., которые в свою очередь являлись переводами с языка, именуемого этими уйгурскими текстами *toxgı*²⁰, тех самых *toxgı*, имя которых запечатлела и карабалгасунская надпись в Монголии²¹. Однако уйгурским текстам по времени предшествовала литература больше всего на согдийском, меньше на сирийском языках²². Намерение исследователей на-

⁸ Этот скепсис хорошо выражен у W. Heiger'a, *Die archaeologischen und literarischen Funde in Chinesisch Turkestan und ihre Bedeutung für die Orientalistische Wissenschaft*, „Jahresberichte d. K. F. A. Universität“, Erlangen, 1911.

⁹ И. И. Умняков, *Тохарская проблема*. „Вестник древней истории“, 1940, № 3—4, стр. 181—193.

¹⁰ В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 5.

¹¹ Да Тан Сюань цзи, цз. I.

¹² J. Kirste, *Vienna Oriental Journal*, LXVI, 1912.

¹³ H. Lüders, *SPAW*, 1913; Leqoq, *JRAS*, 1909.

¹⁴ E. Leumann, *Zur Nordarischen Sprache und Literatur*, „Schriften d. Wiss. Ges. in Strassburg“, H. 10, 1912.

¹⁵ A. Stahl-Holstein, *Tocharisch und die Sprache II* (ИАН, 1908, стр. 1367—1372); его же, *Tocharisch und die Sprache I* (ИАН, 1909, стр. 479—484). У нас был поддержан Н. Мироновым, *Указ. соч.*, стр. 549—550, и В. Бартольдом, К вопросу о языках согдийском и тохарском, сб. «Иран», I, стр. 40—41.

¹⁶ E. Leumann, *Über die einheimischen Sprachen von Ostturkestan im früheren Mittelalter*, *ZDMG*, 61 и 62 (1907—1908); см. 61, стр. 651.

¹⁷ W. Heiger, *Op. cit.*, S. 11.

¹⁸ A. F. Rudolph Hoernle, *Manuscript remains of Buddhist Literature found in Eastern Turkestan*, I, Oxford, 1916; ср. переводы тибетских документов F. W. Thomas'a, *JRAS*, 1927, 1928, 1930; T. Burrow, *BSOS*, IX, ч. I, 1937, и т. п.

¹⁹ Sylvain Lévi, *Central Asian Studies*, *JRAS*, 1914; E. Sieg and Siegling, *Udanavarga*, *Übersetzungen in „Kucischer Sprache“*, *BSOS*, Bd. VI, 1930—1932, S. 42.

²⁰ Сводку вопроса о тохри см. Henning, *Aegi and the Tokharians*, *BSOS*, 1938.

²¹ O. Hansen, *Zur Sogdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun*, „*Journal de la Société finno-ougrienne*“, XLIV, 3, Helsingfors, 1930.

²² О согдийских документах см. В. Бартольд, *Сб. «Иран»*, т. I; о находках сирийских рукописей см. у Н. Пигулевской, *Сирийские и сиротюркские фрагменты из Харохоты и Турфана*, «Советские востоковедения», I, 1940.

звать новооткрытый язык Кучара «тохарским» было лишено оснований, ибо, как уже отмечалось, например, Линдквистом²³, в кучаро-турфанско-карашарских документах нет и намека на язык типа «кентум» и на то, что они сами себя именовали *toxri*. Линдквист делает, с нашей точки зрения, близкое к истине предположение: он считает, что термином *toxri* именовали тюрки-уйгуры согдийский язык и население, говорящее на этом языке²⁴. Однако было бы правильнее сказать, что уйгуры называли этим термином вообще все ираноязычное население Восточного и Западного Туркестана, включая и согдийцев. Основанием к этому у уйгуров было то, что страна ираноязычных племен юга Туркестана именовалась Тохаристан, так же как именовались ираноязычные племена, расположенные по верховьям Аму-дарьи, в Припамирье и в Афганистане, т. е. в западном Тохаристане. В этом отношении уйгуры были правы, когда они заявляли в карабалгасунской надписи о «четырех *toxri*»²⁵ — речь идет об ираноязычных племенах: 1) южного Тохаристана, 2) западного Тохаристана, 3) Согда и 4) согдийцах северного и южного Тяньшаня. «Тохги» — собирательное название ираноязычных племен Азии, с которыми непосредственно сталкивались тюрки и уйгуры.

Но если *toxri* — ираноязычные племена, в древности занимавшие Восточный Туркестан, то понятно, что их движение на запад перенесло это имя в верховья Аму-дарьи и они там продолжали связи со своими соотечественниками, оставшимися в более компактном виде на юге, в районе Хотана — Алтын-Тага. Именно они, тохары античных авторов, юечжи — китайских²⁶, были вытеснены гуннами и смешались на Тяньшане с усунями, которые в свою очередь были оттеснены к западу также гуннами. В результате, юечжи-тохары, потерявшие свою политическую самостоятельность на севере Синьцзяна, в Тяньшане попали под господство усуней²⁷. Очевидно, этот факт и хотел изложить Трог (I в. до н. э.) в недошедшей до нас главе под заглавием «Как асианы сделались царями у тохаров»²⁸.

Начиная от Дегиня (XVIII в.) и до наших дней, большинство согласны с тем, что античные асии — это китайские усунь²⁹. Но если усунь стали царями тохаров, то почему же тохары стали известны на западе под именем кушанов? Вместо того, чтобы путем трудно допустимых манипуляций искать родство кушан || куши с китайскими юечжи³⁰, которые лучше связываются с античными массагетами, что было доказано Ю. Клапротом³¹, а ныне поддержано С. П. Толстовым³², мы предлагаем совершенно иной путь объяснения термина «кушан».

Анализ хотанского (значит — тохарского) языка установил наличие в качестве его фонетической особенности спиранта *kh, gh* перед начальным гласным³³. С другой стороны, Le Coq³⁴ обратил внимание на то обстоятельство, что в уйгурских переводах типично тюркские формы

²³ Lindquist, Zum *toxri* Problem, «Le Monde Oriental», XII, 1, 1918.

²⁴ Ibid p. 71: «*toxri* der uigurische Name des sogdischen ist».

²⁵ O. Hansen, Op. cit., S. 20, Zeile 19.

²⁶ Haloun, Zur Ue-tsi Frage, ZDMG, 91, 1937; Sten Konow, War „Tocharisch“ die Sprache der Tocharer, „Asia Major“, IX, 1933, v. II, 459 ff.

²⁷ Сочинение Трога дошло в труде Юстина (I в. н. э.), изд. Cühl, Leipzig, 1888.

²⁸ Прямое указание китайских источников см. Цянь-Хань-шу, гл. 96, л. 1-6: «Эр Усунь гуньмо цзюй чжи гу; Усунь минью су чжун, Даюечжи чжун юнь».

²⁹ Ср. литературу вопроса: ZDMG, 91, стр. 254.

³⁰ O. Franke, Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvolker und Skythen Zentralasiens, Berlin, 1904. Мы принимаем его отождествление даюечжи-массагетов.

³¹ «Tableaux historiques de l'Asie», Paris, 1825.

³² С. П. Толстов, История народов СССР, т. I, ч. 1—2, Л., 1940.

³³ R. Hoernle, A peculiarity of the Khotanese Script, JRAS, 1913, p. 437 ss.; H. W. Bailey, The Jataka Stava of Inanayasas, BSOS, IX, 1939, p. 4.

³⁴ „Ein christliches und manichäisches Manuscriptfragment in türkischer Sprache aus Turfan (Chinesisch Turkistan)“, SPAW, XLVIII, 1909, S. 1203.

имеют в конечном слоге вместо обычного узкого гласного *ī* (*i*) фонему *a* (*ä*) — явление, не свойственное тюркским языкам и, по-моему, представляющее собой результат воздействия местных (т. е. тохарских) говоров на уйгурский язык, подобно аналогичному влиянию языков Кучара и Карашара на язык Хотани, которое устанавливает Виггоу³⁵. Весьма характерны в этом отношении глоссарии иранских языков (Хотани и даже кучарского) Восточного Туркестана в издании Ноернле³⁶, а особенно Bailey³⁷, где открытые гласные явно превалируют над узкогласными. Если мы примем эти две фонетические особенности тохарского языка (спирантизацию и перегласовку) и тот факт, что имя кушан известно, как показал Флит³⁸, в формах *Kushana*, *Kushan*, *Gusnāna*, *Gushan*, *Kā-sān*, *Kūsān* и т. д., то нетрудно видеть, что форма «кушан-кусан» является закономерной тохарской передачей этнонима усунь (*usun*). Тогда становится ясным, как «асии-усуни-кушаны» стали царями тохаров (*reges Thocarorum Asiani*). Попад под господство усуней на Тяньшане еще во II в. до н. э., будучи вытеснены из своих восточных пределов гуннами, тохары приняли над собой власть племен усуней, которых они называли, согласно своему произношению, кушанами = [k]us[a]n, и с ними во главе в 160—140 гг. разгромили грекобактрийское государство. Сохранные ими культурно-этнические связи со старыми территориями и возобновление старых связей уже под эгидой кушанской (усуньской) династии объясняет ряд черт единства культуры (например, красного лощения — среднеазиатской *terra sigillata*)³⁹ во всех этих местах. Не случайно, что кушанские владельцы являлись носителями титула «ябгу», в китайской форме хи-хэу, известного еще усуням в I в. н. э.⁴⁰, перешедшего к тохарам-кушанам и от них к юго-восточной группе «тохаров-хотани», где этот титул засвидетельствован в документах наиболее ранних (но все же IV—VI вв. н. э.)⁴¹, и сохранившегося от тюрков VI—VIII вв. вплоть до монголов XIV в.⁴²

Таким образом, разобранные выше этнонимы племен Центральной Азии сводятся к следующим группам:

Т р а н с к р и п ц и я		
китайская	античная	древнеиранская
даюечжи	массагеты исседоны ⁴³ асии	тохары
усунь		кушаны

³⁵ T. Burrow, *Tokharian Elements in the Karosthi Documents from Chinese Turkestan*, JRAS, Oct. 1935; ср. стр. 675.

³⁶ R. Hoernle, *Manuscript remains of Buddhist Literature found in Eastern Turkestan*, I, Oxford, 1916; см. словари хотанского и кучарского языков.

³⁷ См. его серию *Hvatanica*, например, BSOS, IX, ч. 3, стр. 530 сл., а также его статью „A Turkish Khotanese Vocabulary“, BSOS, XI, ч. 2, 1944, 291 и сл.

³⁸ J. F. Fleet, *The name Kushan*, JRAS, 1914, pp. 1000—1010. Статья Fleet'a — отклик на работу V. H. Marshall'a, *The date of Canishka*, напечатано там же. К дискуссии присоединился и F. Thomas.

³⁹ Последняя отмечается по всей Средней Азии, особенно в Тохаристане, Согде, Даване, часто в Чуйской долине и, судя по сборам А. Стейна, в большом количестве по югу Синьцзяна (например, Хотан).

⁴⁰ Цянь-Хань-шу, гл. 96-6, л. 5-6, л. 7-6.

⁴¹ A. M. Bayer, E. Y. Rapson and E. Senart, *Kharosthi Inscriptions discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan*, Oxford, 1920, pp. 170 док. 477, p. 173 док. 480; см. ч. III, Oxford, 1929, Index Verborum, p. 364, термин „уаргу“. Впервые отождествление сделано А. Stein'ом (*Serindia*, p. 415).

⁴² G. Ramstedt, *Mongolische Briefe aus Ydiquit-Schähri bei Turfan*, SPAW, 1909, S. 839; см. III документ Эльбег (1393—1399 гг.).

⁴³ О связи термина „исседон-усунь“ см. в нашей работе: „Археологический очерк Северной Киргизии“, Фрунзе, 1941.

Наличие разных наименований усуней в древности объясняется тем, что исседоны — это название восточной ветви массагетов, данное античными авторами (Аристей Проконисский, VI в. до н. э.)⁴⁴. Когда усунь с тохарами перешли на запад и информация античных авторов стала более правильной (тем более, что усунь были господствующим родом такого крупного политического образования), то они дали более близкую к истине транскрипцию усунь вместо исседон — асии. Со временем, в V—VII вв., т. е. когда согды стали ираноязычными хозяевами обоих склонов Тяньшаня⁴⁵, тохары стали синонимом только южной группы иранских племен, от Алтын-Тага до верховий Амударьи. Их пережиточными представителями являлись современные припамирские иранские племена, в то время как северная группа иранских племен объединялась в этнической семье согдийцев, островком которых являются современные ягнобцы⁴⁶.

Общность этих народов проявилась также в широкой распространенности на этой территории не только общих элементов культуры и археологических комплексов, но и расовых памиро-ферганских типов, на юго-востоке доходящих до Лобнора, т. е. до крайней юго-восточной точки распространения языка Хотани⁴⁷. Но до победы согдийцев в Восточном Туркестане на них распространялся термин *toxri*, о чем ниже.

В страну северных тохаров Кучара — Карашара — Турфана в половине VI в. проникают эфталиты, принесшие с собой и греческий курсив, отмеченный только в Турфане⁴⁸, и (быть может, с помощью сирийцев и манихейцев) византийский антик Кучара, отмеченный и по северную сторону Тяньшаня⁴⁹. Очевидно, именно с эфталитами связаны тексты языка I (диалекты А и В)⁵⁰, или, как его называют, кучарского (Сильвен Леви)⁵¹, кашгарского (Лейман)⁵², язык Сулэ (E. Smiit)⁵³, Турфани (Кирсте)⁵⁴ и т. д. Письменный язык, который мы связываем с эфталитами, отличен от известного языка сирийцев и их письма, равно как и от манихейских текстов.

Именно с этим языком следует, видимо, связывать язык *kuiṣan* (Kū-ṣān), с которого, как свидетельствует ряд колофонов уйгурских тек-

⁴⁴ Исседоны, кроме Аристее Проконисского (в передаче Геродота), известны еще у Птолемея; см. об исседонах Julius Jung, *Soka Studien*, „Klio“, Beiheft XLI, Neue Folge, Heft 23, Leipzig, 1939, S. 17 ff.

⁴⁵ А. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, „Краткие сообщения ИИМК“, VI.

⁴⁶ Теория, широко распространенная среди советских ученых (Н. Кисляков, Климчицкий и др.). Ср. А. Фрейман, Задачи иранской филологии, „Известия Академии литературы и языка“, т. V, вып. 5.

⁴⁷ Антропологические материалы из наших раскопок были подвергнуты обследованию Е. Жировым и В. Гинзбургом, работа которых находится в печати. Некоторые наблюдения Е. Жирова см. в его статье „Об искусственной деформации головы“, „Краткие сообщения ИИМК“, VIII, стр. 85.

⁴⁸ A. Le Coq, *Köktürkisches aus Turfan*, SPAW, 1909, S. 1047 ff.; ср. Al. Herrmann, Die Hephthaliten und ihre Beziehungen zu China, „Asia Major“, II, 3, 4, 1925, S. 564 ff.

⁴⁹ О византийских элементах в Чуйской долине — см. моя работы: Археологические работы в Казахстане и Киргизии, „Вестник древней истории“, 1939, № 4 (9), стр. 171, а также Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 17.

⁵⁰ Классификация E. Leumann'a (указ. соч.), принятая Sieg und Siegling: Tocharisch, die Sprache der Indoskythen, SPAW, 1903, S. 915—934.

⁵¹ „Journal Asiatique“, sér. XI, vol. II. 1913.

⁵² „Über eine von den unbekannten Literatursprachen Mittelasien“, Записки ИАН, 1900, сер. VIII, т. IV, № 8.

⁵³ „Die neuentdeckte indogermanische Sprache Mittelasien“, „Viedeskobs Selskobet Skrifter“, Class II, 1910, No. 5.

⁵⁴ „Vienna Oriental Journal“, XXVI, 1912.

стов⁵⁵, переводили в Восточном Туркестане на язык тохарі (иранский) и с него на уйгурский, в редких случаях — прямо на тюркский⁵⁶.

Приведем характерные примеры. Вот текст Т III М из Муртука: «.....idiyut non bitig ning ögmägin kuisan (küsan) tilintin barčuq ulınca avırdaç (i)....», где, термин barčuq синоним — тюркский⁵⁷. Или другой текст из Муртука: «kuišan (küsan) tilintin toxri tilinča jaratmiš... toxri tilintin türkča avirmiš dsakrmabuda navtanamal nom bitig»⁵⁸. О непосредственном переводе с индийского на тохарский, а затем на уйгурский, свидетельствует тот же текст, где сказано: «änätkäk tilintin toxri tilinča jaratmiš.... toxri tilintin türk tilinča aytarmış (avirmiš) maitrisimit nom bitig»⁵⁹.

Обращаю внимание, что во всех случаях тохарский язык является посредником в переводе только буддийских текстов, священных книг (буквально «письмо закона» — «nom bitig»), т. е. литературы либо индийской, либо кушанской по своему происхождению. Отсюда очевидно, что кушанским назывался язык, который, наряду с индийским, был для эпохи III—V вв. классическим языком буддизма, подобно тому, как с VIII в. им становятся тибетский и китайский. Для того времени термин Kuišan (Küsan) обозначал страну, народ и язык государства, после падения которого эфталиты явились прямыми продолжателями кушанской династии, главным образом на территории Афганистана⁶⁰. Классические памятники буддизма эфталитского Афганистана, изучаемые французской археологической миссией⁶¹, показывают, что эфталиты ревниво продолжали дело своих предшественников кушанов, царь которых Канишка первый придал буддизму всеазиатский размах.

Тохарский язык как «посредник» между буддийской литературой Запада и тюркской Востока может быть только иранским, а в широком употреблении этого понятия — и согдийским. Характерно, что тюрки непосредственно переводили с тибетского и китайского⁶², а с помощью тохарского, как показывают уйгурские тексты, только с индийского и кушанского (весьма вероятно, часто выступающего как формальный синоним индийского), т. е. с тех языков, с народами которых они непосредственной связи не имели и, следовательно, язык которых, а тем более письменность, были им менее знакомы. То, что уйгуры здесь все еще продолжают называть согдийский язык тохарским, не

⁵⁵ F. W. Muller, *Toxri und Kuišan (Küsan)*, SPAW, Bd. XXVII, 1918.

⁵⁶ На язык „Barčuq“ (см. там же, стр. 580).

⁵⁷ Там же, стр. 580.

⁵⁸ Там же, стр. 583.

⁵⁹ Там же; ср. F. Muller, *Beitrag zur genaueren Bestimmung der unbekannten Sprachen Mittelasiens*, SPAW, LIII, 1907, S. 2; см. также аналогичный колофон в переводной буддийской книге с языка „Ügü-Küšan“ на язык тохри и с тохри на тюркский (Av. Gabain, F. W. K. Müllers *Uigurica*, IV, SPAW, 1931, pp. 678—679). Ugu, вероятно, — тюрк. Ögä в значении „высокий“, „благородный“, „знаменитый“.

⁶⁰ Была попытка рассмотреть язык „Küšan“ как название языка Кучи; см. F. Weller, Kuci — Küci — Küsan, „Asia Major“, V, 3/4, 1928. В связи с этим см. статью Людерса об истории и географии Восточного Туркестана, SPAW, 1922.

⁶¹ Кроме известных выпусков полного отчета *Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan*, типа J. Hackin и J. Carli, *Nouvelles Recherches Archéologiques à Bamiyan*, Paris, 1933, мы располагали также рядом предварительных отчетов, изданных в Кабуле на французском и персидском языках, а именно: J. Hackin, *L'art Bouddhique de la Bactriane*, Kabul, 1937; его же, *Recherches archéologiques à Begram* (1939), Kabul, 1940. Нам известны также работы Godard'a и Hackin'a на персидском языке, изданные в Кабуле в 30-х годах XX в. Ср. также J. Hackin, *Les travaux de la délégation archéologique française en Afghanistan*, „Revue des Arts Asiatiques“, vol. XII, N° 1, p. 2 ss. (отчет о работах 1936—1937 гг.). В указанных работах имеется ряд воспроизведений, не известных в ранее изданных отчетах.

⁶² См. например, перевод сочинения Сюань Цзана на уйгурский язык: A. Gabain, *Die Uigurische Übersetzung der Biographie Hück tsangs I, Bruchstücke des 5 Kapitels*, SPAW, V—VII, 1935.

должно нас смущать, ибо под термином «согдак» (soydaq) они, повидимому, подразумевали только округу Самарканда, Согд в узком смысле этого слова, выделяя соседнюю с Самаркандом Бухару, о чем наглядно свидетельствует текст Кюль Тегина 733 г. н. э. Так например, в строке 39 упомянутого памятника сказано: «sogdaq budum ätäjin Jäncü ügüzig kaša Tamir — garyuqa tägi sülädimiz — «для того, чтобы устроить народ согдаков, мы, переправясь через реку Иенчу (Сыр-дарью), прошли с войском вплоть до Темир-Капыга»⁶³. Или другое место этого текста, где в перечислении слов, пришедших на похороны Кюль Тегина, среди прочих указаны Согды, Бухарак Улус и т. д.⁶⁴, т. е. фактически жители Самарканда, Бухары и их округов.

Эфталиты, белые гунны (как мы пытались показать в другом месте)⁶⁵, несли в себе культуру гуннов, «европеизированных» в походах IV—V вв. Западные гунны с Ирнахом ушли в Закаспий, где слились с эфталитами туркменских степей. Именно они — после крушения эфталитской империи — могли быть носителями в Карашаре — Турфане — Кучаре тех индоевропейских элементов, отличных от иранских, которые представлены в немногих переводах только с санскритского, писанных «среднеазиатским» брахми или греческим. Ограниченность во времени (VI—VIII вв.), в территории (Карашар, Турфан — Кучар) и в сюжете (буддийские переводы) этого «языка кентум» свидетельствует в пользу нашего предположения. В отличие от него тексты на языке Хотани чрезвычайно разнообразны по сюжетам — от переводов буддийских книг вплоть до долговых расписок, что говорит о более народном характере этого языка. В силу этого язык Кучара не может быть назван тохарским, что не без основания оспорил еще Сталь-Гольштейн⁶⁶ и к чему молча присоединились многие исследователи; это явствует из поисков нового названия для языка северотаримских оазисов⁶⁷. И если теперь остается в силе тохарская проблема, то она прежде всего должна звучать как проблема древнего иранства Средней и Восточной Азии, равная согдийской. Тохарская и согдийская проблемы — это проблемы северной и южной групп иранских племен. В этом свете снова должна жить в историческом плане тохарская проблема как вопрос о связи народов нашей страны, прежде всего народов Средней Азии, с зарубежными иранскими племенами и как вопрос, имеющий первостепенное значение в этногенезе таджиков.

Вместе с тем должна быть окончательно похоронена тохарская проблема как проблема среднеазиатских «западных индогерманцев», еще в 1943 г. снова нашедшая себе место на страницах фашистских журналов типа «Indogermanische Forschungen».

Тохарская проблема была и остается проблемой древнего иранства, сопряженной прежде всего с историей Кушанского государства от его возникновения до его падения, в лингвистическом отношении связанная не только с исследованием документов, зафиксированных письмом карошти на языке Хотани, но и с изучением диалектов памирских народов, в одном из которых, а именно вершикском, Н. Я. Марр видел яфетический островок⁶⁸ среди моря языков современного населения азиатских оазисов, гор и пустынь.

⁶³ П. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль Тегина, ЗВО, XII, вып. II—III, стр. 73. Аналогичные тексты есть и в других памятниках, например, Тоньюкука и Кули Чура.

⁶⁴ Там же, стр. 77.

⁶⁵ Очерк истории гуннов (рукопись).

⁶⁶ Stahl-Holstein, Op. cit., ИАН, 1908.

⁶⁷ Основная литература указана выше.

⁶⁸ См. его работы в рукописях, хранящихся в архиве ИИМК: «Туркестанская этно-топонимика и социально сродные термины» (А-24) и «Грамматика вершикского языка» (А-607).

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ТУРКМЕН В VIII — X вв.

Этногенез туркмен представляет исключительный интерес. Наряду с современными узбеками туркмены являются тем народом, история сложения которого отразила не только передвижение ряда народов, но и смену их имен в огромном секторе Средней Азии: северная сторона его упирается в реку Яик (Урал), южная совпадает с южной границей современной Туркмении, западная доходит до Каспийского моря, а восточная (с уклоном на юг) тянется приблизительно по линии Отрар, Чарджоу, Мары и Серахс.

До настоящего времени не написано книги по этногенезу туркменского народа. Честь почина серьезной постановки вопроса о происхождении туркмен принадлежит Н. А. Аристову, который в 1897 г. выпустил «Заметки об этническом составе тюркских племен»¹, где высказал ряд соображений о некоторых особенностях туркменского типа (длинноголовость). Уже в советское время появились две статьи проф. Л. В. Ошанина, сыгравшие в изучении этногенеза туркмен весьма положительную роль. Первая из них — «Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения»², вторая — «Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен»³.

Одним из важнейших вопросов истории туркменского народа в период средневековья является выяснение расселения туркмен, да и вообще территории, которую они занимали в VIII—X вв. Эта проблема тесно связана с проблемой этногенеза туркмен.

В науке прочно держится еще точка зрения, согласно которой туркмены на территории Туркменской ССР появились лишь в первой половине XI в. в связи с сельджукским движением. До XI в. и даже позже туркменский, или огузский, народ жил на средней и нижней Сыр-дарье, а также в районе между Эмбой и Яиком. Если, согласно этой точке зрения, туркмены и появлялись на территории современной Туркмении до XI в., то лишь временно, в периоды их набегов на Хорезм или Хорасан. Последним выражением этой точки зрения являются слова С. Л. Волина в его статье «К истории древнего Хорезма»⁴: «Любопытно, что и для ал-Макдиси и для ал-Бируни, как и для писавшего на несколько десятилетий позже Махмуда Кашгарского, страной туркменов является бассейн Сыр-дарьи, а не территория современной Туркмении. Повидимому, основная масса туркменов еще оставалась на старой территории».

Наиболее раннее упоминание огузов мы встречаем у ал-Белазури в связи с рассказом о том, что известный тахиридский правитель Абдаллах ибн-Тахир (830—844) отправил своего сына Тахира ибн-Абдаллаха

¹ СПб., 1897.

² Изв. Средневековья, вып. 1, 1926.

³ Ташкент, 1928.

⁴ „Вестник древней истории“, 1941, № 1, стр. 196.

в поход против гузов⁵. По словам ал-Белазури, Тахир ибн-Абдаллах был направлен в страну Гузия, причем «он завоевал места, до которых никто до него не достигал». В. В. Бартольд в своем «Очерке истории туркменского народа» высказал по поводу этих слов следующее правильное суждение: «Вероятно,— пишет он,— эти действия произошли в западной части Туркмении, так как ко времени Абдаллаха ибн-Тахира относили устройство рабатов, т. е. пограничных укрепленных пунктов в Дихистане (ныне Мешхед-и-Мисриян) и Афрава (ныне Кызыл-Арват)»⁶. В. В. Бартольд даже приписывает лично Тахиру ибн-Абдаллаху возведение этих укреплений.

Таким образом, мы имеем все основания исходить из того, что еще в первой половине IX в. в западных районах современной Туркмении находились какие-то группы огузов, которых арабы именовали гузами и которые тревожили пограничные земледельческие поселения северо-восточного Ирана. Когда и при каких обстоятельствах появились эти огузы, упоминаемые ал-Белазури в связи с описанием похода Тахира ибн-Абдаллаха, нам неизвестно. Повидимому, это была первая волна огузского перемещения на территории современной Туркмении.

В основной своей массе огузы жили в IX в. на среднем и нижнем течении Сыр-дарьи и в степях на север от Усть-Урта, между Эмбой и Яиком. Отсюда они и начали просачиваться на юг и юго-запад, на территорию современной Туркмении. Арабская географическая литература, как известно, дает в этом отношении немало интересных фактов. В нижней части Сыр-дарьи находился ал-Карьят ал-Хадиса — Новый город, по-тюрки Янгикент. По словам ибн-Хаукаля, город этот — «столица царства гузов, зимой в нем живет царь гузов»⁷. В своих «Мурудж аз-Захаб» ал-Масуди говорит, что в Новом городе бо́льшая часть жителей гузы⁸. Гузы жили, ведя кочевое хозяйство, по обоим берегам нижней Сыр-дарьи и в ряде других ее городов. Так, ибн-Хаукаль рассказывает о Дженде и Хоре (двух городах по нижнему течению Сыр-дарьи), что власть в них принадлежит гузам⁹, о Сабране¹⁰, — что в нем собираются гузы для заключения мира и торговли, о Сюткенде¹¹, что здесь собираются тюрки-гузы и что они уже приняли ислам. Между прочим, о Сабране, как месте гузских купцов, говорит и безымянный автор «Худуд ал-алем»¹². Ал-Макдиси¹³ ко всем этим сведениям добавляет, что Сабран (он его называет Сауран) является пограничной крепостью против гузов. Мы уже указывали, что другими районами, где было много гузских кочевий, являлись долины Эмбы и Яика. На севере гузы доходили до нижней Волги и даже до Дона, который, по словам ал-Масуди, они переходили зимой по льду¹⁴. Это известие ал-Масуди относится, повидимому, ко времени не позже конца IX в., хотя сам автор писал в первой половине X века.

Огузы, жившие на Сыр-дарье, были типичными тюрками. Ал-Масуди пишет об огузах, живших в районе Нового города (Янгикента), следующее: «Преобладают среди тюрков в этом месте гузы (частью) кочевые, (частью) оседлые. Это племя из тюрков, оно (делится) на три груп-

⁵ Ал-Белазури, *Китаб футух ал-булдан*, Изд. де-Гуе, стр. 431, англ. перевод Марготена, стр. 205.

⁶ В. В. Бартольд. *Очерк истории туркменского народа*, стр. 16.

⁷ BGA, т. II, стр. 393.

⁸ Ал-Масуди, *Les prairies d'or*, Париж, 1861—1872, т. I, стр. 212.

⁹ BGA, т. II, стр. 393.

¹⁰ Там же, стр. 391.

¹¹ Там же.

¹² *Худуд ал-алем*, Изд. В. В. Бартольда, л. 24-б.

¹³ BGA, т. III, стр. 274.

¹⁴ Ал-Масуди, *Указ. соч.*, т. II, стр. 19. Река Дон у ал-Масуди носит имя р. Хазар.

пы: нижние (гузы), верхние и средние; они самые храбрые из тюрок, самые маленькие из них ростом, и у них самые маленькие глаза»¹⁵.

Слова эти ценны в двух отношениях. Во-первых, они рисуют нам этих гузов мало похожими на высоких длинноголовых туркмен последнего времени; во-вторых, они указывают на тот важный факт, что часть огузов в районе нижней Сыр-дарьи перешла уже к оседлому земледельческому труду и к городской жизни, о чем говорят и вышеприведенные сведения ибн-Хаукаля, ал-Макдиси и других арабских географов. Если о пребывании огузов в IX в. на территории современной Туркмении мы имеем только одно, и то не вполне ясное известие ал-Белазури, то о пребывании их там в X в. мы имеем известия в арабской географической литературе настолько четкие, что они не нуждаются в комментариях и дополнительных доказательствах.

Позволим себе привести наиболее ясные из этих известий. По словам ал-Истахри, страна гузов тянется от Джурджана до Фараба и Исфиджаба¹⁶. Известно, что ал-Истахри написал свой «Китаб масалик ал-мамалик» около 941 г. Сведение же его относится к более раннему времени, ибо он включил в свой труд и переработал сочинение Абу Зейда ал-Балхи, составленное около 920 г. В другом месте ал-Истахри говорит, что земли гузов простираются от Тараза (Джамбула) по дуге через Фараб, Сюткенд (города на Сыр-дарье), Самаркандский Согд, район Бухары и Хорезма до Хорезмского (Аральского) моря¹⁷. Согласно ибн-Хаукалю, рабат Дихистан, лежащий вблизи иранской границы на системе каналов, связанных с рекой Атреком, являлся пограничной крепостью против гузов¹⁸. Ал-Истахри, говоря о Фераве (вблизи современного Кызыл-Арвата), отмечает, что это — пограничная крепость против гузов¹⁹. Согласно автору «Худуд ал-алем», гузы в его время (в конце X в.) жили даже на острове Сиякухе²⁰ на Хазарском (Каспийском) море.

Как нам представляется, приведенные факты с убедительностью показывают, что кочевья гузов доходили до иранских границ современной Туркмении. Едва ли упомянутому выше Абдаллаху ибн-Тахиру, правившему Хорасаном еще в первой половине IX в., имело смысл посылать войска против гузов, если бы они жили тогда на Сыр-дарье, Аральском море и на Эмбе. Естественнее всего предположить, как это и сделал В. В. Бартольд, что поход этот был направлен на тех гузов, против которых тогда же и были возведены им такие укрепления, как Дихистан на Атреке и Феравы вблизи современного Кызыл-Арвата.

Соблазнительно поставить вопрос: когда и как огузы проникли на свою будущую территорию? Шел ли этот процесс медленно, начавшись в первой половине IX в., или имели место такие события в степных кочевьях Приаралья и Прикаспия, которые содействовали более решительному передвижению огузов? Нам представляется более правильной вторая точка зрения. В жизни огузов большую роль сыграли события 898 или 893 года²¹. Известно, что это был год, когда огромные массы

¹⁵ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 166 (в дальнейшем сокращенно МИТТ). Археологические работы С. П. Толстова (1946) подтвердили полностью указание ал-Масуди на наличие земледельческих поселений гузов в X веке.

¹⁶ BGA, т. I, стр. 9.

¹⁷ Там же, стр. 286—287.

¹⁸ Там же, т. II, стр. 273.

¹⁹ Там же, т. I, стр. 273.

²⁰ Худуд ал-алем, Изд. В. В. Бартольд, л. 5-б.

²¹ Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении „De administrando imperio“, составленном в 948 г., в главе 37 рассказывает, что за 50—55 лет до написания этой книги, на территории, до того занятой мадьярами (т. е. между Доном и Дунаем), появились печенеги, вытеснившие мадьяр на их теперешние земли (Венгрия). Таким образом, это событие произошло в 898 или 893 г.

печенегов перешли на запад, вплоть до северо-восточной части Балканского полуострова. Часть печенегов заняла степи Придонья и нижней Волги, а небольшая часть их, наиболее бедная, осталась в районе между Эмбой и Яиком. Весьма ценно свидетельство ибн-Фадлана, секретаря каравана халифа Муктадира (908—932) к болгарскому царю, отправленного из Багдада через Бухару, Хорезм, гузские степи и дальше. Ибн-Фадлан рассказывает, что, пройдя реку Джам²², т. е. Эмбу, караван их в скором времени вступил в земли печенегов. «Мы,— пишет ибн-Фадлан,— оставались у печенегов один день, потом отправились и остановились у реки Джайх, а это самая большая река, какую мы видели, самая огромная и с самым сильным течением»²³. Это были жалкие остатки многочисленного и богатого кочевого народа, покинувшего свои прежние кочевья под давлением каких-то крупных столкновений. Отзвуки этих событий мы и находим в арабских источниках. Так, ал-Масуди в своей работе «Китаб ат-Танбих», упоминая о переселении печенегов на запад, указывает, что в другом его сочинении (до нас не дошедшем) он говорит о причинах переселения «четырех тюркских племен с востока» в связи со столкновениями, которые были здесь у печенегов и гузов²⁴ в районе Джурджанийского (Аральского) моря.

Интересное известие о гузах имеется у арабоязычного автора начала XII в. Шарафа аз-Замана Тахира Марвази, врача по специальности, в его сочинении «Таба'и ал-хайаван» (Природные свойства животных). Известие это, наряду с другими сведениями о тюрках раннего средневековья, вошло в географическую часть упомянутого сочинения Марвази, имеющего в общем естественно-научный характер. Вот слова его о гузах: «После того, как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами. Между ними и теми из гузов, которые не приняли ислам, началась вражда. Число мусульман среди гузов умножилось, и положение ислама у них улучшилось. Мусульмане взяли верх над неверными, вытеснили их и прогнали из Хорезма в сторону поселений (кочевий) печенегов. Туркмены распространились по странам ислама. Положение туркмен улучшилось настолько, что они овладели большей частью их (т. е. стран ислама) и сделались у них царями и султанами»²⁵. В этом отрывке рассказывается о том же событии, что и у ал-Масуди в «Китаб ат-Танбих» и в книге Константина Багрянородного «De administrando imperio». К сожалению, рассказ этот не сопровождается датой описываемого события. Однако, учитывая указание Марвази, что мусульмане-огузы вытеснили огузов-язычников из Хорезма и вынудили их потеснить кочевья печенегов, а тем самым заставили переселиться последних в Юго-Восточную Европу, мы имеем право связать сведения Марвази с аналогичными известиями упомянутых выше авторов и отнести его также к 90-м гг. IX века.

Известие Марвази о гузах ценно для нас еще и тем, что в нем мы находим прямое указание на то, как и когда возникло впервые наименование «туркмены». По словам Марвази, туркменами стали именовать

²² Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, стр. 65.

²³ Там же, стр. 66.

²⁴ BGA, т. VIII, стр. 180; МИТТ, стр. 166. Кроме гузов, здесь упоминаются в качестве участников столкновения еще кимаки, карлуки, что невероятно, ибо те и другие сюда не доходили.

²⁵ Sharaf Al-Zaman Tahir Marvazi, Arabic text (circa a. d. 1120), by V. Minorsky, London, 1942, араб. текст, стр. 18. Об этой работе см. Б. Н. Заходер, Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и руссах IX—X вв., Известия Всесоюзного географич. общества, т. XXV, вып. 6, 1943, стр. 25 и сл.

ту часть огузов (гузов), которая приняла ислам. Из приводимых источниками объяснений имени «туркмены» объяснение Марвази наиболее убедительно и не является, как другие, плодом «народной этимологии»²⁶.

Итак, первоначально туркменами назывались только огузы, принявшие ислам. Под именем же огузов оставались те из них, которые продолжали исповедовать язычество. Однако постепенно имя «туркмены» вытеснило имя «огузы», хотя последнее продолжало существовать в некоторых местностях и в последующие века, как мы увидим ниже.

В арабской географической литературе термин «туркмены» встречается впервые у ал-Макдиси, т. е. в конце X века.

Принимая во внимание все изложенное выше, можно сказать, что под влиянием событий, связанных с переселением печенегов на запад в 898 или 893 г. и с захватом некоторыми огузскими группами районов от «Чинка» (спуск Усть-Урта) в направлении к р. Эмбе²⁷, огузы-туркмены, захватившие «Хорезм» (точнее, окрестности Хорезма), начали в большом числе движение на юг. Это было начало второй волны гузского переселения на территорию современной Туркмении. Вот почему арабские географы отмечают их теперь не только на Сыр-дарье и вокруг Аральского моря, но вплоть до Дихистана и Феравы.

В советской историографии довольно много сказано об имени «огузы» и «туркмены». В своем прекрасном «Очерке истории туркменского народа»²⁸ В. В. Бартольд с достаточной полнотой показал, когда и как термин «туркмены» вытесняет термин «огузы», в арабской транскрипции «гуззы». Однако, занимаясь этой темой, В. В. Бартольд не ставил другого, более существенного, вопроса о путях и главных факторах сложения туркменского народа, т. е. об его этногенезе. В каком отношении современные туркмены находятся к вышеупомянутым огузам? Являются ли они их прямыми потомками? Нам представляется, что огузы в сложении туркменского народа были весьма важным компонентом, сыгравшим исключительную роль, однако далеко не единственным. Огузы явились не на пустое место, не были огузы и первыми тюрками, пришедшими на территорию современной Туркмении. Вспомним, каких кочевников застали арабы, когда они в 651 г. подошли к городу Мерву или когда они в начале VIII в. завоевали области по рекам Гюргену и Атреку. Когда преследуемый арабами последний сасанидский царь Ездигерд III появился во второй раз у стен Мерва в 651 г., к нему явился с отрядом всадников Низек-Тархан, не то тюркский, не то эфталитский владетель Багдиса, т. е. области между Серахсом и Гератом. Багдис, так же как и Балхская область, был в это время наполнен кочевниками. Во всяком случае Низек-Тархан со своими кочевниками был крупной военной силой, с которой приходилось считаться соседним тохаристанским и хорасанским владетелям.

Арабские источники именовали кочевников Багдиса и Балхской области то тюрками, то эфталитами. Так, описывая борьбу арабского военачальника ал-Ахнаба с кочевниками Балхской области, арабский историк ат-Табари в одном месте называет их тюрками²⁹, в другом — эфталитами³⁰. Характерно, что это путаница не столько самого ат-Табари, сколько его источников, его предшественников, включенных без критической проработки в его текст. Тем ценнее для нас эта путаница, ибо она как раз отражает ту неясность, которая была у арабов VIII и IX вв. в отношении кочевников, с которыми сражались их предки на грани-

²⁶ Махмуд Кашгарский, Константинопольское изд., т. III, стр. 304—307.

²⁷ Ибн-Фадлан подробно описывает этих гузов-язычников — см. стр. 60 и сл.

²⁸ См. В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 6—7.

²⁹ Ат-Табари, 2686; ат-Табари, II, 156.

³⁰ Там же, 2885.

цах Хорасана. Победило все же представление, что это были тюрки. Насколько они были в VII—VIII вв. значительной силой, видно из того, что они делали набеги на западные районы Хорасана. Так, ал-Белазури упоминает их значительные скопища в Хорасане еще во времена халифа Османа (644—656)³¹. Несколько позже, в 80-х гг. VII в., тюрки, по словам того же автора, доходили при хорасанском наместнике Абдаллахе ибн-Хазиме до Нишапура³². Большое число тюрков в конце VII и в начале VIII в. жило в районе реки Атрека и города Дихистана (ныне развалины Мешхед-и-Мисриян). Арабские историки ал-Белазури и ат-Табари упоминают их в связи с рассказом о походе Иезида ибн-Мухаллаба на Дихистан и ал-Бухейру в 716 г. Владетелем Дихистана был тюрк Сул. Поход Иезида был удачен, оба пункта были завоеваны, взята большая добыча, причем в Дихистане и его окрестностях было перебито 14 000 тюрков³³.

Более раннее упоминание тюрков в юго-восточном углу Каспийского моря мы встречаем у ал-Якуби при кратком описании укрепленной стены из жженного кирпича, тянувшейся от моря до гор и охраняющей область Гургена от нападений кочевников-тюрков³⁴. Построил ее Хосрой Ануширван (539—571) в конце своего царствования.

Кто же были эти тюрки? Характерно, что в отношении этих районов арабские авторы не колеблются в применении к ним термина «тюрки» и не смешивают их с эфталитами. В. В. Бартольд ставил этот вопрос. Вот его мнение: «Можно предположить, что степи к востоку от Каспийского моря были заняты турками еще в VI в., так как к этому времени относится столкновение турок с сасанидской Персией, что гузы или огузы арабских географов были потомками тех же турок...»³⁵.

Здесь с совершенной ясностью высказывается предположение, что огузы, появившиеся (как огузы) впервые в Туркмении в IX в., были родственниками, более того, прямыми потомками тюрков, живших в районе Дихистана и Гургена. Полагаю, что оспаривать это предположение В. В. Бартольда нет оснований.

Вернемся, однако, к тохаристанским и хорасанским тюркам, которых арабские авторы смешивали с эфталитами. Обратим прежде всего внимание на то обстоятельство, что в Багдисе, под Балхом, под Мервом в VII и начале VIII в. кочевое население было весьма густым. Мы, конечно, хорошо знаем, что тюрки сюда являлись не раз в качестве войска, угрожавшего восточным границам сасанидского Ирана. Естественно, что после таких походов какая-то часть этих тюрков здесь оседала; именно это и произошло с карлуками, которые в VIII в. образовали группу тохаристанских карлуков со своим ябгу, о чем часто упоминает ал-Мадаини, включенный в текст труда ат-Табари. Однако едва ли это огромное число кочевников, находившихся на этой территории, можно целиком отнести за счет осевших здесь тюрков. Вместе с тем нам хорошо известно, что вышеназванные районы Тохаристана и Хорасана были главными районами поселения эфталитов в V—VI вв. Именно здесь проходили главные битвы эфталитов с персами. Под Мервом Варахран V (420—438) разбил эфталитов, и, наоборот, когда эфталиты били войска сасанидского Ирана, они отсюда наносили ему удары. Вспомним трагическую фигуру Пероза, который погиб в битве с эфталитами в 484 г. Тогда эфталиты захватили Балх и даже Герат. Нанеся в 563—567 гг. смертельный удар эфталитам, тюрки не выгнали их из районов их по-

³¹ Ал-Белазури, 409.

³² Там же, 414—415.

³³ Ал-Белазури, 336; ат-Табари, 1320.

³⁴ BGA, т. VII, стр. 150.

³⁵ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 13.

селения и не перебили их всех. Оставшись на местах прежних своих кочевий, эфталиты смешались с пришедшими сюда тюрками, язык и имя которых они и приняли. Не случайно и арабы путали тех и других, применяя к ним до известного времени то имя эфталитов, то тюрок.

Кроме остатков эфталитов и тюрок, огузы в IX и даже в X в. застали также остатки другого значительного народа — аланов. В недавно опубликованном из архива В. В. Бартольда отрывке сочинения ал-Бируни «Определение крайних положений местностей для проверки расстояний поселений»³⁶ имеется весьма ценное указание великого хорезмийского ученого о том, что в районе Саракамыша (у ал-Бируни Маздубаст), находящемся между Джурджаном и Хорезмом, жили аланы и асы. Вот слова ал-Бируни: «Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского»³⁷. Ал-Бируни упоминает аланов и асов в связи с перемещением главного русла Аму-дарьи, что было задолго до жизни ал-Бируни, однако он специально добавляет, что «язык их теперь (т. е. при ал-Бируни) смешанный», чем как бы подчеркивает, что аланы жили еще в его время и отличались от других народностей.

К сожалению, у нас нет в настоящее время таких вещественных памятников с территории Туркмении, которые мы могли бы определить как памятники аланские. Если бы такой археологический материал в нашем распоряжении имелся, нам нетрудно было бы определить ареал распространения аланов. Как бы то ни было, факт пребывания аланов до и после появления огузов на территории Туркмении бесспорен. В мою задачу не входит показать, как протекал процесс взаимодействия местных и пришлых элементов на территории Туркмении; для этого не настало еще время ввиду недостаточного количества надежных лингвистических, археологических и других данных. Одно не подлежит сомнению: уже до XI в., т. е. до времени третьей и наиболее значительной волны передвижения на юго-запад, процесс скрещения эфталито-тюркских, аланских и огузских скотоводческих кочевых групп протекал на территории Туркмении достаточно интенсивно. Процесс тюркизации нетюркских элементов на территории Туркмении начался еще до появления первой партии огузов, т. е. до IX в., причем деятельными участниками этого процесса были как сами тюрки, жившие в районе Мерва, Балха и Дихистана, так и родственные им племена, обитавшие на Балханах и в других местах. Особенно усилился процесс тюркизации после того, как в IX и X вв. на территории Туркмении скопилось большое число огузов. Аланы и асы потеряли свой язык и тюркизировались в языковом отношении. Однако этнические, точнее, антропологические особенности их физического типа не исчезли бесследно. Они передали народу, который окончательно сложился здесь и получил имя туркмен, свою долихоцефалию — длинноголовость, о чем свыше 15 лет назад в упомянутых статьях писал проф. Л. В. Ошанин.

VIII—X века были лишь подготовительной стадией в сложении туркменского народа. Процесс этот нашел свое выражение лишь в XI и XII вв., когда, в связи с сельджукским движением первой половины XI в. и перемещением кипчаков в сторону бассейна Сыр-дарьи в XI—XII вв., началось третье и наибольшее по своему размаху передвижение огузов на юго-запад, в том числе и на территорию современной Туркмении.

³⁶ С. А. Волин, Указ. соч., стр. 192—196.

³⁷ Там же, стр. 194.

по сведениям Идриси, на территории гузов, внутри гузской степи, были в XI в. многочисленные укрепленные города, население которых (по крайней мере некоторых из них) занималось земледелием, ремеслами и торговлей.

Сведения ал-Идриси подкрепляются рядом исторических свидетельств. Так, Махмуд Кашгарский, автор, наиболее осведомленный в отношении внутреннего быта тюркских племен, рассказывает о том, что огузы называли Сыр-дарью просто «рекой» (угуз), без дальнейшего определения, так как на этой реке были их города². «Городами огузов» Махмуд Кашгарский называет, в частности, Сауран³, Сыгнак⁴, Ситкун (Сюткенд)⁵, Карнак⁶.

На карте Махмуда Кашгарского область «городов гузов» показана на юг от «гор Карачук» — современные Каратау, замыкающие с СВ бассейн Средней Сыр-дарьи. Махмуд Кашгарский дает нам сведения и о том, из кого состояло население «гузских городов»: «Вид гузов, который живет в их городах, не переезжает в другие места и не воюет, называется ятук»⁷. В этом тексте мы впервые встречаемся с прототипом хорошо известного впоследствии казахского термина «джатак» — не кочующий бедняк, от гл. «*джат*» (общетюркск. «*ят*») — лежать, находиться, жить, пребывать.

Ряд источников свидетельствует о том, что расположенный в низовьях Сыр-дарьи город Янгикент был в X—XI вв. резиденцией «царя гузов»⁸.

Мы должны оговориться, что существуют свидетельства прямо противоположного характера, подчеркивающие отсутствие городов у гузов. Так, Аноним Туманского (Худуд ал Алем) говорит: «Гузы не имеют ни одного города, но народ, имеющий войлочные юрты, весьма многочисленен»⁹. Впрочем, несколькими страницами ниже мы узнаем у того же автора, что Сюткенд — «местопребывание мирных тюрков, из их племен многие перешли в мусульманство»¹⁰, что «Сабран — город очень богатый, место гузских купцов»¹¹, и что, наконец, «князь гузов зимой находится в Дех-и-Нау»¹².

Как живущих в юртах кочевников рисует нам гузов и Ибн-Фадлан, встретивший их близ Северного Чинка Устюрта¹³.

В. В. Бартольд, пытаясь примирить эти противоречивые свидетельства, писал о Янгикенте и других городах Нижней Сыр-дарьи: «Эти города были основаны культурными пришельцами, и существование их не свидетельствует о распространении городской жизни среди самих огузов»¹⁴. Однако несколькими строками далее он вынужден, на основании приведенных выше свидетельств Махмуда Кашгарского, прийти к выводу, что «часть огузского народа перешла к городской жизни»¹⁵.

Решить вопрос о достоверности свидетельств ал-Идриси, Махмуда

² МК, I, стр. 58; ср. также Бартольд, Туркмения, I, стр. 16.

³ МК, I, стр. 364; Бартольд, там же. Ныне большие развалины того же имени.

⁴ МК, I, стр. 392; Бартольд, Цит. соч., стр. 15. Ныне развалины Сунак-Курган.

⁵ МК, I, стр. 369; идентификацию см. МИТТ, I, стр. 311, прим. 2.

⁶ МК, I, стр. 393; редакция МИТТ (I, стр. 311, прим. 5) отождествляет этот город с селением Карнак, в 25 км к СВ от г. Туркестана.

⁷ МК, III, стр. 11.

⁸ Ибн-Хукаль, ВГА, II, стр. 393; ХА, стр. 26а.

⁹ ХА, стр. 186; МИТТ, I, стр. 211; Hudud al Alam, transl. by V. Minorsky, London, 1937, p. 100.

¹⁰ ХА, стр. 246; МИТТ, стр. 216.

¹¹ Там же.

¹² ХА, стр. 26а; МИТТ, стр. 217.

¹³ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, под ред. И. Ю. Крачковского, стр. 60.

¹⁴ В. В. Бартольд, Цит. соч., стр. 15.

¹⁵ Там же, стр. 16.

Кашгарского и других авторов, говорящих нам о «городах гузов», с одной стороны, и об условиях возникновения исторически засвидетельствованных нижнесырдарьинских городов — с другой, могли только археологические исследования.

Археологическое изучение этого района началось с первых лет продвижения русских войск в бассейн Сыр-дарьи.

В 1867 г. П. Лерх¹⁶ подверг обследованию городище Джанкент близ устья Сыр-дарьи — ставку огузского ябгу X—XI вв. город Янгикент¹⁷ (тюркск.-иранск. «Новый город», персидск. Дех-и-Нау, арабск. ал-Карьят-ал-Хадиса), как и некоторые другие городища (Сыгнак, Сауран), до ныне сохранивший свое раннесредневековое название и поэтому без труда локализуемый. Небольшие раскопки П. Лерха (преимущественно лучше сохранившихся развалин вне города) позволили ему, однако, выделить лишь позднесредневековый материал (XIV—XV вв.). Это и не удивительно, так как состояние археологической науки того времени не давало никакой возможности стратиграфически расчленить находки и выявить более ранние пласты города. После работ Лерха городище неоднократно посещалось, но ни разу не подвергалось исследованию специалистов.

Другие, довольно многочисленные городища, расположенные по нижнему течению Сыр-дарьи — Куван-дарье и Жаны-дарье, т. е. по районам, хотя и посещались и описывались участниками Туркестанского кружка любителей археологии В. Каллауром¹⁸, Е. Смирновым¹⁹ и др., однако их описания настолько суммарны, что не дают почти никакого представления о памятниках.

Все это обуславливало настоятельную необходимость постановки археологической разведки в этих районах.

II. Городища Янгикентской группы

Осенью 1946 г. летняя группа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции²⁰ провела обследование памятников староречий Жаны-дарья и Куван-дарья. С посадочной площадки базы экспедиции, созданной близ развалин Джан-кала (средневековый Дженд)²¹, куда на автомашинах было заброшено горючее и продовольствие, группа участников экспедиции в составе начальника С. П. Толстова, научных сотрудников М. А. Орлова и В. И. Пентмана, на которых была возложена и аэросъемка памятников, и пилотов И. И. Яловкина и Н. Д. Губарева, на двух самолетах типа ПО-2, после обследования междуречья Жаны-дарьи и Куван-дарьи и интереснейшего комплекса раннеантичных памятников Джеты-Асар²², вылетела 10 октября по маршруту Джусалы — Казалинск — городища Янгикентской группы. После ночевки в Джусалы, 11 октября группа, пройдя без посадки Казалинск, вышла на городище Джанкент и сделала посадку в его окрестностях. После обследо-

¹⁶ П. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870.

¹⁷ О локализации раннесредневекового Янгикента см., кроме цит. соч. П. Лерха, Бартольд, Туркестан, II, стр. 179—180; его же, История орошения Туркестана, стр. 149—150 и др.; МИТТ, I, 150, прим. 9.

¹⁸ В. Каллаур, Древние города и селения в Перовском у., в долине рр. Сыр-Дарьи и Яны-Дарьи, ПТКЛА, прил. к прот. 17/XII 1903 г., № 2.

¹⁹ Е. Смирнов, Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи, ПТКЛА, прил. к прот. от 17/II 1897 г., стр. 1—14.

²⁰ Краткий отчет о работах Хорезмской экспедиции 1946 г. см. ИОИФ, 1947, № 2; там же см. карту памятников.

²¹ Обоснование локализации этого города см. в нашей статье, намеченной к опубликованию в ВДИ.

²² Предварительное описание комплекса Джеты-Асар публикуется нами в СА, XI.

вания и аэросъемки этого городища, вечером того же дня наши самолеты перелетели на городище Куюк-Кескен-кала, где сделали вторую посадку. Посвятив оставшиеся до заката часы обследованию этого памятника и переночевав, 12 октября, после завершения обследования и аэросъемки Куюк-Кескена, мы вылетели на Куюк-кала, находящуюся на южной оконечности примыкающего к Казалинску с юга низменного полуострова, где также сделали посадку. Завершив работу здесь, мы в тот же день через Джусалы вернулись в район Джеты-Асар, где продолжали начатые работы.

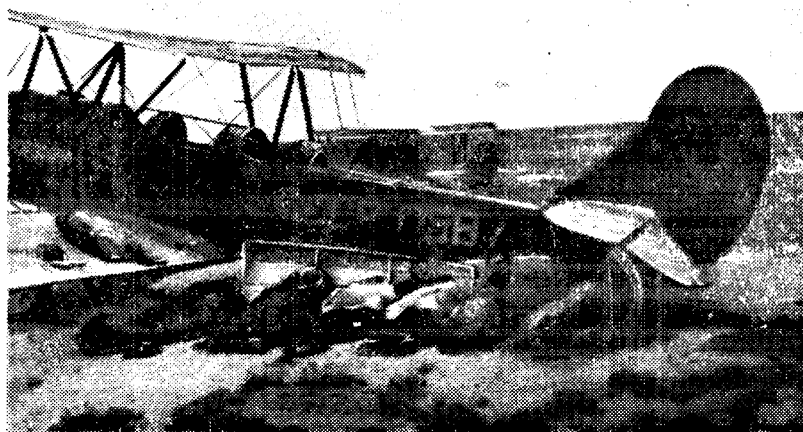


Рис. 1. Экспедиция на ночлеге близ Куюк-Кескен-кала

Работа носила, таким образом, весьма рекогносцировочный характер. Однако собранный материал позволяет уже притти к ряду достаточно определенных историко-культурных заключений.

Все три городища расположены в сходных условиях. Они лежат на плоской, низменной, влажной и сильно засоленной равнине треугольного полуострова или, точнее, острова, ограниченного на севере Сырдарьей, на западе — Аральским морем и на востоке — полосой болот и камышевых плавней, в которую впадает староречье Куван-дарья. Остров в разных направлениях пересечен хорошо выраженными и большей частью заросшими кустарником сухими руслами старых дельтовых протоков, разбивающих его на множество более мелких островов. Расположение всех трех городищ непосредственно на берегах этих старых протоков дает уверенность в том, что во время жизни этих поселений протоки были действующими и что, следовательно, поселения находились в условиях крайне болотистого дельтового ландшафта, на небольших островах дельты, у побережий ее рукавов и неподалеку от берега моря.

Городище Джанкент, расположенное в сильно заболоченной и заросшей камышом местности, имеет подпрямоугольную форму, вытянуто с востока на запад (ориентировка восточной стены 15°), с значительным расширением (уступами в обе стороны) в восточной половине. Размеры 375×225 (в восточной части 300) м. С запада на восток, примерно по медиане, городище разделено главной улицей, идущей параллельно стенам, от которой под прямым углом отходят переулочки, деля-

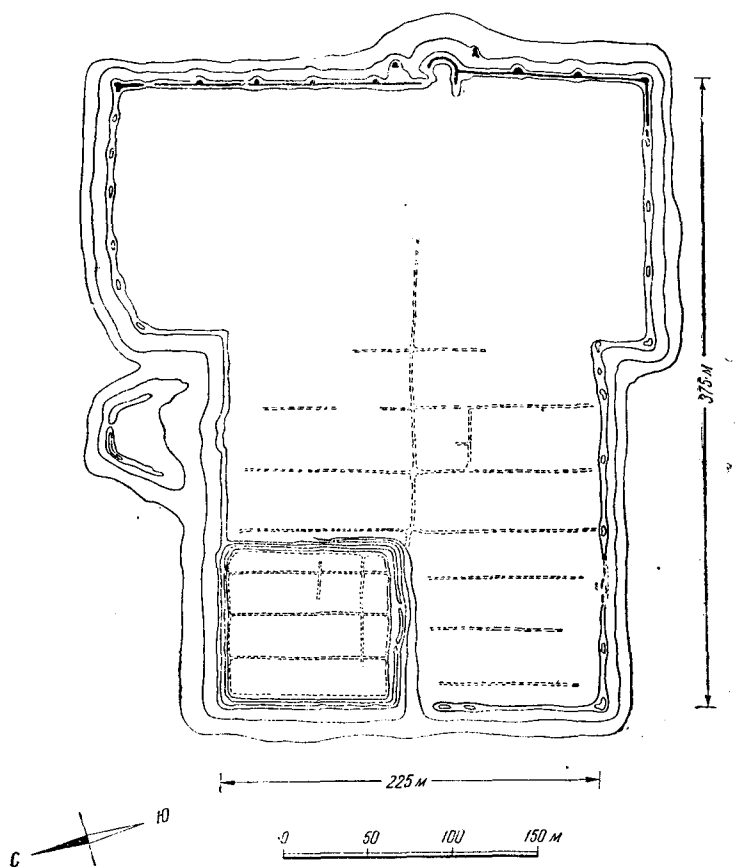


Рис. 2. Городище Джанкент (Янгикент). План



Рис. 3. Городище Джанкент. Перспективная авиасъемка. Вид с севера

щие площадь городища на большие дома-квартиры. В северо-западном углу находится квадратный бугор цитадели размером около 100×100 м, поднимающейся на 7—8 м над окружающей местностью, на 3—4 м над средним уровнем площади городища и также застроенной большими домами-массивами. Внешние стены городища, кроме восточной, превра-

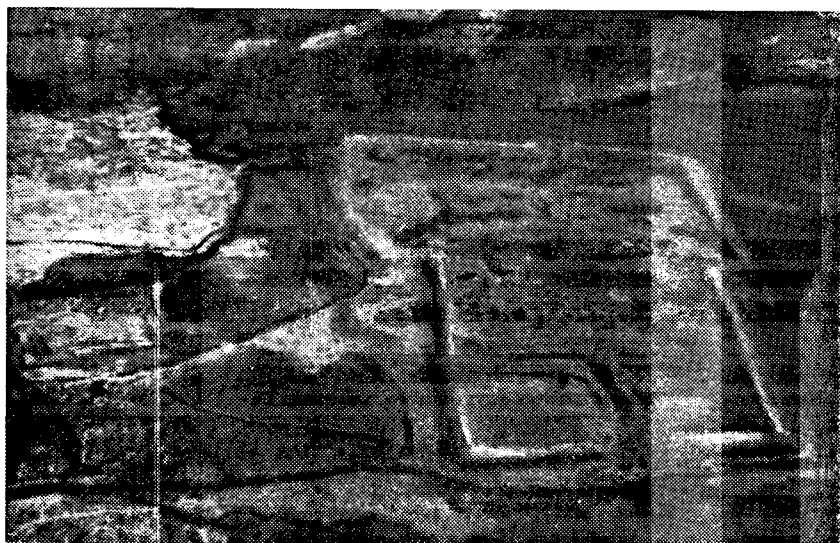


Рис. 4. Городище Джанкент. Перспективная авиасъемка. Вид с запада



Рис. 5. Городище Джанкент. Внутренняя планировка

тились в вал до 8 м высоты над окружающей местностью, вдоль которого местами видны расширения — следы некогда бывших башен — на неравных дистанциях (25—40 м). Восточная стена городища сохранилась относительно хорошо. В основании ее прослеживается сырцово-кирпичная кладка (кирпич $40 \times 40 \times 9$ см), над которой идет сохра-

нившаяся на высоту около 3 метров пахсовая (глинобитная) кладка рядами высотой 1,35 см, между которыми лежат прослойки камыша. Пахса — из культурного слоя, содержит многочисленные угольки и остатки керамики, среди которой попадает много фрагментов античной краснолощеной керамики хорезмийских типов. Стена укреплена округленными

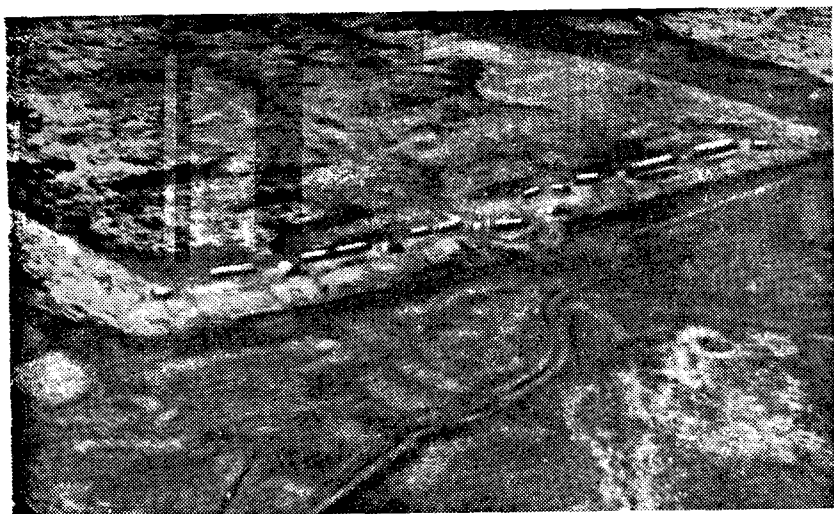


Рис. 6. Городище Джанкент. Сохранившиеся укрепления восточной стены



Рис. 7. Городище Джанкент. Часть восточной стены

башнями, расположенными на расстоянии около 30 м между осями. Ширина башен — около 3 м, выступание 3,5—4 м.

Примерно посередине восточной стены — неплохо сохранившееся предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены около 15 м длиной (с юга на север), с воротами, перпендикулярными стене, на северном конце. Выступ фланкирован двумя выносными башнями. Как и в средневековых крепостях Хорезма, предвратное сооружение рассчитано

на то, чтобы враги штурмовали ворота, повернувшись правым, не прикрытым щитом, боком к городской стене, и попадали под дополнительный обстрел с фронта — с предвратного выступа и слева с фланкирующей подход к воротам выносной башни.

Куюк-Кескен-кала, самое крупное из обследованных городищ, расположено на южном берегу ныне сухого, густо заросшего кустарником протока древней дельты. Это — обширное городище неправильно округленных очертаний, размером 560×700 м, вытянутое с во-

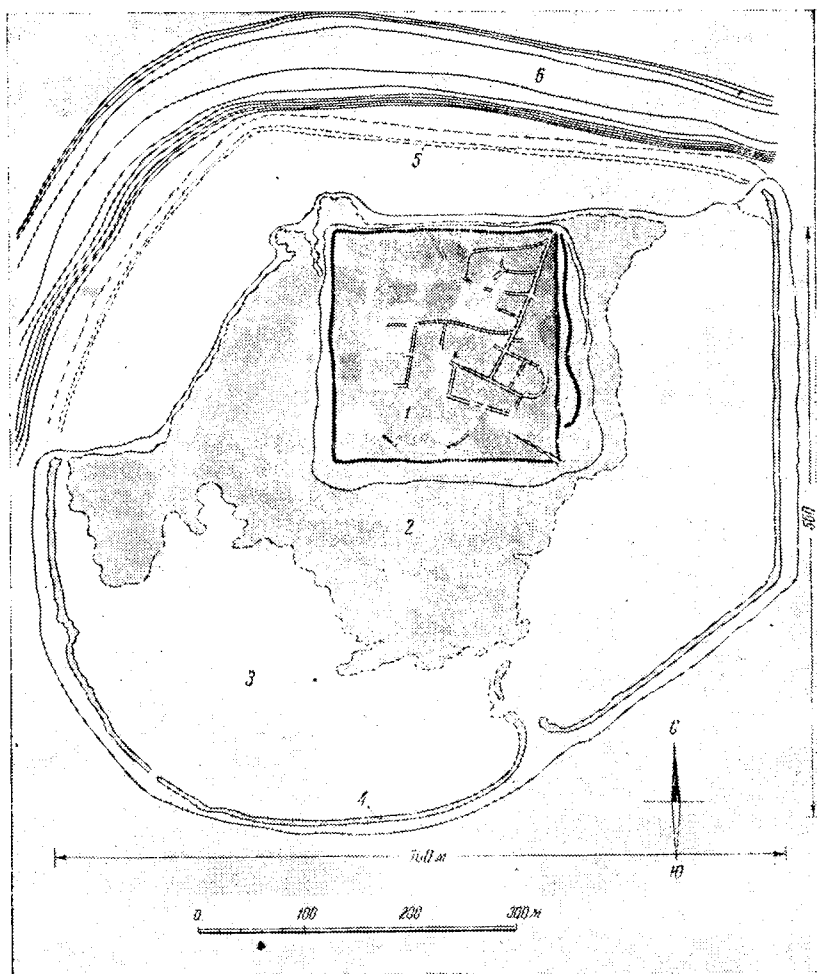


Рис. 8. Городище Куюк-Кескен-кала. План

стока на запад. Площадь городища, окруженная сильно обмытым, незначительно выступающим над поверхностью внутренней части городища валом, являющимся результатом размыва стен из сырцового кирпича, поднимается над окружающей местностью на высоту около 2 м. В северо-восточном углу расположен бугор квадратной формы 210×210 м, поднимающийся на 3 м над общим уровнем городища (на 5 м над окружающей местностью). Цитадель сплошь застроена хорошо прослеживаемыми в плане помещениями. Стены помещений сложены из квадратного сырцового кирпича довольно различного размера от 28×28 до 40×40 см, преобладающий размер 33×33 и 35×35 см (т. е.

близкий к хорезмскому стандарту афригидского периода)²³. Те же размеры кирпича прослеживаются в обвалованных стенах и в многочисленных постройках на площади самого городища, планировка кото-

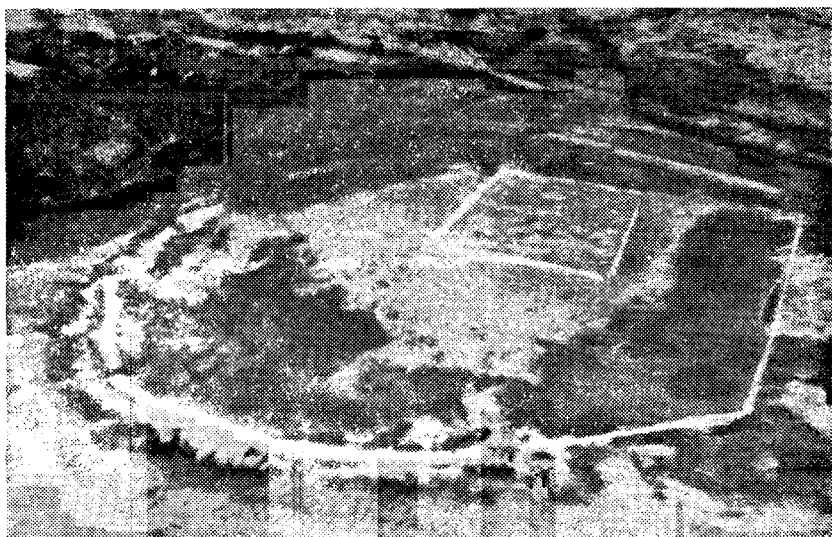


Рис. 9. Городище Куюк-Кескен-кала. Перспективная авиасъемка.
Вид с юго-востока

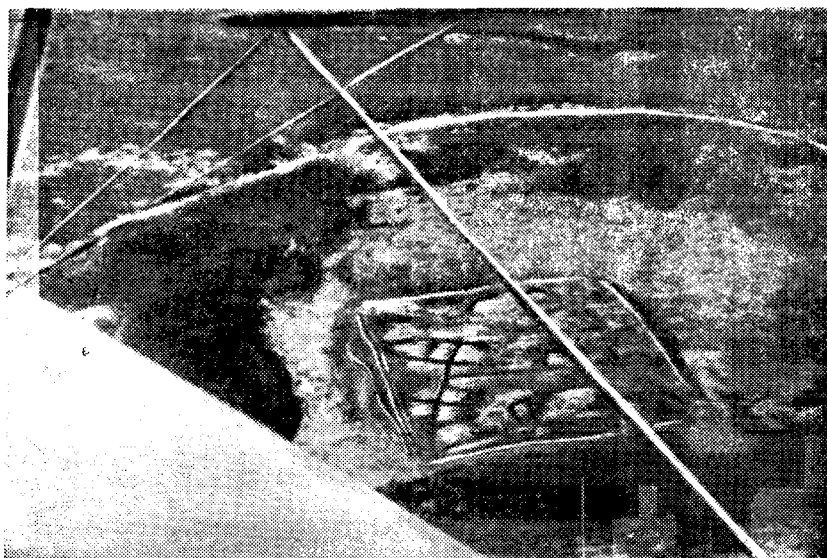


Рис. 10. Городище Куюк-Кескен-кала. Перспективная авиасъемка.
Вид цитадели

рых, местами отчетливо выступающая, в целом прослеживается плохо.

Квадратная цитадель имеет крайне своеобразную, поражающую своей нерегулярностью планировку. По периферии квадрата идет опоя-

²³ Ввиду сильной разрушенности верхних слоев кладки толщину кирпичей без раскопок определить не удалось.

сывающий коридор шириной около 1,5 м. Квадрат внутри разделен идущей наискось (ближе к восточному краю, см. план) улицей шириной около 3 м. От нее в разных направлениях и под разными углами отходят кривые переулки, делящие всю площадь цитадели на неправильной формы и разного размера комнаты, сохранившиеся лишь в плане здания, в свою очередь разбитые стенками обычно в 2 кирпича (плашмя) на квадратные; размер их колеблется между 4×4 и 23×23 м. На поверхность внутри помещений как на городище, так и в цитадели вы-

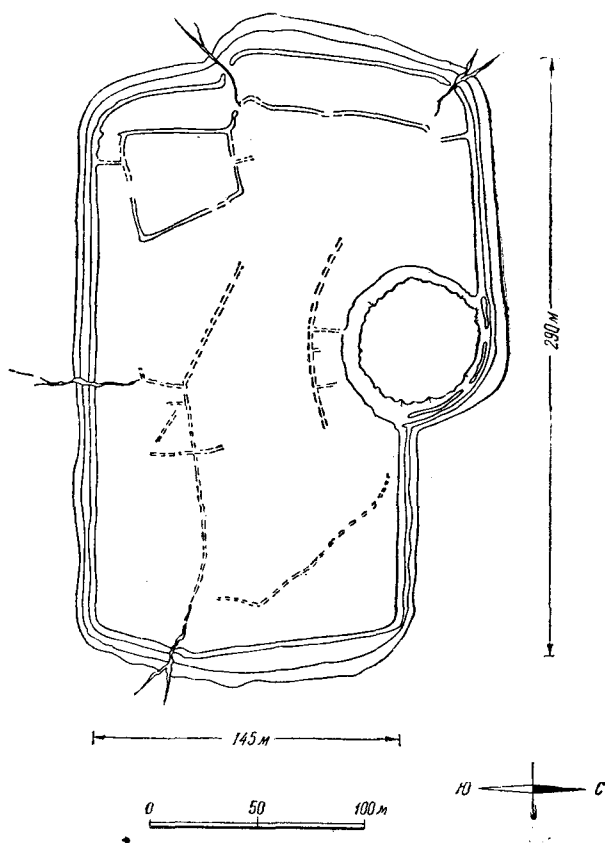


Рис. 11. Городище Б. Куюк-кала. План

ходит золистый культурный слой, изобилующий разнообразной керамикой, фрагментами медных изделий и костями животных плохой сохранности — главным образом мелкого рогатого скота, но попадаются кости и черепа лошадей и верблюдов. Исключительное обилие костей животных резко отличает эти городища как от древних, так и от средневековых городищ Хорезма.

Городище Большая Куюк-кала расположено внутри южного мыса описанного выше полуострова, в 3—4 км к северу от оконечности мыса. Оно лежит примерно в 700 м от значительного старого русла бывшего дельтового протока, идущего с севера на юг, от которого ответвляется меньших размеров проток, идущий почти прямо на восток, на южном берегу которого и расположена Б. Куюк-кала. На противоположном (западном) берегу упомянутого главного протока расположен подквадратный плоский бугор значительно меньших размеров, чем Б. Куюк-кала, но, видимо, представляющий в миниатюре сооружение

того же типа, что и последняя, известный под названием Малой Куюк-калы.

Б. Куюк-кала — большое городище подпрямоугольной формы, со скругленными углами и уступом, расширяющееся в западной половине, размером 145×290 м, вытянутое с запада на восток. В середине северной стены находится округлый оплывший бугор цитадели около 50×50 м. Городище окружено неглубоким рвом, около 10 м шириной, и невысокой обвалованной сырцовою стеной около 5 м толщиной у осно-

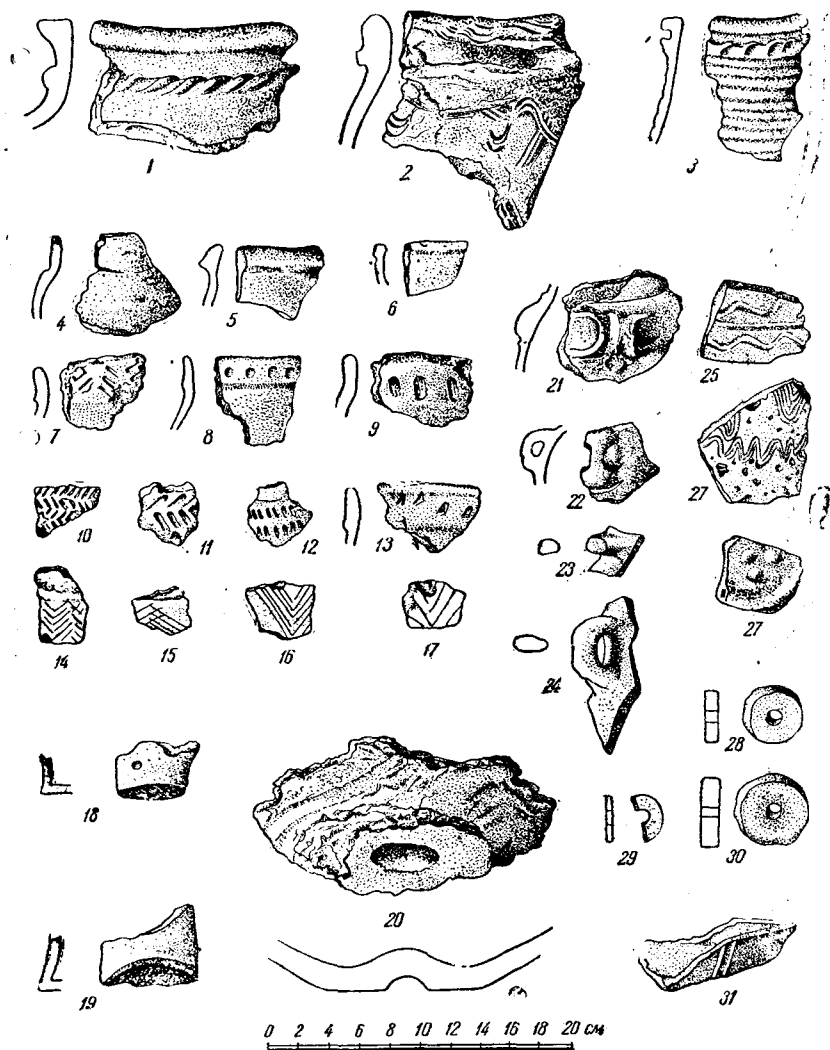
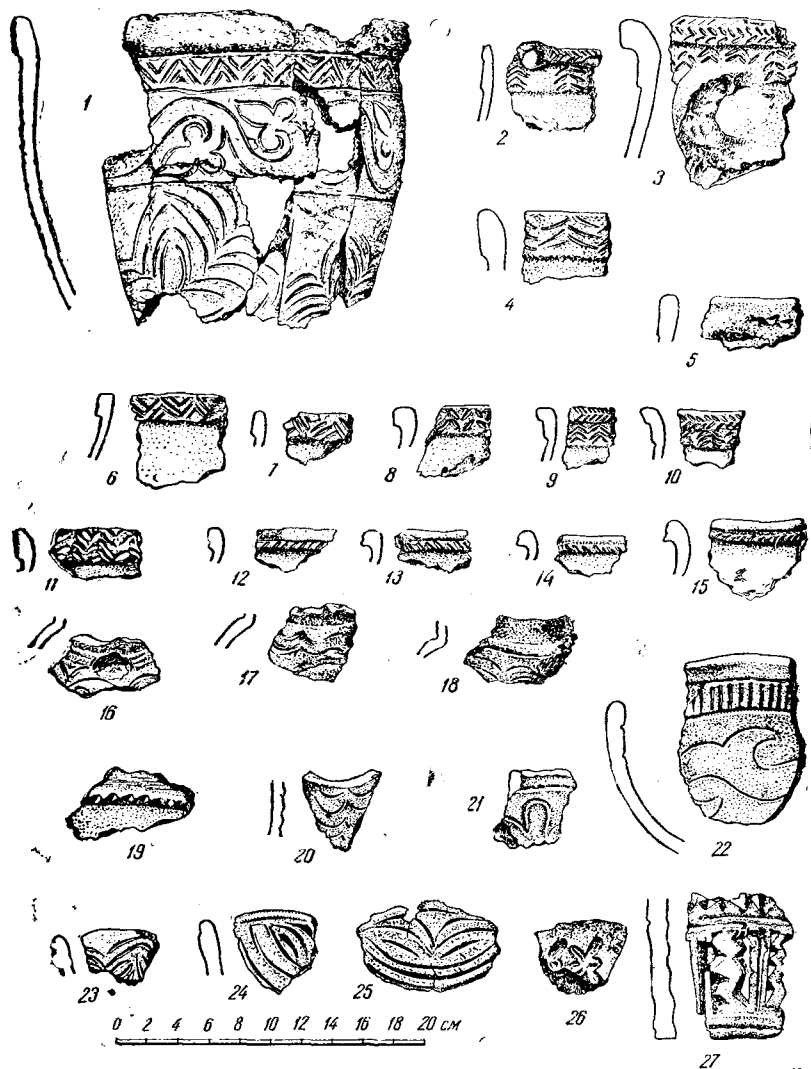


Рис. 12. Городище Куюк-Кескен-кала. Керамика.

вания. Площадь городища поднимается на 4—5 м над окружающей плоской равниной, площадь цитадели — на 8—10 м. Цитадель разделена местами хорошо прослеживаемыми внутренними стенками, около 70 см толщиной, на многочисленные прямоугольные помещения размером 4×3 — 4×6 м. Прослеживаемый в плане сырцовый кирпич, из которого возведены постройки городища, в основном размером 35×35 см. Площадь городища, как и в предыдущих памятниках, разделена хорошо видными с воздуха темными полосами улиц и переулков

на многочисленные дома-массивы, неправильных очертаний, так же, как и площадь цитадели, разделенные стенками той же толщины и из такого же кирпича на небольшие комнаты.

Собранный на городищах подъемный материал позволил дать их первоначальное хронологическое определение и пролил существенный свет на культурно-исторические связи создателей этих памятников.



• Рис. 13. Городище Куюк-Кескен-кала. Керамика

Среди многочисленной керамики выделяется небольшая группа фрагментов сосудов несомненно хорезмийского происхождения, позволивших сразу определить примерные хронологические грани времени жизни городища. Это, во-первых, довольно многочисленные, особенно в Янгикенте, фрагменты красно-лощеной античной керамики, восходящей к первым векам нашей эры, а может быть и к несколько более раннему времени (рис. 12, 18, 19, 24, 28—30; рис. 14, 13, 14, 16). Среди этой керамики попадаются, впрочем, фрагменты, близкие не к хорезмской, а к

джеты-асарской античной керамике²⁴, свидетельствующие о влиянии, шедшем с востока по Куван-дарье (рис. 12, 14—17, 21, 22, 23, 24; рис. 14, 9). Это также довольно многочисленные (особенно в Кескен-Куюк-кала и Куюк-кала) фрагменты различных сосудов, особенно небольших хумов типичных среднеафригидских (V—VII вв. н. э.) форм, с характерным волнистолинейным орнаментом (рис. 12, 2, 25, 27), особенно богато представленных в Хорезме на городище Топрак-кала и в

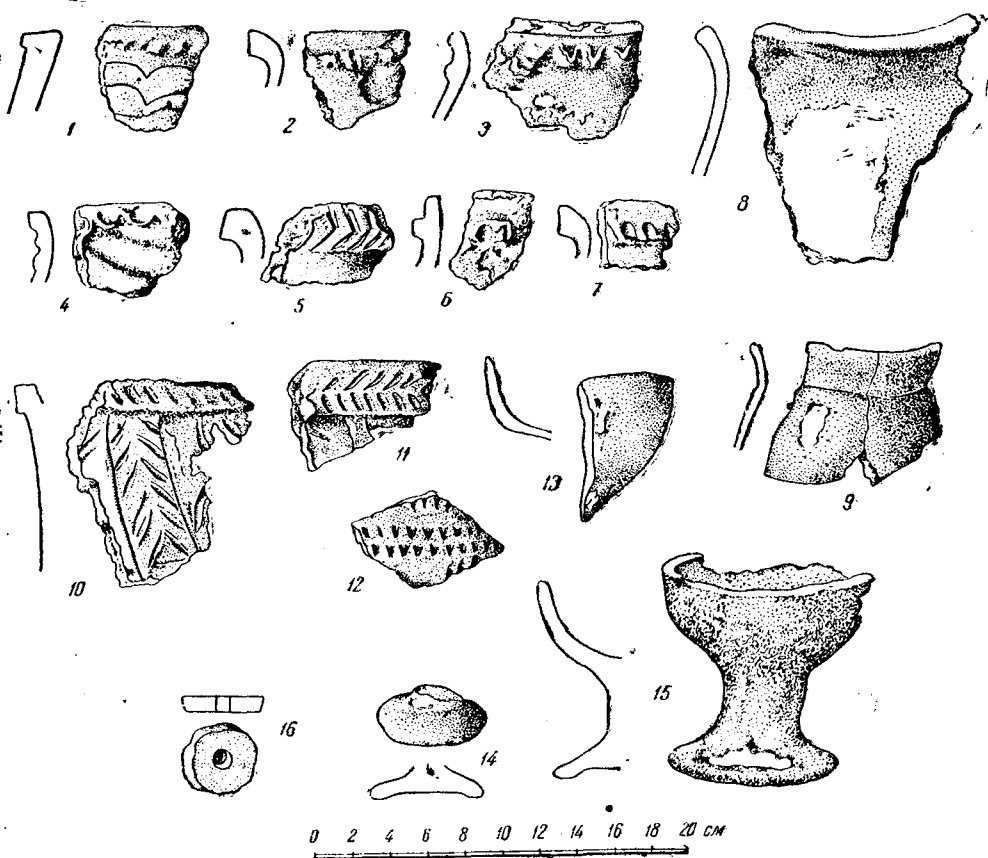


Рис. 14. Городище Куюк-кала. Керамика

нижнем слое Тешик-кала²⁵. Наконец, это довольно многочисленные фрагменты неполивных сосудов (ручки, венчики хумов) раннесредневековых хорезмийских типов, датируемых нами IX—XI вв., особенно обильные в Янгикенте (рис. 15, 1—6, 23, 24), где наряду с этим попадаются и фрагменты поливных чаш с белым подглазурным ангобом с красновато-коричневой росписью, типичных для X—XI вв. На Янгикенте встречаются и более поздние находки, но единицами. На других городищах их совсем нет.

Весь этот материал позволяет говорить о тесных хозяйственно-культурных связях обитателей янгикентских «болотных городищ» с Хорезмом и о наличии, видимо, некоторого количества населения хорезмий-

²⁴ См. С. П. Толстов, Хорезмская экспедиция 1946 г., ИОИФ, 1947, № 2; его же: Джеты-Асар (раннеантичные памятники верхней Куван-дарьи), СА, XI (в печати).

²⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 119, сл., 138, сл.

ского происхождения (так как трудно предположить транспортировку сюда неполивной хорезмийской керамики). О преобладании хорезмийских связей говорит и квадратная форма кирпича, резко отличная от характерного для Джеты-Асара прямоугольного кирпича. Вместе с тем наш материал позволяет утверждать, что городища эти существовали непрерывно со времен античности, по меньшей мере с начала нашей эры до X—XI столетий. Янгикент и по керамическим находкам, и по планировке является точно таким же «болотным городищем», восходящим к античности, но около X в. заново укрепленным по средне-

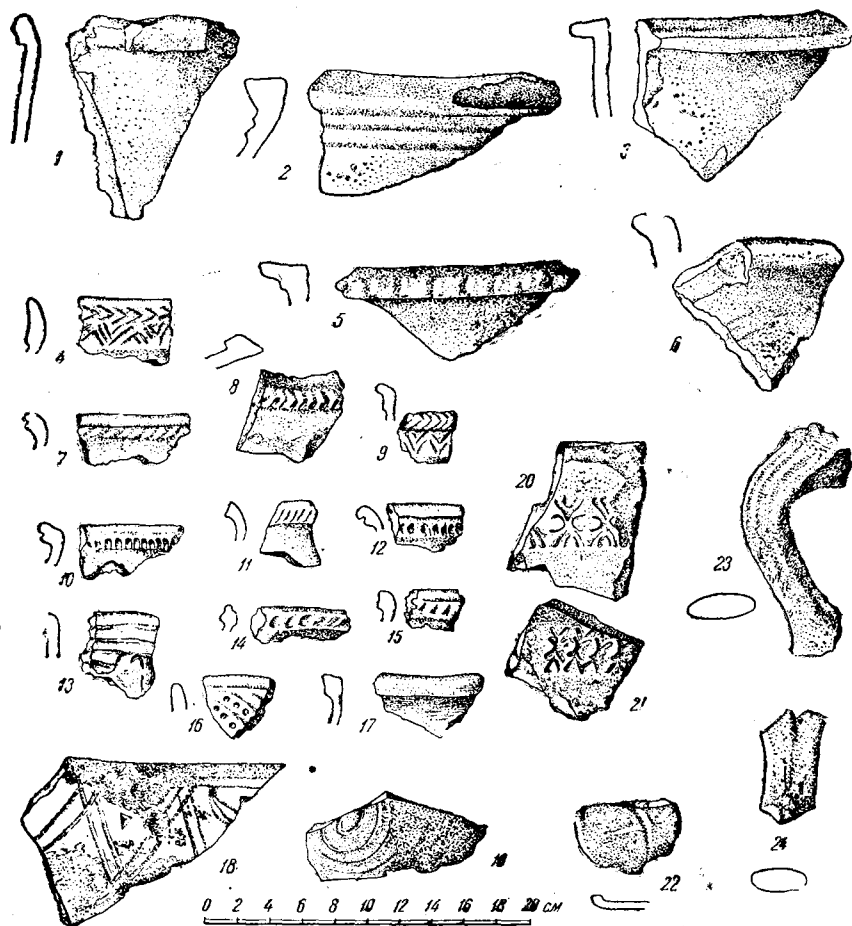


Рис. 15. Городище Джанкент. Керамика.

вековым хорезмийским образцам, видимо, хорезмийскими инженерами и имевшим, судя по керамике, довольно многочисленную хорезмийскую колонию.

Однако подавляющая масса керамики, найденная на всех трех городищах и особенно богатая в Кескен-Куук-кала, не имеет ничего общего с хорезмийской керамикой и вообще не встречает прямых параллелей в известной нам керамике окружающих районов. Это очень грубая, довольно толстостенная, сделанная без круга и чрезвычайно плохо и неровно обожженная керамика красновато-бурых, желтоватых и темных оттенков, с поверхностью, покрытой богатейшим рельефным орнаментом. Вся масса этой туземной керамики распадается на две основные типологические группы.

1) Разнообразных размеров сосуды, покрытые угловатым, преимущественно елочным орнаментом, нанесенным штампом в виде лопаточки или концом заостренного стержня (рис. 12, 7, 10, 11; рис. 13, 4, 6, сл.; рис. 14, 5, 11; рис. 15, 4 и др.). Среди этих фрагментов выделяются венчики сосудов с отогнутым, уплощенным сверху краем, опоясанным выступом, орнаментированным елкой, овальными или линейными оттисками штампа, расположенными вертикально, и, наконец, лепной (также при помощи лопаточки) имитацией жгута (рис. 12, 1, 3; рис. 15, 7, 8, 10, 12 и др.). Все эти варианты взаимно переходят друг в друга, а сосуды последнего варианта, нередко лучшей выделки, имеют красное лощение, примыкая, таким образом, к хорезмийской античной ремесленной керамике (аналогичный выступ вокруг венчика, имитирующий жгут, характерен и для гончарной керамики Джеты-Асара). Некоторые сосуды этой группы поражают архаичностью своего типа как со стороны техники, так и со стороны орнамента, и во многом дерекликаются с керамикой поздней бронзы — до такой степени, что, будь фрагменты стенок таких сосудов найдены вне памятника, они легко могли бы быть отнесены к поздним группам андроновской культуры. Другие сосуды, в частности упомянутые выше венчики с жгутовидным выступом, обнаруживают некоторые черты сходства с лепной керамикой Цымлянских городищ на Нижнем Дону, датируемой временем около середины I тысячелетия н. э. и принадлежащей, видимо, северо-кавказским аланам²⁶.

2) Вторая группа — это в большинстве случаев также очень грубые и плохо обожженные сосуды (горшки и чаши), по тесту, профилю и технике нестлицимые от первых, также очень богато орнаментированы, но в совершенно ином стиле. Это пышный, криволинейный прочерченный спирально-растительный орнамент, среди мотивов которого преобладают расцветшие на концах отрезки спирали и листовидные узоры (рис. 13, 1, 21, 23—25; рис. 14, 1 и др.). Один фрагмент чаши с резным орнаментом резко выделяется великолепным тестом, хорошим обжигом и лощением по серой поверхности (рис. 13, 22). Этот орнамент не встречает прямых параллелей в керамике, если не считать очень отдаленных общих аналогий с криволинейным орнаментом керамики Минусинской котловины от тагарской до кыргызской эпохи. Ближайшие аналогии мы находим на другом материале: в каменной резьбе тюркских саркофагов VIII в. н. э.²⁷, в средневековой позднетюркской орнаментике и современном народном искусстве Средней Азии (особенно у киргизов и казахов) — аппликации, вышивке²⁸, костяных и металлических изделиях²⁹. Сходные мотивы гуннских тканей I в. до н. э. из Ноин-Улы³⁰ регистрируются в орнаменте одежды гуннов Семиречья начала н. э.³¹. В целом орнаментальный стиль этой группы ведет нас в древний и, особенно, в раннесредневековый этнографический мир тюркских кочевников Монголии, Южной Сибири, среднеазиатских и восточноевропейских степей, в область орнамента, складывавшегося во взаимодействии с китайской художественной культурой ханьской эпохи.

Точная хронологическая атрибуция обеих основных групп пока, без раскопок, довольно затруднительна. Однако, в целом, мы можем все же наметить некоторые общие положения, требующие еще, конечно, существенных уточнений.

²⁶ М. И. Артамонов, Средневековые поселения на Н. Дону, Л., 1935, стр. 34, рис. 14, стр. 37, рис. 18 и 19 (особенно 19—3 и др.).

²⁷ W. Radloff, Atlas der Altertümer der Mongolei, SPB, 1892, табл. XII, рис. 4 и 6 (особенно последний).

²⁸ Р. Шнейдер, Казакская орнаментика, Сб. „Казаки“, изд. АН СССР, Л., 1927.

²⁹ А. Н. Бернштам, Историко-культурное прошлое Сев. Киргизии, Фрунзе, 1943, табл. V, стр. 15—19.

³⁰ C. Trever, Excavation in Northern Mongolia, L. 1932, табл. 4.

³¹ А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Л., 1940, табл. XXIII (рис. сверху).

1) Первая группа является более древней. Не говоря уже о возможном сохранении в ней каких-то местных «андроновских» традиций, она, несомненно, по крайней мере частично, сосуществует с красно-лощеной античной керамикой кангюйско-кушанских типов и некоторыми формами, характерными для джеты-асарской (тохарской) культуры, хотя некоторые аналогии тянут ее, хотя бы частично, к середине I тысячелетия н. э.

2) Вторая группа — более поздняя; ближайшие стилистические ассоциации связывают ее с памятниками около VIII в. н. э., хотя, как мы видим, на востоке, в Монголии и Семиречьи, эти аналогии уводят нас во времена около начала н. э.

3) Однако условия нахождения и технологические особенности керамики обеих групп позволяют с полной определенностью утверждать, что на значительном отрезке времени (падающем, судя по наиболее обильному сопровождающему хорезмийскому материалу, на раннеафригидскую эпоху, V—VII вв. н. э.) обе группы сосуществовали, взаимодействуя между собой.

Особо надо оговорить находку в Куюк-Кескен-кала керамического фрагмента хорошего обжига, розоватого цвета, с резным орнаментом, перекликающимся с деревянной резьбой кочевников (рис. 13, 27), и в Джанкенте — многочисленных фрагментов крупных сосудов, также хорошего обжига, со штампованным геометрически-растительным орнаментом в виде своеобразных розеток (рис. 15, 20—21). То и другое было в изобилии обнаружено в 1939 г. на городище Куня-Уаз, на землях древнего орошения Ташаузской области ТССР, и должно быть отнесено к раннесредневековому (видимо, X—XI вв.) слою. Отличаясь от керамики основных районов Хорезма, эта керамика Куня-Уаза, вероятно, должна быть приписана огузам северо-западных окраин разиса.

Мы видим, таким образом, три этнографические струи, отраженные в культуре «болотных городищ» восточного Приаралья:

1) местная культура, несущая древние, глубоко архаичные, восходящие еще к бронзовому веку, традиции;

2) мощное влияние на эту местную культуру со стороны художественного стиля степных тюркских (а может быть и прототюркских) племен Монголии и Приалтайских областей, резко сказывающееся на всем протяжении второй половины I тысячелетия н. э., причем, местные по технике и форме типы сосудов воспринимают восточные, гунно-тюркские формы орнамента, переходящие на приаральскую керамику не с гунно-тюркской керамики, а с изделий из других материалов (ткань, металл, кость);

3) непрерывно действующее влияние высокой среднеазиатской цивилизации — в первую очередь Хорезма, в меньшей мере Средней Сырдарьи (Джеты-Асар).

Наиболее существенным историко-этнографическим выводом из изложенного выше является, как нам представляется, бесспорно установленное положение о том, что: 1) города нижней Сырдарьи, во всяком случае области Янгикента, не «основаны культурными пришельцами», а созданы самим местным населением; можно лишь говорить о некотором влиянии со стороны, преимущественно, Хорезма и, отчасти, области джеты-асарской культуры; 2) огузы области Янгикента X в. — прямые потомки древнейшего местного населения, корни культуры которого уходят в местные традиции бронзового века; вместе с тем бесспорно, что в их этногенезе участвовал какой-то сильный, пришлый с востока элемент, появляющийся, видимо, около середины I тысячелетия н. э.; 3) как протоогузское, так и огузское население Нижней Сырдарьи не было действительно кочевым. Это — по меньшей мере полуседлое, если не просто оседлое (характер поселений), но вместе

с тем скотоводческое (обилие костей животных) и, несомненно, рыболовческое (расположение поселений в болотистой дельте) население.

Текст ал-Индриси (видимо, основанный на каком-то уникальном, но чрезвычайно важном итинерарии, относящемся, судя по локализации границ страны гузов, к XI в. и, скорее, к его первой половине), достоверность которого в свете наших материалов вряд ли может теперь возбуждать сомнение, говорит и о земледелии у обитателей «городов гузов».

Мы можем, следовательно, говорить о полuosедлом или оседлом комплексном скотоводческо-рыболовческо-земледельческом хозяйстве, как основе экономики сырдарьинских тюркских племен X—XI вв., выступающих в источниках под именем огузов, и о глубокой традиционности для них этого уклада, уходящего по меньшей мере в античную, если не в бронзовую эпоху.

Планировка наших «городов гузов» (дома-массивы) позволяет говорить о сохранении у них до X—XI вв. тех архаических общинно-родовых традиций, которые отражены в планировке античных городов и селений Хорезма, но в последнем не переживают V—VI вв. н. э.³²

III. „Балык“ — город и „балык“ — рыба

Уже в древнейших тюркских текстах (орхонские надписи VIII в. н. э.) мы встречаем слово, в последующей истории тюркских языков означающее город, — «балык» (*balyq*, орх. ) , причем в небезинтересном контексте. Описывая выступление Ильтерес-кагана, отца автора надписи, с семнадцатью воинами поднявшегося на борьбу за власть в переживающем глубокий кризис каганате, автор говорит: «Услышав весть о том, что он бродит за пределами, жители городов (*balyqdaqy*) поднялись, а жители гор спустились и, собравшись, составили семьдесят мужей» (K₁₂).

Слово *balyqdaqy* не вызвало сомнений у переводчиков: В. Радлов переводит *Städtebewohner*³³, П. Мелиоранский — «жители городов»³⁴. И, действительно, слово *balyq* в значении «город» обычно для тюркских языков (кроме тех, правда, преобладающих случаев, когда оно вытеснено иранским *šahr* или арабским *qal'a*). В K_{b4}, 22 (и в X₃₀ 11) мы встречаем его в рассказе о войнах Кюль-Тегина против огузов: «В один год мы сражались пять раз. В самый первый (раз) мы сразились при городе (*balyqda*) Tory». В K_{b8}, 5 мы снова встречаемся с этим словом при описании другого похода Кюль-Тегина на огузов в том же году: «В пятый раз мы сразились с огузами при Эзгенти Кадазе. Кюль-Тегин, сев на своего бурого Аза (порода или имя коня), произвел атаку, двух мужей он заколол, но на город (*balyqa* вместо правильного *balyqqa*) не пошел».

Наконец, в X₂₈, 11—28, 26 мы дважды встречаем столь хорошо впоследствии известное имя города *Beš-balyq* (букв.: пять городов). По Махмуду Кашгарскому³⁵, *balyq* () «замок» () , «город» () «на языке язычников и на языке уйгуров». Действительно, в уйгурских документах, изданных Радловым, это слово с совершенно ясным значением «город» встречается беспрестанно³⁶.

³² С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 92 сл., 120 сл.

³³ AIM, I, стр. 9.

³⁴ ЗВО, XII, стр. 66—67 отдельного оттиска; см. ниже, примечание 93.

³⁵ МК, I, 317, 3.

³⁶ USD, стр. 12, 26, 52, 88, 95, 97, 102, 115. Интересно упоминание города Вавилона в манихейско уйгурском тексте (95), и особенно выражение „во всех городах и у всех племен“ (буддийский текст, 102).

Интересующий нас термин со значением «город» зарегистрирован и в хазарском. Я имею в виду загадочное название восточной части Итиля, выступающее у арабо-персидских авторов в начертаниях: خملیغ (Ибн-Хурдадбех), هبلنع, حبلىع (ал-Гарми — Инб-Русте), خلیع (Гардизи), خليج (Ибн-ал-Факих), حثلغ (ал-Бекри) ³⁷.

Маркварт ³⁸ реконструирует, по Ибн-Русте, حبلىع — *qary(g) = balyq*. Гартманн, с которым полемизирует Маркварт, в указанном месте ³⁹ видит в начертании слова у Ибн-Русте خنبلیغ *Xan-balyq* — «Ханский город». Это же чтение выдвигает А. Ю. Якубовский ⁴⁰, которому остались неизвестными гипотеза Гартманна и возражения Маркварта, на наш взгляд весьма основательные, а именно — невероятное здесь отсутствие алифа в слове «хан» и малая вероятность появления у хазар этого титула.

Я со своей стороны должен отметить, что, согласно «письюму царя Иссыфа», в восточном городе живет не хан, а жена его — царица. В силу этого я позволю себе предложить конъектуру ختنبلیغ — *xatun-balyq* — город царицы. Во всяком случае чтение второй части представляется несомненным.

Этот же термин мы встречаем и в монгольском, в форме *balqasun* || *balqasun* — город ⁴¹, а в тюркской форме *balyq* он выступает, как название Пекина — Хан-балык — в юаньское время (ср. также наименование Хо-балык — «Добрый город», данное монголами Баласагуну).

Для понимания семантики интересующего нас слова важно обратить внимание на то, что древнетюркское *balyq* — город имеет омоним в виде общетюркского *balyq* — рыба. В обоих исследуемых словах легко отделяется живой во всех тюркских языках суффикс образования отыменных прилагательных *lyq* (*bal + lyq* → *balyq*, ср. выше *balyq + qa* → *balyqa*). Таким образом, в обоих словах вскрывается основа *bal*, которую с другими суффиксами мы находим во многих тюркских языках со значением «грязь», «тина», «глина»: тур. *bal + cyq*, также в ногайском, чаг. также *balcyq*, каз. *balşyq* (откуда и имя улицы Замоскворечья Балчуг, расположенной в районе Болота), алт. *balqas* и т. д., и производные отсюда — тат. *balcaraq* — ненастье, ненастная погода, кирг. *balşaqşy* — кулик, глагол казахск. *balşyraymaq* — загрязниться, алтайск. *balʹrastu* — грязный, каз. — *balqas* — кочки в болоте (откуда и название озера Балхаш). И здесь мы попадаем в давно уже обративший внимание лингвистов обширный круг параллелей в самых различных языках Евразии, в 1912—1921 гг. исследованный болгарским лингвистом проф. С. Младеновым, а недавно — академиком Н. С. Державиным ⁴²: в частности, русск. *бал + ка* — овраг, слав. *бла + то*, русск. *боло + то*, албанск. *bal + te* — грязь, болото, русско-церковно-слав. *бара* — болота, болг. *бара* — лужа, болото, канава, русло реки, словацкое *bara* — лужа, болото, топь, а с другой стороны — камасинское (самоедское) *bare* — болото.

Проф. Младенов устанавливает, что «более, чем в половине индоевропейских языков имеются довольно многочисленные слова праиндоевропейского корня *ber*, который, вероятно, имел значение: вода, вода,

³⁷ См. Marquart, Streifzüge, S. 270; Komanen, S. 70—71; Hist. Glossen, S. 195.

³⁸ Marquart, Komanen, S. 71.

³⁹ Там же, прим. 1.

⁴⁰ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв., ИОИФ, 1941, № 5, стр. 464.

⁴¹ Мукаддимат ал-Адаб, I—II, М — Л., 1938, стр. 49, 110—111, рис. 433. Из приводимых фраз следует также значение: «дворец», «стена», спец. «глиняная стена». Видимо, с этой монгольской формой связано название главного города Семиречья в каранидское и кара-китайское время — Баласагуна.

⁴² Н. С. Державин, История Болгарии, т. I, стр. 80—82.

которая течет, теку, поток, река; вода нечистая, болотистая; тина, грязь» и т. д.⁴³ Вместе с тем Н. С. Державин устанавливает для фракийских языков (с которыми, как мы не раз отмечали, в тесной связи находились языки массагетов)⁴⁴ чередование этой основы с основой *-pera||-para* в окончаниях названий населенных пунктов, с «вероятным значением «город», «селение»⁴⁵.

Широкое распространение в индо-европейских и урало-алтайских языках корня *bal||bar* (*par, pur*) с одним и тем же чередованием значений позволяет говорить о глубокой древности этого корня; распространение его восходит максимально к позднелеолитическому времени, предшествовавшему выделению индо-европейской системы⁴⁶, т. е. по меньшей мере к III — началу II тысячелетия до н. э. Однако столь глубокая предистория для нас важна только ради установления древности интересующей нас основы, для окончательного выяснения семантики основы *bal||bar*, означающей различные явления, связанные с водой, но прежде всего — болото, лужу, стоячую воду и вместе с тем — город.

Если подойти ближе к вопросу и остановиться на языках непосредственных предшественников тюрков — гуннов, насколько мы знаем их язык из свидетельств древних авторов и из переживаний палеотюркских заимствований в венгерском, мы не только найдем там эту основу в форме *war||wal*, но и можем усмотреть существенное для нас чередование значений — река||город. Иордан сообщает нам, что когда гунны были изгнаны из Паннонии, незначительная их часть «*eas partes Scythiae peteret, quae Danapri amnis fluentia praetermeant, quae lingua sua Hunnivar appellant*». Днепр по-гуннски, таким образом, назывался Hunnivar, с явным смыслом «Гуннская река» (S. de Keza говорит, что ее «*fluuiio Hung vocato*»)⁴⁷, отсюда гуннск. *war* — река⁴⁸ (ср. также мадьярское или печенежское название Днепра — Варух, *βαρύχ* у Константина Багрянородного⁴⁹). Но вместе с тем венгерские хронисты сохранили нам воспоминание о наименовании древней столицы Атиллы в Паннонии Будувар (*Buduuar, et a teothonicis Ecilburgum vocatur*)⁵⁰. Правда, оговоримся, что, по словам самого Анонима, остатки укреплений, приписываемых Атилле, «*per linguam hungaricam nunc dicitur Buduuar*», т. е. так называли их венгры на своем языке во времена Анонима, по всей видимости в XIII в.

Действительно, по-венгерски и поныне город будет *vagos* («варош»). Этот термин выступает уже в древневенгерском. Так, Зоболе, вожде племени хак (*Chak*), в период завоевания Паннонии (IX в.) строит крепость и называет ее Хаквара (*Chakwara*)⁵¹. Но булла папы Евгения II от 826 г., т. е. времени до мадьярского вторжения, называет некоего Анно, епископа г. Ветвара (*Vetvar*, в тексте *Vetuar*)⁵². Следовательно, как слово *war* — город, так, вероятно, значительная часть вышеуказанных топонимических терминов в Паннонии — довенгерского, сле-

⁴³ Цит. по Н. С. Державину, Указ. соч., стр. 81.

⁴⁴ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 194, 199 сл., 238, сл.

⁴⁵ Н. С. Державин, Цит. соч., стр. 75. Ср. распространение этой же основы с иной огласовкой — *pur* в индийской и иранской топонимике. Ср. также греч. *polis* — город.

⁴⁶ Ср. статью Е. Кричевского в КСИИМК, IV, стр. 6, сл., нашу статью в КСИЭ, I, стр. 12, и статью А. Д. Удадьцова в КСИЭ, I, стр. 14, сл.

⁴⁷ S. de Keza, II, I. ed. Endlicher, 102.

⁴⁸ Ср. Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваша, ИОАИЭ, XVIII, 1902, стр. 51, сл., где он сближает гуннское *war* — река с чувашским *var* — долина.

⁴⁹ DAI, XXXVIII.

⁵⁰ Anonymus, I, ed. Endlicher, 3.

⁵¹ S. de Keza, II, ed. Endlicher, 103.

⁵² «Fejer. Codex. Diplom», I, 153, Цит. по Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn., 197, также прим. 325, на стр. 409.

довательно, по меньшей мере аварского, а скорее всего гуннского происхождения, и к гуннскому же надо возводить нововенгерское *varos*.

В этой связи небезинтересно будет обратиться к памятникам эфталитского языка, имеющим непосредственное отношение к предистории приаральских огузов.

Маркварт в своей посмертной работе *Wehrot und Arang* подвергает интересному анализу название города *Warwāliz* (*Walwālidj* — ⁵³ وروليز ⁵⁴ واول), локализуемого им близ Кундуза, который, по ал-Бируни, будучи «столицей Тохаристана, в старину был царством эфталитов» (*ولولج و هي قصبه طخارستان مملكة الهياطلة في القديم*), и сопоставляемого Марквартом с *Warčap*—**Wāričap* армянских географов ⁵⁵.

По мнению Маркварта, это имя восходит к восстанавливаемому им самоназванию эфталитов *Waḡ* (китайское 渴 — «закономерная китайская передача слога *waḡ*», современное чтение Хоа) ⁵⁶; «имя «эфталиты» — это, — говорит Маркварт, — лишь имя господствующего рода» ⁵⁷, откуда он выводит реконструируемый им титул эфталитских царей — *waḡič* ⁵⁸.

Не во всех деталях можно здесь за Марквартом следовать. В частности, маловероятно предположение, что в форме *warwaliz* мы видим редупликацию. Вероятнее здесь сопряжение двух однозвучных или близких слов: *waḡ* — племенное имя и *waliz* (~ *wariz*) со значением «город», уже знакомое нам по венгерскому и гуннскому (аварскому?). Встает вопрос, нельзя ли видеть в *waliz* формальный прототип исследуемого *balyq*, т. е. оформленную однозначным с тюркск. *lyq* эфталитским суффиксом *iz* (*liz*?) основу *wal* || *war*, тождественную тюркскому *bal*?

Таким образом, как будто удастся установить следующее:

1) Основа *bal* || *bar* — для обозначения водоема, как текучего, так в первую очередь не текучего, болотистого, является одной из древнейших, восходя, по крайней мере к энеолиту, к III—II тыс. до н. э., чередуясь со столь же древней основой *par* || *per* || *pur* со значением «город», *gesp.* — оседлое поселение у воды.

2) В гуннских языках, в том числе в эфталитском, мы встречаем чередование *waḡ* (*waruh*) — река ~ *waḡ* (*waliz*) — город.

3) В тюрко-монгольских языках мы встречаем чередование *balyq* — город и *balyq* — рыба при основе *bal*, с основным значением «болото».

Мы видим, таким образом, что на базе развития древнего, восходящего к неолиту чередования в тюркских языках возникает сравнительно молодой, оформленный живым аффиксом, параллелизм: г о р о д — р ы б а.

В этой связи не безинтересно будет напомнить, что у якутов термином *балыхсыт* именовались «пешие якуты» — рыболовы, живущие по берегам озер рыболовное население, не занимающееся или мало занимающееся скотоводством (в особенности коневодством: «пешие» противостоят «конным») ⁵⁹.

⁵³ J. Marquart, *Wehrot und Arang*, Leiden, 1938, S. 43—45.

⁵⁴ Бируни, Канон Масудикус у Абу-л-Фида, 473, ed. Reinauld, II, 207.

⁵⁵ Нельзя не отметить, что, по утверждению Маркварта, в афганском языке возможно, в качестве заимствования из эфталитского (не надо забывать, что Кундуз — на территории Афганистана), сохранилось и поныне слово *wala* || *wara* — канал, река (Marquart, *Op. cit.*, S. 82).

⁵⁶ *Op. cit.*, S. 45.

⁵⁷ Там же, Думаю, что это неверно. Если Маркварт прав в своем чтении данного иероглифа, вероятнее искать в этом имени какую-то связь с именем одного из двух отделов (фратрий?) „псевдоаваров“ Феофилакта Симокатты — Уар (*Ὀβάρ*). Что касается имени эфталитов — см. нашу работу *Древний Хорезм*, стр. 275.

⁵⁸ Там же, стр. 147.

⁵⁹ С. А. Токарев, *Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.*, Якутск, 1945, стр. 171—174.

Тип хозяйства якутов — народа, рано отделившегося от комплекса центральноазиатских скотоводческих племен, — вообще чрезвычайно интересен: это комплексное, скотоводческо-рыболовческое хозяйство, с древними традициями оседлости (стационарное жилище). Хозяйство якутов на дальнем северо-востоке и каракалпаков — на юго-западе — это живые этнографические реликты той стадии хозяйственного развития, через которую прошли все или почти все скотоводческие народы Средней Азии и которую рисуют нам наши памятники. Прямой, синхронной и исторически связанной с нашими памятниками параллелью этого комплексного хозяйства, сочетающего городской быт с полукочевым земледелием, скотоводством и рыболовством в области дельты, является хозяйство хазар, достаточно подробно освещенное арабскими и еврейскими документами X в.

Позволим себе теперь исторически осмыслить изложенные выше языковые факты.

1) Тесная взаимосвязь в ряде языков различных систем интересующей нас основы с понятиями — «вода» (преимущественно — стоячая), «болото», «озеро» и «город» позволяет предположить о связи древнейшей оседлости неолита и бронзового века с рыболовством, преимущественно в условиях болотно-озерного режима. Это подтверждается целиком всем имеющимся в нашем распоряжении археологическим материалом, равно как и этнографическими параллелями⁶⁰. Продолжение этой традиции в железном веке находит свое отражение в характеристике массагетов болот и островов Страбона — Гекатея.

2) Возникновение на этой основе сравнительно молодого чередования тюркск. балык — город и балык — рыба свидетельствует о том, что в период завершения формирования тюркских языков, вероятно около середины I тыс. н. э.⁶¹, эта взаимосвязь оседлости с рыболовством и обитанием в условиях озерно-болотного ландшафта продолжала существовать, что также подтверждается публикуемым нами здесь археологическим материалом, как и этнографическими реликтами (каракалпаки, якуты).

IV. Северо-восточное Приаралье в дотюркский период и легенда об Огуз-кагане

Заключение о непрерывности жизни наших памятников, по крайней мере с начала нашей эры до эпохи, когда область Янгикента и «города гузов» становятся известными арабским источникам, заставляет нас обратиться к вопросам истории Приаралья в более ранний, чем затронутый нами выше «огузский» период.

Большинство авторов, работавших в области исторической географии древнего Восточного Приаралья, склонны именно здесь локализовать центр области Яньцай (впоследствии Аланья, еще позднее — Судэ) китайских источников⁶².

Я не думаю, чтобы китайские источники разумели под Яньцай всюду «местности у Аральского моря», как предполагает В. В. Бартольд. Целый ряд мест в китайской литературе позволяет полагать, что китайцы разумели под Яньцай гораздо более обширную территорию — всю огромную область тогдашних кочевий алан, от Сыр-дарьи и Хорезма до Предкавказья⁶³. Однако, вместе с тем бесспорно, что из районов расселения алан именно Восточное и Северное Приаралье были наиболее

⁶⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 59 сл.

⁶¹ А. Н. Бернштам, СЭ, VI—VII, 1947. См. также ниже примечание 93.

⁶² В. Бартольд, Сведения об Аральском море, 1902, стр. 20, сл.; его же, Туркмены, I, стр. 7.

⁶³ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 20.

известны китайцам. «Море без берегов», «Северное» или «Западное море» китайцев — в этом мы целиком согласны с Хиртом и Бартольдом — это прежде всего Аральское море, хотя — и в этом опять-таки правы указанные авторы — на него китайцы нередко проецируют имевшиеся в их распоряжении туманные сведения о Каспии, как в свою очередь античные авторы путают Арал то с Каспием, то с Меотидой. Весьма вероятно, что «море без берегов» — это просто перевод иранского термина, зафиксированного в Авесте и в пехлевийской литературе в форме «море Вурукаша», с тем же, как известно, значением термина, большинством авторов приурочиваемого именно к Аралу. В связи с этим, вероятно всего именно с областью Северо-Восточного Приаралья надо связывать сведения о событиях в Судэ-Яньцай, содержащиеся в Бэй-ши, познания авторов которого о западных странах были географически гораздо более ограничены, чем познания более ранних и более поздних авторов, писавших в периоды политической активности Китая на западе. Бэй-ши сообщает нам, что «некогда хунны, убив владетеля судэского, овладели землями его. Владетель Хуни составлял уже четвертое колено после того события»⁶⁴.

Иностранцев и Аристов датируют время «владетеля Хуни» около 440 г., когда в Китай прибыло посольство из Судэ⁶⁵, к которому, видимо, и восходит приведенное выше сообщение. В таком случае время овладения хуннами областью Судэ надо относить к периоду за 75—100 лет до этого, т. е. к середине IV в. — незадолго до того, как гунны появляются в Европе.

Вышеприведенные данные Бэй-ши о посольстве из страны Судэ к китайскому двору около 440 г. (причем посланник Судэ выступает вместе с посланниками «кучаским, кашгарским, усуньским, юебаньским, шаньшаньским, хараشارским и чешыским»⁶⁶, т. е. представителями восточнотуркестанских мелких государств и областей северо-востока Средней Азии) исключают возможность видеть в Судэ, как делает Иностранцев, область к северу от Каспия. 440-й год — это время расцвета восточноевропейской империи Аттилы, и исторически абсолютно невозможно, чтобы скромный Хуни, посол которого упоминается в конце перечня послов мелких центральноазиатских владений, был тождественен великому завоевателю, как столь же невозможно предполагать наличие независимого от Аттилы гуннского государства в Восточной Европе и его сношения с Китаем, в это время, как мы знаем, находившимся в состоянии политического упадка и представлявшим мало интереса для столь отдаленных стран. Гораздо вероятнее видеть в Хуни Бэй-ши царя среднеазиатских хуннов-кидаритов, в 468 г. разбитого Перозом и носившего, по Приску, имя Κοῦγχανς (Маркварт считает, что Приск принял исходное Κοῦγχαν за винительный падеж и образовал отсюда греческий именительный и что имя царя надо читать не Кунгха, как обычно принято, а Qun-qan, т. е. Кун-хан или хан кунов ~ эфталитов)⁶⁷.

В этой связи безинтересно вернуться к анализу имени кидаритов, традиционно возводимого источниками к имени царя — основателя этого варварского государства, везде, впрочем, выступающего лишь ретроспективно, для объяснения имени, нигде не фигурируя в качестве конкретного исторического деятеля⁶⁸. Нам представляется гораздо более

⁶⁴ Собр. свед., III, стр. 166.

⁶⁵ К. Иностранцев, Хунну и гунны, Л., 1926, стр. 100; Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен, ЖС, 1896, III, IV, стр. 293

⁶⁶ Собр. свед., III, стр. 137.

⁶⁷ Marquart, Komnen, S. 70.

⁶⁸ Ср. Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М. — Л., 1941, стр. 38—48; здесь автор без особой критики пересказывает показания источников.

убедительной гипотеза Лерха⁶⁹ и Веселовского⁷⁰, связавших имя кидаритов с именем восточной части нижней дельты Аму-дарьи — Кердер или Курдер (کردر) — и видевших пережиток этнонима кидаритов в названии казахского племени кердери (М. Орда).

Напомним, что, по свидетельству Якута, «Кердер — местность в области Хорезма или на границе ее с областью тюрок. Язык ее не хорезмский и не тюркский. У них в области множество селений, у них стада и животные; но это презренные люди»⁷¹ (разрядка моя.— С. Т.); отсюда можно предположить переживание здесь гуннско-кидаритского (эфталитского) языка. В связи с этим надо вспомнить, что, по свидетельству Мас'уди (ум. в 956 г. н. э.), причиной движения тюркских племен в конце IX в. в Европу была имевшая место «у моря Гурганча» (Аральское море) борьба «между этими четырьмя тюркскими племенами Баджанак, Баджане, Баджгард и Наукерде (نوکرده), с одной стороны, и гузами, карлуками и кимаками — с другой»⁷². Первые два имени — варианты имени печенегов, третье — имя башкир ~ мадьяр. Что касается четвертого, то оно звучит интересно в свете изложенного: вторая его часть совпадает с именем Кердер (без аффикса мн. ч.— *r*), первая же — бесспорно иранское *паи* — н о в ы й. Если же мы вспомним, что *kert* ~ *kerd* — одна из древних индоевропейских основ для термина «город» (откуда и русск. «город»)⁷³, то мы можем заключить, что в Нау-Керде мы видим архаическую древнеиндоевропейскую, видимо, сармато-аланскую, отличную от эфталитской форму того же имени «Новый Город», «Новое Селение» — термин, и по смыслу и по составу тождественный с русск. Новгород; его мы впоследствии встречаем в имени Янгикента и его персидском и арабском эквивалентах, наличие которых свидетельствует о живости семантики этого древнего (судя по форме и археологическому возрасту города) имени. Н а у к е р д е, таким образом, — «я н г и к е н т ц ы», связанные в IX в. союзными узами с печенегами и башкирами ~ мадьярами и ведущие борьбу с гузами, карлуками и кимаками.

Ниже мы вернемся еще раз к этому вопросу. Сейчас же, я думаю, мы можем считать с большой долей вероятности установленным, что свидетельство Бэй-ши относится к области Восточного Приаралья, где около середины IV в. н. э. выходцы с северо-восточных рубежей Средней Азии — ветвь западных гуннов — подчиняют себе местное древнее сармато-аланское население и кладут основу смешанному алано-гуннскому варварскому государству гуннов-кидаритов, получившему свое имя от названия страны Кердер — «страны городов», т. е. укрепленных поселений скотоводов-рыболовов-земледельцев древней общей дельты Аму-дарьи и Сыр-дарьи. Весьма вероятно, что на этом историческом этапе приаральский «Новгород» — Наукерде = Янгикент являлся столицей кидаритов-гуннов «страны городов». Возможно, впрочем, что это имя первоначально относилось к гораздо более крупному и, видимо, древнему поселению — Кескен-Куук-кала и лишь около X в. перешло на модернизированную крепость Янгикента, откуда и свежесть семантики имени для авторов X—XI вв.

В свете этих заключений могут быть по-новому поняты известные показания византийцев об образе жизни гуннов-эфталитов VI в. — исто-

⁶⁹ P. Lerch, Khiva oder Khâresm, СПб, 1873, стр. 30.

⁷⁰ Н. Веселовский, Очерк историко-географ. сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 13.

⁷¹ Якут, изд. Wüstenfeld, IV, 257; МИТТ, I, стр. 431.

⁷² Marquart, Цит. соч., стр. 26. Подробнее см. его же, Streifzüge, стр. 60, сл.

⁷³ Ср. Н. С. Державин. Из истории древнеславянского города, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 147—149, а также Н. Я. Марр, Избр. работы, V, стр. 508.

рических преемников и потомков кидаритов V в. Как известно, Прокопий Кесарийский сообщает об эфталтах, что «они не кочевники, подобно гуннским племенам, но издревле населяют плодородную страну»⁷⁴, а Менандр Протектор, передавая беседу Юстина II с тюркским послом, сообщает, что на вопрос императора об образе жизни недавно покоренных тюрками эфталтов посол ответил: «это городской народ»⁷⁵. Есть все основания видеть древнейшие эфталтские города в наших «болотных городищах», а не в городах Мавераннахра, где эфталты были пришлым элементом, к которому вряд ли могли быть отнесены формулировки Прокопия и Менандра.

Уже И. Бичурин⁷⁶ обратил внимание на поразительное совпадение ряда деталей эпической биографии мифического предка-эпонима огузов Огуз-кагана⁷⁷ и приводимой китайскими источниками (Цянь Хань-шу) биографии основателя гуннской империи (конец III в. до н. э.) Модэ (Мао-дун) Шаньюя (восстание против отца и убийство последнего в бою, направление и последовательность завоевательных походов и др.). В последнее время эту параллель по-новому разработал и обосновал А. Н. Бернштам⁷⁸.

Легенда об Огуз-кагане своим тотемическим аспектом (Огуз — бык) ведет нас также в круг тотемических образов гуннов⁷⁹ — как мы знаем, у древних приаральских племен — массагетов центральным тотемическим образом был конь⁸⁰.

Огузы и воспринявшие огузскую генеалогическую традицию туркмены неизменно, на протяжении тысячелетия с XI по XX в., сохраняют традиционное деление на 24 племени. Позволю себе привести сравнительную таблицу 24 племен огузов — туркмен Махмуда Кашгарского (XI в.), Рашид-ад-Дина (XIV в.) и современную (по Г. И. Карпову) (в основу берем порядок списка МК, см. таблицу на стр. 79).

Мы видим, что повторяющееся традиционное деление на 24 племени носит в значительной мере искусственный характер. Уже Махмуд Кашгарский насчитал только 22 племени, но для «ровного счета» добавил два безыменных племени народности халаджей (калачей), по всем данным имевших к огузам весьма отдаленное отношение. У Рашид-ад-Дина отсутствует одно племя из списка МК, но зато 3 новых, отсутствующих у его предшественников. И, наконец, из «24 племен» современных туркмен только четыре совпадают со списком МК и одно (да и то сомнительно) совпадает со списком Рашид-ад-Дина, да еще 5 племен обоих старых списков мы узнаем среди подразделений племен гоклан, теке, чаудор и мурча-или. Анализ списка Г. И. Карпова позволяет легко убедиться в том, что число 24 носит характер довольно искусственно подогнанного. Так, ряд мелких племен, постоянно фигурирующих в источниках как самостоятельные, оказываются в списке включенными в другие племена или вовсе в нем отсутствуют (таковы огурджиали, тиведжи (дюзджи), сакар, меджеур и др.). Эмрели фигурируют и как самостоятельное племя и как подразделение йомутов — кара-чока и т. п.

Мы видим, таким образом, что как в XI, так и в XX в. реально не существовало «24 племен» огузов (resp. туркмен) — было меньшее при Махмуде Кашгарском и большее в наши дни число племен, искусственно подгоняемое к традиционной генеалогической схеме. Эта схема, даю-

⁷⁴ Прокопий, перев. Лестуниса, СПб., 1862, стр. 13.

⁷⁵ Fr. Hist. Graec., IV, стр. 222.

⁷⁶ Собр. свед., I (1851), стр. 26.

⁷⁷ Иакинф пользовался поздним текстом Абульгази. См. Рашид-ад-Дин, I, изд. Березина, стр. 12 сл.

⁷⁸ А. Н. Бернштам, СЭ, 1935, № 6, стр. 37 сл.

⁷⁹ Там же

⁸⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 207, сл.

XI в. (МК)	XIV в. (Р.-ад.-Д.)	XIX в. (Карпов)	
		Племена	Подразделения племен
1. Кынык 2. Кайыг 3. Баюндур 4. Ива (Йиве) 5. Салгур 6. Афшар	1. Кынык 2. Кайы 3. Баюндур 4. Йиве 5. Салур 6. Авшар	1. Салыр	Кай (племя гоклан) Авшар (племена мурча- или, гокланы-додурга, каркын)
7. Бектили 8. Бюкдюз 9. Баят	7. Бекдили 8. Бюкдюз 9. Баят		Баят (баяут, племя гок- лан)
10. Язгыр 11. Эймюр 12. Кара-бюлюк 13. Алка-Бюлюк 14. Игдер 15. Урекир (Юре- кир)	10. Языр 11. Эймюр 12. Кара-Эвли 13. Алкыр-Эвли 14. Йигдер 15. Урекир	2. Эмрели	Языр (племя теке) Эмрели (племя йомут)
16. Тутырга 17. Ула-йондлуг 18. Тюкер 19. Печенег 20. Джувалдар 21. Джебни 22. Джаруклуг 23. Халадж I 24. Халадж II	16. Дудурга 17. Ула-йонтлы 18. Дюкер 19. Биджне 20. Джавулдур 21. Чебни 22. Яйырлы 23. Карык 24. Каркын	3. Али-эли (?) ⁸¹	Игдыр (племя чаудор)
		4. Чаудор	Додурга (племя гоклан)
		5. Каркын (карки) 6. Теке 7. Эрсари 8. Сарык 9. Йомут 10. Гоклан	(прим.: объединение древних племен кай и додурга)
		11. Олам 12. Карадашлы	(по Абульгази—часть древнего племени языр)
		13. Агар 14. Арвачи 15. Эски 16. Кеикчи 17. Сунча-или 18. Нухурли 19. Мурча-или 20. Сеид 21. Ходжа 22. Ших 23. Махтум 24. Ата	} племена эвляд, предпо- лагаемые потомки ара- бов

шая потомство Огуз-кагана от двух жен, имевших каждая по 3 сына, каждый из которых имел в свою очередь по 4 сына, может быть выражена генеалогической формулой 1:2:3:4 — весьма своеобразной по своей структуре и отличной от большинства других генеалогических формул, нам известных.

Традиция 24 делений оставалась весьма прочной не только в теории, но и в практике общественной жизни туркмен еще в XIX в. Мервские

⁸¹ См. заметку Г. И. Карпова в настоящем номере журнала.

теке возглавляются советом из 24 старейшин (в каждом из двух основных отделов теке — отамыш и тохтамыш)⁸².

Прототип этой схемы деления на 24 племена с группировкой на правое и левое крылья по 12 племен в каждом, как это мы имеем во всех «Огуз-намэ», мы находим в Ши-цзи Сы-ма-цяня при описании военно-административной реформы Модэ-Шаньюя, тождественной и в этом с военно-административной реформой Огуз-кагана во всех Огуз-намэ.

«Установлены были,— пишет Сы-ма-цянь⁸³,—...всего 24 старейшины, которые носят общее название темников (кит.— Вань-ки). Вельможи вообще суть наследственные сановники... Князья и предводители восточной стороны занимают восточную сторону... Князья и предводители западной стороны занимают западную сторону...». Княжеские титулы симметрично повторяются в «восточной» и «западной» сторонах, соответствующих «крыльям» огузских генеалогий с их строго симметричной структурой.

Приведенный выше материал позволяет, как нам кажется, восстановить историческую картину закрепления гуннской исторической традиции у племен Приаралья — будущих огузов. Она была принесена сюда в IV в. н. э. хуннскими завоевателями страны Судэ — Яньцай, причем не просто в форме сказания: последнее было связано с военно-административной структурой хуннского союза и боевым построением хуннсов, требовавшим строгого сохранения симметричной схемы, традиционного числа подразделений и их группировки во время боя. Она была сохранена приаральскими гуннами, кидаритами-эфталитами и унаследована их потомками — племенами огузского союза X—XI вв. и, наконец, туркменами XIX — начала XX в., вопреки всем этнографическим перетасовкам, которые за это время имели место.

При этом, как мы увидим ниже, хуннская схема военно-племенного членения столкнулась на Сыр-дарье с иной схемой, ассимилировавшейся с первой и наложившей свой отпечаток на средневековую версию сказания об Огуз-кагане, отпечаток, отсутствующий в китайских сообщениях о реформе Модэ (см. ниже).

Племена или народности, консолидировавшиеся в систему огузского союза уже в том виде, в каком они выступали в XI в., были, как в отношении части из них уже установлено, различного происхождения. Маркварт⁸⁴ еще в 1914 г. убедительно показал, что кайы (кай) — племя не тюркского, по его мнению, а монгольского происхождения; во всяком случае, Бируни рассматривает их как самостоятельный народ, обитающий к востоку от киргиз⁸⁵. Маркварту, естественно, осталось тогда неизвестным подтверждающее его гипотезу свидетельство Махмуда Кашгарского о том, что кай говорят не на тюркском языке и одновременно знают тюркский.

Что касается баят, то монгольское происхождение их почти несомненно: в форме баяут (ср. баяут — племя канглов (йемеков) в XII в., а также род баяут у современных туркмен-гокланов, боут русских лето-

⁸² В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 4. Здесь автор убедительно сопоставляет 24 мервских старейшин с 24 должностями государства хунну.

⁸³ Собр. свед., I, стр. 14—15.

⁸⁴ Marquart, Komanen, S. 39 ff.

⁸⁵ В. Ф. Минорский (Marvazî, стр. 97, прим. 3) говорит об ошибке Маркварта, смешавшего самостоятельную народность Qāy (МК, I, стр. 28) с огузским племенем Qayū (МК, I, стр. 56). Однако данные Бируни и Марвази о тесной связи Кай и Кун и о принадлежности к последним хорезмшаха Икничи б. Кочкара (+1097) заставляют полагать, что перед нами два произношения одного имени в применении к двум частям одного народа, одна из которых вошла в состав огузов, а другая осталась на востоке (ср. аналогичное положение с печенегами у МК).

писей), они в этнографии Рашид-ад-Дина выступают как монгольское племя, классифицируемое с «коренными монгольскими племенами, которые были в Эргенехоне», и бывшее одним из первых племен, присоединившихся к Чингис-хану⁸⁶. Монгольское происхождение этого имени выдает сама форма с аффиксом *-t* — крайне распространенный этнонимический аффикс ~ афф. мн. ч., для ед. ч. на *-n*, откуда ед. ч. *баян*, монг. «богатый» — личное имя одного из каганов авар.

Я думаю, отсюда весьма вероятна связь с монгольскими и племен баяндер (баяндур), которых Гардизи еще в X в. рассматривает как одно из племен кимаков (в состав их входили, несомненно, и монгольские татары) и которые, видимо, лишь около конца X — начала XI в. вошли в огузский союз.

Вопрос о появлении монгольских племен в приаральских степях в «домонгольский» период, впервые поставленный Марквартом⁸⁷, до сих пор по-настоящему не разрешен. Маркварт сам не дает достаточно четкой концепции этого процесса, с одной стороны связывая это движение с событиями X—XII вв. (подъем и падение государства кытаев — Ляо)⁸⁸, с другой, — пытаясь доказать гораздо более раннее их появление, относящееся к событиям эфталито-аварского периода и, в частности, пытаясь обосновать уравнение *кайы* = *кун* = эфталиты⁸⁹. Я думаю, что мало правдоподобно отнесение интересующего нас движения к XI в. — совершенно невероятно, чтобы за несколько десятилетий эти пришельцы из далеких стран органически вошли в основное ядро огузского народа (не надо забывать, что во всех Огуз-наме отведено достаточно места для так называемых «присоединившихся к огузам племен»). Гораздо правдоподобнее приурочить их появление к более раннему из устанавливаемых Марквартом движений — отнести их за счет жуань-жуаньского (аварского) компонента в составе *кидаритов-эфталитов* и датировать их появление на Сыр-дарье временем между IV и VI в., скорее — ближе к последнему⁹⁰.

⁸⁶ Рашид-ад-Дин, I, изд. Березина, стр. 10, 175; ср. Marquart, Op. cit., S. 171.

⁸⁷ Marquart, Op. cit., S. 90, 172.

⁸⁸ Op. cit., S. 46 ff.

⁸⁹ Op. cit., S. 64 ff.

⁹⁰ Я должен обратить внимание на важный параллелизм между рассказом Марвази-Ауфи о *кун* и *кайы* и рассказом Феофилакта Симокатты об аварах и псевдоаварах (уархонитах). По Феофилакту, авары (жуань-жуани) после поражения их тюрками бегут к народу, именуемому *мукри* (Μούκρι), живущему поблизости от Китая (Ταχυρατ). После этого тюркский каган предпринимает поход на *огоров*, живущих на реке Черный *Тиль* (τῖλ) и возглавляемых племенами *уар* и *хунни*. Эти последние в свою очередь вторгаются в Европу и принимают по не совсем понятной причине имя авар. Ауфи говорит о том, как народ *мурка* (Μούρκα), именуемый иначе *кун*, вышел из страны *Китай* (по Марвази, „боясь Китай-хана“). Преследуемые народом *каи*, они переселились в страну *Сари* (у Марвази *Шари*), обитатели которой ушли в страну туркмен, туркмены — в восточную часть страны гузов, гузы — в страну печенегов, к „Армянскому морю“.

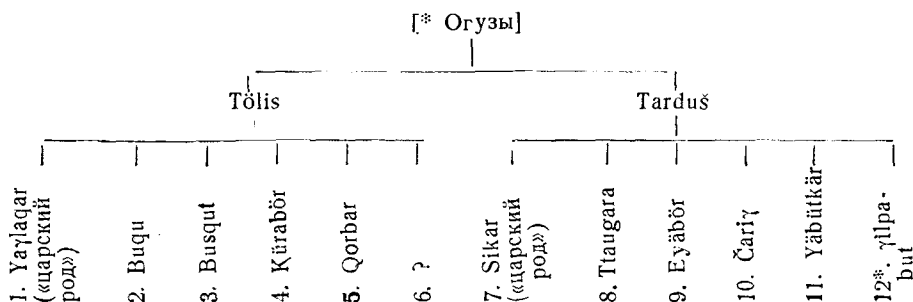
Этот рассказ, по справедливому замечанию Бартольда (рецензия на Котанеп Маркварта, Русск. ист. журн., 1921, № 7, стр. 141), „возбуждающий ряд недоумений“, естественно, не может относиться к событиям, происходившим чуть ли не на глазах у Марвази. Здесь перед нами крайне искаженное и „модернизированное“ изложение тех же событий, о которых повествует, также без путаницы, Феофилакт.

Я не думаю, что прав В. Минорский, видя в замене в изданном им тексте Марвази *قزق* („племя“, „отдел“) вм. *قزاق* основание для того, чтобы считать этот народ не существовавшим (Marvazi, стр. 98): не во всяком списке первоисточника текст вернее, чем в переводе.

Маркварт (Котанеп, стр. 72) более прав, чем Шаванн (Дос., стр. 247), когда видит в *огорах* Феофилакта не „уйгуров“, а ротацирующую форму имени *огузов*, только он совершает ту же ошибку, что и Шаванн, когда ищет „Черный Тиль“ где-то на далеком востоке („Тогла или Орхон?“). На деле это, конечно, не что иное, как „Черный Итиль“ — Волга (в отличие от „Белого Итиля“ — Камы). Напомню, что Земарх на обратном пути из ставки тюркского кагана застает „угуров“ именно в Нижнем Поволжье. Народные предания, восходящие к VI в. и сохранные Марвази и Ауфи,

Помимо выявленных таким образом предположительно монгольских элементов в составе «24 племен», мы должны обратить внимание еще на 2 племени, которые, видимо, должны рассматриваться как относительно недавно ассимилированные индоевропейцы. Это племена *тюкер* (дюкер) и *языр* (язгыр).

В отношении первого надо отметить интереснейшую работу Хеннинга⁹¹, отведенную анализу «сакского» документа VIII в., посвященного списку народностей. Если принять положение Мелиоранского⁹², считающего толесов и тардушей двумя основными отделениями огузов, мы получаем интересную схему 12 огузских племен VIII в.



Эта схема восточных (восточнотуркестанских⁹³) огузов интересна в трех отношениях:

Во-первых, здесь в несколько упрощенном виде воспроизведена классическая гунно-огузская схема.

Во-вторых, при этом, в основном, составе племен мы имеем несколько совпадений с классическим огузским списком.

1. Busqut, — возможно, через метатезис связан с *бюкдюз*;

2—3. Kürabör в одном и Eyäbör в другом крыле, весьма вероятно, воспроизводятся в *кара-бюлюк* и *алка-бюлюк*;

4. Ttaugara находит прямое соответствие в *тюкер* (дюкер);

5. Ćariĭ — столь же прямое соответствие в *джаруклуг* (самостоятельная народность чарук, упоминается Махмудом Кашгарским⁹⁴ в районе города Барчук, совр. Марал-баши).

позволяют заключить о бегстве различных племен, входивших в жуань-жуаньский (аварский) каганат, на запад под ударами тюрков и о вхождении их в состав огузов — имя, которым в это время означались северные группы «белых гуннов». Характерно, что не только *кай*, но и загадочные *мукри* (*мурка*) сохранились донные в родовом составе современных туркмен: племя гоклан состоит из четырех крупных отделов: *кай*, *додурга*, *хатап* и *мукры*. В состав небольшого племени *курома-олам*, в котором Г. И. Карпов не без основания видит смешанную группу, образовавшуюся вокруг аланского ядра, мы встречаем также роды *Хатап* и *Мукры*. Наконец, нельзя не ассоциировать со столь загадочными *Сари* (*Шари*) два крупных туркменских племени, некогда входивших в салорский союз, *сарык* и *эр-сари*.

⁹¹ Argi and the Tokharians, BSOS, 1938, стр. 545, сл. Ср. Умняков, Тохарская проблема, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 190.

⁹² ЗВО, XII, стр. 109; XV, стр. 172—173.

⁹³ Вопрос о происхождении восточных групп огузов требует специального исследования. Я склонен видеть в них также продукт в основном массагето-гуннского скрещения, причем весьма вероятно, что в процессе их окончательной консолидации крупную роль сыграло движение среднеазиатских эфталитов на восток в начале VI в., когда их власть достигла Хотана. В связи с этим нельзя не обратить внимание на ряд существенных черт сходства в типе древнего расселения и в планировке поселений Нижней Сыр-Дарьи и бассейна Верхнего Орхона, в Монголии (ср. особенно план «дворца» в Хара-Балгасуне, Radloff, Atlas, табл. XXVII, 2; на деле это не «дворец», а город, примерно, тех же размеров и очень сходных пропорций, как и восточно-аральские). Ср. в этой связи «города огузов» орхонских надписей. Окружающая местность, где сближается ряд рек, в значительной части представляет собой болотистую равнину (см. Труды Орхонской экспедиции, I, 1892, стр. 81) и изобилует разновременными памятниками оседлых поселений.

⁹⁴ МК, I, стр. 318.

Следовательно, 5 из 11 (двенадцатого нет в списке), т. е. почти половина имен тождественна с именами классических списков Огуз-намэ.

В-третьих, имя *taugara* (тюкер) дано в форме, обнаруживающей, как совершенно правильно заключает Хеннинг, несомненную связь его с именем *тохаров*.

Таким образом, этот текст не только дает нам более древнюю систему огузского союза (правда на иной, чем наша, территории), но и свидетельствует о включении в его состав остатков знаменитых тохаров — одного из основных племен массагетского союза, во II в. до н. э. завоевавшего Бактрию. Трудно пока сказать, остатки ли это восточнотуркестанских или сырдарьинских тохаров, бесспорно одно — в его лице вошел в состав огузов безусловно индоевропейский элемент.

Языры обнаруживают несомненное ономастическое сходство с именем ясов — алан. Однако этого было бы, конечно, мало для сколько-нибудь достоверных выводов. Напомню, однако, что в исторических источниках языры явно выступают как крайнее юго-западное племя огузов и до их переселения в область Дуруна живут, видимо, в районе южного Устюрта и Мангышлака, т. е. там, где ал-Бируни локализует «алан и асов», говоривших еще в начале XI в. на смешанном, «хорезмийско-печенежском» языке⁹⁵. Это делает ономастическую связь уже важным историко-этнографическим документом.

К трем «монгольско-аварским» и к двум индоевропейским племенам надо прибавить еще печенегов, племя хотя и бесспорно тюркское, но вместе с тем явно первоначально не огузское. Напомню, что Махмуд Кашгарский⁹⁶ считает печенежский язык близким к *булгарскому* и *суварскому*, к языкам арханического, палеотюркского типа, единственным представителем которых сейчас является чувашский. Господствующее в современной тюркологии отношение печенежского языка к «кыпчакской» ветви построено на более чем шатких основаниях.

Таким образом, по крайней мере 6 из 24 племен огузов (дальнейшее исследование, вероятно, увеличит это число) не огузского, а 5 из них и вовсе не тюркского происхождения.

Языковые материалы, для XI в. с исключительной полнотой и наблюдательностью собранные Махмудом Кашгарским, позволяют заключить вместе с тем, что в языке огузов далеко не последовательно выступают особенности юго-западной тюркской (так называемой «огузской») группы. Так, наряду с закономерными для этой группы $t \rightarrow d$, $k \rightarrow x$, мы встречаем у огузов $\dot{y} \rightarrow d\dot{z}$, столь же закономерное для северо-западной (так называемой «кыпчакской» группы). С другой стороны, у кыпчаков регистрируются наряду с типично «кыпчакским» $\dot{c} \rightarrow \dot{s}$ столь же типично «огузские» $t \rightarrow d$, $k \rightarrow x$ ⁹⁷. Это позволяет с большой долей основания утверждать, что и в языковом отношении сырдарьинские огузы накануне и во время их движения на юго-запад представляли довольно пеструю картину и отнюдь не являлись сколько-нибудь последовательными представителями юго-западной, «огузской» языковой ветви тюрков.

Характерно, что, сопоставляя транскрипцию огузских племенных названий Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-Дина, т. е. XI и XIV вв., мы видим, что только у последнего эти имена даны в юго-западной форме; у Махмуда Кашгарского они имеют форму, более характерную для северо-западной ветви⁹⁸.

⁹⁵ ВДИ, 1941, № 1.

⁹⁶ МК, I, стр. 30.

⁹⁷ Ср. В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 14—15.

⁹⁸ Ср. МК — *бектили*, *тутырга*, *тюкер*, *Р.-ад-Д.* — *бекдили*, *дудурга*, *дюкер*.

У. „Черные клобуки“, огузы и каракалпаки

Имена печенегов, огузов и каракалпаков (в форме «черные клобуки» — бесспорный перевод, а во второй части транскрипция тюркского «кара калпак») прочно вошли в историю Киевской Руси как имя то врагов, то союзников на южных степных границах, то, наконец, органического составного элемента населения Киевского государства⁹⁹.

Печенеги впервые упоминаются в летописи под 915 г. («В лето 6423 Придоша печенѣги первое на Русскую землю и сотвориша марь съ Игоремъ»). Торки (узы) впервые упоминаются под 985 г., неожиданно появляясь как участники похода Владимира на болгар (видимо, камских).

Таким образом, уже в X в. огузские племена, следом за печенегами появляются на границах Руси. Византийские источники¹⁰⁰, как и арабские¹⁰¹, дают нам много материала о враждебных отношениях между огузами (узами) и печенегами. Память о жестокой борьбе огузов и печенегов дожила до XVII в. — об этом нам сообщает Абульгази в цикле сказаний о Салор-Казане¹⁰². Однако мы знаем, что уже во второй половине XI в. в списке Махмуда Кашгарского имя Печенег появляется в числе огузских племен¹⁰³ (наряду с самостоятельным народом печенегов, помещаемым далеко на запад от огузов)¹⁰⁴, а из позднейших источников, начиная с Рашид-ад-Дина, мы видим, что печенеги фигурируют в числе четырех наиболее влиятельных племен огузов и из них выдвигаются беки левого крыла.

От Константина Багрянородного мы знаем, что после переселения печенегов на запад часть их осталась на прежних местах поселений и во времена Константина жила среди узов¹⁰⁵. Об этих восточных или «турецких» печенегах (в противоположность «хазарским») согласно свидетельствам и восточные источники¹⁰⁶, впрочем, во всяком случае в начале X в., резко отличая их от огузов¹⁰⁷.

Восточные печенеги исчезают со страниц восточных нарративов (сохраняясь в географической литературе, повторяющей в этом случае старые сведения¹⁰⁸) к середине XI в. Зато именно ко второй половине XI в. относится первое свидетельство (МК) об огузском племени печенег. К этому же времени относится существенное изменение взаимоотношений между торками (узами) и печенегами в Восточной Европе.

Последнее наступление печенегов на Русь относится к 1034 г. После поражения, которое они потерпели, печенеги почти исчезают со страниц русских летописей, и если вновь появляются на них (с начала XII в.), то неизменно в связи с торками (под 1103 г.: Володимер... «заяша Печенѣгы и Торкы с вежами»; под 1116: «бишася Половци с Торкы и Печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дни и две ночи, и придоша в Русь к Володимеру Торци и Печенѣзи»; под 1121: «Прогна Володимер Берендьичи из Руси, а Торци и Печенѣзи сами бѣжаша» и т. д.).

Мы видим, что как в Средней Азии, так и на границах Руси в это время происходят параллельные процессы, выражающиеся в тесном взаимодействии

⁹⁹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, 4-е изд., М.-Л., 1944, стр. 218—222.

¹⁰⁰ В. Г. Васильевский, Византия и печенеги, ЖМНП, 1872, №№ 11 и 12.

¹⁰¹ Marquart, Komapan, S. 26.

¹⁰² „Родословная туркмен“, стр. 65.

¹⁰³ МК, I, стр. 56—57.

¹⁰⁴ Там же, стр. 27.

¹⁰⁵ DAI, XIV.

¹⁰⁶ ХА, 19а; Mi p o r s k y, Цит. соч., стр. 101.

¹⁰⁷ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, стр. 65.

¹⁰⁸ Сравнительный анализ данных разновременных восточных источников о печенегах и связанных с ними народах — см. С. А. Масартнеу, The Magyars in the ninth Century, Cambridge, 1930, p. 4 s.

ждении печенегов в систему огузского союза племен¹⁰⁹. Это событие, видимо, можно датировать довольно точно первыми десятилетиями XI в. — временем, когда и по всей полосе степей от Иртыша до Дуная развертываются слабо отраженные в источниках, но грандиозные по масштабу события, выразившиеся, с одной стороны, в наступлении узов и печенегов на Русь и Византию, в завоевании огузами (сельджуками) Средней и Передней Азии, с другой, — в широком движении на запад и на юг племен кимакской (йемекской) группы, из которых крупнейшую роль играет наиболее западная народность этой группы — кыпчаки (половцы). Одно сопоставление дат говорит достаточно красноречиво: в 1034 г. печенеги предпринимают отчаянный натиск на Русь и терпят жестокое поражение: «так погибоша, а прок их побѣгоша и до сего дни». В том же году начинается энергичный напор печенегов на Византию¹¹⁰. В 1055 г. впервые появляются на границах Руси половцы¹¹¹. В 1055—1060 гг. разворачивается последняя жестокая схватка между наступающими на Русь торками и Русью. Под 1060 г. летопись рассказывает о гибели торков. Услышав о приближении русских войск, «убоясьшеся, пробѣгоша и до сего дни, и помроша бѣгающие гоними, овии от зимы, друзии же голодом, инии же мором и судом Божиим, и тако Бог избави крестьяны от поганых»¹¹². Этот текст чрезвычайно важен, свидетельствуя об остром экономическом кризисе, переживаемом огузским союзом, без учета чего мы вряд ли поймем причины разворачивающихся политических событий.

Как и на русских и византийских границах, огузы появляются в Мавераннахре и Хорасане еще в X в., чаще в качестве наемников и мирных переселенцев, добывающихся у мусульманских правителей земель для поселения. Однако в 1033 г. эта инфильтрация приобретает характер мощного завоевательного движения: в 1033 г. в Хорасане разражается восстание огузов во главе с сыновьями вождей, истребленных в 1031 г. по приказу Мас'уда, сына и преемника Махмуда Газнийского. Восставшие прорываются в Иран, в сторону Рея, и в Ирак. В 1032—1033 гг. огузы во главе с внуками Сельджука получают мирным путем места для поселения в Хорезме. В том же 1034 г., однако, они с оружием в руках вторгаются в Хорасан. Еще шире движение разворачивается в последующие годы, завершаясь решительной победой над газневидами при Денданкане в 1040 г. — дата, с которой может начинаться история Сельджукской империи¹¹³.

Совпадение дат явно не случайное, свидетельствующее о том, что перед нами два проявления одних и тех же событий и одного и того же кризиса, разыгравшихся в местах поселения племен, объединенных рамками огузского союза¹¹⁴.

¹⁰⁹ Самостоятельность на недолгое время сохраняет лишь крайняя юго-западная пограничная с Византией группа печенежских племен (между Н. Дунаем и Н. Днепром), переживающая в 40-х гг. острый политический кризис коалиция 13 печенежских уловов (из сорока, упоминаемых Константином Багрянородным), возглавленная враждующими между собой вождями Тирахом и Кегеном. Видимо, ее и имеет в виду Махмуд Кашгарский, говоря об отдельных от огузов печенегах „у границ Рума“. Однако на протяжении 40—60-х гг. эти группы целиком переселяются на южный берег Дуная, на византийскую (частью на венгерскую) территорию и входят в систему этих государств. Уже в 1064 г. на Дунае появляются узы — см. Васильевский, *Цит. соч.*, стр. 138.

¹¹⁰ Голубовский, Печенеги, торки, половцы, стр. 77; Васильевский *Цит. соч.*, стр. 123, сл.

¹¹¹ Ипатьевская летопись, стр. 114—115.

¹¹² Там же.

¹¹³ В. В. Бартольд, *Туркмения*, I, стр. 25—26.

¹¹⁴ На связь этих событий обратил внимание еще Васильевский: „Если бы не опускалась из виду единоплеменность Печенегов и Сельджуков, то, без сомнения, история скорее заметила бы связь между переходом Печенегов за Дунай в пределы Византийской империи и успехами Сельджуков в Малой Азии“ (см. „Византия и печенеги“, стр. 122). Однако в последующей историографии это блестящее сопоставление Васильевского было забыто.

Что на обоих флангах огузского движения выступают не разрозненные племена общего происхождения, объединяемые общим именем, а, напротив, объединенные в единую, структурно выдержанную систему военного союза племена разного происхождения, можно заключить и из упомянутого выше единовременного, датируемого также серединой XI в. исчезновения печенегов как самостоятельного народа и включения его в систему огузского союза — и в Средней Азии и на границах Руси.

Мы лишь в незначительной мере осведомлены о родоплеменном составе торко-узских племен порубежий Южной Руси. Однако кое-что все-таки можно восстановить.

В летописи, наряду с именами печенегов и узов-торков, упоминается ряд названий тюркских племен, объединяемых в XII в. вместе с упомянутыми двумя народами общим именем «черных клобуков». Это: берендъи (берендичи), каепичи, коуи (куи), боуты¹¹⁵. Как показал П. Голубовский¹¹⁶, по крайней мере первое из этих имен является наименованием одного из подразделений торков¹¹⁷, хотя нередко это имя (как и коуи) употребляется параллельно с именем торков.

Приводимые имена находят себе прямую параллель в наименованиях огузских племен у Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-Дина.

Идентификация последнего среди приводимых выше имен вызывает наименьшие трудности. Торко-узское племя боут русских летописей не что иное, как баят (بیات) — одно из 24 племен огузов по спискам МК¹¹⁸, Р.-ад-Д.¹¹⁹, а также поздних малоазиатско-сельджукских памятников¹²⁰, тождественное с упоминаемым Мухаммедом Насави¹²¹ племенем йемеков баяут (بیاهوت), из которого происходила жена хорезмшаха Текеша (1172/3—1200), Туркан-хатун (من قبیلة بیاهوت عشیره تورکان). (خاتون و هی فرع من فرع یه).

Имя коуи или куи весьма близко к занимающему одно из первых мест в перечнях огузских племен кайы (Р.-ад-Д.) или кайыг (МК), в той же самой окающей интерпретации, как и баят (баяут) — боут. Думаю, не исключено, что имя каепичи, встречающееся в иных текстах, чем коуи, — только акающий вариант того же имени.

Наконец, имя крупного племени берендъев — берендичей я склонен сопоставить с именем баюндур (МК, Р.-ад-Д.) — байиндур (Языджи-Оглу-Али): путем метатезиса форма bayander как на тюрко-монгольской (ср. туркм., узб. *daya* ~ *dayra*, *taṃ ʔa* ~ *taṃṃa*, *torṃaq* ~ *tiṃraq* и т. п., а также монг. меркит ~ мекрит, бекирин ~ кебирин¹²²), так и на русской почве вполне могла видоизмениться в берендъи. В таком случае, учтя, что и имя печенег входит в число 24 огузских племен во всех списках, мы увидим, что из этих 24 племен 4 — кайы, баят, баюндур и печенег представлены в составе торко-печенежского населения Южной Руси в формах коуи, боуты, берендичи и печенеги.

Эти четыре племени занимают особое место в структуре огузского союза в том виде, в каком он выступает в сельджукскую эпоху в Иране и Малой Азии.

¹¹⁵ Голубовский, Цит. соч., стр. 147 сл.

¹¹⁶ Там же, стр. 148.

¹¹⁷ Ср. Ипатьевская летопись, стр. 170: „торчин, именем Берендъи“, Никоновская лет., II, стр. 22: „турчин именем Берендъи“.

¹¹⁸ МК, I, 56.

¹¹⁹ ТВО, VII, стр. 32.

¹²⁰ Бартольд, Туркмения, I, 27; В. А. Гордлевский, Государство сельджукидов в Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 53; ср. стр. 45, где приводятся следы имен огузских племен (19 из 24) в анатолийской топонимике.

¹²¹ M.-a-n-Nasawi, Histoire de Sultan Djelal ed-Din Mankobirti, par O. Houdas, Paris, 1891—1895, p. 25 (пер. 44); J. Marquart, Komnenen, S. 167 ff.

¹²² Рашид-ад-Дин, ТВО, VII, стр. 70.

По турецкому переводу Равенди главный бек правого крыла общегузского войска всегда назначался из племен *кайы* и *баят*, главный бек левого крыла — из *баюндуров* и *печенегов* ¹²³. Согласно Языджи-Оглу-Али, бейлербей правого крыла — *кайы* (после него в перечне родоначальников племен этого крыла назван *баят*), бейлербей левого — *байиндур* (после него — *бидженег*). Первые места среди перечня племен правого и левого крыла во всех Огуз-намэ, начиная с Рашид-ад-Дина, неизменно занимают эти две пары племен.

В целом можно сделать немаловажное заключение: в перечне торко-узских племен русских летописей фигурируют четыре наиболее влиятельных племени огузского союза, вокруг которых, вероятно, группировались остальные. Таким образом, мы убеждаемся в том, что всенно-административная система огузского союза в Восточной Европе и в Средней Азии оказывается тождественной в своих основных звеньях, причем завершение ее консолидации (включение баюндуров и печенегов) происходит одновременно в обеих областях, т. е., другими словами, огузы Сыр-дарьи и Восточной Европы до середины XI в. представляли единый союз племен или варварское государство, жившее общей жизнью. Огузский ябгу, резидировавший в Янгикенте, был, по всей видимости, правителем всего этого обширного, хотя, судя по дальнейшим событиям, и не особенно прочно сколоченного, политического объединения.

Политическое единство восточноевропейских огузов (торков) и огузов среднеазиатских ярко отражено в огузском фольклоре, в уйгурской версии Огуз-намэ ¹²⁴. А. Н. Бернштам ¹²⁵ сделал интересную попытку увязать некоторые места этой версии с данными русской летописи. Речь идет о рассказе о походе Огуз-кагана против Урум-кагана, т. е. византийского (румского) императора, и его брата Орус-бега (русского князя), о жестокой битве на реке Едиль-мурен (Волга) и о сыне Орус-бега, которому было поручено отцом охранять (саклап-) сильно укрепленный город между Тарангом (?) и (Едиль-) Муреном и который передал этот город Огузу, за что и получил от него имя Саклап (тюркская народная этимология имени *саклаб* — славянин; надо вспомнить, что всеми Огуз-намэ приписывается Огузу задача построенных по этому же типу имен разным тюркским народам). Не думаю, чтобы А. Н. Бернштам был прав, привязывая этот рассказ точно к определенному эпизоду летописи — осаде Киева печенегами в 958 г. (Саклап — воевода Претичь, Урус-бег — Святослав). Вероятнее видеть здесь эпическое обобщение разных событий на значительном отрезке времени, однако в рамках между 965 (падение хазарского каганата) и 1043 г. (падение государства огузов). Бесспорно одно: циклизация героических сказаний о битвах на границах Руси и Византии с общим комплексом сказаний об Огузе могла произойти только в рамках политического объединения восточноевропейских и среднеазиатских огузских племен.

Вопрос о катастрофе, обусловившей центробежное переселенческое движение огузов на запад и юг (а что это была катастрофа, достаточно ясно из согласных свидетельств византийских, русских и восточных источников), требует специального исследования. Кимаки, западную ветвь которых представляли кыпчаки-половцы ¹²⁶, в течение длительного

¹²³ В. В. Бартольд, Туркмения, I, стр. 32; ср. Гордлевский, Цит. соч., стр. 57.

¹²⁴ W. Bang und G. Rachmati, Die Legende von Oghuz-qagan, Sitzungber. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Ph.-Hist. Kl. XXV, Berlin, 1932, S. 15—17; ср. В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб., 1893, стр. 24—25.

¹²⁵ А. Н. Бернштам, СЭ, 1935, № 6, стр. 39, сл.

¹²⁶ О кимаках см. V. Minorsky, Hudud al-Alam, комментарий, стр. 304—310, а также Map VII, стр. 307, о кыпчаках — стр. 315—317. Кимаки от Iki-Imäk (Marquart, Osiatische Zeitschrift, VIII, 1920, S. 293 ff.). Махмуд Кашгарскому известно

времени были соседями гузов на среднем течении Сыр-дарьи. Вскрыть причины этого движения традиционной отмычкой механического передвижения племен по принципу снежного кома вряд ли возможно. Историки X в. рисуют кимаков (и, видимо, не без основания) как крайне отсталые, полудикие, охотничье-скотоводческие племена¹²⁷. Мы нигде не встречаем сведений об их сколько-нибудь прочном политическом объединении, даже в период завоевания. Все это делает весьма маловероятным предположение о том, что они могли разгромить сильное объединение печенежско-огузских племен, действия которых в это же самое время в Средней Азии против испытанных профессиональных войск газневидского государства не оставляют сомнения в высоких боевых качествах и военных потенциях огузов.

Распространять на движения XI в. аналогию с монголами XIII в. невозможно, как потому, что источники не дают нам права предполагать у кимаков, в частности у кыпчаков, что-нибудь подобное политической и военной организации Чингис-хана, так и потому, что невозможно понять победы последнего без учета влияния на монголов китайской военной техники и теории, — что ничем не доказано и невероятно для кимаков.

Все это заставляет искать первопричину исследуемых событий не в стихийном движении варварских племен с северо-востока, а во внутренних процессах, развивавшихся в самом огузско-печенежском обществе. А для понимания этих процессов у нас есть кое-какие материалы. И на западе — на рубежах Византии, и на востоке — на Сыр-дарье для X и, особенно, XI в. мы имеем свидетельства об острой внутренней борьбе среди огузских и печенежских племен, причем наиболее значительные движения — огузов в Мавераннахр и Хорасан и печенегов в Византию — явно вызваны не напором с тыла, а внутренними социальными причинами, лишь осложненными активностью северо-восточных соседей.

В 40-х годах XI в. среди печенегов на границах Византии (между низовьями Дуная и Днепра) разыгрывается острая внутренняя борьба, в которой можно уловить социальный оттенок. Вождем одной группировки выступает «Тирах, сын Калдаря, главный из князей печенежских, ради своего знатного происхождения пользовавшийся уважением», другую группу возглавляет Кеген, который, «не отличаясь знатностью рода, ...приобрел славу именно в удачных схватках с узами»¹²⁸. Дело доходит до открытой вооруженной схватки, в результате которой Кеген бежит в низовья Днепра, где сколачивает новые силы. Возглавив два племени печенегов, он выступает вновь против Тираха, однако снова терпит поражение (Тираху остались верными 11 племен печенегов) и в конце концов откочевывает в пределы империи, на правый берег Дуная. В тече-

только имя Yimäk. По Гардизи, кимаки состоят из 7 племен: *ими, икак, татар, баяндур, кипчак, нильказ и аджлад*, имена которых и передаваемая Гардизи историческая традиция показывают, что перед нами крайне смешанная группа, включающая в свой состав, в частности, заведомо монгольские элементы (татар, может быть, баяндур). На протяжении XI—XIII вв. кыпчаки становятся настолько могущественны, что йемеки рассматриваются ал-Варраком (1318) как род кыпчаков (Maqrûât, Komanen, S. 157; Minorsky, Op. cit., стр. 316). Источники согласно локализируют кимаков по Иртышу и даже за Иртышом, вместе с тем сообщая о том, что они граничат с мусульманскими владениями и гузами в районе Саурана (Макдиси, 274; Minorsky, 306) и что они на зиму откочевывают, по одним сведениям (Худуд ал-Алам, стр. 18 б; Minorsky, стр. 109, комментарий 306), в страну гузов, по другим (Гардизи, Бартольд, Отчет, стр. 107), — в отдаленную страну, в место, Ок-таг. Первоначальный центр кыпчаков, в соответствии с распространенной в литературе этимологией кыпчак-половец, от русск. „половый“ — желтый, тюркск. *sağı* — желтый, Минорский (стр. 313) склонен предположительно искать в районе Сары-Су. Однако вся цепь этимологии мне представляется весьма сомнительной.

¹²⁷ Гардизи, текст в изд. Бартольда, Отчет о поездке в Туркестан 1893—1894 гг., стр. 107.

¹²⁸ Cedren, II, 583; Васильевский, Цит. соч., стр. 123.

ние ряда лет он, опираясь на Византию, ведет упорную борьбу против Тираха, закончившуюся разгромом последнего после первоначально победоносного его вторжения в пределы Византии.

На восточном конце огузско-печенежской территории, на Сыр-дарье, мы, правда в несколько более ранний период, видим аналогичные события. Еще в середине X в. отец Сельджука Тукак, по данным ибн-ал-Асира¹²⁹, обнаруживает расположение к исламу и вступает на этой почве в конфликт с ябгу огузов, закончившийся, однако, примирением. Сельджук, на первых порах сю-баши (главнокомандующий) ябгу огузов, вступает с ним в новый конфликт, откочевывает в область Дженда, принимает ислам и вступает с ябгу в открытую войну, действуя в союзе с мусульманским правителем Дженда¹³⁰.

Я склонен искать объяснения этой социально-политической борьбы, в последнем случае принимающей и религиозную окраску, в экономических процессах, связанных с развитием скотоводческого хозяйства огузско-печенежских племен, некоторые признаки которого мы можем извлечь из показаний источников. В частности, ибн-Фадлан говорит об огромных стадах, принадлежавших огузской знати и достигавших сотен тысяч голов¹³¹. Нам представляется наиболее вероятным видеть в этом результат быстрого роста товарности скотоводства, втягивания кочевников в систему товарных связей растущего феодального общества Средней Азии. Напомню, что именно X веком мы должны датировать особенно быстрый рост городов Хорезма¹³². О роли торговли скотом на хорезмских и сырдарьинских рубежах Средней Азии источники говорят нам для X в. более чем достаточно¹³³. Вместе с тем, те же источники рисуют нам отношение степных племен и среднеазиатских мусульманских государств в IX—X вв. совсем в иных красках, чем в предшествующий период, через который красной нитью проходит полса победоносных завоеваний варварскими военно-рабовладельческими государствами степняков цветущих оазисов Средней Азии.

Прочный барьер против тюрков, созданный государствами Средней Азии в VIII—X вв., не мог не довести до крайнего предела тот веками назревавший внутренний кризис варварски-рабовладельческого хозяйства тюркских племен, проявления которого мы можем наблюдать уже в VI в., особенно, в VIII вв.¹³⁴.

Отношения обмена между степью и оазисом, между отсталым полуварварским миром тюркских и тюркизированных племен и вступившей в полосу нового расцвета городской цивилизацией Мавераннахра и Хорезма уже не могли разрешаться на путях войны, прямого грабежа и вывода колоний рабов-ремесленников в глубь степи. Ведущее место получала торговля, а основной товарной продукцией хозяйства степняков был скот. Отсюда быстрый процесс концентрации огромных масс скота в руках степной аристократии, отрыв ее от комплексного, полуседлого хозяйства основной массы населения и, соответственно, неизбежное стремление аристократии к расширению пастбищ, вступавшее в острое противоречие с традициями полуседлого, земледельческо-пастушеского быта народа. Однако крупное скотоводческое хозяйство знати не могло уничтожить у печенежско-огузских племен устойчивого оседлого быта и комплексного хозяйства народа, о чем свидетельствуют все данные, которыми мы располагаем и в русских, и в византийских, и в восточных источниках.

¹²⁹ Ибн-ал-Асир, ed. Tornberg, IX, стр. 321 сл.

¹³⁰ В. В. Бартольд, Туркмения, I, стр. 20—21.

¹³¹ Путешествие ибн-Фадлана, стр. 65—66.

¹³² С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 14 сл.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же, стр. 256 сл.

Мы, во-первых, должны отметить общую закономерность распределения основных мест поселения огузско-печенежских племен XI—XII вв. как в Восточной Европе, так и в Средней Азии — в дельтовых областях рек. Печенежский вождь Тирах живет в болотных местах «на нижнем течении Дуная»¹³⁵. Кеген, его враг, скрывается от него «в Днепровских болотах»¹³⁶. Печенети и торки еще в 1116 г. ведут жестокую борьбу с половцами в низовьях Дона. Саксин, город «сорока племен гузов» XII в., локализуется в дельте Волги¹³⁷. В дельте Сыр-дарьи лежит основное ядро расселения среднеазиатских гузов.

Во-вторых, восточноевропейские «черные клобуки» выступают в XII в. как народ, обладающий многочисленными городами, как и гузы ал-Идриси. Под 1177 г. Ипатьевская летопись упоминает «шесть городов Берендиць». Широко известен летописи город Торческ — в XII в. главный город всего Поросья¹³⁸. В названиях населенных пунктов южных окраин Руси широко сохранились имена огузско-печенежских, черноклобуцких племен, свидетельствующие об оседлом быте этих тюркских поселенцев в пределах Руси¹³⁹. Еще в 40-х гг. XI в. Кеген, переселившись на территорию Византии, получает для печенежских поселенцев три крепости на берегах Дуная¹⁴⁰.

В-третьих, как археологические, так и исторические свидетельства говорят нам о земледелии у «черных клобуков» XI—XII вв. В могилах торков Поросья, наряду с типичным для «кочевников» инвентарем, мы постоянно встречаем серпы. Когда печенежские поселенцы в Болгарии восстают против Константина Мономаха, они вооружаются косами и серпами¹⁴¹.

Падение хазарского каганата открыло печенегам и огузам широкий путь на запад, что привело в X — начале XI в. к образованию огромной империи янгикентских ябгу¹⁴². Однако в самом размахе экспансии была ахиллесова пята этого варварского государства — последней из дофеодальных империй этого типа в предмонгольский период. Доминирующую роль в государстве играл уже не вооруженный народ-войско, а тянувшая в разные стороны полуфеодальная скотовладельческая знать. Экономические ее интересы, определявшиеся развитием товарного скотоводства, обуславливали процесс втягивания ее в систему соседних с огузами феодальных государств — Византии и Руси на западе, Хорезма и Мавераннахра на востоке. Это находит свое отражение и в идеологии: откочевавшие в Византию печенег Кегена принимают христианство. Приверженцы Сельджука принимают ислам.

Разбросанное на огромном протяжении от Дуная до Сыр-дарьи локальными очагами в дельтах рек этой области, разлагаемое центробежными тенденциями знати, варварское государство огузо-печенегов лишь с огромным напряжением сил могло сдерживать напор своих северных соседей, хотя и более отсталых, но также переживавших отмеченный выше процесс перехода к крупному полуфеодальному скотоводству, если судить по цитированным показаниям Гардизи и Анонима Туманского, видимо даже в большем масштабе и более быстрыми темпами, что объяснялось отсутствием сильных земледельчески-оседлых традиций и

¹³⁵ Голубовский, Цит. соч., стр. 77.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Вестберг, ИАН, 1899, стр. 291; Mauguart, Comanen, S. 56, 102, 111; В. В. Бартольд, Туркмения, I, стр. 39.

¹³⁸ Голубовский, Цит. соч., стр. 139.

¹³⁹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 219.

¹⁴⁰ Васильевский, Цит. соч., стр. 124.

¹⁴¹ Там же, стр. 129.

¹⁴² Вопрос об участии огузского варварского государства в «борьбе за хазарское наследство» разбирается нами в работе «Путь в Хвалиссы (Русь и Хорезм в X—XI вв.)» (в печати).

меньшей остротой противоречий между знатью и народом. Кимаки и, в особенности, кыпчаки были остро заинтересованы в том, чтобы пробить себе дорогу к рынкам среднеазиатских городов, в Причерноморье, Русь и Византию, которую преграждали огузские владения на Сыр-дарье и Нижней Волге и Дону. Видимо, на первых порах, в X и начале XI в., это решалось на путях вхождения северных племен в какие-то формы союзных отношений с огузами — мы видели, что уже в конце IX в., еще в процессе консолидации варварской империи ябгу, кимаки выступают как союзники огузов в борьбе с печенегами. Часть кимакских племен в этот период, по всей видимости, втягивается непосредственно в систему огузского союза и даже начинает играть там крупную роль (баяндур). Огузские традиции, отраженные в источниках XIV и последующих веков, неизменно рассматривают кыпчаков как «присоединившееся к огузам» племя, что, может быть, является отражением действительных элементов вассальной зависимости кыпчаков от огузских ябгу в период расцвета государства последних в X — начале XI в.

Однако события 30-х годов XI в. резко меняют характер взаимоотношений огузов и племен кимакской группы.

Падение государства саманидов, вызванное внутренними процессами развития феодальных отношений, открыло огузской аристократии широкие возможности для поисков нового пути выхода из кризиса. Откочевка Сельджука в конце X в. в область Дженда и рассказ о предшествующей этому борьбе его и его отца против ябгу огузов, резидировавшего в Янгикенте, и дальнейшее (или даже более раннее, если верить Хамдаллаху Казвини) движение сыновей Сельджука в Нуратинские горы — являются лишь слабым отражением в источниках кризиса последнего осколка западнотюркского каганата, варварского государства огузских ябгу, как и саманидское государство, отжившего свой век. Огузская знать, более подвижная, чем народная масса, предпочитает вместо возглавления обороны на Сыр-дарье вмешаться в сулящие богатые перспективы мавераннахрские дела.

Абульгази, опиравшийся на туркменскую письменную (а не только на устную, как думал В. В. Бартольд)¹⁴³ традицию, дает гораздо более яркую, чем более ранние источники, картину кризиса 30-х гг. XI в., окончательно разрушившего государство янгикентских ябгу. Абульгази явно не справился с поставленной им, согласно просьбам туркменских старейшин, задачей согласования и критической проверки различных версий туркменских Огуз-намэ, расположив обрывки из различных текстов в довольно произвольном хронологическом порядке. Так, интересующие нас события оказываются имевшими место после прихода монголов (стр. 55) и до выступления Сельджука (стр. 61). Несмотря на обусловленную этим хронологическую путаницу и анахронизмы, «Родословная туркмен», при критическом расчленении на ее составные компоненты и соответствующем их историческом анализе, может стать документом чрезвычайной важности не только для поздней, но и для ранней истории туркмен. Таким отрывком из какого-то, видимо, очень старого текста, является содержащийся на стр. 55—58 (текст стамбульск. издания, стр. 31 сл.) рассказ о восстании огузов про-

¹⁴³ В. В. Бартольд, Туркмения, I, стр. 36: „Абульгази, если не считать сведений, заимствованных у Рашид-ад-Дина, писал исключительно на основании устных рассказов“. Напротив, сам Абульгази (Родословная туркмен, перев. А. Туманского, Асхабад, 1897; фототипическое издание текста см. Ebülğazi Bahadır, Secerei Terakime, İstanbul 1937) не раз отмечает письменные туркменские источники. Ср. стр. 2—3, где автор ставит своей задачей согласование различных, расходящихся между собой, многочисленных текстов Огуз-намэ, обращавшихся среди туркмен в XVII в. Ср. также стр. 63, где автор начинает рассказ о борьбе салоров и печенегов словами: „В другой грамоте говорится следующим образом..“

тив правителя Янгикента Али и его сына и наместника Шах-Мелика, несомненно, тождественного с правителем Дженда Шах-Меликом, игравшим действительно очень крупную роль в событиях 30-х гг. Сохраняющийся в цитируемом тексте рассказ о разгроме войск Шах-Мелика находившимися в Хорезме огузами, под предводительством Тогрула, вводит нас в ту же обстановку: действительно, в 1034 г. поселившиеся в Хорезме огузы, во главе с внуками Сельджука, крупнейшую роль среди которых играл именно Тогрул, отбивают, при помощи хорезмшаха Харуна, нападение Шах-Мелика¹⁴⁴. Наконец, отца Шах-Мелика, по Абульгази, зовут Али. То же имя носит отец исторического Шах-Мелика. Тарих-и-Бейхак (л. 28 в — 29 а, цит. по Бартольд¹⁴⁵) именует Шах-Мелика, правившего некоторое время Бейхаком после изгнания из Хорезма в 1043 г., Абу-л-Фаварис Шах-Мелик б. Али ал-Беррани. Я думаю, что все изложенное не оставляет сомнения в датировке описываемых Абульгази событий¹⁴⁶ и в восхождении рассказа Абульгази к близкому к этим событиям неизвестному туркменскому литературному источнику. А если так, то текст Абульгази дает нам богатый материал для освещения событий 1034 г. с их внутренней стороны.

Мы прежде всего узнаем, что отец Шах-Мелика Али, явный мусульманин, был правителем Янгикента, т. е. наследником сгузских ябгу X в. Этим объясняется отмеченное источниками изменение отношений сельджукидов к мусульманскому правителю Дженда между 80-ми гг. X и 30-ми гг. XI в. За эти 50 лет произошли, как мы видим, два крупных события: принятие ислама огузским ябгу и восстановление его власти над Джендом, в 80-х гг. им потерянным в результате первого выступления сельджукидов.

Из рассказа Абульгази мы видим, что Шах-Мелик, в качестве наместника своего отца управлявший Джендом, деспотически правил джендскими огузами, в результате чего между огузами вспыхнула жестокая междоусобная война, размах которой ярко отражен в приводимом Абульгази пророчестве огузского юродивого Миран-Кахена: «Скоро между огузовым племенем будет междоусобие, красная кровь, как черная вода, потечет, Али-хан скоро умрет, а на его месте будет падишах»¹⁴⁷.

Во главе восстания против Шах-Мелика стоит огузская знать. Это ярко выражено в словах везира Шах-Мелика Кузыджи, когда он излагает свой план подавления восстания: «Шах-Мелик, явившись, захватит их знать и убьет, дабы чернь покорилась сама»¹⁴⁸. Решающее сражение происходит, в соответствии с Бейхаки, в Хорезме и заканчивается победой Тогрула, пленением и смертью Шах-Мелика (что уже не точно: Шах-Мелик, как мы знаем, после этого успел еще побывать хорезмшахом и был взят в плен сельджуками гораздо позднее, в Мекране, после чего действительно был убит)¹⁴⁹.

Эти события приводят к полному и окончательному распаду государства ябгу, протекающему в условиях жестокой гражданской войны: «Когда весть об этом (поражении Шах-Мелика) дошла до Али-хана, он скоро умер. У огузова племени пошло так, что один с другим стал в отношения «канлы и учли». Настало время, что называется «ой башина

¹⁴⁴ Бейхаки, стр. 856 сл.; ср. Бартольд, Туркестан, II, стр. 316; его же Туркмения, I, стр. 25.

¹⁴⁵ В. В. Бартольд, Туркестан, II, стр. 323. Сыном Али именует Шах-Мелика и ибн-ал-Асир, IX—346 (МИТТ, I, стр. 372).

¹⁴⁶ В. В. Бартольд, изложив в своем «Очерке истории туркменского народа» сообщение Бейхаки о событиях 1034 г. (стр. 25) и анализируемый нами рассказ Абульгази (стр. 43), не заметил их связи, оценивая сообщения Абульгази лишь как предания «явно легендарного характера».

¹⁴⁷ Абульгази, Цит. соч., стр. 57.

¹⁴⁸ Там же, стр. 56.

¹⁴⁹ Бейхаки, стр. 867—868; и бн-ал-Асир, X, стр. 4.

Кара-хан» (во главе дома Черный Хан): один другого грабил и друг друга убивали»¹⁵⁰. Далее следует рассказ об откочевке огузов на Мангышлак, в Гиссар, в горы Абульхана (Балханы) и в Хорасан и об образовании государства сельджукидов, завершаемый грустными словами по-словницы: «Закочевало огузово племя! Есть ли для него кочевья, есть ли для него стоянки?»

Вся эпопея борьбы Шах-Мелика сперва с сельджуками в присырдарьинских степях, затем — за власть в Хорезме и, наконец, с победоносными сельджукидами в Хорасане и других областях Ирана, по материалам Бейхаки и ибн-ал-Асира, рисовавшаяся как цепь авантур мелкого феодального князька, выступает, при учете данных Абульгази, в новом свете. Шах-Мелик, наследник и соправитель янгикентского ябгу, возглавляет опирающуюся на «города гузов» «староогузскую партию», пытающуюся задержать распад государства ябгу и, путем унии с Хорезмом, влить в него новые силы. И даже, когда в 1043 г. победоносные сельджукиды уже из Хорасана подчиняют Хорезм, Шах-Мелик не складывает оружия, перенося борьбу в область, вновь завоеванную его непокорными подданными. Но это — уже совсем безнадежная борьба. 1043-м годом можно по существу датировать падение государства ябгу.

Кризис этого государства, приведший к разрыву его растянутых коммуникаций, открыл ворота для движения кыпчакских племен на Сырдарью и в Восточную Европу, где половцы впервые появляются в 50-х годах XI в., подчиняя и тесня перед собой осколки отрезанных от уже павшего янгикентского центра печенежско-огузских племен.

Если на западе, на границах Византии и Руси, наступательное движение огузов потерпело крушение и привело либо к поработлению огузов половцами, либо к более или менее добровольному подчинению их Руси, — на юге благоприятно сложившаяся в связи со смертью Махмуда Газнийского политическая обстановка привела не только к широкому расселению огузов в Средней и Передней Азии, но и к подчинению этих стран династии огузских вождей, которые, впрочем, как правильно отмечает в соответствии с более ранними источниками Абульгази «(туркменскому) народу и племени пользы не принесли»¹⁵¹.

Как мы видели выше, для придонских огузов и, как известно, для сырдарьинских¹⁵² эта откочевка не была и не могла быть абсолютной. Значительные массы оставшихся на месте огузско-печенежских «ятуков» и на Дону и Волге и на Сыр-дарье были вынуждены подчиниться кыпчакско-кимакским завоевателям. Однако уже скоро потомки покоренных начинают играть в составе нового смешанного населения выдающуюся роль: я имею в виду племя баяут — несомненно, те же боуты или баяты, в XII в. выступающие как наиболее влиятельное племя в составе кимак-ов (йемеков), по одним источникам, канглы — по другим. Да и само имя канглы, появляющееся лишь в это время, видимо, связано с древним печенежским именем кангар (~кенгерес)¹⁵³, покрывая новое политическое и этническое объединение, консолидировавшееся на базе смешения аборигенных огузско-печенежских и пришлых кимакско-кыпчакских элементов.

Мы должны здесь остановиться на одном существенном этнонимическом вопросе — на вопросе о происхождении и истории термина каракалпаки («черные клобуки»).

¹⁵⁰ Абульгази, Цит. соч., стр. 58.

¹⁵¹ Там же, стр. 61.

¹⁵² Там же, стр. 59; ср. В. В. Бартольд, Туркмения, I, стр. 42.

¹⁵³ Maqquart, Comanen, S. 26. Характерно, что у Нувейри (Тизенгаузен, Сб. мат. по ист. Золотой Орды, I, стр. 541) среди кыпчакских племен фигурирует племя кангуоглы или кангар-оглы, откуда, видимо, стяженная форма канглы.

Термин этот раньше всего зарегистрирован на Руси, где он впервые упоминается летописью в середине XII в. Если бы «черные клобуки» — имя, покрывающее имена торков, печенегов, ковуев и берендеев¹⁵⁴ и употребляющееся параллельно с ними, было общим самоназванием племен огузско-печенежского союза, оно, несомненно, появилось бы на страницах летописи гораздо раньше, ибо и торков-узов, не говоря уже о печенегах, Русь знала уже с X в. Между тем, именно после походов Мономаха, к середине XII в., когда появляется имя «черных клобуков», дипломатические связи Руси и половцев, закрепляемые многочисленными брачными союзами князей, становятся особенно тесными (первый такой брак зарегистрирован в 1094 г.¹⁵⁵). Есть все данные полагать, что к этому времени знание половецкого языка стало на Руси массовым явлением. Поэтому наиболее вероятно предположить, что несомненно тюркский, но до этого нигде на востоке не зарегистрированный, термин «черные клобуки» является термином половецкого языка, заимствован русскими от половцев и, по всей видимости, прилагался последними ко всей совокупности полуоседлых племен огузско-печенежского союза, действительно отличавшихся от восточных пришельцев своими черными шапками.

Этот собирательный термин, так сказать неофициального характера, вероятно, был изобретен кыпчаками достаточно давно¹⁵⁶ и применялся, конечно, прежде всего к приаральской части огузско-печенежского объединения. Он продолжал, судя по его дальнейшей истории, применяться также в качестве неофициального собирательного имени к «носителям черных шапок» — как к осевшим на рубежах Руси огузо-печенегам, так и к оседлому или полуоседлому населению Приаралья уже смешанного или, во всяком случае, «кыпчакизированного» по языку характера, сохранявшему древние культурные традиции огузо-печенегов; этот же термин, пройдя через бурю монгольского нашествия, после распада основанных монголами государств снова выплыл в XVI в. на поверхность как уже «официальное» имя и самоназвание консолидировавшейся к этому времени на базе этого древнего этнографического субстрата, сильно, конечно, модифицированного событиями монгольской эпохи, каракалпакской народности.

В этой связи представляют большой интерес предания туркмен и каракалпаков о переселении тех и других из Туркестана в места нынешнего обитания, обнаруживающие ряд интереснейших параллелей и неизменно связанные с образом Ходжа-Ахмеда Ясави, известного суфийского деятеля XII в. — что, на наш взгляд, позволяет видеть в этих преданиях, несмотря на крайне фантастический их характер, отголосок близких ко времени Ходжа-Ахмеда действительных событий XI в., т. е. тех самых,

¹⁵⁴ Голубовский, Цит. соч., стр. 119.

¹⁵⁵ Там же, стр. 172.

¹⁵⁶ Указанием на раннее бытование этого термина у кыпчаков на востоке может служить впервые отмеченное П. П. Ивановым в его посмертной работе «Новые данные о каракалпаках» (СВ, VII, 1945, стр. 62) упоминание имени «Калпак» в качестве личного имени одного из военачальников 7500 тюркских наемников хорезмшаха Алтунташа (1017—1032). Этот «Калпак» возглавил движение «гулямов и всадников», которые покинули хорезмшаха и удалились в степь. Вскоре, впрочем, они раскаялись и вернулись обратно (Бей-хаки, ed. Morley, стр. 852—853; цит. по П. П. Иванову, Указ. соч., стр. 62). П. П. Иванов совершенно прав, видя в слове «Калпак» не личное, а этническое имя, и связывая его с именем каракалпаков. Однако я не думаю, что с ним можно согласиться в том, что прибавка «кара» появилась позднее (стр. 63). Напомню (помимо того, что этническое имя «калпак» без определения теоретически невероятно и нигде не зарегистрировано), что русские летописи постоянно употребляют наряду с «черными клобуками» просто «клобуков», причем нередко в качестве собирательного имени, в единственном числе — «Клобук» (ср. Ипатьевская летопись, стр. 230 под 1146 г.: «И поиде Изяслав к Дерновуму и ту совокупишяся вси Клобуци и Поршане» и т. п.). Я думаю, что и «Калпак» ал-Бейхаки, как и «Клобук» летописей, сокращение кыпчакского прозвища огузо-печенегов — «кара-калпак».

анализом которых мы занимались выше. Ввиду интереса этих преданий я позволю себе привести их полностью.

Хорошхин¹⁵⁷ в начале 70-х гг. прошлого века записал следующее предание нуратинских «туркмен» об их происхождении: «По поводу поселения туркменов в названных выше местностях существует между ними весьма оригинальное предание, которое я и привожу здесь: г. Туркестан был когда-то местом жительства (а теперь стал могилой) известного мусульманского святого, Султана Ахмеда-Ясави, родом узбека (большая редкость, 90% мусульманских святых — арабы, персы или таджики). Из табунов святого Ахмеда пропал однажды конь... Святой заподозрил в краже коня двоих туркменов, которые все без исключения кочевали в окрестностях Туркестана. Туркменов этих звали: Акман и Караман. Они обиделись на подозрения и решили отомстить: тайно свели одного из своих коней в конюшню Ахмеда, а потом, в свою очередь, объявили на него свои подозрения. Ахмед решил тем, что приказал всем туркменам удалиться из окрестностей Туркестана, как недостойным ёрам и мошенникам; туркмены тронулись через пески Кызыл-Кум на юг. Много потерпели они горя во время этого путешествия, а потомки плутов Акмана и Карамана по воле святого, пройдя пески, окончательно выбились из сил и осели в горах Нурата, будучи не в состоянии идти далее; прочие родичи их ушли за Аму и дальше, на места более благодатные».

Т. А. Жданко в 1945 г. в колхозе им. Куйбышева Кенесского аулсовета Чимбайского района Каракалпакской АССР записала от 75-летнего каракалпака Бердымурата Бегимбетова из рода Майлибалта (племя кыпчак) очень близкий вариант сказания: «В Туркестане тогда еще был жив Ходжа-Ахмед Ясави. Он обратился к йомудам с угрозой — если они не оставят в покое каракалпаков, он их накажет. Тогда йомуды украли одну скотину, зарезали и положили в мечети, чтоб в этом преступлении обвинили Ясави. Человек, у которого украли скотину, пришел к Ходжа-Ахмеду и спросил, не знает ли он, где украденная скотина. Ясави сказал: нет. Тогда нашли скотину у него в мечети. Он очень рассердился, превратил воров в двух собак и приказал им есть йомудов. Туркмены бежали на Мангышлак (теке), а задние (йомуды) были еще в Хорезме на пути. С этими йомудами были один каракалпак и его сестра, бывшая замужем за туркменом. Собаки стали их догонять. Тогда каракалпак обратился в Хиве к святому Палвану — просил приказать собакам, чтоб они его не съели, так как он не туркмен. Палван дал ему право прочесть молитву и стрелять в собак, которых туркмены убить не могли. Каракалпак их убил. Ходжи-Ахмет Ясави, когда узнал об этом, сказал, что жаль — он хотел, чтоб туркмен совсем не оставалось на землях каракалпаков, а так их немного все же осталось и они еще смогут когда-нибудь начать снова нападать на каракалпаков. Так действительно и получилось»¹⁵⁸.

Та же собирательница записала в 1946 г. от 70-летнего каракалпака Утегена Еримбетова из рода Колдаулы (племя конграт) в колхозе Кенес Кунградского района Каракалпакской АССР еще два варианта той же легенды.

1. «В Туркестане жили два брата Акбан и Караман¹⁵⁹ из рода теке-туркмен; оба они были баями и биями и отличались жестокостью (зорлукши, зулум адам). Они собирали салгыт (дань, налог) со всех

¹⁵⁷ Хорошхин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского Края, СПб., 1876, стр. 513.

¹⁵⁸ Пользуюсь случаем выразить благодарность Т. А. Жданко, любезно предоставившей мне свои неопубликованные материалы по генеалогическим преданиям и родоплеменному составу каракалпаков, цитируемые ниже.

¹⁵⁹ Ср. Акман и Караман записи Хорошхина.

родов, живших в Туркестане. Однажды они советовались друг с другом, обсуждали вопрос: кто еще не платит им салгыт? Выяснилось, что не платит Ходжа-Ахмед Ясави. «Что же нам делать?» Решили зарезать лошадь и ночью положить ее в мечеть Ходжа-Ахмеду, как будто он сам ее украл и зарезал. На следующий день они пришли к ишану с жалобой, что они потеряли лошадь, не знает ли он, где она. Тот ответил, что не знает. Тогда они пошли в его мечеть, нашли там под шептой зарезанную лошадь и стали поносить и ругать ишана: «Ты вовсе не святой, ты украл нашу лошадь, вот мы ее у тебя нашли». Оскорбленный ишан заплакал, а затем прочел молитву и сказал: «Ит болгайсан» (будь собакой). И оба бия превратились в двух собак. Собаки бросились к мертвой лошади и стали ее жрать. Тогда Ходжа-Ахмед Ясави обратился к народу: «Видите этих собак? Пока они заняты едой, торопитесь откочевать отсюда».

Первыми начали откочевывать туркмены. Они шли безостановочно 10 дней, но к этому времени собаки кончили есть лошадь и бросились преследовать туркмен. Услышав, что за ними гонятся собаки, туркмены решили каждый день бросать им на съедение одну девушку и, пока они будут заняты едой, — уходить дальше. Так прошло несколько дней, очередь дошла до одной девушки, у которой был старший брат. Ее связали и бросили. Девушка заплакала и стала упрекать брата: «Ты мой родной брат, неужели оставишь меня здесь и отдашь собакам, а сам уйдешь?». Брат остановился, у него были лук и стрелы; он дождался собак, чтобы убить их. Первая собака уже приблизилась к девушке и набросилась на нее, в это время жигит схватил лук и при этом сказал: «Это руки мои, это руки Ходжа-Ахмеда Ясави». После этого он выстрелил из лука и попал в собаку. Собака упала, но не издохла, а стала говорить: «Я прогнала вас из Туркестана, но благодаря этому ушедшие впереди дошли до таких мест, где даже собачьи кормушки (итаяк) делают из золота, а задние дошли до таких мест, где даже стельки в сапогах (ултарак) делают из серебра. Мне жаль тебя, если бы ты в меня не стрелял — и ты дошел бы до тех мест, где итаяки золотые». С этими словами собака издохла.

Местность, где золотые итаяки, — это был Атрек и окрестности Гургена. А где серебряные ултарак — река Теджен, Большие и Малые Балханы».

2. «Ктаи украли у Ходжа-Ахмеда Ясави «шимилдык» (занавеска, полог). Он стал искать его, спрашивать у всех. Ктаи говорят: «Наверное, кыпчаки взяли!» А кыпчаки говорят: «Нет, наверно ктаи взяли!» Но Ходжа-Ахмед, будучи святым, узнал, что воры — ктаи. Тогда ктаям стало стыдно смотреть ему в глаза, и они откочевали. За ними стали откочевывать кыпчаки и кенегес-мангыты, и все онто́ртру так откочевали за ктаями. В Туркестане осталось мало каракалпаков, их стали обижать соседние народы, потому и остальным племенам пришлось впоследствии оттуда уйти».

Сопоставляя эти легенды, где историческое сказание (нельзя не обратить внимание на тождество имени Карамана нуратинского и каракалпакского преданий с именем Карамана, — по Абульгази, одного из огузских вождей в период их откочевки с Сыр-дарьи¹⁶⁰) переплелось с архаическими этногоническими мифами, носящими явную тотемическую окраску, и религиозно-нравоучительными анекдотами, мы не можем не обратить внимания на выступающую в них тесную взаимосвязь туркмен и каракалпаков, которую не уничтожают отраженные в сказаниях традиции о туркмено-каракалпакской вражде. В двух вариантах Утегена

¹⁶⁰ Абульгази, Цит. соч. Имя Караман до сих пор носит один из трех основных отделов племени салыр.

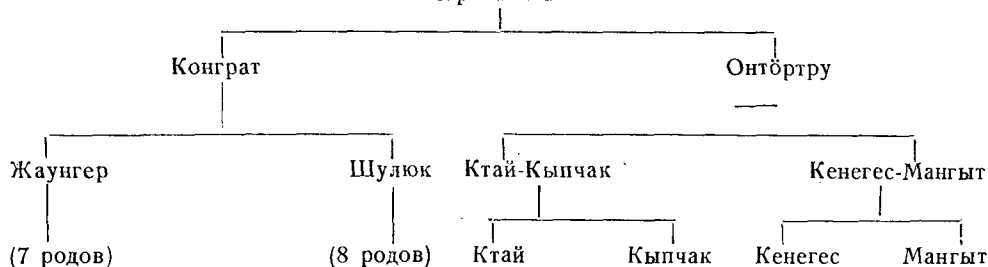
Еримбетова мы собственно видим параллельные тексты, в одном из которых роль оскорбителей Ходжа-Ахмеда играют туркмены, в другом — каракалпаки. В тексте Бердымурата Бегимбетова подчеркнута брачная взаимосвязь каракалпаков и туркмен и роль каракалпакского джигита в спасении туркмен от гибели. Утеген Еримбетов дает в другом своем рассказе чрезвычайно интересную формулировку родственных отношений туркмен и каракалпаков: «Туркмены происходят от двух предков: Сеиль-хана и Теке-туркмена, близкого к каракалпакам, и теке можно даже считать каракалпакским родом»¹⁶¹.

В связи с текстом Хорошхина небезынтересно обратить внимание на родоплеменной состав нуратинских «туркмен», которым сказание уделяет особое место. В нем обнаруживается тесная взаимосвязь их с каракалпаками и узбеками¹⁶². По данным комиссии по национальному размежеванию Средней Азии, нуратинские «туркмены» делятся на ряд родов: казаяклы, богайджалы, кенджигалы и ойтамгалы. Из них казаяклы по имени тождественны крупному подразделению каракалпакского племени ктай и одному из родов отделения каракалпаков-конгратов — джаунгыр. Имя канджигалы зарегистрировано как имя крупного рода каракалпаков племени кыпчак. Как эти имена, так и имена богайджалы и ойтамгалы известны у узбеков племен найман, конграт и кенегес. Из 10 имен родов лишь одно — барак — находит себе параллель у туркмен (йомудов). Характерно, однако, что традиция деления на 24 племени сохранилась и у нуратинских «туркмен». В. Мошкова сообщает, что четыре основные племенные группы этих «туркмен» составляют, «по народным представлениям, группу «24 отцов»¹⁶³.

Существенно отметить, что именно у каракалпаков и у близко родственных им хорезмских узбеков сохранилась одна особенность военно-племенных союзов XI в., находящаяся в противоречии с гуннской схемой деления на 24 племени (по формуле 1 : 2 : 3 : 4) и зарегистрированная Константином Багрянородным у печенегов Восточной Европы¹⁶⁴, у тесно связанных с ними мадьяр X в.¹⁶⁵ Ибн-Фадлан сигнализирует ее наличие у камских булгар в X в.¹⁶⁶ Я имею в виду деление на два крыла, далее — на 4 основных подразделения, в ряде случаев затем делящихся каждое еще на два, давая в конечном итоге систему восьми племен, в наиболее полных генеалогиях распадающихся каждое на 5 (всего 40) родов. Таким образом, если гунно-огузская схема может быть выражена формулой 1 : 2 : 3 : 4, то формула «печенежская» будет: 1 : 2 : 2 : 2 : 5.

Современная генеалогическая структура каракалпаков, по данным Т. А. Жданко, дает нам следующую схему:

Каракалпаки



¹⁶¹ Ср. Гиршфельд и Галкин, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, II, стр. 66.

¹⁶² „Территория и население Бухары и Хорезма“, I (Бухара), стр. 175—179, 204—206.

¹⁶³ Советская этнография, 1946, № 1, стр. 242.

¹⁶⁴ DAI, XIV (о восьми племенах печенегов, делящихся (по 4) на 2 группы, на восток и на запад от Днепра, и о 40 родах, на которые распадаются эти племена).

¹⁶⁵ Там же, XL (о восьми племенах мадьяр).

¹⁶⁶ Путешествие ибн-Фадлана, стр. 67 (о четырех „царях“, бывших „под рукой“ царя булгар).

Мы видим, что если у конгратов отмеченная выше схема прослеживается на 2 ступени, давая отступление от основной формулы в третьей, то «онтörtрү» дают нам полное сохранение классической «печенежской» схемы 1 : 2 : 2 : 2.

Эта же тенденция четверного членения может быть прослежена и у отдельных подразделений каракалпаков: 4 основных деления конгратов-ашамайлы, 4 основные линии конгратов-колдаулы («тört ата колдаулы»: по преданию колдаулы переселяются в Хорезм, имея во главе четырех братьев — баев), 4 основных рода мюйтенев, 4 «сана» приморских («нижних») каракалпаков, упоминаемых Рычковым, 4 рода «потомков Танке» у ктаев. Отметим вместе с тем, что зарегистрированное Константином Багрянородным деление 8 основных печенежских племен на 40 мелких подразделений (дальнейшая проекция четверного деления с вероятной формулой 1 : 2 : 2 : 2 : 5, ср. род бес-сары у каракалпаков ктай) мы находим и в каракалпакских преданиях: в Шеджере Бердаха рассказывается о посылке каракалпаками к Чингису 40 представителей от элей и уругов¹⁶⁷, в легенде ктай-каракалпаков о Батыр-хане рассказывается о 40 каракалпакских визирях этого хана. Любопытно также фантастическое предание о происхождении рода кырк (того же племени ктай) от 40 сыновей, рожденных их прародительницей в четыре приема.

Узбеки Хорезма в XVI—XIX вв. (Абульгази¹⁶⁸, Мунис¹⁶⁹, Муравьев¹⁷⁰) делились на 4 «булюка» (Абульгази) или «тупэ» (Мунис), каждое из которых в свою очередь состояло из 2 «родов» (племен):



Характерно, что при проведении своей административной реформы Абульгази (по Мунису), устанавливая 32 высшие государственные должности, во всех тех случаях, когда эти должности связаны с территориальным или племенным делением, назначает по четыре одноименных должности: 4 аталыка, 4 инака, 4 мираба, 4 бия, 4 чагатайских инака¹⁷¹.

Очевидная искусственность этого деления выступает не только в списке узбекских родов (resp. племен) современного Хорезма, где их значительно больше, но и у Муниса. Последний перечисляет также значительно больше родов, которые, однако, в виде «присоединенных» к основным втискиваются в ту же восьмиричную схему: «К ним (кыпчакам) присоединил он (Абульгази-хан) чегырнадцать родов, которые и носили название «онтуртуруг» («14 родов», ср. деление онтörtрү у каракалпаков.— С. Т.). Джелайры и али-эли (туркменское племя.— С. Т.) были присоединены к кыятам, кенегесы — к нукузам, а ходжа-эли — к мангытам. Дурманы, юзы и минги были присоединены к уйгурам, а потомки пророка — шейхи — к найманам»¹⁷². Мы видим здесь то же явление, что

¹⁶⁷ Ср. „40 племен гузов“, владеющих в XII в. Саксином (Marquart, Kompen, S. 102).

¹⁶⁸ Абульгази, Шеджере-и-тюрк, ed. par Desmaisons, texte стр. 223.

¹⁶⁹ Фирдаус-ал-Икбаль, 65 б.

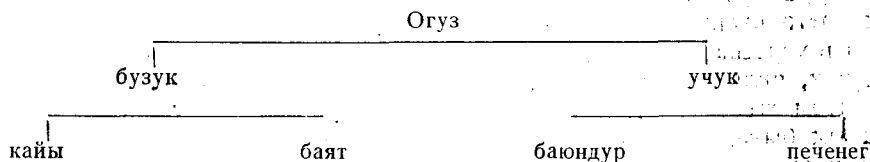
¹⁷⁰ Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву, II, стр. 36.

¹⁷¹ Фирдаус-ал-Икбаль, Там же.

¹⁷² Фирдаус-ал-Икбаль, 65 б; ср. МИТТ, II, стр. 328.

и в отношении туркменской схемы «24 племен», с той разницей, что в основу положена иная традиционная формула, под которую подгоняется реальная структура объединения племен.

Напомню, что в огузском союзе «беки правого и левого крыла» выделялись лишь из четырех племен по схеме



Это заставляет нас видеть в огузской системе скрещение двух структурных принципов: древнего местного с формулой 1 : 2 : 2 : 2 : 5 и гунигского с формулой 1 : 2 : 3 : 4 ¹⁷³.

Все изложенное выше позволяет еще раз вернуться к основной теме нашего исследования. Как известно, каракалпаки в XVIII—XX вв. являются наиболее характерными представителями комплексного, скотоводчески-рыболовно-земледельческого хозяйства в условиях дельтового режима, которое в свете наших материалов не может, нам думается, уже рассматриваться как результат относительно недавнего процесса «оседания кочевников», а, напротив, выступает как древняя форма, предшествующая, а впоследствии сопутствующая развитию собственно кочевого хозяйства, окончательно складывающегося в Средней Азии лишь вместе со средневеково-феодальным строем, т. е. к X—XI вв. Характерно, что крайне архаический каракалпакский эпос об амазонках — «Кырк-кыз», посвященный подвигам воинственной защитницы интересов предков каракалпакского народа — Гулаим и ее сорока (матриархальный аспект той же генеалогической схемы!) сподвижниц, рисует нам тот же комплексный тип хозяйства, сочетаемый с оседлостью.

Отец Гулаим — Аллаяр живет «в городе Саркоп» ¹⁷⁴. Гулаим получает оттуда во владение остров «Миуели» (Плодородный), где строит великолепно разукрашенную крепость ¹⁷⁵.

Высокие места острова
 Парной упряжкой распахали,
 Места, что были покрыты солью,
 Ценным удобрением удобрили,
 Произвели полив до насыщения земли влагой
 Цветник-сад развели ¹⁷⁵.

Крепость на острове, окруженная посевами, не может не возбудить ассоциаций с нашими «болотными городищами» района Янгикента, перебрасывая мост между каракалпакской оседлостью XVIII—XX вв. и печенежско-огузской оседлостью I тысячелетия н. э. и более раннего времени.

VI. Некоторые выводы

Наше исследование приводит нас к двум группам выводов. Одна из них относится к вопросам истории хозяйственно-бытового уклада тюркских народов Аральского бассейна; вторая — к вопросам этногенеза.

¹⁷³ Тенденция к формуле 1:2:2:2:n весьма характерна для современных туркменских племен, особенно для теке и эмрели. Тенденция к огузской формуле 1:2:3:4 может быть отмечена у йомутов по линии байрам-чали — орсукчи.

¹⁷⁴ «Кырк-кыз», стр. 1. Цитирую по подстрочному переводу У. Кожурова, любезно предоставленному мне автором. Подлинный текст, с которым я имела возможность ознакомиться в Нукусе, сейчас мне недоступен.

¹⁷⁵ Там же, стр. 4.

¹⁷⁶ Там же, стр. 4—5.

Мы видим, что «города гузов» ал-Идриси — не досужий домысел испанского араба. Представление о характере и истории кочевого хозяйства тюркских народов должно быть уточнено. У аральских племен как дотюркское, так и тюркского периода до XI в. доминировало комплексное, оседлое или полuosедлое, скотоводчески-рыболовно-земледельческое (культура проса) хозяйство, связанное с наличием крупных укрепленных постоянных поселений — «городов», локализующихся у воды, чаще всего в хорошо естественно орошенных и изобилующих рыбой дельтовых районах, являвшихся местом наибольшего тяготения степных племен и объектом жестокой межплеменной борьбы. Представление об их чисто кочевом быте, широко отраженное в литературных источниках, восходящих к отчетам чужеземных наблюдателей, наваяно, с одной стороны, относительно легкой подвижностью этих племен, определяемой тем, что главным их богатством являлся скот, с другой — наличием у них черт кочевого быта, в частности — кочевых жилищ, развившихся из потребности полукочевого пастушеского скотоводства, а также полукочевого дельтового земледелия. «Оседание кочевников», рассматриваемое обычно как относительно позднее или, во всяком случае, связанное с упадком кочевого хозяйства явление, на деле имманентно самому «кочевому хозяйству», восходя к глубочайшей древности, к доскотоводческому оседло-рыболовческому хозяйству неолита, что ярко сигнализируется фактами языка, свидетельствующими о рыболовстве как основе оседлости и о сохранении в тюркских языках древнего термина для «города» (балык), восходящего к понятию «рыболовное поселение на болоте». Не «оседание бедняков», а отрыв стад богачей от древних оседлых поселений является движущей силой процесса образования настоящего кочевого хозяйства с развитым циклом, датируемого, по крайней мере для Средней Азии, временем не раньше X—XI вв. н. э. Оседлый «джатак» («ятук» Махмуда Кашгарского) древнее кочевого бая.

Повидимому, насколько можно заключить из данных, которыми мы располагаем для других районов кочевого хозяйства, процесс и там шел аналогичным путем. Свидетельством тому является хазарское «полукочевое» земледелие, сочетающееся с рыболовством, «хакасское» (енисейско-кыргызское) ирригационно-земледельческое хозяйство, пережиточное, но по всем данным, весьма архаичное, комплексное хозяйство якутов, вряд ли объяснимое целиком географическими условиями, полuosедлый характер хозяйства киданей и, наконец, упомянутые факты языка.

Вторая группа выводов, нам кажется, позволяет несколько дополнить наши сведения по этногенезу тюркских народов Средней Азии — туркмен, каракалпаков, узбеков и отчасти казахов. Мы можем теперь наметить следующие этапы этого процесса.

1) Основой его являются древние сакско-массагетские племена — «массагеты болот и островов», апасиаки (водные саки), говорившие, видимо, на различных, частью на архаических индоевропейских, частью, возможно, на протоугорских (ср. тесную связь печенегов и мадьяр-башкир и участие последних в истории племен Приаралья в IX в.) языках и сохранявших, в условиях отсталого района Приаралья, традиции местного бронзового века. Под влиянием хорезмийской культуры эти племена окосло начала нашей эры в той или иной мере воспринимают язык сарматского (североиранского) типа и выступают под именем алан, арсинов (аорсов) или асов (ясов, ятиев).

2) Начиная с I в. до н. э. идет инфильтрация в эту среду хуннских элементов с востока — из Семиречья вниз по Сыр-дарье, завершающаяся в IV в. н. э. образованием в низовьях Сыр-дарьи центра гунно-аланско-массагетского варварского государства кидаритов-эфталитов и формированием смешанной массагето-алано-гуннской культуры и, вероятно, языка. Потомки тюркизирванных в VI—VII вв. эфталитов-кидаритов

выступают в VIII—XI вв. под собирательным именем огузов — как на своей древней территории, где продолжает жить наиболее стойко гуннская политическая традиция, так и на южных и восточных окраинах области экспансии эфталитского государства (токуз-огузы — имя, впоследствии в Восточном Туркестане переходящее на уйгуров).

3) С VI в. в эту среду внедряются аварские и собственно тюркские элементы, ассимилирующиеся с местной этнической средой. Видимо, с аварским движением связано появление в составе огузских племен восточных, возможно, древнемонгольских компонентов — племен кайи и баят (баяут), занимающих доминирующую роль в формирующемся огузском союзе, которую они делят с сильной местной народностью печенегов — видимо, наиболее непосредственных потомков древних приаральских племен.

4) В X—XI вв. термином «огузы» покрывается конгломерат связанных союзными отношениями племен различного происхождения, говорящих на различных языках, без особых признаков доминирования диалектальных особенностей юго-западной тюркской ветви, объединенных властью огузских ябгу Янгикента, в период между 60-ми годами X и 30-ми годами XI в. расширяющих свои владения до южных пределов Руси. Еще более широкий смысл вкладывается в термин «туркмен», лишь позднее становящийся синонимом огузов и значительно позднее получающий свой современный смысл.

5) Развитие крупного товарного скотоводства печенежско-огузской аристократии, стимулированное ростом ремесленной промышленности среднеазиатских городов X в. и широким развитием торговли между степью и оазисами, создает острое противоречие между оседлым комплексным натуральным хозяйством народных масс и развивающимся в сторону кочевничества хозяйством аристократии, требующим широкой экспансии в целях расширения пастбищных угодий. Нарастание кризиса выражается в откочевке значительных групп скотовладельческой аристократии в пределы Хорезма, Мавераннахра, Хорасана, Руси и Византии, ослабляющей политические связи варварского государства огузских ябгу Янгикента.

6) Движение кимаков и кыпчаков из Прииртышских областей, обусловленное особенно быстрым развитием у них кочевого скотоводства, ведет к частичному вытеснению печенежско-огузских племен из бассейна Нижней Сыр-дарьи, отложившемуся не только в туркменских, но и в каракалпакских сказаниях. На почве скрещения древнего массагето-гунно-огузского полуоседлого населения этого бассейна с кимакско-кыпчакскими иммигрантами формируется значительное объединение племен XII—XIII вв., известное под именем канглы (вариант печенежского этнонима кангар), в рамках которого складывается этнический субстрат позднейшего каракалпакского народа (до ныне сохраняющего традиции древнего комплексного хозяйства), равно как и так называемых «золотоордынских» узбеков.

7) Выселившиеся с Сыр-дарьи огузско-печенежские группы, слившись с хорасанскими и тохаристанскими группами тюрков, составляют основу этногенеза туркмен и других юго-западных тюрков. Видимо, преобладающую, во всяком случае количественно, роль в движении огузов на юг сыграло племя салоров, с которым генеалогически связывают себя наиболее крупные из современных туркменских племен и которое занимает особое место в эпической традиции Азербайджана и Малой Азии (Китаб-и-Коркут).

8) Анализ истории термина кара-калпаки (черные клобуки) заставляет прийти к выводу, что это половецкий (кыпчакско-кимацкий) термин, первоначально применявшийся пришельцами из Прииртышья к

огузско-печенежским племенам Приаралья и Сыр-дарьи и определявшийся действительным типом их головных уборов, до сих пор сохранившимся у каракалпаков и туркмен. Впоследствии он применяется к сохранившему хозяйственным и бытовым традициям этих первоначальных «каракалпаков» смешанному, огузско-кыпчакскому населению Сыр-дарьи и, после распада ногайского и узбекского союзов, в состав которых входят каракалпаки, окончательно закрепляется за предками современного каракалпакского народа и становится его самоназванием.



МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. П. ПОТАПОВ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ САГАЙЦЕВ

Выяснение этногенеза племен Саяно-Алтайского нагорья, объединенных ныне в значительной части в составе Хакасской, Ойротской и Тувинской автономных областей, представляет большую и сложную задачу, стоящую перед советскими этнографами и историками Сибири. Посильное участие в разработке этой проблемы приняла на себя Хакасская этнографическая экспедиция, организованная Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. Экспедиция работала летом и осенью 1946 г. в левобережной части бассейна Абакана и, по поручению Института этнографии Академии Наук СССР, возглавлялась автором настоящих строк. Результаты, полученные экспедицией в течение полевой работы, в соединении с ранее известным историческим и этнографическим материалом, позволяют наметить решение одного из существенных вопросов этногенеза современных хакасов, поставленного в заголовке настоящей работы. Как известно, в состав хакасов входит ряд тюркоязычных племен: качинцы, кизыльцы, койбалы, бельтиры, сагайцы. Все они в настоящее время находятся в процессе консолидации в единую национальность в условиях ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей им практические огромные возможности в развитии культуры.

Сагайцев принято считать особым племенем со времени уже ранних публикаций В. В. Радлова. Последний еще в 60-х гг. прошлого столетия включил сагайцев в список племен, которым он дал общее наименование «абаканских татар»¹. В этом списке сагайцы оказались вместе с племенами качинцев, кизыльцев и койбалов. После Великой Октябрьской социалистической революции все перечисленные племена были объединены в составе Хакасской автономной области и получили общее наименование хакасов. Таким образом, сагайцы стали хакасским племенем. Но это только формальная сторона вопроса. По существу же вопрос происхождения и этнического состава сагайцев на основании этнографических и исторических данных решается иначе.

Во время поездки по бассейну верхнего течения р. Тёи, левого притока Абакана, в районе средоточия сагайцев, мы совместно с В. И. Доможаковым с первых же дней работы обнаружили, что местное население сагайцами себя не называет. Более того, некоторые старики даже брались разъяснять нам, что сагайцами их называют неправильно.

¹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, часть II, СПб. 1868. Предисловие, стр. IX—X; его же, *Ethnographische Übersicht der Türken-Stämme Sibiriens und der Mongolei*, Leipzig, 1883; *Aus Sibirien*, Bd. I, Leipzig, 1884, S. 206.

Вскоре такие же сведения стали поступать и от других участников экспедиции. Заинтересовавшись этим вопросом, я натолкнулся и на другое явление. Оказалось, что старейшее и среднее поколение этого района не называет себя и хакасами, хотя Хакасская автономная область существует уже свыше 15 лет. Это общее название здесь еще не вошло в быт, и его употребляют в качестве самоназвания только молодежь и местная сельская интеллигенция, преимущественно учителя. Обычно в качестве самоназвания здесь приводят наименование сеока (рода) Карга, Кобый и т. п. или довольно часто, видимо для популярности, термин «татар». Таким образом, перед нами сразу же возникли вопросы: на каком основании и правильно ли существовало племенное наименование сагайцы? И затем — что представляют собой сагайцы в этническом отношении, каков их этнический состав?

Уже в течение полевой работы выяснилось, во-первых, что термин «сагай» в качестве самоназвания относят здесь к определенному сеоку, именно сеоку Сагай. Во-вторых, этим термином прежде называли, независимо от сеока, все население, входившее в ведомство бывшей Степной думы соединенных разнородных племен с центром в с. Аскысе, называвшейся обычно для краткости «Сагайской степной думой». Мне рассказали предание, объясняющее происхождение названия «Сагайской думы». Согласно преданию, царские чиновники решили заменить длинное наименование думы соединенных разнородных племен более кратким. Чтобы придумать его, они вызвали всех родовых князьев в г. Минусинск. Первым по вызову чиновников в Минусинск явился князец рода (сеока) Сагай. Поэтому думу называли Сагайской². Наконец, путем опроса выяснилось, что термином «сагайцы» называло себя не столько само население Сагайской степной думы, сколько его называли так жители соседних административных подразделений, преимущественно качинцы. Само население этого ведомства называло себя «сагай» только по принадлежности к Сагайской думе и, как правило, только при разговорах с официальными лицами или во время поездок за пределы своей степной думы³.

Изложенные данные о фактическом положении с употреблением наименования сагайцы делают необходимым изучение и решение этого вопроса. Как же обстоит дело с ним в литературе?

Приходится напомнить, что по сагайцам нет ни одной специальной работы, что обзор вопроса придется сделать по отрывочным данным, разбросанным по различным общим и специальным работам, относящимся к населению Западной и Южной Сибири. Характерно, что в этнографической литературе нет указаний на то, что сагайцы являются самостоятельным племенем или народом, что они представляют собой единое целое в этнографическом и языковом отношении. Исключением является заявление В. В. Радлова, высказанное им относительно «абаканских татар» в целом. Радлов представлял себе абаканских татар как «смесь самых разнообразных и разнородных племен, но долголетним обращением между собой слившихся в отношении языка и обычаев почти в одно целое»⁴. Правильно называя абаканских татар (т. е. качинцев, бельтиров, койбалов, сагайцев) этнической смесью, Радлов в то же время ошибочно и без всяких доказательств предположил у них единство в отношении обычаев, подразумевая, следовательно,

² Вариант предания, объясняющего происхождение названия Сагайской думы, приводится у Н. Ф. Катанова, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX (перевод), СПб., 1907, стр. 45².

³ Ср. Н. Ф. Катанов, Письма из Сибири и Восточного Туркестана, СПб., 1893, стр. 112.

⁴ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. II, СПб., 1868, стр. X.

этнографическое единство. Однако его мнение стоит в литературе довольно одиноко.

Гмелин едва ли не первый упоминает о сагайцах. Он нашел их в 1739 г., переехав на правый берег Уйбата (левый приток Абакана) и по его южным притокам Бее и Нине. Гмелин пишет о них как о кузнецких татарах, входивших тогда по административной линии в ведомство г. Кузнецка, но указывает, что они называют себя «сагай»⁵. Он характеризует их скотоводами и отмечает, что в отличие от виденных им ранее качинцев они разводят еще коз⁶. Я нахожу, что Гмелин посетил населе-



Рис. 1. Шорское летнее жилище «одаг»

ние, относящееся к сеоку Сагай, у которого несколько позднее оказался и Паллас. Последний обнаружил «сагайских татар» на том же месте, что и Гмелин. Паллас сообщает о них, что «во всем народе нет больше полутора ста мужчин, кои ясак платят», и также описывает их настоящими скотоводами, совершающими регулярные перекочевки, содержащими много скота, у которых даже бедняки держали по 10—20 голов крупного скота. Паллас, конечно, имеет в виду сеок Сагай. Это видно из того, что он наряду с «сагайскими татарами» пишет о «кобинских татарах», о «каргинских татарах», т. е. о сеоках Кобый и Карга, которых путешественник отличает от сагайцев⁷. Позднее эти сеоки всегда числились в составе сагайцев. Вскоре за Палласом эти места посетил Е. Пестерев. Он тоже упоминает о «сагайских ордах», не смешивая их с ордами кобинцев, каргинцев, койцев и др., называя ордами сеоки. Пестерев встретил сеок Сагай там же, где и Паллас, и отмечает у его членов многочисленные стада, особенно прекрасных лошадей⁸. Георги, описывая отдельные племена и этнографические группы народов Сибири,

⁵ J. Gmelin, *Reise durch Sibirien*, Bd. III, Göttingen, 1752, S. 280.

⁶ *Ibid.*, S. 280—281.

⁷ Паллас, *Путешествие по разным провинциям Российского государства*, т III, СПб., 1788, стр. 497, 488, 507—508.

⁸ E. Pesterev, *Remarques sur les peuples qui habitent la frontière chinoise ...*, „Magasin Asiatique...“, vol. I, Paris, 1825, p. 162.

наименования сагайцев не употребляет⁹. Отсутствуют сагайцы в перечне отдельных племен и у Клапрота, но упомянуты под именем саяи в абзаце о бельтирах¹⁰. Достоин внимания и то обстоятельство, что такие ранние авторы, писавшие о населении Минусинской котловины, как И. Пестов и известный Степанов, не упоминают сагайцев среди племен бассейна Абакана. Первый из них сообщает только, что «на сагайской степи множество улусов и юрт татар кочующих»¹¹. Второй называет их «соединенными разнородными племенами татар»¹². Впрочем, Гр. Спасский выделил сагайцев, отделив от каргинцев и бирюсинцев в отдельный народ, но отнес его к народам «смешанным»¹³. Кастрен относит сагайцев, как и бельтиров, к числу значительнейших сеоков, входящих в состав Сагайского управления «Die Vornehmsten von den Geschlechtern, die zum Sagaischen Gerichte gehören»¹⁴. И только у Радлова са-



Рис. 2. Шорский «одаг»

гайцы, наряду с качинцами, койбалами и кизыльцами, названы большим племенем, которое образовалось с течением времени из многих мелких племен¹⁵. Однако более поздний и более глубокий исследователь «минусинских татар» Н. Ф. Катанов, происходивший сам из сеока Сагай, находил нужным оговариваться, что под именем «сагайских татар» он понимает «тюркские племена, состоящие в ведении «Степной думы соединенных и разнородных племен», находящейся в с. Аскыском... Эти татары в административном отношении составляют 12 родов, из которых наиболее многочисленным считается Бельтирский; дума

⁹ Георгий, Описание народов..., СПб., 1799.

¹⁰ Asia Polyglotta, Paris, 1833, p. 229. В примечании на стр. 153 Клапрот делает ссылку на дневник Мессершмидта, где «Сагаи» упомянуты в числе улусов, относящихся к самоедским племенам.

¹¹ И. Пестов, Записки об Енисейской губ. Восточной Сибири, М., 1833, стр. 89.

¹² Степанов, Енисейская губерния, ч. II, СПб., 1835, стр. 47.

¹³ «Сибирский Вестник» за 1818 г., ч. I. Изображение обитателей Сибири, стр. 1—2.

¹⁴ Castren, Reisebericht und Briefe aus den Jahren 1845—1849, St.-Pet., S. 320.

¹⁵ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 206.

же, управляющая этими 12 родами, называется обыкновенно Сагайской степной думой»¹⁶. Катанов возвращается к этому вопросу и в поздних своих работах, отмечая: «Татары аскысской инородной управы... в официальных актах делятся на 12 родов... Все роды (кроме койбал и бельтир) в официальных бумагах носят общее имя Сагай»¹⁷. Наконец, Е. К. Яковлев, обративший внимание на то, что «прошлое сагайцев еще более темно, чем у качинцев и других», подойдя в своем кратком опи-

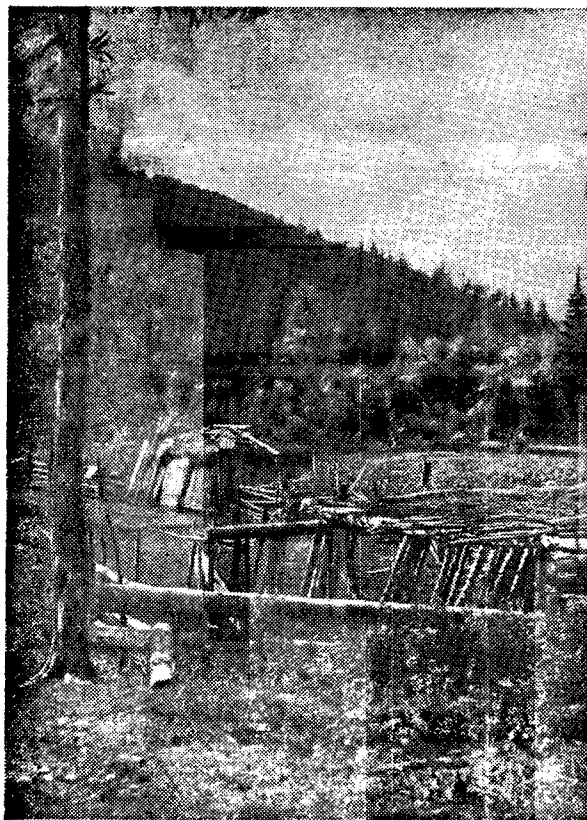


Рис. 3. Сагайское жилище «т-иб»

сании населения долины южного Енисея к сагайцам, вынужден был указать: «В настоящее время сагайцами называют народ, живущий в системе р. Абакана вверх от р. Камышты и особенно по его левым притокам до р. Маттыра, скучивая в одно целое ряд племен: бельтиров, койбалов и другие примеси финской, самоедской и тюркской ветвей, что делает исследование их крайне затруднительным»¹⁸. Как видно из этого краткого обзора литературы, термин «сагайцы» является скорее всего термином родовым, не племенным. И только в административном смысле этот термин объединял довольно разнородное в этнографическом отношении население части бассейна Абакана. На это же указывает и то обстоятельство, что Степная дума, управлявшая этим

¹⁶ Н. Ф. Катанов, Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губ., „Живая старина“, т. III, 1893, стр. 559.

¹⁷ Н. Ф. Катанов, Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губ., Казань, 1897, стр. 4.

¹⁸ Е. К. Яковлев, Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея..., Минусинск, 1900, стр. 10.

населением, называлась думой «соединенных и разнородных племен». Стало быть, неоднородность этого населения в этнографическом и языковом отношении была ясна и для царской администрации. И все-таки нужно признать, что мнение Радлова о сагайцах оказывает влияние до нашего времени. В академических изданиях списков народов, опубликованных уже после Октябрьской революции, сагайцы выделяются как отдельная народность. В «Списке народностей Сибири», опубликованном С. К. Паткановым с поправками А. Н. Самойловича, сагайцы выступают самостоятельно¹⁹. Они фигурируют как отдельная народность с особым сагайским языком и в широко известном «Списке народностей СССР», изданном Академией Наук СССР под редакцией И. И. Зарубина²⁰. Наконец, в Большой советской энциклопедии о них



Рис. 4. Сагайское жилище «кат-иб»

говорится как о племени хакасской народности, обитающей в Аскысском районе Хакасии²¹. Чтобы окончательно доказать несостоятельность наименования сагайцы для всего того населения, которое входило в ведомство Степной думы соединенных и разнородных племен (называвшейся позднее Сагайской, а затем и Аскысской степной думой), и выяснить ее этнический состав, я считаю необходимым обратиться к рассмотрению административных и фактических (этнографических) родов, объединявшихся этой думой. По официальным данным, в нее входили следующие административные роды (по сведениям 1858 г.): 1. Бельтирский — 1787 душ обоего пола; 2. Койбальский — 1166; 3. Сагайский 1-й половины — 1375; 4. Сагайский 2-й половины — 1379; 5. Кивинский — 1893; 6. Кизильский — 204; 7. Ближнекаргинский — 1803; 8. Дальнекаргинский — 531; 9. Карачорский — 603; 10. Кийский — 330; 11. Казановский — 460; 12. Изушерский — 553.

¹⁹ С. К. Патканов, Список народностей Сибири, Изд. Росс. Академии Наук, Петроград, 1923, стр. 6, 13.

²⁰ Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, № 13, Л., 1927, стр. 36.

²¹ БСЭ, т. 50, стр. 97.

Из перечисленных Койбальский род до 1858 г., когда была произведена X ревизия, составлял самостоятельную Койбальскую степную думу, а затем она была влита в Думу соединенных и разнородных племен в качестве административного рода.

Теперь посмотрим фактический родовой состав в рамках каждого административного рода. Я исключаю из этого рассмотрения Бельтирский и Койбальский роды, так как в этнографической литературе они выделены в самостоятельные племенные единицы и в перечне хакасских племен всегда фигурируют отдельно от сагайцев. Таким образом, мне предстоит выяснить фактический родовой состав 10 административных родов б. Сагайской думы. Оставляя пока в стороне 2 Сагайских рода, я приведу сначала соответствующие данные по остальным 8 родам.

Рассмотрение материалов я начну с наиболее многочисленного Кивинского административного рода. Последний объединял в себе одно-



Рис. 5. Сагайское жилище «ят-иб»

родное население, относившее себя к сеоку Кобый. В данном случае административный и настоящий род совпадали. Сеок Кобый расселялся по рр. Тее, Таштыпу и его притоку Анжулу. Здесь кобийцев нашли Паллас и Пестерев во второй половине XVIII в. Первый пишет о них, как о «кобинских татарах» или кобинском поколении, состоящем из 53 луков, а второй — как о кобинской орде. Оба путешественника отмечают, что кобийцы лет 35—40 тому назад пришли в эти места из Кузнецкого округа с р. Мрассы. Я считаю этот сеок шорским. Часть кобийцев еще до настоящего времени обитает в Шории по р. Кобырзу, правому притоку Мрассы, где я посетил их в 1934 г. У Радлова и Адрианова Кобый также фигурирует в числе шорских сеоков²². У Катанова со слов населения Асыкского района записано предание о том, что кобийцы пришли в бассейн Абакана с р. Мрассы, именно с р. Кабырсу-

²² Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 214; А. В. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., Записки ИРГО по общей географии, т. XI, СПб., 1888.

га²³. Мне также удалось записать ряд аналогичных преданий уже в 1946 г., т. е. 50 лет спустя. Старик Кобонг Боргояков, живущий в верховьях Тёи, говорил: «Мы прасские люди (т. е. мрасские.— Л. П.) В Сагайской думе нас после бельтиров всех больше было, потом уж каргинцы за нами шли». Старик Арок Боргояков из селения Усь-Чул сообщил мне, что их предок Боргояк вышел из Кузнецкой тайги: «Кидердинг сыккан», как он выразился²⁴. Здесь на р. Тёе у него родился сын Очот. У Очота затем родилось 7 сыновей, которые и дали начал 7 фамилиям абаканских кобыйцев. Со времен Очота, по счету старин Арока, прошло 5 поколений²⁵.

По данным архива б. Сагайской думы или Думы соединенных разнородных племен, частично сохранившимся и находящимся в г. Абакане, я обнаружил в делах за 1832 г., что в это время часть населения Кивинского рода (т. е. сеока Кобый), числящаяся в Сагайской думе проживала в Шории на р. Кобырсе²⁶. Из этих же данных видно, что Кивинский административный род на 1 июля 1832 г. состоял из 175 семейств, заключавших в себе 804 души обоего пола²⁷. Любопытно, что из 175 семейств 81 семья продолжала заниматься исключительно звероловством, 67 семейств занимались скотоводством и звероловством, 20 семейств — хлебопашеством и звероловством. Кроме того 6 семейств находились «в наймах в качинцах» и одна семья — «в наймах своего рода». Следовательно, кобыйцы, как и прочие сеоки южной Шории, еще в первой половине XIX в. были по образу жизни охотниками-звероловами.

Разумеется, можно предположить, что сеок Кобый издавна жил в бассейне Абакана, а затем часть его переселилась из этих благоприятных для скотоводства и земледелия мест в суровую и дикую природу бассейна Мрассы, где, кроме охоты, заниматься ничем нельзя. Однако такое предположение едва ли можно признать правильным. Напротив, именно суровость природных условий в бассейне Мрассы, при слабом развитии труда пеших звероловов-кобыйцев, делала исключительно тяжелым поддержание необходимого уровня материальной жизни для сколь-либо значительного количества населения. Вот это-то и заставило шорские сеоки, в частности кобыйцев, переселяться в лучшие места, где имелась возможность перехода к более обеспечивающим их хозяйственным формам. При этом новые природные условия позволяли им не бросать и старинное коренное занятие — звероловство. Поэтому новые хозяйственные формы скотоводства и земледелия сочетались здесь еще в XIX в. с привычным звероловством. Все это хорошо согласуется и с приведенными выше преданиями о переселении кобыйцев с Мрассы (а не наоборот), где нередко указывается, что причиной этого переселения была возможность освоить места, более благоприятные для разведения скота.

В пользу шорского происхождения сеока Кобый говорят и другие весьма убедительные данные как исторические, так и этнографические. Прежде всего напомним, что Кивинский административный род, в XVII в. называвшийся Кобинской волостью, упоминается уже в документе 1634 г. живущим на р. Мрассе и платящим дань енисейским кыргы-

²³ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, стр. 473.

²⁴ Кобыйцы называют Кузнецкую тайгу „Кидер“ или „Абатура чир“.

²⁵ После Очота был Мыкыйта, после Мыкыйты — Акый, дед Арока, после Акыя — Мукулча, отец Арока. Я нашел в Абаканском архиве (фонд 2, опись 1, дело № 135), что Мыкыйта (т. е. Никита) Очотов действительно жил и умер около 1832 г., а Акыю, деду Арока, в 1832 г. было 14 лет.

²⁶ Абаканский государственный архив, фонд 2, опись 1, дело 135. Именной список инородцам Минусинского округа ведомства Степной думы соединенных разнородных племен Кивинского рода.

²⁷ Среди 175 семейств Кивинского рода по официальному списку встречаются большие семьи, численностью до 20 и свыше человек.

зам²⁸. Стало быть, в первой половине XVII в. кобыйцы также обитали в южной Шории. Этнографический материал, свидетельствующий о шорском происхождении кобыйцев, весьма велик и в значительной мере не может быть использован в рамках настоящей работы. Из него я приведу здесь только, и то в кратком изложении, данные о родовой охотничьей территории кобыйцев и о культе родовых гор. Как говорилось выше, кобыйцы являются коренными охотниками-звероловами. Следовательно, вопрос о родовых охотничьих угодьях для них является основным и он поможет правильно решить весь вопрос о «прародине» сеока Кобый в целом. Родовые охотничьи угодья сеока Кобый находятся в Шории, как я установил это в 1934 г. Память о них еще настолько жива у старшего поколения, что они без всякого труда называли мне ряд мест, которые считают своими родовыми угодьями. Эти угодья располагались: для ближней охоты — в районе горы Кара-тага и Коль-тайги в бассейне р. Мрассы и ее водораздела с Таштыпом, а для дальней охоты, — в верховьях р. Томи (речки Козугол, Тузаксуг и др.)²⁹. Родовых охотничьих угодий сеок Кобый в бассейне Абакана или Енисея не имел. Во всяком случае никто из стариков кобыйцев ни на Мрассе, ни в бассейне р. Тёи, где я собирал этнографические сведения, не мог мне об этом сказать и не мог назвать какую-либо речку из этих мест как родовую территорию. Это вполне естественно, так как сеок Кобый в указанных местах своей родовой собственности на охотничьи угодья не имел. Поэтому, когда кобыйцы заходили охотиться, например, в верховья Малого Абакана, их прогоняли оттуда и отбирали у них пушнину челканцы, которые считали эту территорию своей родовой собственностью. Когда же кобыйцы пытались охотиться в верховьях Кемчика, их прогоняли оттуда тувинцы³⁰. Так было и во второй половине XVIII в., во времена Палласа, который, описывая абаканских кобыйцев, замечает: «Понеже в их дачах соболий промысел не корыстен, то, чтобы заплатить ясак, походят они в леса по ту сторону Енисея в Красноярскую волость. Однако койбальцы, кои по некоторому праву присваивают сии места к себе, им ловить тут мешками не дают, а коли поймают, то, отняв добычу или снасть и поколотив, домой отпускают»³¹. Такое положение заставляло охотников из сеока Кобый, выселившихся из Шории, ходить на охоту на свои старинные родовые угодья. Так они поступали почти до наших дней. Я записал в верховьях р. Тёи в 1946 г., что местные кобыйцы еще 15—20 лет тому назад ходили охотиться в верховьях р. Томи. Таким образом, факт наличия родовых охотничьих угодий у сеока Кобый в Шории в совокупности с тем, что говорилось выше, вполне решает вопрос о шорском происхождении этого сеока. Не менее показательными в этом отношении являются данные, связанные с почитанием родовой горы, столь характерным для племен северного Алтая, к которым принято относить и шорцев. Мне уже удалось показать в специальной работе, что у северных алтайцев почитаемая сеоком та или иная гора находится на его родовой территории, что культ родовых гор явился только отражением реально существовавшей здесь общинно-родовой собственности на определенную территорию³². Родовая собственность на определенную территорию являлась основной экономической связью членов рода, которая настолько сильно пропитывала сознание членов сеока, что сеок свое существование неразрывно связывал с определенными родовыми гора-

²⁸ Миллер, История Сибири, т. II, стр. 410. Впервые эта Кобинская волость (Кобы) упоминается в документе 1616—1617 гг. (там же, т. I, стр. 416).

²⁹ Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, Л., 1936, стр. 131—136. Родовые кедровники сеока Кобый были расположены в верховьях Кобырсу.

³⁰ Там же, стр. 131—138.

³¹ Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III стр. 151.

³² Л. П. Потапов, Культ гор на Алтае, «Советская этнография», 1946, № 2.

ми, отождествляя их с мифическими предками. Отсюда вытекает существенный вывод. Если тот или иной сеок почитает определенную гору как гору родовую, это является достоверным указанием и на то, что она входила некогда в состав его родовой территории. В данной связи я и нахожу уместным привести соответствующий материал, собранный мной в 1946 г. в бассейне р. Тёи

У сеока Кобый, вплоть до первых лет Великой Октябрьской социалистической революции, устраивалось раз в три года большое летнее общественное моление, посвященное родовой горе (Таг-Таих). Это моление происходило всегда в одном и том же месте. Оно имело целью испросить благополучие молящимся сородичам в отношении рождения детей (получение «кут» — зародышей на детей), удачи в охоте, благополучия для скота и обилия урожая (пала, ак, мал, тамак). Моление носило ярко выраженный родовой характер. Все расходы, связанные с ним, раскладывались поровну на членов сеока Кобый и причислялись к подати. На это моление съезжались как его равноправные участники кобийцы, где бы они ни проживали, так и многие посторонние из других сеоков, но уже в качестве гостей. Моление происходило в долине высохшего ручья «Имчек карасу» у небольших холмов Имчек-таг, расположенных по берегу ручья³³. День моления назначался старшинами. В сеоке Кобый, возглавлявшемся родовым старостой (кнес), было 7 старшин, по количеству тóлей (фамилий, в прошлом больших семей). Старшины были помощниками родового старосты в административных делах (собирали подать, разбирали мелкие дела, следили за выполнением предписаний Степной думы и т. п.). Накануне назначенного дня к вечеру в местность Имчек карасу съезжались все кобийцы, привозя с собой продукты, вино, скот, предназначенные в жертву и для угощения. В этот вечер и ночью заканчивали все приготовления к молению, которое начиналось утром.

Приходившие на родовое моление кобийцы располагались в определенном порядке, группируясь по тóлям, возглавляемым старшинами. На правом берегу ручья располагались кобийцы, живущие в бассейне р. Тёи (тёо — истиндеги чон), к ним присоединялись кобийцы, проживающие в долине Абакана. На левой стороне ручья размещались кобийцы бассейна Таштыпа (Таштып истиндеги чон). На каждой стороне ручья происходило дальнейшее подразделение кобийцев в смысле размещения. На правой стороне располагались три следующие группы: 1) группа кобийцев, обитающих в бассейне верхнего течения Тёи до Усь-Чуля включительно, во главе со своим старшиной; 2) группа, живущая в бассейне нижнего течения Тёи, объединяемая старшиной, проживающей в селении Нижняя Тёя (Кök-Кая-бары); 3) группа кобийцев, расселенных в долине Абакана, находившихся также в ведении особого старшины. Каждая из этих групп разводила свой костер (от), каждая колола свою корову или бычка (казра). На левой стороне ручья кобийцы образовывали четыре группы: 1) кобийцы из долин Большого и Малого Сыров (Оленг-Чазы); 2) кобийцы долины Анжула (Ан-Чул); 3) кобийцы из долины Матура; 4) кобийцы из Карагая (Карагай-бары).

Здесь также каждая группа раскладывала собственный костер и колола корову.

Таким образом, кобийцы разделялись на семь групп, из которых каждая возглавлялась старшиной и разводила собственный огонь, колола скотину для угощения мясом. Вместе с тем, на левой же стороне высохшего русла ручья разводился еще восьмой, общеродовой огонь. Около этого огня кололи лошадь, мясо которой шло на угощение всех ко-

³³ Ручей этот находится близ селения Усь-Чуля. Вследствие того, что это место было постоянным для родового моления кобийцев, ручей этот носил еще название «Таг Камнатчан Карасу». т. е. родник, где совершается моление горе.

быйцев. У общего огня рассаживались наиболее старые и уважаемые люди из сеока Кобый, а также почетные гости. Родовой староста и старшины также во время моления находились у общего огня. И только время от времени они ходили к своим кострам, чтобы наблюдать за порядком. Женщины и девочки (за последнее время) также присутствовали на этом молении, но находились поодаль.

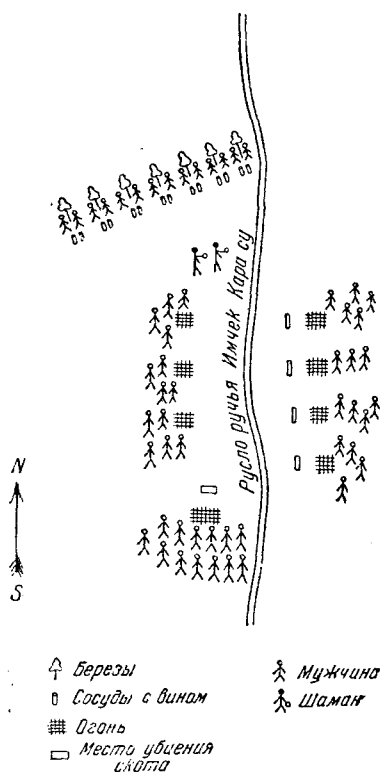


Схема моления сеока Кобый

Окончательные приготовления к молению заканчивались к утру. К этому времени на правой стороне ручья против общеродового огня, но выше по течению, вкапывалось в ряд семь березок, по одной от каждой группы. Под каждой березой ставили по одному сосуду, берестяному или деревянному, с вином и брагой (абырткы). Моление начиналось утром при восходе солнца и производилось двумя шаманами, камлавшими поочередно. Их бубны нагревали над общим огнем. К моменту моления каждая группа выделяла к своей березке по два человека из наиболее старых и уважаемых лиц (старшины никогда не выбирались для этой цели). Один из них назывался «килиг тутчан кизи» и должен был подавать угощение вином горам (брызгать вверх), когда это было необходимо по ходу моления (молоком при этом молении родовую гору не угощали, что указывает на то, что культ этой горе возник еще в Шюрии на Мрассе, где молочного скота никогда не разводили и где еще до сего времени дети не знают вкуса коровьего молока). Второй носил название «пус тутчан кизи» и должен был своевременно поднимать вверх деревянное блюдо с мясом, предназначенным для угощения родовой горы. Перед началом моления эти лица привязывали к своей березке ленточки черного, красного и белого цветов. Моление начиналось, как только было готово жертвенное мясо. Каждая группа клала в особое деревянное блюдо вареного мяса от различных частей своей коровы;

кроме того, добавляла в него и несколько кусочков мяса от лошади, варившейся на общем огне. Шаманы находились у березок. Место выше (по течению) этих березок называлось «кам чолы ачык полар керек» — дорога камов. Здесь никто не мог проходить, даже из людей сеока Кобый. Если туда кто попадал, хотя бы и случайно, его били. Моление, как говорилось, обращалось к родовой горе. У кобийцев это была гора Кара-таг, находящаяся в Шории, в бассейне р. Мрассы³⁴. Поэтому-то шаманили два шамана поочередно, так как путь их в Шорию к родовой горе был долгим и утомительным, что было не под силу одному шаману. В процессе камлания, по пути к Кара-тагу шаманы называли отдельные, чем-либо примечательные горы и чествовали их возгласом «сек!». Выделенные для угощения гор лица брызгали им брагой и приподнимали вверх блюда с вареным мясом. Добравшись до Кара-тага, шаман угощал его от каждой группы или тӧля сеока Кобый, называя эти тӧли (например, тӧль Боргояковых). В это время бубен изображал символически чашу, из которой родовая гора пробовала чистое, не отведавшее ни одним человеком вино. Шаман, угостив родовую гору вином и мясом, испрашивал у нее благополучие в жизни, плодородие женщин и т. п. Иногда родовая гора Кара-таг тут же посылала тому или иному тӧлю и даже отдельному лицу «касхах», т. е. счастливое предназначение о рождении ребенка, приплоде скота, урожае или удачной охоте на зверя. Шаман в таком случае выкрикивал, что такому-то тӧлю касхах идет, и бросал его (символически) в блюдо с вареным мясом того или иного тӧля. Все кричали: «такому то тӧлю касхах упал!» Тогда старший из этого тӧля подходил к человеку, державшему блюдо с жертвенным угощением, и получал от него кусок мяса, который сразу делил между членами своей фамилии или группы³⁵.

Не ставя себе задачей подробно описать это моление кобийцев, кстати сказать, в литературе не описанное, я хочу только показать его общественный родовой характер и подчеркнуть, что родовой горой своей кобийцы считают до сего времени гору Кара-таг, находящуюся в Шории. Это находит свое подтверждение еще и в том, что шаманы, происходившие из сеока Кобый, получали шаманское призвание и указание о характере и размере бубна именно от Кара-тага. Родовая гора Кара-таг определяла пригодность шамана к служению, назначала ему определенное число бубнов, которое ему предстояло иметь в течение жизни и которым определялась его долговечность. Когда шаман «ставил» изыха, т. е. посвящал духам лошадь в какой-либо семье из сеока Кобый, то «кут» (т. е. душу) этой лошади он вел в Шорию и показывал родовой горе Кара-тагу, которая определяла пригодность этой лошади в качестве изыха.

Рассмотрим теперь Ближне-Каргинский и Дальне-Каргинский административные роды, которые не совпадали с фактическим родом. Официальное название их дает повод думать, что здесь мы имеем дело с

³⁴ По записям Катанова 1892 г. (Образцы народной литературы..., т. IX, стр. 590), сделанным в улусе Кызласове по р. М. Есь, населенном сеоком Суг-Карга, кобийцы раз в три года шаманили горе Кӧль-тайга, находящейся в верховьях Малого Таштыпа, у подножия которой жили предки кобийцев. Камлали на этом молении всегда два шамана. Катанов неверно полагает, что моление происходило на этой горе. И в то время, и еще раньше кобийцы собирались на родовое моление, как я уже указал, в местности Имчек-таг. Это моление кобийцев, хотя не полно и искажено, но все же было описано в 1884 г. свящ. П. Суховским, который местом этого моления также называл русло высохшего ручья Имчекты (Енис. Епарх. вед., 1884, № 21). Гора Кӧль-тайга, как и гора Каргыш, которой, по неправильному мнению Суховского, якобы приносили жертву кобийцы, только упоминалась в этом молении наряду с другими. Центральным же моментом всего моления было обращение к родовой горе Кара-тагу.

³⁵ Сообщено Кобангом Боргояковым, 78 лет, из сеока Кобый, живущим в верховьях Тан в улусе Ыӱт-алы.

родственными сеоками. Так и было в действительности. Ближне-Каргинский административный род объединял сеоки: 1) Таг-Карга (горные Карга), 2) Сайын, 3) Себичин или Себиджин. Дальне-Каргинский административный род включал сеоки: 1) Суг-Карга (водные Карга), 2) Туран. Последний сеок входил и в Сагайский 1-й половины административный род. К Дальне-Каргинскому административному роду были причислены, видимо, только те члены этого сеока, которые территориально находились среди населения Дальне-Каргинского рода. Эти сеоки в бассейне Абакана были расселены следующим образом: Суг-Карга по р. Тее и Большой и Малой Еси; Таг-Карга по Таштыпу и частично по Еси; сеок Сайын преимущественно по р. Еси (ниже слияния), а сеок Себичин — по р. Аскысу. О кровном родстве двух основных родов: Таг-Карга и Суг-Карга, входивших в указанные административные роды, говорит их экзогамность. Оба эти рода, а также сеок Сайын раньше были строго экзогамны, что чувствуется частично еще и в настоящее время. Все эти сеоки, за исключением сеока «Туран», я также отношу к шорским сеокам. Каргинская волость упоминается среди ясашных кузнецких волостей вместе с Кобинской в документе 1616—1617 гг.³⁶ Уже с XVII в. Каргинская волость локализуется по р. Кондоме³⁷. Паллас и Пестерев фиксируют каргинцев в системе Абакана в конце XVIII в. с ссылкой, что они переселились сюда из Кузнецкого округа (т. е. из Шории). Катанов записал ряд преданий о переселении этих сеоков из Шории. В одном из них говорится: «Наши водяные каргинцы пришли с речки Мрассы, спустившись с Черных гор. Предки их были братья, которые, деля перья орла, рассорились и разошлись; один брат сделался водяным каргинцем, а другой — горным каргинцем. Потомки братьев этих каргинцев и теперь жуют по Кебир-сугу и Мрассу»³⁸. В другом предании сообщается о горных каргинцах: «Против хребта Кёлим, на другой стороне Мраса, есть еще одна гора, называемая Каратаг. Собственно имя Каратаг носят две горы, это — горы, у которых жили предки горных каргинцев. Часть нашего народа осталась у этих гор. Их женщины называют эти горы своим тестем (свекром. — Л. П.), а наши здешние женщины тестем не называют. Наши шаманы во время камлания упоминают эти горы. Говорят, что на этой горе Каратаг есть каменная колыбель. Эту каменную колыбель видали прежде, а теперь не могут увидеть ее. Эта колыбель была колыбелью прежних наших отцов»³⁹. В третьем предании подчеркивается: «В ту сторону, на берегу Мраса, есть еще один хребет по имени Кёлим. Водяные каргинцы называют его горой, у которой жили их предки. Они приглашают шаманов камлать на (? — Л. П.) этой горе и приносят жертву. Но женщины не считают этой горы своим тестем (свекром. — Л. П.)»⁴⁰. В предании, записанном мной в верхней Тее, также говорится что сеок Карга пришел на Абакан из Шории, из бассейна р. Томи. Когда каргинцы дошли до хребта Улленьсыны (образует водораздел притоков Томи и Абакана), они разделились на Суг-Карга, которые ушли на Есь, и на Таг-Карга, поселившихся на Тее. Эти предания находят подтверждение в документальном материале. По официальным данным, составленным на 1 июля 1832 г. (для Ясачной комиссии), ряд семей Ближне-Каргинского рода Степной думы сое-

³⁶ В. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 446.

³⁷ Сибирский приказ, кн. № 10, лл. 49—52, 124; ссылка у С. А. Токарева, Докапиталистические пережитки в Ойротии Л., 1936, стр. 81; Миллер, История Сибири, т. II, стр. 370.

³⁸ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, стр. 585.

³⁹ Там же, стр. 589.

⁴⁰ Там же.

диненных разнородных племен еще проживал по р. Томи, хотя большинство их было сосредоточено по рр. Тее, Аскысу и Еси⁴¹. По этим же данным, в отношении Дальне-Каргинского рода оказывается, что 58 семей его кочевало по Мрассе, занимаясь звероловством, а 46 семей кочевало по Таштыпу и Еси, сочетая звероловство со скотоводством⁴². Если учесть, что в Дальне-Каргинском административном роде Степной думы соединенных разнородных племен было всего 105 семей, то нужно признать, что большинство населения этого сеока еще в 30-х гг. XIX в. проживало в Шории. Сеок Карга находится в списке шорских родов у Радлова, Адрианова и по моим записям. Я зарегистрировал его по р. Мрассе (выше порога) и по рр. Кондоме и Антропу⁴³.

Мне остается подкрепить мои доказательства еще этнографическим материалом. Прежде всего укажу, что родовая охотничья территория сеока Карга находится в Шории, в бассейне р. Томи⁴⁴. В эти старинные родовые угодья ходили бить зверя и абаканские каргинцы. Охотник Егор Пастаев из селения Маныгасал по р. Тее говорил нам: «Алында пис Сор сугсар ангнап чөрченгмис. Анда улуг таскыл полчан Сор таскыл тип адачангнар аны» (раньше мы ходили охотиться на речку Шорсуг. Там есть большой белок, Шор-таскыл называли его). Речь идет здесь о речке Шорсуг (левый приток Томи) и о снежной горе Шор-тайка, где берет начало одна из вершин Шорсуга, т. е. об области, откуда, по преданию, вышла часть каргинцев в систему р. Абакана. О шорском происхождении сеока Карга убедительно говорит и родовое моление их горе Падын-тагу, находящейся в Шории, на правой стороне Мрассы, близ Кара-тага, где были места для ближней охоты каргинцев. Моление устраивали раз в три года. Это моление было родовым для сеоков Таг-Карга, Суг-Карга и Сайын. Все население бассейна р. Тёи, принадлежащее к этим сеокам, устраивало моление родовой горе (тёстаг) всегда в одном и том же месте — у подножья горы Тунь-кая, около 10 км от селения Маныгас-ала вверх по р. Тее. Старший в роде заранее предупреждал о дне моления, устраивавшегося обычно в начале лета. Сородичи готовили вино, брагу — абырткы, различное угощение. Сеок Сайын участвовал в этом наравне с каргинцами. На общие средства членов сеока покупались лошадь и корова. В покупке этих животных сайынцы уже не участвовали. Подготовка к молению происходила в течение трех дней. В первый день свозили к месту моления различную посуду и продукты. Во второй день выкуривали вино и готовили араку для угощения родовой горы и строили «одаг» в виде навеса, покрытого травой⁴⁵. Навес делали для шаманов, чтобы в жаркий день они «не потели» (т. е. не очень утомлялись), а в дождливый были сухими. Шаманов обычно было двое, так как дорога к родовой горе считалась весьма дальней и трудной. На третий день с утра съезжались сородичи и гости. Моление происходило под большой березой на берегу Тёи. Сородичи привязывали к ней перед началом моления цветные ленты (синего, желтого, белого, красного цвета). Это делали в последнее время преимущественно наиболее старые люди сеока, имевшие своих изыхов. Каждый

⁴¹ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 131. Именной список инородцев Минусинского округа ведомства Степной думы соединенных разнородных племен Ближне-Каргинского рода, составлен в июле 1832 г.

⁴² Там же, фонд 2, опись 1, дело № 133. Именной список инородцам Минусинского округа ведомства Степной думы соединенных разнородных племен Дальне-Каргинского рода.

⁴³ Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 17—18.

⁴⁴ Там же, стр. 134.

⁴⁵ Одаг — древнее шорское жилище, сохранившееся местами в Шории до наших дней. Этим же термином шорцы и абаканские кобыйцы и каргинцы называют охотничий балаган на промысле — см. Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 109—110.

такой хозяин привязывал ленту (цвета масти своего изыха) не только к березе, но и к бубну шамана. Люди из сеока Сайын лент не привязывали. Жертвенный огонь разводил один из стариков, высекая его огнивом. Женщины за последние годы допускались, но во время моления сидели поодаль на определенном месте, а раньше (на памяти стариков) они не могли находиться даже на почтительном расстоянии от места моления. На этом молении всегда приносился в жертву один (или более) ягненок (кураган) белой масти. Однако эта жертва не носила обязательного родового характера. Она выделялась тем или иным хозяином

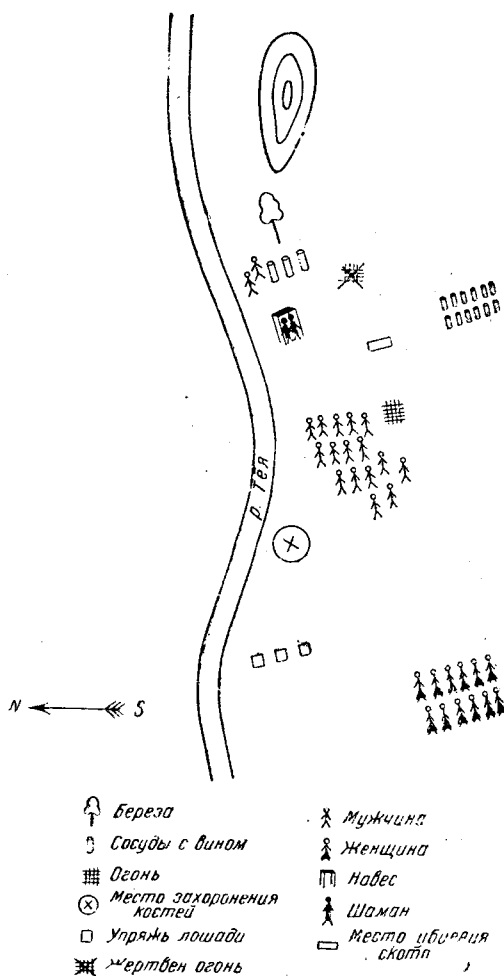


Схема моления сеока Карга

добровольно. Общим родовым угощением горы Падын-тага считалось вино и абыртки. Сеок Сайын не имел доли и не нес расходов в закалываемых на молении животных. Однако его доля была в общей браге (абыртки) и вине, которыми шаманы угощали родовую гору сеока Карга.

Моление начиналось с утра. Под березу ставили деревянные сосуды с ячменной брагой и вином. Южнее горел жертвенный огонь, еще южнее — второй огонь для варки мяса для угощения собравшихся. Между этими огнями кололи как жертвенную овечку, так и животных, предназначенных для угощения. Еще южнее поодаль сидели женщины. На лево от жертвенного огня стоял «одаг», под которым находились ша-

маны. Впереди них, ближе к жертвенной березе, стояли два старика: один (пус тутчан кизи) с деревянным блюдом, на которое выкладывали жертвенное мясо, второй (илиг тутчан кизи) у сосудов с жертвенной брагой и вином. Мужчины сидели левее жертвенного огня, у самого одага с шаманами. Шаманы начинали камлать, как только поспевало мясо. Когда они называли почитаемые горы и реки, один старик подымал вверх блюдо с мясом, где находились сердце и печень заколотых животных, а также рыба, второй кропил вином и абырткой⁴⁶. Шаманы камлали весь день без отдыха, не выходя из одага (даже мочились в штаны, рассказывали старики), настолько трудна была дорога к родовой горе. Они время от времени подкреплялись вином. Когда шаманы достигали Падын-тага, они упрощали ее принять жертву и угощали вином и абырткой⁴⁷. Угощали символически. Бубен в это время изображал чашу, которую подносил горе старший шаман. Падын-таг спрашивала: «Аксалыг кизи амзабан палмазын?» (Не пробовал ли человек, имеющий рот?). «Ериниг кизи емзебен палмазын?» (Не лакал ли сопливый человек?). Шаман успокаивал Падын-тага ответом, что никто из людей не пробовал этого вина и браги, и умиловленная подношением Падын-таг выслушивала просьбы шамана о благополучии молящихся сеоков, об удаче в охоте и обилии зверя, о благополучии скота, о хорошем урожае. Затем шаман угощал родовую гору от лица отдельных хозяев. В этом случае Падын-таг определяла судьбу того или иного человека на ближайшее время и предсказывала порой удачу, например, рождение ребенка или обильный урожай и т. п. Когда шаман извещал о благоволении родовой горы к кому-либо, он называл это лицо по имени и говорил «касках тышти», т. е. «счастливое предзнаменование упало». Такой «счастливец» немедленно поднимался, подходил к жертвенной абыртке и угощал ею родовую гору в знак благодарности. Позднее, когда сбывалось предсказание, он благодарил гору либо посвящением ей изыка — животного, рожденного по ее предсказанию (тагданг тирен мал), либо, в случае хорошего урожая, делал после уборки хлеба абыртку и угощал ею родовую гору уже без помощи шамана. Среди лиц, снискавших расположение Падын-тага, бывали члены сеока Сайын. По окончании моления на месте его происходил пир. Жертвенное мясо, рыба и все кости сжигались перед разездом с моления. Главную роль в этом молении играл сеок Карга. Люди из сеока Сайын допускались лишь к менее ответственным ролям и главным образом те, которые были женаты на женщинах из сеока Карга.

Изложенный материал свидетельствует, что именно Падын-таг, находящаяся в Шории, была родовой горой каргинцев. Об этом же говорят и другие данные. Шаманы из сеока Карга, например, называют гору Падын-таг своим отцом. Когда появляется новый каргинский шаман, он идет к Падын-тагу с провожатым шаманом как бы утверждаться в шаманском призвании. При изготовлении бубна и колотушки то и другое шаман показывает Падын-тагу и с ее одобрения начинает ими пользоваться. Все это не оставляет сомнения в том, что родовой почитаемой горой у каргинцев Падын-таг стала во времена, когда сеок Карга обитал только в Шории.

Таким образом, оба основных сеока Ближне-Каргинского и Дальне-Каргинского административных родов следует считать шорскими⁴⁸. Что

⁴⁶ У шорцев-охотников сердце и печень убитого зверя считались лучшим угощением хозяина горы во время промысла. Печень и сердце, которыми каргинцы угощали горных хозяев во время камлания, после моления сжигали на жертвенном огне.

⁴⁷ Обычно родовая гора долго не открывала дверей шаманам, которым приходилось еще отбиваться от злых собак Падын-тага.

⁴⁸ Ближне-Каргинская и Дальне-Каргинская волости официально существовали в Кузнецком округе после 1858 г. в числе мрасских волостей.

же касается сеока Сайын, то, как говорилось выше, он считается у каргинцев родственным им, точнее «киринди сеок», т. е. «сеоком-приемышем». В объяснение этого родства существует ряд преданий, рассказывающих о том, как произошло их слияние, записанных Катановым в 1889—1890 гг. и мной в 1946 г. Во всех этих преданиях говорится, что сеок Карга принял в свой состав предков сеока Сайын с предварительным испытанием в меткости стрельбы из лука⁴⁹. Однако в предании, записанном мной от старика Трофима Тыгдымаева (сеок Сайын), живущего в улусе Мангыгас-ал, имеются весьма интересные моменты. Здесь говорится, что каргинцы принимали Сайын в свой состав еще на р. Томи, где и происходило испытание предка сайынцев в стрельбе из лука, что начальником у каргинцев был в то время Кучум. Следовательно, в предании имеются указания на датировку и место, где произошло это событие. На родство Сайын с шорским сеоком Карга указывает и то обстоятельство, что у них был общий культ родовой горы Падын-тага, находящейся в Шории. При посвящении лошади в изыхи у сеока Сайын шаман вел ее к родовой горе Падын-тагу и угощал ее от имени хозяина, ставившего изыха. При этом угощали Падын-тага рыбой, кандыком, лепешками, а скота не кололи, что может служить косвенным указанием на охотничий образ жизни в прошлом у сайынцев, как и у шорских сеоков. Бывало, говорили мне старики в долине р. Тёи, что сеок Сайын, обитавший в основном по р. Есь (ниже слияния Большой и Малой Еси), сам устраивал моление родовой горе. Оно происходило в долине Еси близ селения Сайын-ал совместно с каргинцами, жившими в том районе. Но здесь руководящую роль в родовом молении горе уже играли старики из сеока Сайын. Все это позволяет считать сеок Сайын тоже шорским.

В отношении сеока Себичин, или Сибиджин, представляется также возможным высказаться за его шорское происхождение. Радлов утверждает, что этот сеок входит в состав сеока Таг-карга⁵⁰. У Катанова приводится предание о том, что предки сибиджинцев жили у подошвы горы Падын-тага, находящейся в Шории. «Сибиджинские женщины считают эту гору своим тестем (свекром.— Л. П.), ее упоминают в шаманских молитвах»⁵¹. Мне сообщили на Тёе, что сеок Себичин устраивал горное моление ежегодно в Ильин день на горе Читти-жыс, по р. Бейке (приток р. Базы, впадающей в Аскыс). Моление совершалось стариками без участия шаманов. Присутствовали на нем только одни мужчины. Родовую гору, имя которой тейские старики не могли мне назвать, угощали вином, абырткой и кололи для нее семь белых ягнят (кураганов — холощеных барашков). Женщины располагались внизу у горы. Они привозили туда вино, мясо и другое угощение и пировали одни. К сожалению, мне не пришлось быть в долине Базы и выяснить этот вопрос непосредственно у себичинцев, но, судя по приведенному выше преданию, записанному Катановым, родовая гора этого сеока, видимо, находится в Шории. Наконец, мне кажется допустимым сблизить сеок Себичин с шорским сеоком «Себи», зафиксированным в Шории Радловым, Адриановым и мной на реке Кондоме⁵². Здесь этот сеок жил и в первой половине XVIII в., так как в одном из документов 1722 г. говорится о Себийской волости, как Кондомской «ясашной волости»⁵³. После

⁴⁹ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, стр. 349.

⁵⁰ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 208.

⁵¹ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. XI, стр. 589.

⁵² Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 214, сеок „Себе“; Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г.; Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 17—18.

⁵³ Памятники Сибирской истории XVIII в., стр. 319—322.

Х ревизии 1858 г. жители этого сеока в Шории принадлежали к Кондомско-Бежбояковой и Кондомско-Борсояцкой административным волостям Кузнецкого округа.

В результате изложенного я прихожу к выводу, что все фактические сеоки, входившие в Ближне-Каргинский и Дальне-Каргинский род Сагайской степной думы, являются по своему происхождению и недавнему прошлому шорскими, за исключением сеока Туран, для которого у меня нет оснований причислять его к шорским и о котором мне придется сказать несколько дальше.

Следующим административным родом из состава Сагайской степной думы, связанным своим происхождением с Шорией, необходимо считать Карачорский род. Он совпадал с фактическим родом, настоящее название которого было «Сор» или «Шор». Представители этого сеока в системе Абакана жили по рр. Моноку (правый приток Абакана), Абакану, Сее и Большому и Малому Сырам. В XVII в. он назывался в русских официальных документах Карачорской волостью, относящейся к Кондомским волостям⁵⁴. Чорская волость вместе с Сарычорской упоминается наряду с Каргинской, Кобинской и другими в челобитной томского казака Ив. Теплинского около 1617 г. Этот сеок относится к одному из коренных шорских сеоков, от которых и получили название шорцы и современная Шория. Паллас называет их «шорскими татарами», а Пестерев — «хор-зами»⁵⁵. По официальным данным Степной думы соединенных разнородных племен на 1 июля 1832 г., большинство сеока Сор в то время проживало в Шории по системе р. Мрассы⁵⁶. Из общего числа 166 хозяйств, числившихся в составе Карачорского административного рода, 112 хозяйств жило по р. Мрассе и 3 хозяйства — на Кондоме. По роду занятий они распределялись следующим образом: исключительно звероловством занималось 113 хозяйств, это были шорцы, живущие на Мрассе и Кондоме; скотоводством и звероловством было занято 42 хозяйства, обитающих в системе р. Абакана.

Сеок Шор или Сор является одним из наиболее распространенных до сего времени в Шории сеоков. Радлов и Адрианов дают в списке шорских родов сеоки: Кара-шор и Сары-шор. Мной отмечен еще сеок «Узут-шор» и «Кызыл-шор»⁵⁷. Большинство населения этих сеоков до сего времени расселено в бассейне Кондомы, где в XVII в. были Карачорская, Сарычорская (иногда Сачаровская) и просто Чорская волости. Шорская волость была на Кондоме и в XVIII, и во 2-й половине XIX в.⁵⁸. Охотничьи угодья этих сеоков находились еще в конце XIX в. в верховьях р. Кондомы⁵⁹. Это относится и к абаканским шорцам, доказательством чего служит их родовое моление почитаемой родовой горе. Сеок Сор устраивал «таг-тайых» раз в три года, осенью. Моление всегда происходило в логу Тиренг-кол, близ улуса Ооты, на правом берегу р. Тей.

⁵⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. № 10, лл. 49—52, 124; цитировано Токаревым в работе «Докапиталистические пережитки в Ойротии», стр. 80—81.

⁵⁵ Паллас, Указ. соч., стр. 503; Pesterev, Op. cit., p. 161.

⁵⁶ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 136. Именной список инородцам Минусинского округа ведомства Степной думы соединенных разнородных племен Карачорского рода, составлен в июле 1832 г.

⁵⁷ Л. П. Потанов, Очерки по истории Шории, стр. 17—18, 132. Людей из сеока Кызыл-Шор я встречал в верховьях р. Мрассы по р. Колзасу. Адрианов зафиксировал кровное родство «Узут-шор» с сеоком «Кара-шор», проявившееся в запрещении браков между ними (кыс алышпас).— См. Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 940.

⁵⁸ Материалы для истории Сибири. Чтения О-ва любителей истории и древностей российских, 1866, кн. 4-я, стр. 61. Дополнения к III т. Землеведения Азии К. Риттера, составленные П. П. Семеновым и Г. Н. Потаниным, СПб., 1877, стр. 482.

⁵⁹ Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., Записки ИРГО по общей географии, т. XI, СПб., 1888, стр. 199.

Женщины как чужеродки не принимали участия в молении, но им разрешалось сидеть в отдалении и смотреть на происходящее. Моление производил только «сильный шаман» (кӱстюг кам), так как родовая гора сеока Сор находится далеко в Шории. Ею является знаменитая в Шории Пустаг или Мустаг с белоснежной вершиной, находящаяся в истоках р. Тельбеса (приток Кондомы). Моление назначал старший в роде (улуглары). Все продукты жертвоприношения и угощения (вино, абирты, рыбу, овечку, хлеб, талкан и т. д.) сородичи привозили к месту моления и объединяли. Моление происходило обязательно у определенной березы, к которой старейшие члены сеока привязывали цветные ленточки. Целью этого родового моления было испрашивание у родовой горы благополучия для людей сеока, зачатия детей, удачи в промысле, хорошего урожая и благополучия скота.

Кийский административный род совпадал с фактическим родом, настоящее название которого было Кый. Этот род также должен быть отнесен к числу шорских. Он упоминается в качестве Кийской волости в 1630 г.⁶⁰ У Палласа этот сеок фигурирует под названием Каинцы вместе с Кобыльцами и Каргинцами в количестве 20 луков, а у Пестерева — под названием Койсы⁶¹. В предании, записанном Катановым, говорится, что сеок Кый пришел в бассейн Абакана с р. Мрассы. На Мрассе кыйцы живут в большом числе и до сего времени. Сеок Кый значится во всех опубликованных списках шорских сеоков. В бассейне Абакана они живут довольно разбросанно по рр. Тее, Еси, Большому и Малому Сырам, Сее, Матуру и Анчулу. По официальным данным 1832 г., составленным для Ясачной комиссии и ею проверенным, Кийский административный род состоял из 223 душ обоего пола. Главным занятием их было звероловство и частично скотоводство. Расселялись они тогда в основном по рр. Таштыпу и Мрассе⁶². Родовые угодья сеока Кый для ближней охоты были по Кыйзасу (приток Мрассы), для дальней — в верховьях Абакана по речкам Ытылу, Тардашу, Кыйзасу⁶³. Адрианов встретил зверопромышленников-кыйцев в 1883 г. на левом берегу Матура и сообщает, что «в эту тайгу заходят ежегодно на охоту только кыйцы — верхнемрасские инородцы и матырские»⁶⁴. У Пестерева также имеется указание относительно кыйцев (Койсы), что они вместе с другими сеоками промыслили зверя в верховьях Абакана, где и были их родовые угодья. К сожалению, я ничего не могу сказать ни о почитаемой родовой горе, ни о молении ей у кыйцев, так как мне на Тее не удалось встретить представителей этого сеока. Я только слышал, что у кыйцев такие моления были. Кийский род как административная единица находился в составе кочевых волостей Кузнецкого округа во 2-й половине XIX в.⁶⁵ Кызыльский административный род совпадал с этнографическим родом, члены которого именовали себя Кызыл-гая и обитают по долине р. Есь. В отношении этого сеока я не располагаю историческими материалами и не могу сослаться также на соответствующие предания, которые говорили бы об его шорском происхождении. Но имеются иные довольно веские данные, указывающие на его принадлежность к шорским сеокам. До настоящего времени сеок Кызыл-гая в значительной части обитает по р. Мрассе близ устья Пызаса и Кобырзы, где еще в прошлом столетии находилась Кызыльская волость. В предании о происхождении этого

⁶⁰ В. Ф. Миллер, История Сибири, т. II, стр. 372.

⁶¹ Pesterev, Op. cit., p. 161; Паллас, Указ. соч., стр. 508.

⁶² Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 137. Именной список инородцам Минусинского округа Степной думы соединенных разнородных племен Кийского рода.

⁶³ Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 134.

⁶⁴ Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны 1883 г. Записки Зап. Сиб. отд. РГО, кн. VIII, вып. II, стр. 112.

⁶⁵ Семенов и Потанин, Дополнения к III тому К. Риттера, стр. 498.

сеока, записанном мной в 1934 г. от стариков Кызыл-гая в Шории, говорится, что Кызыл-гая с давних времен обитали по Мрассе, по соседству с сеоком Кый, с которым они никак не могли поделить земли⁶⁶. Еще более убедительным свидетельством о давнем обитании их в Шории является нахождение их охотничьих угодий по ряду рек в системе р. Томи⁶⁷. Кызыльский род был еще во 2-й половине XIX в. в составе административных кочевых волостей Кузнецкого уезда и жил по р. Пызасу, притоку Мрассы.

Изушерский административный род появился в составе Сагайской степной думы позднее других. Его нет в официальных списках административных родов или улусов, составленных для Ясачной комиссии на 1 июля 1833 г.⁶⁸. Не упоминается он в составе родов этой думы ни у Пестова, ни у Степанова⁶⁹. Весьма вероятно, что образование Изушерского административного рода произошло в 1834 г. Как видно из переписки, хранящейся в деле № 164 «О перечислении из Кузнецкого в Минусинский округ в ведомство Степной думы соединенных разнородных племен», часть «инорсдцев Кузнецкого округа» в количестве 177 душ обратилась еще около 1830 г. к бывшему гражданскому губернатору Енисейской губернии Степанову с просьбой о перечислении их в ведомство упомянутой думы. Мотивировалось это тем, что подавшие прошение уже проживали в местах, принадлежащих ведомству Степной думы. В деле говорится о согласии князцов всех административных родов Степной думы, с перечислением их имен, из которого видно, что в состав этой думы включались все роды, отмеченные нами выше, за исключением Койбальского, так как тогда еще была Койбальская дума, и Изушерского, который был образован, вероятно, в результате этого ходатайства⁷⁰. По моим изысканиям, Изушерский род появляется в составе Сагайской думы в официальных бумагах в 1835 г.⁷¹. В это время «Изушерский улус» состоит из 84 юрт, сосредоточенных в 6 селениях-улусах. Все его жители значатся обитающими в юртах, не имеющими ни одного дома. Этот улус или административный род перешел в ведомство Сагайской степной думы из Мрасско-Изушерской и Мрасско-Елейской волостей Кузнецкого округа. Переход его из указанных волостей Кузнецкого округа в ведомство Сагайской степной думы не означал ликвидации этих волостей в Кузнецком округе. Обе упомянутые волости остались в составе кочевых волостей Кузнецкого округа, так как выделилась из них только часть населения, которой ближе было платить ясак в Сагайскую степную думу. Отсюда естественно, что состав этнографических родов этого вновь образованного административного рода был неоднородным. Он включал в себя три родственных, в прошлом экзогамных сеока: Калар, Четтибюр и Тайас⁷². Среди населения левобережья Абакана этот административный род был известен под названием Тайас. Он расселялся здесь преимущественно по рр. Моноку и Сосу⁷³. В исторических документах XVII в. говорится об Итиберской (Четтибюр) волости, которая локализуется на Кондоме⁷⁴. Эта волость продолжает существовать на Кондо-

⁶⁶ Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 165. И в настоящее время кызылгаинцы являются охотниками-звероловами.

⁶⁷ Там же, стр. 134.

⁶⁸ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 159.

⁶⁹ Пестов, Записки об Енисейской губ., стр. 82; Степанов, Енисейская губ., ч. 1, стр. 136.

⁷⁰ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 164.

⁷¹ Там же, дело № 208 за 1835 г. по учету жителей и юрт в улусах и об избранных десятниках.

⁷² Ср. Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 208: «Таяс образуют три рода: Чедебес, Калар, Таяс (сор)». Об экзогамности сеоков Калар, Четтибюр и Тайас мне сообщили старики в селении Усь-Чуле (р. Тея) в 1946 г.

⁷³ Катанов, Отчет о поездке в Минусинский округ в 1896 г., стр. 7.

⁷⁴ Русская историческая биб-ка, т. 8, стр. 597, документ от 1629 г.

ме на протяжении XVIII и XIX вв., но в документах этого времени на Кондоме же упоминается и Каларская волость⁷⁵. Все эти роды до настоящего времени в своем большинстве сохранились в Шории. По записям А. Адрианова, относящимся к началу 80-х гг. XIX в., сеоки Калар и Четтибер зафиксированы в системе р. Кондомы, причем сеок Четтибер в то время представлял Кондомско-Итиберскую волость, а сеок Тайаш образовал Мрасско-Изушерскую волость, расположенную по Пызасу, притоку Мрассы⁷⁶. Если к этому добавить, что среди населения рассматриваемых сеоков сохранились предания об их приходе в систему Абакана с реки Кондомы, а также то обстоятельство, что родовая охотничья территория их находится в Шории, то предположение о шорском происхождении также и этих сеоков получает достаточное обоснование⁷⁷.

Мне остается сказать еще об одном и последнем административном роде Сагайской степной думы, который я вместе с другими отношу к шорским. Речь пойдет о Казановском административном роде, совпадавшем с этнографическим родом, самоназвание которого было Том или Томнар. Он обитал по речкам Аскысу, Базе, Бее и сохранил предание о приходе на эти места из бассейна р. Томи. Мне рассказывали, что сеок Том или Томнар раньше совершал родовые моления горе. Для этой цели население сеока собиралось близ горы Ары-тага, неподалеку от Казанова улуса, где и были в основном расселены члены этого сеока⁷⁸. Жители сеока Том сами считают себя выходцами из Шории, из бассейна р. Томи, куда они ходят промышлять зверя до сего времени.

Рассмотрев исторические и этнографические материалы по подавляющему большинству административных и фактических родов, входивших в состав сагайцев, мы имеем возможность сделать ряд существенных заключений. Основным из них будет утверждение о том, что из 10 административных родов у сагайцев 8 родов, объединяющих 12 этнографических родов, являлись выходцами из Шории, следовательно, по происхождению шорскими. Остальные 2 административных рода: Сагайский род 1-й половины и Сагайский род 2-й половины могли считаться сагайскими и то в известной части, как это будет показано несколько дальше. Если вспомнить статистические данные 1858 г., то окажется, что шорские административные роды составляли более половины сагайского населения, так как в них насчитывалось 6042 душ обоего пола, а в двух сагайских родах было только 2754 душ обоего пола. Мы видели, что этот вывод вытекает из сравнения родовых названий этнографических сеоков сагайцев с самоназваниями шорских сеоков и сопоставления их с историческими известиями XVII—XVIII вв. о племенах, родах и волостях Саяно-Алтайского нагорья по актовому материалу. Однако этот важный и убедительный источник не является единственным, как это полагал в свое время В. В. Радлов⁷⁹. Предания о выходе этих сеоков из Шории и особенно этнографический материал о родовой территории являются особенно убедительными. Последний может быть хорошо подкреплён как историческими документами, так и показаниями путешественников и некоторыми преданиями. Что шорские сеоки пришли в бассейн Абакана на чужие земли, именно на земли бельтиров, говорит, например, один из документов 1745 г., где указывается, что в те времена

⁷⁵ Материалы для истории Сибири, Чтения О-ва истории и древностей российских, 1866, кн. 4-я, стр. 69, 72, 88, 89; Потанин, Дополнения к III т. К. Риттера, стр. 482.

⁷⁶ Опубликованы Г. Н. Потаниным, Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 936—941.

⁷⁷ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, стр. 473.

⁷⁸ Я не смог выяснить, где находилась и как называлась родовая гора сеока Том.

⁷⁹ Radloff: «Die Geschlechtsnamen dieser Türken-Stämme sind für uns der einzige Fingerzeig für ihre Abstammung», писал он в „Aus Sibirien“, S. 106—107.

р. Есь (Ись) входила в Бельтирскую волость⁸⁰. Паллас определенно указывал, что, начиная с правого берега Аскыса, по р. Тее, Таштыпу, как и по левобережью Абакана (в этих пределах), земли в XVIII в. принадлежали бельтирам⁸¹. В предании о шорском сеоке Таяс говорится, что три брата из этого рода по имени Көктөс, Маныс и Аниин пришли к начальнику бельтиров Эптису, подарили ему трех черных соболей и стали просить у него себе землю. Эптис поселил их в верховьях Монока⁸². Предание не только хорошо отразило факт прихода некоторых шорских сеоков на земли, занятые бельтирами, но и сохранило без искажения имя начальника бельтиров Эптиса. Во времена Палласа он жил в 8 верстах к югу от Аскыса и управлял не только бельтирами, но и поселившимися на занятых ими землях шорскими сеоками: Кобый, Карга, Кый (по Палласу бирюсинцами)⁸³. Имя Эптиса Аюжакова как есаула или начальника бельтиров встречается и в исторических документах около половины XVIII в.⁸⁴ Если сопоставить все это не только с преданиями о приходе сюда рассмотренных сеоков из Шории, но и с тем, что их родовые угодья и родовые почитаемые горы находятся также в Шории, то шорское происхождение этих сеоков нельзя не считать доказанным. Остается только выяснить, когда, в какое время появляются шорские сеоки в бассейне Абакана. Для решения этого вопроса имеются документальные свидетельства. Пестерев был в этих местах в 1780 г. Он сообщил про ряд шорских сеоков (Кобый, Карга, Кый, Шор), что они пришли сюда с берегов Мрассы и других районов Кузнецкого округа около 35 лет тому назад⁸⁵. Следовательно, это произошло в первой половине XVIII в., вероятно, в 40-х гг. Вспомним предание о переселении на р. Монок сеока Таяс при бельтирском князце Эптисе, имя которого нередко встречается в документах 40-х гг. Но такое переселение шорских сеоков в бассейн Абакана и, возможно, на правобережье Енисея, на р. Тубу было и в XVII в. Известно, что в 1643 г. шорские сеоки с Мрассы и Кондомы ушли «в кыргызы». Когда к кыргызам были посланы из Томска служилые люди с требованием, «чтоб они тех Кузнецкого уезда Мрасских и Кондомских наших ясашных людей у себя не держали, а отослали б их от себя из кыргыз в Кузнецкий уезд, на Мрасу и на Кондому, на старые ноचे вья», тубинские князцы Талай и Томак ответили, «что мрасские и кондомские ясачные люди киштымы их киргизские, а пришли-де к ним кормиться»⁸⁶.

Размеры работы не позволили мне привлечь этнографические данные о тождестве исследованных сеоков с сеоками, и поныне обитающими в Шории, более широко. Но даже в рамках привлеченного материала достаточно ясно выступает то обстоятельство, что этнографическое единство шорских сеоков складывалось на основе их древнего способа добывания жизненных средств, на основе пешей охоты на зверя.

Вывод, сделанный мной на этнографическом и историческом материале, можно подкрепить еще ссылкой на лингвистические данные. Уже В. Радлов писал, что язык шорцев близок к сагайскому⁸⁷. В последней по

⁸⁰ Материалы для истории Сибири, Чтения О-ва любителей истории и древностей российских, кн. 4-я, стр. 70.

⁸¹ П. Паллас, Указ. соч., ч. III, стр. 497 и 508; ср. Костров, Бирюсы, Зап. Сиб. отд. РГО, т. VI, стр. 128—129.

⁸² Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, стр. 341.

⁸³ Паллас, Указ. соч.

⁸⁴ „Сборник историко-статистических сведений о Сибири“, т. II, вып. 1, стр. 15, 16; Материалы для истории Сибири; Чтения О-ва любителей истории и древностей российских, кн. 4-я, стр. 69.

⁸⁵ Pesterev, Op. cit., p. 161.

⁸⁶ Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири, Томск, 1890, стр. 8 и др. Подчеркнуто мной. — Л. П.

⁸⁷ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 213.

времени и наиболее совершенной классификации тюркских языков сагайский и шорский языки находятся не только в одной группе (уйгурской или северо-восточной), но и в одной подгруппе диалектов⁸⁸. Между прочим о родстве сагайцев в старом смысле слова и шорцев говорит также исследование их песенного и музыкального творчества⁸⁹.

Все сказанное выше позволяет решить еще интересный вопрос о так называемых бирюсах или бирюсинцах. Они считаются исчезнувшим тюркским племенем, свидетельства о котором оставили нам лишь путешественники XVIII в.⁹⁰. На деле же бирюсинцы никуда не исчезали. Общим именем бирюсинцев путешественники называли в XVIII в. шорские сеоки: Шор, Кобый, Карга и другие, вошедшие позднее преимущественно в Кивинский и Каргинские административные роды⁹¹. Тождество бирюсинцев с шорцами было настолько очевидно, что Вербицкий предлагал назвать все шорские сеоки, обитавшие на Мрассе и Кондоме, — бирюсинцами. Следовательно, бирюсинцы утратили только свое общее наименование, данное им первыми исследователями, но вовсе не исчезли.

Название бирюсинцы было дано им на том основании, что будто бы они раньше кочевали по р. Бирюсе-Оне, а в начале XVIII в. ушли оттуда в горы к вершинам Кондомы в связи с продвижением русских казаков в эти места⁹². В этом позволительно усомниться, во-первых, потому, что ни один из исследователей не записал от упомянутых сеоков предания о приходе их с Бирюсы. Напротив, многочисленные предания единодушно говорят о приходе их в бассейн Абакана с Мрассы и Кондомы, т. е. из Шории. Во-вторых, имеются указания, что тайгу по Бирюсе всегда считали своей собственностью карагасы⁹³. Кроме того, это противоречит историческим документам, которые, как мы видели, определенно локализуют родовые группы «бирюсинцев» уже в начале XVII в. на рр. Кондоме и Мрассе, т. е. в пределах современной Шории. Можно допустить только, что часть шорских сеоков, уходивших в «кыргызы» около половины XVII в. и оказавшаяся, может быть, и на Бирюсе, позднее, с уходом кыргызов в начале XVIII в., возвратилась оттуда и оставалась в бассейне Абакана. Однако это обстоятельство еще не дает оснований называть их бирюсинцами.

Если отрицание сагайцев как особого племени или народности правильно и необходимо, то невозможно отрицать существование не только административного рода, но и сеока Сагай. Этнографическое своеобразие сеоков Сагай выросло на основе кочевого скотоводства и резко отличалось от шорского. Об этнографическом составе родов Сагайского 1-й половины и Сагайского 2-й половины мы имеем сведения, сообщенные В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым. Радлов указывает, что Сагайский род 1-й половины состоит из сеоков: Сагай, Туран, Сарыг, Иркит, Ечнг, Кый, Аба, Тјода, а Сагайский род 2-й половины — из родов: Кыргыс, Четти-пюрю, Юсь-Сагай, Том-Сагай⁹⁴. По полевым материалам Катанова, сагайцы состоят из сеоков: Сагай, Туран, Кыргыс, Сарыг, Пю-

⁸⁸ А. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Петроград, 1922, стр. 8—9.

⁸⁹ А. А. Кенель, Хакасская музыка (рукопись, хранящаяся в Хакасском научно-исследовательском институте).

⁹⁰ Костров, Бирюсы, стр. 127, Сибирская советская энциклопедия, т. I, стр. 347.

⁹¹ Паллас, Указ. соч., стр. 508; Георги, Указ. соч., стр. 165.

⁹² Георги, Указ. соч., стр. 165. У Палласа таких данных о приходе бирюсинцев из-за Енисея нет. Версия Георги повторена у Гр. Спасского в «Сибирском Вестнике» за 1819 г., ч. V., стр. 66—67, и Клапротом в «Asia Polyglotta», стр. 229.

⁹³ Н. Костров, Бирюсы, стр. 127—128; Б. Э. Петри, Охотничьи угодья и расселение карагас, Иркутск, 1927, стр. 21, где указано, что верховья Малой и Большой Бирюсы составляли охотничьи угодья рода «Хааш», среднее течение — рода «Сары-Хааш» и нижнее течение Бирюсы — рода Чеептей.

⁹⁴ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I. S. 203.

руют⁹⁵. В перечне сеоков, входивших, по Радлову, в состав сагайских административных родов, нужно отделить ряд таких сеоков, представители которых встречаются в других административных делениях, у других племен и народностей и попали сюда, видимо, по местообитанию в пределах ведомства Сагайской степной думы, по месту взноса податей и несения различных повинностей. Такими были сеоки Кый, Аба, Четти-пюрю как сеоки шорского происхождения, в основной массе обитающие в Шории. Сеок Иркит имеется у алтайцев и тувинцев, а сеок Чода — у алтайцев, тувинцев и карагасов, следовательно, нельзя считать эти сеоки сагайскими⁹⁶. То же самое нужно сказать и в отношении сеока Кыргыс, большинство которого находится в среде качинцев, но встречается и среди алтайцев. Вообще же сеок Кыргыс принято считать остатком кыргызов, живших в долине Енисея до начала XVIII в. Сеок Пюрют, отмеченный Катановым в среде сагайцев, но отсутствующий в списке Радлова, известен у качинцев, телеутов, алтайцев, что также позволяет исключить его из состава чисто сагайских сеоков. По записи Катанова, у сагайцев есть сеок Сарыг. Этот сеок он встретил также и у тувинцев Кемчикского хошуна. Катанов высказался за то, что сеок Сарыг «остался, вероятно, подобно кыргызам, от какого-нибудь народа», т. е. не считал этот сеок сагайским⁹⁷. Радлов считал этот сеок кыргызским и указывал на существование его у алтайцев, телеутов и киргизов Тянь-Шаня⁹⁸.

Таким образом, из списков сеоков обоих исследователей остаются пока как сагайские сеоки: Сагай (с подразделениями, отмеченными Радловым), Ичиге и Туран⁹⁹. В настоящее время я не располагаю материалом, могущим пролить свет на происхождение двух последних сеоков, и вопрос о них оставляю пока открытым. Что же касается сеока Сагай и его подразделений, то нет основания сомневаться в его самобытности как сеока, а вернее будет учитывать его подразделения, как группы кровнородственных сеоков. Представители этого довольно многочисленного сеока встречаются в системе левых притоков Абакана от Уйбата до Аскыса. Радлов и Катанов считали сагайцев за киргизское племя, оставшееся после ухода кыргызов с Енисея. «Два столетия тому назад, — писал Радлов в 1867 г., — когда киргизы покинули степь Абаканскую и Енисейскую, осталось только немногочисленное поколение их — Сагайцы, в долине Аскыса»¹⁰⁰. Исторические документы позволяют решить этот вопрос в несколько ином виде. Имя «Сагайцы» появляется в документах начала XVII в., из которых следует, что «Сагайские люди» были объяснены кузнецкими служилыми людьми около 1620 г.¹⁰¹. Миллер называет их не киргизами, а «сагайскими татарами», и говорит, что они кочевали в начале XVII в. по соседству с кыргызами в верховьях Июса и Абакана¹⁰². Фишер добавляет к этому еще верховья р. То-

⁹⁵ Катанов, Отчет о поездке, совершенной в Минусинский округ Енисейской губернии в 1896 г., стр. 62.

⁹⁶ Радлов считал сеок Иркит кыргызским родом. — „Aus Sibirien“, Bd. I. S. 208, 217. У якутов был Эргитский наслег.

⁹⁷ Катанов, Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии, стр. 96.

⁹⁸ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I. S. 209.

⁹⁹ Катанов записал предание: „Колено Ичиге пришло с р. Июс, с реки Июс они переселились (сначала) к хребту Сакчаку. Этот хребет находится в верховьях р. Еси“ („Образцы народной литературы тюркских племен“, т. IX, стр. 581).

¹⁰⁰ Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен. ч. II, Предисловие, стр. X; ср. Катанов: „Племя Сагай осталось от киргизов“. Среди тюркских племен Известия ИРГО. т. XXIX, стр. 17. Правда, в более поздней работе Радлова определяются сагайцы как отатарившиеся енисейцы (Aus Sibirien, Bd. I, S. 188).

¹⁰¹ Миллер, История Сибири, т. II, стр. 259.

¹⁰² Там же, стр. 58.

ми¹⁰³. Откуда эти авторы почерпнули сведения о местообитании сагайцев в верховьях Абакана, остается неясным. Вообще это указание является очень сомнительным, ибо документы 70-х гг. XVII в. локализуют сагайцев только в бассейне Июсов, хотя и по соседству с кыргызами¹⁰⁴. В одном документе говорится, что из Кузнецка были посланы «в государевы ясашные Сагайские волости и в кыргызы для государева ясажного сбора Сенка Шебакин с товарищи»¹⁰⁵. В другом документе рассказывается, что «Овдейко сказал: шел-де он из Кузнецкого до Сагайские волости до ясажного князца Урузачка шесть дней.... и поехал от него Урузачка в Алтырской улус к князцу Конгошу, а из Сагайские де дал ему Урузачка подводу, да в провожатых сына своего, и был де он в кыргызах десять дней»¹⁰⁶. Что это происходило в бассейне Июса, следует из третьего документа, где сказано про кузнецких сборщиков ясака, что «заехали де они у него Урузачка в юртах Июс-сагайского ясажного татарина Кожеачка»¹⁰⁷. О сагайских волостях есть упоминания и в начале XVIII в.¹⁰⁸. В дневнике Мессершмидта упоминается Июс-сагайская степь и Июс-сагайские юрты в долине р. Биры¹⁰⁹. Н. Н. Козьмин, исходявший из показаний исторических актов и путешественников XVIII в., правильно утверждал, что сагайцы жили во времена пребывания кыргызов на Енисее в восточных и западных предгорьях Алатау, на пространстве между верхним Аскысом и Июсом, и на восток до р. Биры¹¹⁰. По свидетельству Фишера, на Томи у них были пашни, к которым периодически переезжали сагайцы, кочевавшие зимой со скотом вместе с другими скотоводами¹¹¹.

Сагайцы были скотоводами-кочевниками, хотя охота за пушным зверем у них имела существенное значение и стимулировалась их положением данников то у кыргызов, то у джунгаров, которым они вносили дань пушниной¹¹². В исторических документах встречаются сообщения, что у сагайцев во время сбора дани джунгарские сборщики грабили и лошадей¹¹³. Настоящих сагайцев все же нельзя считать за остаток енисейских кыргызов, как это думал В. В. Радлов. Они были только их данниками — «кыштымами». Русские исторические документы всегда отличают их от кыргызов, называя «татарами», но отмечают их зависимость от кыргызов. «А кыштымы, государь, те сагайские люди — кыргызские», писал в Москву кузнецкий воевода в 1644 г.¹¹⁴. Кыргызскими кыштымами сагайцы названы и в документе 1720 г.¹¹⁵. На Абакан этот тюркоязычный и скотоводческий по образу жизни род попал, видимо, в самом начале XVIII в., после ухода из этих мест кыргызов.

¹⁰³ Фишер, Сибирская история, СПб., 1774, стр. 294.

¹⁰⁴ На Абакане и на Уйбате жили в то время кыргызы.— См. „Сборник князя Хилкова“, Петербург, 1879, стр. 269—272 и 305.

¹⁰⁵ Дополнения к Актам историческим, т. VII, стр. 333. Подчеркнуто мной.— Л. П.

¹⁰⁶ Там же, стр. 134. Центр Алтырского улуса кыргызов был в бассейне Уйбата.

¹⁰⁷ Там же, стр. 373.

¹⁰⁸ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, стр. 321—324.

¹⁰⁹ Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. 1. Приложения, стр. 16—17.

¹¹⁰ Н. Н. Козьмин, Хакасы, Иркутск, 1925, стр. 36; ср. Фишер, Сибирская история, стр. 294.

¹¹¹ Фишер, Сибирская история, стр. 294.

¹¹² Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, стр. 322.

¹¹³ Там же, стр. 321—324.

¹¹⁴ Сибирский приказ, кн. № 136, л. 441. Цитировано по Токареву, Указ. соч., стр. 47.

¹¹⁵ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. I, стр. 94.



МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Б. И. ШАРЕВСКАЯ

ПАМЯТНИК ЖЕРТВЕННОГО КУЛЬТА ДРЕВНЕГО БЕНИНА

В коллекции бенинской бронзы Музея Антропологии и Этнографии в Ленинграде имеется предмет, обозначенный в инвентарной книге следующим образом: «595₋₂₇. Большой жезл (знамя?) из бронзы, украшенный различными фигурами животных: птиц, змей, крокодилов и пр., а также рельефными изображениями человеческих лиц и целыми фигурами. Длина жезла — 1,55 метра». Эта запись в инвентарной книге не только не раскрывает подлинного характера и значения любопытного памятника, к которому она относится, но может даже ввести в заблуждение неспециалиста.

Прежде всего, приходится отклонить обозначение исследуемого объекта как «жезл». Предмет представляет собой массивный железный стержень, облицованный бронзой, настолько тяжелый, что его с трудом поднимают два человека. Кроме того, его общая конфигурация такова, что наибольшая тяжесть сосредоточена в верхней части. Нести и вообще держать его навесу в вертикальном положении невозможно. Единственно вероятное его положение должно было состоять в установке его на тяжелой уравнивающей подставке. На это же указывает и заостренный нижний конец стержня, явно предназначенный для укрепления на цоколе. Следовательно, ни жезлом, ни знаменем, т. е. предметами, которые, как правило, либо несут, либо держат навесу, исследуемый памятник быть не мог.

Интересующий нас объект — не единственный в своем роде. В коллекциях бенинского искусства, хранящихся в других европейских музеях, имеются аналогичные предметы. «Жезл» МАЭ является одним из пяти экземпляров серии «древовидных столбов», описанных Феликсом Лушаном в его фундаментальной публикации бенинского искусства¹. Лушан указывает, что один из столбов, находившийся ранее в Берлине, потом в Лейпциге, в 1900 г. был перевезен в Петербург. Он приводит его краткое описание, соответствующее данным памятника МАЭ². Касаясь подобных предметов, вывезенных из Бенина в другие города Европы, Лушан насчитывает всего пять железных столбов, облицованных бронзой, 9 железных шестов, частично облицованных бронзой, и 14 — оставшихся без всякой облицовки³. Как показывают опубликован-

¹ Felix von Luschan, Die Altertümer von Benin, Berlin u. Leipzig, 1919. Bd. I — Textbuch; Bd. II-III — Tafeln.

² Ibid., S. 454 — примечание.

³ Ibid., S. 453.

ные Лушаном фотографии других столбов, они были утверждены на массивных круглых подставках. На этих цоколях имелись рельефные изображения голов людей, леопардов и каменных топоров.

Зафиксированные Лушаном в достаточно большом количестве и описанные им с внешней стороны, интересующие нас предметы составляют особую группу, характеризующуюся определенными чертами. Группа эта принадлежит к наименее исследованным памятникам культуры древнего Бенина.

Вопрос о назначении и смысле этих предметов встал перед Лушаном при первом знакомстве с ними и не получил своего разъяснения и при дальнейшем исследовании. «При моем описании бенинской коллекции в Штутгарте,— пишет Лушан,— я употребил выражение «деревья-фетиши» (*Fetischbäume*), хотя слово «фетиш» многоосмысленно, негодно и, собственно, не должно быть даже произносимо этнографом. Я обозначаю ныне эти предметы, как «древовидные столбы», что, конечно, тоже ничего не говорит, но я и поныне еще не знаю никаких действительных подходящих выражений для этих примечательных произведений искусства, подлинное значение которых и поныне остается столь же неизвестным, как и во время их открытия»⁴. Лушан приводит некоторые гипотезы о назначении этих столбов: «Сообщения купцов, что на них выставлялись головы обезглавленных, не совсем из воздуха взяты... Имеется другое, правда, совершенно необоснованное указание, что эти столбы выставлялись на королевских плантациях, чтобы отпугивать вредителей, или в качестве апотропейных предметов, или что на них выставлялись головы пойманных хищников, двуногих и четвероногих»⁵.

Для того чтобы принять или отказаться от выставленных предположений о назначении исследуемого нами памятника, необходимо иметь точное представление о его внешнем виде и собрать данные о подобных ему предметах в описаниях Бенина, оставленных посетившими это государство путешественниками и исследователями.

Начнем с обследования самого памятника.

Как уже указано выше, он представляет вертикальный столб, разветвляющийся сверху на три части, так что в целом он имеет вид громадного трезубца. Общая высота столба — 165 см. Нижний конец заострен, явно для вставления в подставку. На расстоянии 30 см от нижнего конца шест опоясан небольшим плоским кругом, диаметром 6 см. Выше диска, на расстоянии 35 см один от другого, расположены 2 пучка свисающих вниз колоколообразных подвесков, по 7 штук в каждом. Между пучками рельефное изображение ползущего вверх по шесту хамелеона (длиной 17 см). Верхний пучок заканчивается плоским кружком, диаметром 5 см. На плоскости круга утверждена стоящая фигура человека (высота 10 см) в митрообразном головном уборе, держащего в каждой руке по дубинке. На высоте 1 м от нижнего конца шест разветвляется. От основного столба в обе стороны отходят под углом два коленчатых стержня, образуя вместе трезубец, верхние концы которого увенчиваются большими тюльпановидными растресками. На горизонтальных частях боковых ответвлений стоят фигурки четвероногих, похожих на леопардов. У каждого из этих животных шея обвита змеей, поднимающей свою голову кверху. Между ними рельефное изображение человека. Оно помещено над первой человеческой фигурой, на втором плане, таким образом, что его ноги должны находиться за головой нижестоящей статуэтки. Эта верхняя фигурка так плохо моделирована, что с трудом можно разобрать лишь одно лицо с рубцами на лбу. Бо-

⁴ Felix von Luschan. Die Altertümer von Benin, S. 453.

⁵ Ibidem.

ковые стержни имеют высоту 36 см, средний — 40 см. Нижняя и верхняя части стержней обработаны в виде спирали. На средней гладкой части всех трех стержней — изображения ползущих вверх хамелеонов и змеек. На среднем стержне немного выше хамелеона помещено изображение зацепившейся за него змеи (20 см длины), которая поднимается вверх как бы в воздухе (сбоку ее поддерживает специальная

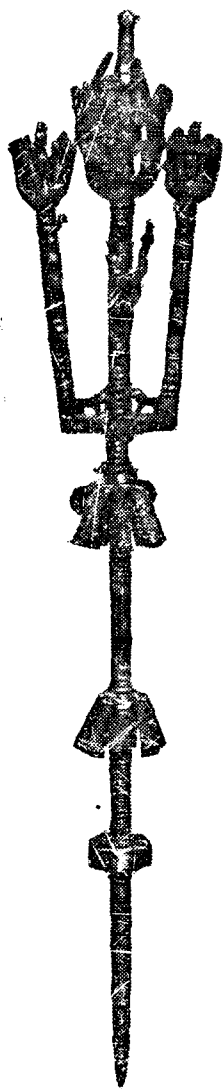


Рис. 1. Ритуальный столб из бенинской коллекции МАЭ (№ 595—27)

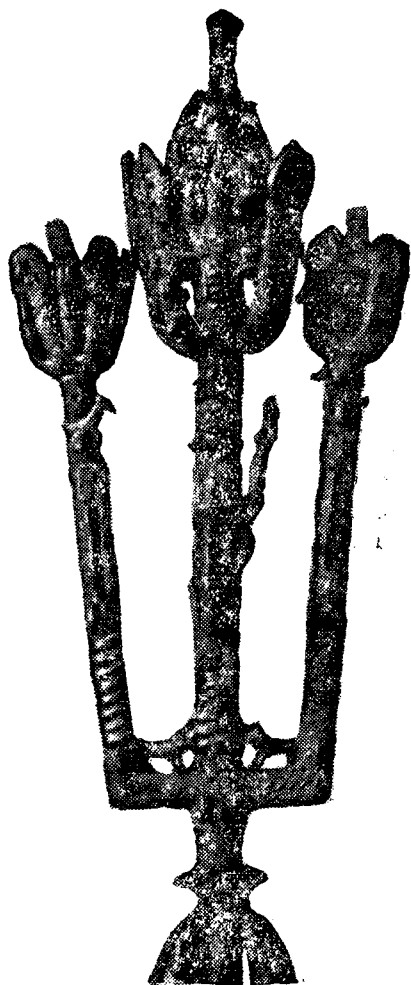


Рис. 2. Верхняя часть ритуального столба бенинской коллекции МАЭ

подпорка). В пасти змеи — человеческая голова. В передние лапы ползущего вверх хамелеона упирается фигура человека, держащего в руках круглый сосуд (высота человека — 10 см). На нем митрообразный головной убор, на лбу с трудом можно разглядеть три вертикальных рубца. На каждом из боковых стержней выше поднимающегося хамелеона по изображению человека (высотой 8 см) в треугольном головном уборе, держащего в руках петуха. Раструбы, увенчивающие разветвления столба, состоят из изображений змей, по шести в каждо

В средней части каждого раструба — изображение хамелеона, утвержденное в горизонтальном положении на подставке. Центральный растроб состоит из восьми поднимающихся кверху стержней. Два задних представляют собой изображения петушиных перьев, четыре боковых — круглые гладкие, два передних изображают бенинский ритуальный меч (так называемый эбере). У рукояток этих мечей помещено по человеческой фигурке (высотой в 8 см). Оба человека имеют в одной руке по дубинке, а вторую протягивают к центральному стержню, оформленному в виде группы фигур, изображающих двух змей, хамелеона между ними, а на спине хамелеона — птицу, которая как бы держит в клюве маленькую фигурку сидящего на голове хамелеона павиана. Фигурка эта соединена с клювом маленьким стерженьком — может быть змейкой, а может быть — соединительным прутиком технического назначения. Павиан изображен с пригнутыми к подбородку коленями и с просунутыми под колени руками, которыми он, вытянув их кверху, обхватил морду.

Технически изучаемый памятник очень несовершенен: отливка страдает большими погрешностями, раковинами и неровностями. Моделировка фигур очень грубая. Поверхность не отчеканена, осталось много заусениц.

Переходим к вопросу о назначении описанного предмета. Прежде всего надо отметить, что наш шест схож с рядом ему подобных. Лушан указывает, что он совершенно аналогичен двум столбам Берлинского музея⁶. Различия относятся лишь к деталям: на берлинских столбах увенчивающую всю композицию птицу поддерживает не хамелеон, а антилопа, и птица держит в клюве не обезьянку, как на нашем памятнике, а змейку, спускающуюся головой к рогам антилопы. На левом разветвлении одного из берлинских столбов поднимающийся вверх хамелеон имеет на морде изображение четвероногого, которому человек в бенинском одеянии наносит удар по шее кривым ножом. С другой стороны человек в том же положении собирается заколоть огромную черепаху. Другие опубликованные Лушаном столбы разнятся больше, но лишь по конфигурации⁷. Состав изображенных фигур остается тем же самым: хамелеоны, крокодилы, птицы, леопарды, антилопы, змеи, обезьяны. Следовательно, перед нами определенная категория предметов, имеющих если не массовое, то во всяком случае не единичное, а, так сказать, серийное назначение. Определить, каково оно было, — остается нашей задачей. Естественнее всего попытаться найти описание подобных предметов с выполняемыми ими функциями у путешественников, посетивших Бенин.

Наиболее ранние описания города и дворца даны голландцами. Они относятся к столетию между началом XVII и XVIII в. Первое из них подписано лишь инициалами D. R.⁸ Второе составлено Самуилом Бломертом и вошло в описание Бенина в книге Даппера⁹. Третье, наиболее

⁶ С III 8505 и С III 8506, Luschan Taf. 108.

⁷ С III 8506, Luschan Taf. 111.

⁸ Помещено Питером де Маресом в его описании Гвинеи, изданном в 1602 г. под названием: *Pieter de Marees, Beschryvinge ende Historische verhael vant Gout koninckryck van Gunea, anders de Goutcuste de Mina genaemt, liggende in het deel van Africa etc. Ghedruct tot Amsterdam, by Cornelius Schryfbook, Anno 1602.* Описание Бенина — стр. 115-119. Немецкий перевод был сделан G. Arthus'om и помещен в книге братьев де Бри: *De Bru, Indiae orientalis, Pars VI, Anno MDCIV.* Подлинный текст и точный немецкий перевод приведены в книге Маркварта: *Jos. Markwart, Die Benin-Sammlung des Reichsmuseums für Völkerkunde in Leiden, Leiden, 1913, S. X—XXVI.*

⁹ *Olfert Dapper, Naukeurige beschryvinge der Afrikaenische Gewesten etc., Amsterdam, 1668.* В Москве имеется немецкий перевод: *D-r O. Dapper, Umständliche und Eigentliche Beschreibung von Africa usw., Amsterdam, 1671.* Описание Бенина — стр. 486-494.

подробное, принадлежит Давиду Ньендалю¹⁰. Хотя в этих рассказах описываются многочисленные предметы, в особенности культовые, но ни о каких столбах ни в одном из них не упоминается. То же самое надо сказать и о последующих описаниях, вплоть до момента разрушения Бенина английской карательной экспедицией в 1897 г.

Но в описании города Бенина, составленном одним из участников этой карательной экспедиции, командиром Бэконом, мы находим следующее важное для нас сообщение.

Описывая королевский дворец, состоявший из нескольких зданий, дворов и площадок, Бэкон упоминает о дворовых комплексах, которые он называет «juju compounds»¹¹, представляющих ритуальные площадки, где совершались жертвоприношения. Бэкон сообщает, что их было несколько, совершенно одинаковых. Это была «площадка около 150 ярдов в длину и 60 ярдов в ширину, окруженная высокой стеной, поросшая короткой порыжевшей травой. На одном конце имелся длинный навес во всю ширину двора, и под этим навесом помещался алтарь. Алтарь представлял собой трехступенчатое возвышение, тянувшееся вдоль всего навеса и защищенное его сенью. Оно немного поднималось в центральной части, где стояли прекрасно выгравированные слоновьи клыки, вставленные в отверстия на макушках древних бронзовых голов... В центре некоторых из этих ритуальных площадок находилось железное сооружение, вроде громадного канделябра с остроконечными крюками...» (разрядка наша.— Б. III.)¹².

Хотя это упоминание встречается лишь у одного автора и очень кратко, оно, тем не менее, достаточно определенно указывает на исследуемые нами столбы. «Крюками», очевидно, названы разветвления. Таким образом, устанавливается место нашего памятника: посредине ритуальной площадки, в одном конце которой помещался алтарь, а в другом — яма, в которую бросали тела убитых жертв. Поэтому гипотезы Лушана, который не учел этого сообщения Бэкона, отпадают за ненужностью.

Несомненно, в связи с нашим памятником стоит фотография одного из участников карательной экспедиции 1897 г. Эрдмана. На ней заснят стоявший в королевском дворце столб, высотой в 3 м, на котором помещены прикрепленные к двум крюкам две большие бронзовые человеческие головы в натуральную величину¹³. Фотография очень бледна и расплывчата, детали плохо различимы. Единственно, что очевидно, это то, что изображенный здесь столб не имел характерного для интересующего нас памятника и его аналогов трезубцеобразного разветвления и вообще не был художественно оформлен. С другой стороны, ни столб МАЭ, ни один из опубликованных Лушаном не имеют ни сучкообразных ответвлений, ни какого-либо рода крюков для подвешивания или насаживания голов подобно тому, как это изображено на фотографии Эрдмана. Поэтому, если столб МАЭ и его аналоги близки к объекту фотографии, то все же они полностью не идентичны ему, и объяснить их назначение только как подставок для выставления голов мы не имеем

¹⁰ Опубликовано в качестве 21-го письма в книге Босмана: W. Bosman, Nauwkeurige Beschryvinge van de Guinese, Goud-Tand-en Slavekust. Utrecht, 104. Письмо датировано I. IX. 1701 г. Мы пользуемся французским переводом: Guillaume Bosman, Voyage de Guinée etc., Utrecht, 1705. Письмо Nyendal'a — стр. 430-493.

¹¹ Juju — термин, представляющий европеизированную форму наименования на языке йоруба фигуры предка egugu. Распространен в Западной Африке для обозначения объектов культа.

¹² R. H. S. Bacon, Benin, the City of Blood, London and N. Y., 1897. Цит. по книге H. Ling Roth, Great Benin. Its Customs, Art and Horrors. Halifax, 1903, p. 173.

¹³ Luschap, Op. cit., S. 348, Fig. 515.

оснований. К раскрытию значения нашего памятника мы можем подойти путем исследования его отдельных деталей.

Наибольший интерес представляют помещенные на столбе человеческие фигуры. Таких небольших фигурок здесь имеется всего семь. Грубая моделировка не обрисовывает их одежды. Единственная фигура, одеяние которой можно определить, это самая нижняя. Человек этот изображен с обнаженной верхней частью тела, с однорядным ожерельем. Нижняя часть тела закрыта типичным для негров бини передником, один конец которого поднимается к левому бедру. С трудом можно разобрать контуры головных уборов. В пяти случаях они округлой формы, в двух остальных — треугольной. В особенности важен один факт: у пяти из изображенных фигур на лбу имеются вертикальные рубцы. Это практикуемое бини рубцевание не оставляет сомнения в характере описанных фигур: несомненно, изображены живые люди, а не какие-либо мифические персонажи. Более точное определение этих людей можно сделать, исходя из предметов, находящихся в их руках. Самая нижняя фигурка держит перед собой в обеих руках по дубинке. Две самые верхние фигурки имеют по одной такой дубинке. Назначение этих орудий можно установить. Они служили для убийства жертв. Для этой цели в основном применялось особое орудие очень вычурной формы, с художественными украшениями, с тремя остриями и двумя углублениями, в которых скоплялась кровь для обрызгивания алтаря. Член карательной экспедиции 1897 г. доктор Феликс Норман Рот обнаружил у одного из принесенных в жертву непосредственно перед приходом англичан, но оставшихся в живых людей раны специфического характера. Позже были найдены на алтарях инструменты указанного типа. Подобные же орудия обнаружены в руках бронзовых фигур людей с другими ритуальными предметами¹⁴. Но имеются сообщения и о другого типа орудиях для жертвоприношения. Так, дубинку, подобную изображенному на нашем памятнике, упоминает английский колониальный чиновник Сириль Пенч в своем описании Бенина, относящемся к 1889 г. Пенч сообщает о членах тайного союза окерисон, которые во время ритуала, посвященного вкушению нового ямса, справлявшегося в течение 14 дней ноября, ночью ходили по городу вооруженные короткими металлическими дубинками в виде трубок. Ими они убивали всех, кого встречали в это неурочное время¹⁵. Эти же окерисон выполняли свою роль и на церемонии поминовения умершего короля. Предназначенные в жертву люди рассаживались на площади. По знаку короля окерисон начинали свой обход, держа в руках «инструмент, подобный металлической трубке, с тяжелой заклепкой и с металлическим набалдашником. Окерисон приставлял дубинку к голове и, ударяя с силой, раздроблял тяжелым набалдашником затылок»¹⁶.

Фигура, помещающаяся на центральном стержне, держит прямо перед собой сосуд круглой формы, придерживая его левой рукой снизу, а правой — сверху. Сосуд этот напоминает круглый металлический горшок, который, наполненный пищей, главным образом вареным ямсом, ставился на алтарь в качестве обычного приношения. Подобный сосуд изображен в книге Линг Рота¹⁷.

Фигурки, расположенные на боковых стержнях, изображают людей, держащих петухов. Эти рельефы очень плохо моделированы, и петух непропорционально велик по отношению к человеку. Но эта непропорциональность имеет свое оправдание с точки зрения общей композиции. Петухи выделяются даже при общем взгляде на весь столб издали и

¹⁴ Ling Roth, Op. cit., 61, Fig. 70a, 71.

¹⁵ Ibid., p. 65.

¹⁶ Ibid., p. 74.

¹⁷ Ibid., p. 77, Fig. 82.

хорошо увязываются с контуром змеи, отклоняющейся от центрального стержня, украшая строгие линии вертикальных стержней. Как свидетельствуют все описания Бенина от XVI в. до наших дней, петух, наравне с вареным ямсом, служил самым обычным жертвоприношением¹⁸. Таким образом, судя по предметам, которые держат в руках человеческие фигуры на нашем памятнике, все они изображают жертвоприносителей, участников церемонии жертвоприношения. Пожалуй, с наибольшей ясностью иллюстрирует это положение фигура человека, изображенного на столбе, опубликованном Лушаном¹⁹. Этот человек представлен в самый момент заклания жертвы. Естественно возникает вопрос: не изображают ли указанные фигуры жрецов?

Вопрос о жречестве в Бенине весьма сложен и требует специального исследования, которому в настоящей работе невозможно уделить достаточно внимания и места. Здесь следует только отметить следующие факты: памятники бенинского искусства не дают нам оснований утверждать, что существовал особый жреческий костюм. В этой связи можно указать на чрезвычайно интересную фигуру человека из коллекции МАЭ (№ 595 — 5), одну из пяти одинаковых скульптур, вывезенных из Бенина, значение которой так же, как «древовидных столбов», остается до сих пор не раскрытым. Для нас в данном случае важно, что изображенный в этой скульптуре и обозначенный Лушаном со слов последнего короля Бенина как «Mädizinmann»²⁰ человек имеет максимально простой для бенинца костюм. Верхняя часть тела обнажена, на груди однорядное ожерелье, на руках по одному браслету. Нижняя часть тела закрыта двумя находящимися друг на друга передниками одной фактуры. Голова покрыта условно моделированными волосами. С затылка на лоб спускается змейка.

С другой стороны, мы имеем описание костюмов участников ритуальной церемонии во дворце бенинского короля, составленное французским ботаником Палисо де Бове, посетившим Бенин вместе с французским капитаном Ландольфом в 80-х гг. XVIII в. Описывая церемонию, наблюдаемую им в 1787 г., Палисо де Бове сообщает, что «министр... имел на себе несколько штук одежд различной ценности, обернутых, одна поверх другой, вокруг бедер и спускавшихся до колен; остальная часть тела была обнажена, за исключением трехрядного ожерелья и других украшений из агата и стекла»²¹. Так же и Сириль Пенч сообщает, что присутствовавшая на наблюдаемой им церемонии в качестве участников обряда знать была одета подобным же образом: у всех верхняя часть тела была обнажена, за исключением спускавшихся на грудь ожерелий²². Современный автор, резидент колонии Южной Нигерии, Амори Тальбот указывает, что «ни один человек не мог появиться перед королем в одежде выше пояса»²³. Сообщения эти подтверждаются и изобразительными памятниками. Везде, где представлены персонажи с культовыми предметами, они изображены с обнаженной верхней частью тела. В коллекции МАЭ это положение иллюстрируют две рельефные фигуры с ритуальными мечами в руках (№№ 595—8 и 595—9).

Изображенные на нашем памятнике фигуры по внешнему виду могут быть в одинаковой мере сопоставлены и с 'Mädizinmann'ом и с представителями знати, принимавшими участие в ритуальных церемониях.

¹⁸ Bosman, Op. cit., pp. 483, 484; P. Amaury Talbot, The peoples of Southern Nigeria, vol. II, London, 1926, p. 25.

¹⁹ Luschan, Op. cit., Taf. 108.

²⁰ Luschan, Op. cit., S. 39—331.

²¹ Palisot de Beauvais, Notice sur le Peuple de Benin. «Décade Philosophique», No. 12, Année 9, 1801, pp. 145—150. Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 80.

²² Ling Roth, Op. cit., p. 83.

²³ Talbot, Op. cit., vol. II, p. 737.

Оставляя в стороне общий вопрос о жречестве в Бенине, можно только констатировать, что его нельзя решить только на основании костюма. Далее, в приведенном описании Палисо де Бовэ имеется прямое указание, что отсекал голову не жрец, а специально назначенное должностное лицо²⁴. Сириль Пенч, говоря о членах союза окерисон, сообщает, что ими были представители высшей знати, члены королевской семьи²⁵. Следовательно, считать наши фигуры изображениями жрецов у нас нет оснований. Но они несомненно представляют участников ритуала, выполнявшегося в присутствии короля, и совершающих жертвоприношения.

С ритуальной церемонией связан и предмет, изображения которого составляют два стержня центрального верхнего раструба. Это меч особой формы, характерное бенинское оружие. Изображения такого меча в руках человеческих фигур очень многочисленны на бенинских памятниках²⁶. Его значение как ритуального предмета хорошо иллюстрируется маленькой бронзовой фигуркой, прикрепленной к кольцу, представлявшей, очевидно, змугет²⁷. Фигурка изображает пышно одетого и богато украшенного бусами бенинского вельможу (судя по многорядному ожерелью), держащего перед собой в правой руке поднятый лезвием вверх меч эбере, а в левой — ритуальное орудие. О ритуальном характере этого меча свидетельствует и сообщение упоминавшегося выше Бовэ, который указывает, что присутствовавший на празднестве «министр» «держал в руке большой овальный кортик, просверленный, подобно нашему ситу, и заканчивающийся прикрепленным к рукояти большим кольцом»²⁸. Применение этих мечей описывает Сириль Пенч в указанном выше сообщении о церемонии во дворце в 1889 г. «Каждый знатный человек... держал эбере, которое он вращал в руке... Зазвучала музыка тамтамов и рогов, и начался танец. Один или двое вельмож выступили вперед, иногда приближаясь в танце к королю. Танец состоял собственно в том, что выступавшие придавали своему телу то одну, то другую позу, меняя их последовательно. При этом они непрерывно вращали в руке эбере, время от времени направляя его в сторону короля, как бы указывая острием меча место, на котором стоял король. Другие присутствовавшие знатные люди переместили эбере в левую руку, приветствуя короля поднятой правой рукой, то сжимая ее в кулак, то расправляя пальцы»²⁹.

Переходим к животным, изображенным на исследуемом столбе.

На коленчатых сгибах боковых ответвлений изображены четвероногие, которые, судя по намеченным на шкуре пятнам, следует признать за леопардов. Леопарды очень широко распространены в бенинском искусстве. Имеются великолепные экземпляры круглой скульптуры, а также барельефы, изображающие это животное. В коллекции МАЭ последний вид представлен пластиной тяжелого литья за № 595—20. Кроме таких отдельных фигур, леопарды часто изображаются в виде второстепенных элементов в общих композициях. В особенности интересны фигуры этого животного на памятниках культового характера. Так, леопарды или головы этих зверей непременно помещаются на нижних подставках больших бронзовых голов бенинского литья (см. № 595—1 и 595—2 коллекции МАЭ). Леопарды присутствуют на двух чрезвычайно интересных пластинах с изображением так называемого «короля-фетиша» — человеческой фигуры, в одном случае с ногами в

²⁴ Ling Roth, Op. cit., p. 80.

²⁵ Ibid., p. 65.

²⁶ См. упомянутые пластины МАЭ №№ 595—8 и 9. Отдельные изображения этого меча изображены в книге Ling Roth'a, Op. cit., p. 60, Fig. 69, 70.

²⁷ Ibid., p. 61, Fig. 70a. 71.

²⁸ Ibid., p. 80.

²⁹ Ibid., p. 83.

виде рыб, а в другом случае с рыбами, спускающимися от бедер вдоль ног³⁰. На первой пластине два маленьких леопарда расположены в нижней части плоскости, на второй «король-фетиш» держит в каждой руке по леопарду.

Как известно, во всей черной Африке леопард пользуется особым почитанием. Ношение леопардовых шкур присвоено высшей категории общества — вождям, а там, где возникает государство, — царям. Относительно Бенина мы имеем указание Тальбота, что здесь леопард был тесно связан с особой короля. Все леопарды, убивавшиеся на территории Бенина, должны были поступать в королевский дворец. Из шкур этих животных изготовлялись для короля мантии, веера, коврики. Делались все возможные попытки к поимке живых леопардов. Особой привилегией короля считалось право жертвоприношения этих зверей, такая жертва считалась особенно эффективной, обеспечивающей благополучие короля³¹. Может быть, с этого рода жертвоприношением был связан и обычай держать при дворе леопардов. Обычай этот упоминается в книге Дампера в известном описании выезда короля Бенина, который изображен на помещенной в книгу гравюре³².

Таким образом, изображенные на нашем памятнике леопарды представляют наиболее значительный вид жертвы — жертвоприношение самого короля — и составляют важный момент дворцового ритуала.

Обратимся к другим животным, помещенным на нашем столбе. При общем взгляде на памятник прежде всего бросается в глаза фигура птицы, увенчивающая всю конструкцию. Лушан называет ее ибисом. Однако изображение, с одной стороны, так стилизовано, что считать его реалистическим воспроизведением ибиса нельзя. С другой стороны, мы встречаем в памятниках бенинской культуры многочисленные упоминания и изображения птиц, играющих значительную роль в ритуале и быте Бенина. При этом, однако, приходится отметить, что определить их зоологически довольно трудно, так как указания разноречивы, а изображения условны. В первом описании Бенина, подписанном инициалами D. R., сообщается, что тела принесенных в жертву людей выбрасываются птицам. «К этим птицам они относятся с большим страхом, и никто не смеет причинить им какой-либо вред или выступить против них. Также к ним приставлены люди, которые приносят этим птицам еду и все, что нужно для содержания, что они несут с большой торжественностью, и никто не должен видеть, как они несут, или присутствовать при этом, за исключением тех, кто для этого приставлен, так что они все разбегаются в стороны, когда идут эти люди с кормом, который они несут птицам, и у них существует определенное место, где птицы его получают»³³. Здесь нарисована яркая картина культового отношения к птицам, которые пожирают трупы. Порода этих птиц не обозначена. В описании Бенина у Дампера сообщается об изображениях птиц с распростертыми крыльями, увенчивающих башенки дворца³⁴. Эти фигурки хорошо видны на упомянутой выше гравюре в книге Дампера. Французский путешественник Жан Барбо, посетивший Бенин в 30-х гг. XVIII в., также упоминает о птицах на крыше³⁵. Капитан Ландольф сообщает, что трупы бедняков так же, как и жертв, выбрасываются за город, «где их пожирают стаи ястребов. Эти птицы, величиной с индюков, расхаживают по улицам, и запрещено убивать их, потому что они

³⁰ Ibid., p., 49, Fig. 51, 52.

³¹ Talbot, Op. cit., vol. II, p. 736.

³² Dapper, Op. cit., S. 492.

³³ Marquart, Op. cit., S. XIX.

³⁴ Dapper, Op. cit., S. 496.

³⁵ J. Barbot, A Description of the Coast of North and South Guinea, London, 1732. Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 163.

не вредят никому и уничтожают ящериц и прочих рептилий»³⁶. Хотя здесь дается рационалистическое освещение особому отношению к этим птицам, но их роль как пожирателей трупов жертв ясна. Они названы «ястребами», но «величиной с индюка». Так же называет и описывает их Бовэ³⁷. Посетивший Бенин в 1823 г. Адамс специально останавливается на описании этих птиц. Говоря о всем Гвинейском побережье в общем, он замечает: «Культовые птицы здесь орлы и ястребы; последние — пожиратели нечистот тропических стран, и так бесстрашны перед людьми, вследствие покровительства, которое люди им оказывают за их полезные свойства, что в любом африканском городе их с трудом можно заставить двинуться с места, когда надо пройти»³⁸. Английские путешественники Мофат и Смит, бывшие в Бенине в 1940 г., называют их сарычами (*turkeybuzzards*), пожирающими трупы³⁹. Английский автор Бертон, бывший в Бенине в 1862 г., описывая дом вождя, пишет: «Подобно всем другим, он имел своих домашних богов, три грубо вырезанных из дерева изображения индюка с повисшими крыльями, размещенные треугольником, поддерживаемые двумя короткими подпорками и поставленные в выкрашенной черно-белыми полосами нише на северной стене, с поднимающейся к ней ступенькой»⁴⁰. Необходимо упомянуть об одном очень любопытном образце бенинской бронзы: это небольшая скульптурная группа из двух очень условно изображенных птиц, раздирающих обезглавленный труп человека со связанными руками, т. е. жертву⁴¹. В МАЭ бенинские культовые птицы представлены памятником из старых коллекций музея, определенным Д. А. Ольдерогге. Он представляет группу из 6 стилизованных птичьих фигур на конце стержня. Таким образом, совершенно очевидно, что в Бенине пользовались почитанием птицы, пожиравшие трупы. Очевидно, это были ястребы, достигшие большого размера и дородности вследствие благоприятных условий в течение многих поколений. Установить, предоставлено ли им пожирание трупов жертв в силу искони существовавшего к ним культового отношения или, наоборот, они стали почитаться вследствие своей роли стервятников, теперь трудно. Вернее всего, что имели место оба момента, которые сочетались друг с другом. Изображения этих птиц сильно варьируют, но все они так условны, что можно принимать их за стилизованные варианты одной и той же породы ястребов. Фигура, увенчивающая столб, тесно связана с описанными нами до сих пор: это тоже участник жертвоприношения, завершающий обряд пожиранием трупа жертвы. С другой стороны, помещение птицы на самом верху всей композиции должно быть сопоставлено с положением фигур на башенках дворца в XVII в. Очевидно, птица придавала сакральное значение сооружению, на котором она помещалась.

Наиболее многочисленны на нашем столбе изображения змей: они обвивают шею леопардов, ползут по стержням, свернувшись, образуют своеобразные раструбы. Наконец, центральное место занимает крупное изображение змеи, четко вырисовывающейся отклоненным от столба силуэтом. Мотив змеи — один из самых излюбленных в бенинском искусстве. Самостоятельные изображения представлены в коллекции МАЭ рельефами на пластинах №№ 595—18 и 595—19 и особенно прекрасной головой большого размера (56 × 36), первоначально прикреплявшейся к корпусу. Изображения змей на бенинских памятниках, входящие в

³⁶ *Mémoires du capitaine Landolphe... rédigés sur son Manuscrit par J. S. Quésné, Paris, 1823.* Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 42.

³⁷ Palissot de Beauvais. Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 82.

³⁸ Ling Roth, Op. cit., p. 42.

³⁹ Ibid., p. 63.

⁴⁰ Ibid., p. 168—169.

⁴¹ Ibid., p. 54. Fig. 60.

качестве элементов в общую композицию, неисчислимы. Но особенный интерес представляют большие изображения, помещавшиеся на крышах дворца. Упоминания о них мы находим в описаниях Бенина, начиная с XVIII в. и до наших дней. Ньендаль сообщает, что над главными воротами дворца на крыше с башенкой находилась «большая медная змея с головой, свисающей вниз»⁴². Ландольф сообщает о змее в 30 футов длиной и 6 футов в окружности, искусно сделанной из вставленных друг в друга слоновых клыков. Змея эта находилась на крыше одной из королевских гробниц внутри дворца⁴³. Лейтенант Кинг, бывший в Бенине между 1815 и 1821 гг., описывает фасад одного из зданий дворцового комплекса, над которым возвышалась пирамида вышиной в 30—40 футов, на вершине которой была прикреплена медная змея, корпус которой был в толщину человеческого тела, а голова спускалась до самой земли⁴⁴. Подобные же изображения находились на зданиях дворца и во время разрушения Бенина в 1897 г. Участники карательной экспедиции командир Бэкон и Феликс Норман Рот сообщают о громадной бронзовой змее, помещавшейся на крыше здания королевского совета во дворце⁴⁵. Описания эти иллюстрируются двумя интересными памятниками: рельефом дворцового входа со змеей на крыше на пластине из Британского музея⁴⁶ и крышкой бронзового ларца из Ливерпульского музея, изображающей ту же крышу над дворцовыми воротами со змеей над ней⁴⁷.

Широкое распространение культового значения змей у всех народов мира достаточно хорошо известно. Мы не имеем возможности исследовать здесь весь комплекс представлений и обрядов, связанных с этим пресмыкающимся. Остановимся лишь на одном значении, придаваемом змее в Нигерии, на которое указывает Тальбот: «Здесь очень распространено представление об умерших в образе змей»⁴⁸. Такое представление существовало у многих народов, оно гармонировало с местом обитания змей, их образом жизни и повадками. В то же время благодаря близости к земле, змея связывалась с аграрно-магическим комплексом, ее присутствие якобы обеспечивало урожай, а следовательно, и общее благополучие. Эту же роль подателей блага приписывали и предкам, поэтому охранительно-благодетельное значение вполне естественно укрепилось за этим животным. Очевидно, змеи, изображенные на нашем столбе, представляли предков, которым приносились жертвы. Это хорошо иллюстрируется центральной змеей, держащей в пасти человеческую голову, т. е. как бы поглощающей жертвоприношение. Так же и змеи, обвивающие головы леопардов, как бы принимают приносимых им в жертву животных.

Рядом со змеями на нашем памятнике изображены хамелеоны. Способность к смене окраски, быстрота движений и неуловимость способствовали тому, что у многих африканских народов это животное связывается с загробным миром; в мифах хамелеон выступает как посланец богов и виновник смертности людей⁴⁹.

Последнее животное, присутствие которого на нашем памятнике мы должны объяснить, — это павиан. Изображения павианов и вообще обезьян не очень часты в бенинском искусстве, большей частью они входят в качестве составных элементов в композицию сакрального ха-

⁴² Bosman, Op. cit., p. 491.

⁴³ Landolph, I, p. 55. Цит. по Ling Roth, Op. cit., p. 44.

⁴⁴ Ling Roth, Op. cit., p. 165.

⁴⁵ Ibid., p. 173, p. 175.

⁴⁶ Ibid., p. 94, Fig. 95.

⁴⁷ Ibid., p. 164, Fig. 161.

⁴⁸ Talbot, Op. cit., vol. II, p. 301.

⁴⁹ Bernhard Struck, Das Chamäleon in der afrikanischen Mythologie, in «Globus», XCVI, Bd. 96, 1909, S. 174—176.

рактера. Сходство обезьян с людьми вполне объясняет особое отношение к ним примитивного человека, представления об обезьянах как о лесных людях и т. д.

Подводя итоги разбору нашего памятника, мы приходим к следующему выводу.

Перед нами комплекс жертвенного ритуала культа корслевских предков. Здесь изображены участники дворцовой церемонии жертвоприношения: одни держат в руках жертвы, другие — орудия, при помощи которых совершаются жертвоприношения. Далее изображены жертвы — петухи, леопарды. Мы не имеем исчерпывающих данных для решения вопроса, идентичен ли наш столб и ему подобные тому, который сфотографирован Эрдманом. Но если это и так и к нашему трезубцу прикреплялись бронзовые человеческие головы, то они представляли собой субститут настоящих, т. е. тоже представляли жертвы. Птица — стервятник — также участник жертвоприношения. Наконец, последняя группа животных — змеи, хамелеон, павиан — характеризуются особым ореолом таинственности, связью с потусторонним миром. Здесь следует привести одно очень интересное сообщение Тальбота. Описывая представления о загробной жизни у племен Южной Нигерии, он сообщает о распространенном веровании, будто умершие предки, впредь до нового рождения, проводят время среди священных деревьев в образе птиц, змей и четвероногих, а также в образе рыб в реках⁵⁰. Излюбленными воплощениями предков, повидимому, были те животные, которые в силу своих особых свойств, как быстрота движений, неуловимость, смена окраски и т. п., окружались ореолом таинственности. Такими и были змеи, хамелеоны, ящерицы, птицы, обезьяны, антилопы, крокодилы, рыбы. Мы имеем основания предположить, что изображенные на нашем и ему подобных памятниках пресмыкающиеся и животные представляют предков. Это соответствует и сообщению Тальбота о том, что в Нигерии «плодородие, урожай и т. п. главным образом приписывались деятельности предков, и им совершались главные жертвоприношения как на празднествах вкушения нового ямса, так и во время его посадки». Объяснение изображений рептилий и некоторых четвероногих как предков помогает понять присутствие изображений этих существ над подставках бенинских бронзовых голов умерших царей. Очевидно, эти животные представляли как бы генерализованную категорию умерших предков в отличие от изображений отдельных конкретных предков.

Из описания Бэкона мы знаем, что каждому умершему королю была посвящена особая площадка, и один из участников карательной экспедиции, Рупель, составил план такой площадки, помещенный в книге Линг Рота⁵¹. Кроме большого алтаря под навесом на одном конце этого двора на плане отмечена в центре точка, обозначенная как «маленький круглый глиняный алтарь». Ни в одном описании мы не находим сообщения о наличии такого второго алтаря или о совершавшемся перед ним обряде. На плане, составленном Сирилем Пенчем⁵², и в его описании, наоборот, точно указывается, что обряд жертвоприношения совершался непосредственно перед алтарем под навесом, а на площади двора размещались участники церемонии — придворная знать. Сопоставление этих данных приводит к заключению, что на отмеченном на рупелевском плане холмике устанавливался исследуемый нами столб и ему подобные.

По мере усложнения культа возникла потребность в освящении и оформлении, наряду с сакральным фокусом — главным алтарем — всей

⁵⁰ Talbot, *Op. cit.*, vol. II, p. 301.

⁵¹ Ling Roth, *Op. cit.*, p. 184, Fig. 180.

⁵² *Ibid.*, p. 83, Fig. 87.

ритуальной площадки. Вся территория двора таким путем как бы превращалась в храм, где, кроме основного объекта культового обряда стало нужно и побочное культово-декоративное оформление в виде массивного столба с изображением комплекса жертвенного ритуала.

Датировка исследуемого памятника определяется его стилем и техникой литья, а также упоминаниями в источниках. Как мы уже указывали, столб и помещенные на нем фигуры выполнены очень грубо, отливка очень слаба, чеканка отсутствует. Все это свидетельствует о рождении бенинского искусства эпохи расцвета.

Отсутствие упоминаний о таких столбах в ранних описаниях и сообщение о них в самых поздних совпадают с характеристикой художественного стиля и техники и позволяют датировать наш столб серединой XIX в.

Описанный нами памятник хорошо иллюстрирует интенсивное развитие умиловительного культа и большое усложнение ритуала государственной религии, окружавшей сакральным ореолом бенинскую варварскую деспотию.



ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. В. СТЕПАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ б. РУССКИХ ВЛАДЕНИЙ В АМЕРИКЕ

К 30—40 гг. XIX в. относится расцвет этнографического изучения той части Аляски, которая носила название «Русской Америки». Этот расцвет был недолог. К концу 40-х гг. интерес к американским колониям со стороны Российско-Американской компании заметно снижается. «Амурский вопрос» получает большее значение; его обсуждают в особом правительственном комитете. В 1846 г. Российско-Американская компания посылает бриг «Константин» для обследования проходимости судами устья Амура. Центр тяжести этнографического изучения переносится с Аляски на Амур.

Историческим фоном этнографического изучения Аляски в 20—40-х гг. служила политическая борьба за ее обладание. В эти десятилетия последние белые пятна на политической карте Аляски исчезали и заменялись цветами Британии и России.

По поводу британской экспедиции Дуи и Симпсона, отправленной «Компанией Гудзонова «залива» на соревнование с экспедицией на байдарках А. Кошеварова по изучению арктического побережья Аляски, Н. Полевой писал: «Любопытство было сосредоточено в один вопрос при известии о новой экспедиции, предпринятой русскими, вопрос, чей флаг прежде, русский или британский, возвеет на неизвестном доселе северо-американском прибрежье»¹.

Нельзя не связать этот подъем интереса к этнографическому изучению Русской Америки в 30—40-х гг. XIX в. с общей тенденцией к этнографо-статистическому изучению Российской империи, характерной для периода подготовки переписи 1838 г. Это движение возглавлялось Академией Наук, а позже, с середины 40-х гг., Русским Географическим обществом.

Прикладной и справочный характер этнографических сведений отразился в руководящих академических программах того времени (см. инструкцию, данную Кастрену академиками Кеппеном и Шегреном). «Политическая антропология» Кеппена нашла применение при изучении русских колоний в Америке как в неопубликованных материалах самого Кеппена, так и в работах Ф. П. Врангеля и К. Т. Хлебникова. Нами обнаружено несколько ненапечатанных заметок Кеппена по народам

¹ Окончательное обозрение северных берегов Америки Дуи и Симпсоном — «Сын Отечества», 1839, № 6, стр. 83.

Русской Америки («Колоши», «Алеуты», «Кадыякцы», «Американцы»), а также статистические сводки по народностям Русской Америки, помещенные в опубликованных материалах переписи 1838 года.

В 30—40 гг. вышел в свет большой сводный труд по русскому этнографическому изучению Аляски², составленный Ф. П. Врангелем и отредактированный акад. К. М. Бэр. В этом труде этнографическое изучение Русской Америки было сопоставлено с общей американистикой того времени (Pickering, Galatin, Morton) и ее дальнейшим развитием. В своих антропологических высказываниях акад. Бэр примыкал к полигенетизму.

Отметим своеобразные пути, которые обрели русские исследователи Аляски. Описания морских путешествий XVIII и начала XIX в., в которых этнографические записи носили в значительной степени лишь мемориальный характер, только фиксировали известные впечатления, перестают удовлетворять новые запросы и лишь по традиции продолжают кое-где сохраняться как метод исследования. В этом отношении сыграла важную роль состоявшаяся в конце 20-х гг. XIX в. экспедиция Литке — Станюковича — Мертенса, давшая уже более планомерные материалы, положившие начало систематизации этнографических сведений по северо-востоку Азии и северо-западу Америки. Местная, аляскинская этнографическая традиция складывалась в эмпирических трудах русских миссионеров, работавших в Кадыкской миссии (Иосиф Болотов, иеромонахи Герман, Гедеон и др.) и в работах русских промышленников и служащих Российско-Американской компании (Иванов, Глазунов, Калмыков и многие другие). Большинство этих работ носило нарративный, повествовательный характер, традиционно сохраняло накопленный опыт при рассмотрении местного материала по коренному населению Аляски.

Нельзя не отметить влияния ученых мореплавателей (А. К. Этолин, И. Я. Куприянов и особенно Ф. П. Врангель) и академических ученых (Постельс, Мертенс, Бляшке и др.), а также влияние передовой московской и петербургской журналистики (Николай и Ксенофонт Полевые, С. Спасский и др.), интересовавшейся американскими владениями России. Влияние это во многом способствовало формированию научной среды того времени как на Аляске, так и на северо-востоке Сибири.

Старожилом и летописцем Российско-Американской компании был К. Т. Хлебников (1776—1838). Его роль в этнографическом изучении Аляски осталась недооцененной; ему удалось опубликовать лишь небольшую часть своих многочисленных наблюдений. «Вероятно, в бумагах его найдется много любопытного и неизвестного... Мы видели у него богатые запасы сведений по истории Русской Америки и русских путешествий, которых не находил он времени привести в порядок. Записи о своих собственных путешествиях составляли у К. Т. большие портфели» — писал Н. Полевой в некрологе Хлебникова, помещенном в «Сыне Отечества» за 1838 г.

Взгляды Хлебникова на этнографическое изучение северо-западных окраин Америки (а равно народов Америки вообще) разбросаны в его трудах в журнале «Радуга», в «Материалах по заселению берегов Восточного Океана», в оставшемся во многих частях неопубликованном «Историческом и статистическом обозрении российских владений в Северо-Западной Америке и на островах Алеутских».

В большинстве своем оригинальные суждения Хлебникова обнаруживают его широкое знакомство с зарубежной этнографической наукой того времени (А. Гумбольдт, Фр. Шлегель и др.), к взглядам которой он в некоторых случаях примыкал сам.

² Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches, I, St. Petersburg, 1839.

«Может быть, только на островах Алеутских и материке берега, лежащего во владениях России,— писал К. Т. Хлебников,— мы видим первобытных жителей Америки такими, как они были; между тем как на островах Антильских не осталось и следов их; а на материке Испанской Америки в городах и селениях видна только смесь первобытных аборигенов, а сами они если и остались где, то скрываются на неприступных вершинах гор».

Близко примыкает к Хлебникову как по научной преемственности, так и по принадлежности к «купеческой» группировке внутри Российско-Американской компании крупнейший этнограф Русской Америки, миссионер И. Е. Вениаминов (1797—1879), впоследствии Иннокентий, митрополит московский и коломенский.

Помимо мелких статей, он является автором большого труда «Записки об островах Уналашкинского отдела». «Записки» служат до сих пор единственным источником познания социального строя алеутов и тлинкитов. В ряде случаев, в особенности при описании военной организации алеутов, занимающем большое место в его труде, И. Е. Вениаминов прибегает к методу реконструкции, так как русская колонизация уже в XVIII в. разрушила военный строй алеутов. Примыкая в своих воззрениях на антропологию к поздним работам Блюменбаха и антропологическим трудам де-Винсена, Вениаминов находил в этом удовлетворение своей склонности к естественным наукам, приводившей его нередко к грубоватому натурализму, а позднее, в 50-х гг., к взглядам, близким к русскому позитивизму того времени.

В 30—40 гг. XIX в. в связи с падением морских промыслов (ловля котиков и пр.) и поисками новых экономических ресурсов Российско-Американской компанией начинается изучение пушных промыслов во внутренних областях Аляски, особенно районов распространения речного бобра. К этим же десятилетиям относятся исследования чукотского торгового посредничества между жителями материков Азии и Северной Америки. Устройство торговых факторий и посылка экспедиций, имевших целью торговую разведку (Малахов, Глазунов, Лукин, Калмаков и др.) в глубинной Аляске, способствовали накоплению этнографических материалов, главным образом по расселению, хозяйственной деятельности и межплеменному обмену аборигенов.

Не оценена в полной мере и экспедиция Л. Я. Загоскина (в 1842—1844 гг.), открывшего и обследовавшего нижнее течение р. Юкона и Юконо-Кускоквинское междуречье. Несомненно, был известный параллелизм в задачах русской «пешеходной» экспедиции Загоскина и экспедиции «английского пешеходца» Джона Кокрена по изучению чукотско-эскимосской торговли. Труд Загоскина — классический образец полевого исследования. Наряду с подробным описанием взаимоотношений хозяйственно и социально неоднородных мелких эскимосских и атапасских групп работа Загоскина содержит немало весьма тонких и детальных наблюдений, во многом превосходящих данные современных специальных исследований.

Материалы местных морских экспедиций 20—30-х гг. вдоль Берингоморского побережья Аляски (Устюгов, Хромченко, Васильев и Кашеваров), забытые и в значительной части не опубликованные, до сих пор не вошли в полной мере в научный обиход. Между тем, содержащиеся в них ценные данные позволяют дать новое освещение многим сторонам социальной организации эскимосов Берингоморья. Таковы материалы по эскимосам р. Кускоквина — кускоквидмутах (женский дом, роль шаманов, обряды инициации и пр.).

В собирании этнографических коллекций большая заслуга принадлежит зоологу И. Г. Вознесенскому (1816—1871). Благодаря его организационным способностям и чутью коллекционера было создано значи-

тельное по размерам и исключительное по качеству вещевое собрание по Русской Америке для Академии Наук. Сборы Вознесенского являются и ныне преобладающей частью коллекций по Северной Америке Музея имени Петра Великого при Институте этнографии Академии Наук.

Помимо этих работ, отдельные наблюдения разбросаны в очерках К. Ротчева о Северо-Западной Америке, написанных в стиле «чувствительных путешествий», в «Путевых заметках» Маркова об острове Ситхе и Кадыске, Ахиллы Шабельского о Ситхе, Костромитинова и Завалишина о Калифорнии и др.

В американской литературе последнего времени, в связи с ростом историко-этнографического направления появился ряд работ, посвященных истории этнографического изучения Аляски и ее первоисследователям. Однако недостаточное знакомство американских авторов с русскими источниками приводит к тому, что эти авторы ставят во главу второстепенных американских исследователей Аляски 50—60-х гг. Такова, например, работа James Alton³, описывающая разведки, предпринятые американцами накануне покупки ими русских владений в Аляске — Kannicot (1859—1869), Bennister (1863—1866).

Имена Хлебникова, Вениаминова и Загоскина должны занять подобающее место в истории русской этнографии. В связи с этим заслуживает упоминания роль русской этнографической науки, сделавшей большой вклад в изучение Алеутских островов и низовьев р. Юкона и положившей основу для исследования других частей северо-западного побережья Аляски и прилегающих к ней островов. Напомним слова крупнейшего авторитета в области исследования Аляски Алеша Грдлички в его посмертном труде «Alaska Diary»⁴. «Perhaps a century or several centuries ahead, if a copy of these records survives, they might prove as interesting to the workers of that time as similar Russian notes on Alaska are to us».

³ James Alton, The first scientific exploration of Russian America and the purchase of Alaska, «Northwestern University Studies in the Social Sciences», 1942, No. 2.

⁴ Lancaster, Pennsylvania, 1944, p. XIII.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ АВТОРЕФЕРАТЫ

Г. И. КАРПОВ

К ИСТОРИИ ТУРКМЕН АЛИ-ЭЛИ (АЛА-ЭЛЬ)

В Каахкинском районе Туркменской ССР, в девяти аулах проживают потомки одного из древних туркменских племен, носившего название али-эли. Публикуемые в настоящей заметке сведения по истории и этнографии али-эли могут послужить материалом для исследования этногенеза как этого племени, так и всего туркменского народа.

а) Устные народные предания о происхождении али-эли

Хал-Непес Юзбаши и Хал-Назар Атаев, жители аула Юз-баши, и Кыз-Биби из аула Он-беги, сообщили нам следующие предания¹ об истории своего племени.

Задолго до прихода в Среднюю Азию Чингис-хана в крепости Ходжам-кала, находящейся на территории теперешнего Кары-Калинского района, жили со своими людьми несколько братьев; они часто ссорились между собой. Однажды пришел к ним Кары-Алов-пир и сказал: «Все вы сыновья одного отца, но согласия нет между вами, а есть разногласие — «ала» (пестрота), поэтому с нынешнего дня вы будете кочевать; остановки во время ваших кочевков будут продолжаться не больше семи дней. Вас будут грабить, но ваших людей брать в плен не будут». Отсюда и утвердилось название за нашим племенем «ала-эль» (пестрый народ). Хотя наше племя и называют теперь али-или, но это не верно, мы никогда не были народом (элем) пророка Алиа, и имя его среди нашего народа не в таком большом почете, как у персов-шиитов.

Когда наши предки узнали о приходе монголов, они ушли в Иран и поселились около крепости Дарагез², где прожили много лет. Хивинский хан Мадамин³ пришел в Дарагез и насильственным путем переселил ала-элинцев в Хиву; но незадолго до прихода русских войск в Хиву ала-элинцы откочевали обратно в Иран, в тот же район Дарагеза; в Хиве остались 60 домов из рода Юз-баши.

Дарагезский правитель Аллаяр-хан⁴, невзирая на то, что наш народ разорился за время переселения из Хивы, стал требовать от ала-эли большие налоги. Но когда сборщик, джигит Аллаяра, прибыл собирать «дженнек»⁵, то один ала-элинец, который не в состоянии был платить дженнек, ранил джигита в ногу, сказав: «Убирайся от нас, подати платить мы не будем». После такого случая с джигитом наши люди перепугались и, боясь тяжелых последствий, сели кто на лошадей, кто на быков или на осликов и откочевали в соседний Тедженский район, в места, подчиненные келатскому губернатору — иранцу, который освободил ала-элинцев от уплаты податей сроком на три года. Из Теджена наши старики отправили послов к хивинскому хану Сеид-Мохаммеду⁶ с просьбой о помощи. Хан прислал 60 конников, с которыми ала-элинцами было заключено соглашение о переселении наших людей в Хиву с уплатой им за хлопоты восьми тысяч «тилля»⁷. Прибывших в Хиву поселили в местности Кызыл-Такыр-апач, а те 60 домохозяев ала-элинцев, которые раньше остались в

¹ Собранные сведения относятся к 1923 и 1931 гг.

² Дарагез Абивердский (Дереджез) находится на территории Ирана на границе с Каахкинским районом ТССР.

³ Мухаммед-Эмин (1845—1855).

⁴ Повидимому, Аллаяр-хан, каджар, дарагезский губернатор, управлявший этой крепостью в 1870-х годах.

⁵ Дженнек (правильнее: дах-ек) — $1/16$ урожая.

⁶ Сеид-Мухаммед-Рахим-хан хивинский (1865—1910).

⁷ Хивинский тилля равен 3 руб. 60 коп.

Хиве, были поселены хивинским ханом на правом берегу Аму-дарьи, в районе Турткуля⁸.

После прихода русских в Хиву и наложения генералом Кауфманом большой контрибуции на хивинских туркмен наши старики, посоветовавшись между собой, решили уйти обратно в Иран. Возле Теджена, в местности Арвах-Ямпуки переселенцев встретили 15 человек текинцев, которые пригласили к себе наших старейшин для переговоров. Пока шли переговоры, появились еще несколько вооруженных текинцев, из рода Даш-аяк, во главе с Овез-Кули, сардаром безмеинским; они окружили переселенцев и предложили им сдать оружие и всех верблюдов, а самим следовать дальше, искать себе места для жительства. Передав Овез-Кули-сардару имеющееся оружие и 850 верблюдов, ала-элинцы пошли на свои старинные места в Тезе-Бавард и Бабаджик; дети, старики и старухи были ими брошены в песках, не на чем их было везти. Несколько дней спустя, по просьбе ала-элинцев, даргаезский губернатор оказал им помощь, и люди, оставшиеся в песках, были перевезены в Тезе-Бавард и Бабаджик⁹.

Наше население не принимало участия в борьбе русских войск с текинцами (1881), поэтому, когда русские пришли к нам в район Атека, ала-элинцы приняли подданство русского царя и вышли из-под власти даргаезского и келатского губернаторов — иранцев. Но когда наши люди стали подданными России, начальник Закаспийской области генерал Комаров утвердил над нашими людьми в качестве старшаны и хана Овез-Кули-сардара, того самого, который, как мы упоминали уже, отнял у нас оружие и верблюдов. По туркменскому обычаю, вновь назначенный управитель устраивает для населения «ходай-блы» — жертвенное угощение: режет несколько баранов, варит шурпу (мясной суп), посылает джарчи (глашатая) для приглашения людей на «той» — празднество. Так поступил и Овез-Кули-сардар; но никто из ала-элинцев не пошел к нему на праздничный обед. Люди говорили: «Все богатство Овез-Кули-сардара состоит из награбленного, из слез наших сирот, поэтому оно «харам» — поганое; но после того как наши люди, по обычаю, трижды ограбят Овез-Кули-сардара, все его имущество очистится от «харам», и мы, конечно, пойдем к Овез-Кули-сардару на обед, его пища для нас будет дозволенной». Овез-Кули-сардар, узнав или просто догадываясь о причине отсутствия на обедах у него ала-элинцев, разрешил им трижды ограбить себя, вторично устроил «ходай-блы» и вторично пригласил наших людей; они пошли, примирились таким путем с Овез-Кули-сардаром и не протестовали против назначения его управителем вновь образованного Каахкинского района...

Ала-элинцы считают себя близкими родственниками племени «карадашлы» (бывшие языри) и называют людей этого племени «карындаш».

Второе предание, записанное аспирантом Нурли-Дурды-Мурадовым в 1946 г. со слов старика Нури-Кара-оглы, ала-элинца из рода Юз-баши, колена Каркын¹⁰, гласит:

Нашими близкими родственниками, с давних времен, считается народ туркменского племени карадашлы. Предок карадашлы дал свою руку святому Языру¹¹ и стал его последователем — суфи; предком ала-элинцев был Юлдуз-хан, сын Огуз-хана, он дал свою руку святому Кары-Алов-пир и стал его последователем. Кары-Алов-пир выдал Юлдуз-хану петтен (грамоту, разрешение), в котором было указано, что ала-элинцы могут брать себе в жены и из других племен, но своих дочерей не должны отдавать замуж в другие племена; ала-элинцы до сих пор так и поступают. В петтене было также записано, что ала-элинцы долго жить на одном месте не будут, а через каждые семь лет¹² они должны переселяться; это второе предписание, добавляет рассказчик Нури-Кара-оглы, наши ала-элинцы тоже строго выполняли в прошлом и выполняют его до сих пор; правда, за последние годы в далекие места мы не уходим, но внутри своего аула или в соседний аул мы переселяемся через каждые семь лет; но если и такого рода переселение по каким-либо причинам не удастся, то мы прорубаем новый ход в нашем доме, а старую дверь забываем наглухо или превращаем ее в окно; это тоже считается у нас переселением.

Приведенным ограничиваются предания ала-элинцев о происхождении своего племени; правда, существует в народе еще версия, говорящая о том, что ала-элинцы ведут свое начало от дяди пророка Мухаммеда — Ашир-Хамзы; но чем больше существует версий о происхождении одного и того же рода или племени, тем убедитель-

⁸ Турткуль (Петро-Александровск) — бывшая столица Кара-Калпакской АССР.

⁹ Во время пребывания ала-элинцев в Хиве их джигиты в числе других, по приказу хана хивинского, несколько раз принимали участие в набегах с целью грабежа на тедженских туркмен. Поэтому предъявленное тедженцами требование о сдаче оружия и верблюдов явилось мстостью за понесенные в прошлом убытки — см. «Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. II, М.—Л., 1938, стр. 529, 531 и др.

¹⁰ По Рашид-ад-дину, племя «каркын» относится к союзу туркмен-огузов, его правому крылу, к линии Юлдуз-хана («Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. II, стр. 495).

¹¹ Племя языри ныне называется карадашлы.

¹² а не семь дней, как гласит первое предание.

нее подтверждается этническая пестрота «кровнородственных союзов». Последнее применимо, как увидим ниже, и к ала-элинцам.

Наша информаторша Кыз-Биби почиталась среди ала-элинцев знатоком преданий и к тому же являлась «хранительницей святых вещей» упомянутого Кары-Алов-пира. К ней в праздники совершали паломничество старики и старухи, «чтобы приложиться к святым вещам пира», но в 1930-х гг., как передают ала-элинцы, в связи с коллективизацией и повышением материального и культурного уровня колхозного крестьянства оскудели доходы у Кыз-Биби; число паломников крайне уменьшилось, и она ушла в Иран в поисках новых почитателей вещей Алов-пира; однако у нее, по словам ала-элинцев, на руках не было седжере (паспорта, родословного дерева), говорящего о принадлежности святых вещей Кары-Алов пиру, и поэтому ей не разрешили собирать людей для поклонения им. Вскоре Кыз-Биби умерла в Ираке.

б) Письменные источники об ала-элинцах

Самое раннее упоминание о туркменском племени али-или (ала-эль) мы находим у хивинского историка Абульгази-Богадур-хана (1643—1663), а его «Родословный туркмен»¹³. В этой родословной в разделе VII, говорящем о «племенах, присоединившихся к туркменам», Абульгази к числу последних относит племена: эски, хызыр, тиведжи, кара-ойли и др., среди которых по его словам, были и предки ала-элинцев. По данным, основанным на «Огуз-наме» — преданиях, распространенных во времена Абульгази, ала-элинцы произошли от раба, принадлежавшего Мама-Бике, дочери Эрсари-баба¹⁴. У этого раба (имя не приводится) было четыре сына: Хызыр, Али, Ик-бек и Кашга.

«Али-Джуре, — говорит Абульгази, — подобно старшему брату, поселился на берегу Аму-дарьи и разбогател. Около него поселились бедняки и голытьба из туркмен и узбеков. Всех их называют али-или (племя али). Из племени али одно отделение, называемое могульчик, происходит от Али-Джуре. Их страна была по обе стороны Аму, от Кара-Кичита до Актама» (Актам — около Балхан). От старшего брата Хызыра, по словам Абульгази, произошло племя хызыр-или; от этого племени происходит отделение кутляр. От третьего брата, Ик-бека, произошло два отделения куллар и джагатан-куллар. От четвертого — Кашга-джуре произошло племя кара-ойлю, потомки которого жили близ Аджи-Тенгиз¹⁵, на берегах Аму.

Из приведенных сведений о «племенах, присоединившихся к туркменам», хотя и полулегендарных (в части происхождения племен), видно, что племена али-или (ала-эль), хызыр-или, кутляр и куллар¹⁶ во времена Абульгази жили «по обоим берегам Аму-дарьи» прежнего русла до впадения ее в Каспийское море.

До последнего времени потомки двух племен — хызыр-или и кутляр располагались в районах Чарджоуской области и в Каракульском районе Узбекской ССР¹⁷, потомки кара-ойлю (жара-эль, или кара-или) встречаются в различных местах в низовьях Аму-дарьи, в Хорасане и др. Часть ала-элинцев проживает в Каахкинском районе ТССР; часть их в числе трех тысяч кибиток проживала в районе Андхоя, в Афганском Туркестане¹⁸; в Хорезме ала-элинцы располагались в XIX в. в районах Камлуд-кала, Кызыл-Тажыре, Хазараспе, Булумсазе, на канале Клыч-Нияз-бай, где их соседями были авшары ассы, найманы, карадашлынды (языри)¹⁹ и др. У П. П. Иванова али-илинцы в большинстве случаев, по хивинским документам, названы ала-эли²⁰, что соответствует народному преданию и вытекает из приведенного выше сочинения Абульгази, говорящего о том, что племя али-или сформировалось из узбекской и туркменской голытьбы, т. е. получился смешанный, пестрый состав (ала, алача). Необходимо также отметить, что ала-элинцы во время их нахождения в Хорезме расселялись в тех же, примерно, местах, где проживали потомки двух огузских племен: алка-белюк и кара-белюк²¹; род под названием «Алабелюк» имеется также и в составе хивинских узбеков²².

¹³ Абуль-Гази-Богадур-хан, Родословная туркмен, 'Асхабад, 1897.

¹⁴ Эрсари-баба жил в XIV в. См. В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 44.

¹⁵ Аральское море.

¹⁶ Хызыр-или известны еще под названием хдыр-или, а кутляр под названием кут. С. П. Толстов в хызыр-элинцах склонен видеть потомков эмигрантов, пришедших в Хиву в X в. с Волги («Советская этнография», 1946, № 2, стр. 93). Предположение не лишнего интереса и может пролить свет на построение генеалогии племени хызыр.

¹⁷ «Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. II, стр. 324, 422.

¹⁸ А. Вамбери, Путешествие в Бухару, СПб., 1865.

¹⁹ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, Л., 1940, стр. 54, 60, 173, 177, 187.

²⁰ Там же, стр. 76, 83, 92, 153.

²¹ Ср. «Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. II, стр. 353; т. I, стр. 494, 495; В. В. Бартольд, Указ. работа, стр. 28.

²² Сборн. ИВАН, т. VII, 1935, раздел, относящийся к истории Кара-Калпакии.

В одном из упоминавшихся письменных источников говорится, что в 1538—1539 гг. ала-элинцы проживали в Хиве, в районе Хазараспа, но в 1598 г. они вместе с джеллаирами «составляли часть населения Мерва и его области»; они также «имели свои юрты в областях Несы, Дуруна и Багабада»²³, возможно, что в этих двух районах жили отдельные группы ала-элинцев, территориально не связанные между собой. При проведении административной реформы в хивинском ханстве (1646) Абульгази-хан, автор упоминавшейся «Родословной туркмен», присоединил ала-элинцев и джеллаиры к узбекскому племени кыят, которое, видимо, проживало по соседству с ала-эли и джеллаирами²⁴, скорее всего с теми, которые жили в районе Мерва.

Проследивая сведения по доступным нам письменным и устным источникам, говорящим или упоминающим о туркменах ала-элинцах, выясняем, что большинство последних в период XV—XIX вв. имело соприкосновение с туркменскими племенами огузской группы: авшарами, язырами (карадашлы), алка-ойлю, а также с племенами, образовавшимися после монгольского завоевания: текинцами и тиведжи; на среднем течении Аму-дарьи ала-элинцы жили вместе с сакарами — отделением сия-даг-сакары²⁵, которые, по Абульгази, раньше назывались «арай-ойлю-хелиль». Они по его словам, являются «потомками Кашга-Джуре». По нашим сведениям, сия-даг-сакары пришли в Чарджоу с низовьев Аму-дарьи. Один из наших рассказчиков Хал-Назар Атаев, бывавший среди сакаров Саятского района Чарджоусской области, сообщил нам, что сия-даг-сакары считают себя близко родственными ала-элинцам и что у сакаров имеются роды, носящие такие же названия, как и у ала-элинцев, например, «Каркын» и «Кыпчак».

в) О родовом делении ала-эль, их численном составе и расселении

Выше упоминалось лишь одно отделение ала-элинцев, которое Абульгази называет «могульчик». В современном перечне родовых делений той части али-эли, которая проживает в Каахкинском районе, могульчик отсутствует. Возможно, что этот род обособился, приобрел другое наименование, что часто случалось со многими туркменскими родами и даже племенами. Можно также предположить, что род могульчик ныне находится на территории Афганистана.

По данным наших рассказчиков, ала-элинцы, проживающие в девяти аулах и крепостях Каахкинского района, делятся на два (основных) рода: Он-беги и Юз-баши, каждый из которых имеет по четыре колена, в таком порядке²⁶:

Род	К о л е н о	Количество хозяйств в каждом колоне (данные 1930 г.)
Он-беги	Ай-теракеме	Неизвестно
	Мовдуг-пакка	280
	Оучи-Дуузчи	200
	Джин-Джинны-гява	Неизвестно
Юз-баши	Юз-баши-Келегейли (или Безмеинли) . .	120
	Немесли-Касими	103
	Каркын	80
	Кыпчак	70

Кроме перечисленных восьми колен, имеются еще несколько более мелких подразделений, а именно: по линии Он-беги — Герре, Гок-куметли, Ялан-ашляр, Али; по линии Юз-баши — Касабляр, Мегенли, Чиллер, Чапанляр, Чарыкляр и др. Из них пакка и аи присоединились к ала-элинцам из рода Нохур (Бахарденский район ТССР), а каркын и касыми присоединились во время нахождения ала-элинцев в Хиве. До присоединения к ала-элинцам эти два колена, по словам стариков, входили в состав карадашлинского (язырского) племени.

Некоторые названия родовых и более мелких делений повторяются и в ниже показанных туркменских племенах.

²³ См. «Материалы по истории Туркмени и туркмен», т. II, стр. 60, 92, 99 и сл. Абульгази в указ. труде говорит, что адаклы-хызыр, али-эли и тиведжи, т. е. «учили», располагались по Узбою до Балханских гор.

²⁴ «Материалы по истории Туркмени и туркмен», т. II, стр. 328.

²⁵ О сакарах см. «Известия ТФАН», 1947, № 1—2.

²⁶ Симметричность в делении туркменских племен, особенно огузского союза, была уже отмечена С. П. Толстовым (см. «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 9—10, стр. 8 и сл.); показательна в этом отношении структура племени ала-эль.

У ала-элинцев

В туркменских племенах

Каркын

самостоятельное племя в Керкинском районе и род у теке и эрсари

Кипчак

род у племени караул; название аула — «Кипчак» — у текинцев

Немесли

род у йомутов

Юзбаши

род у мурча и нохурцев

Мовдут

род у карадашлы

Пакка

род у эрсари; покон у теке и пеккей у карадашлы и эмерли

Из сравнения приведенных родовых названий видно, что та часть ала-элинцев, которая расселена в Каахкинском районе, имела в прошлом связь с туркменскими племенами карадашлы (языри), нохурли, эмерли, эрсари, каркын и с кипчакским юртом (команы, половцы). Сравнение родовых названий и некоторые данные письменных источников приводят к следующим выводам:

а) Племя ала-эли возникло в огузско-туркменский период (VI—X вв.), оно являлось частью этого союза племен и относилось к правому его крылу («бузук»). Такое предположение вытекает еще из того, что племена алкыр-эвли, кара-эвли, языр (карадашлы), авшар и каркын, с которыми ала-элинцы имели территориальную общность, принадлежали именно к правому крылу огузского союза;

б) Племя ала-эли, таким образом, генетически сближается с туркмено-огузскими племенами каркын, алка-эвли (алкыр-эвли) и с кипчаками (команами, половцами); по соседству с кипчаками ала-элинцы жили продолжительное время. С потомками туркмено-огузского племени языр (карадашлы ала-элинцы считают себя «близко родственными»);

в) В преданиях ала-элинцы (по линии каркын) своим «предком» называют Юлдуз-хана, сына Огуз-хана, от которого, по Рашид-ад-Дину (XIII—XIV вв.), произошли племена: авшар, бекили, каркын и каркын. С авшарами как показывают наши источники, ала-элинцы жили по соседству как в Хиве, так и на территории современного Каахкинского района, вблизи крепости Беверд (Бавард, Абиверд); из племени каркын одно отделение вошло в качестве «колена» в род Юз-баши племени ала-эли; но оно носит название своего племени — «каркын», не утрачивая чувств родства с представителями последнего.

г) За последний исторический отрезок своего существования (XVII—XIX вв.) племя ала-эли пополнилось посторонними этническими элементами, главным образом иранскими. В то же время от него территориально обособились близкие ему в прошлом родовые группы: кзыр-или, кара-бйло, могульчик, кутляр, сия-даг-сакары, тиведжи мехинли и др.

В настоящее время туркмены ала-эли живут компактной массой в Каахкинском районе Туркменской ССР в следующих девяти аулах: Юз-баши, Он-беги, Кара-хан, Хива-Абад, Киштан, Арчиньян, Курен-кала, Араб-кала в Араб-Кяширляр-кала; последние два аула возникли после завоевания Закаспия русскими войсками (1881—1885), причем аул Араб-Кяширляр-кала заняли представители Юз-баши путем выделения из этого рода по одному из каждого трех хозяйств; аул Араб-кала заняли представители рода Он-беги по тому же принципу; Курен-кала заняли представители от обоих родов. Большинство ала-элинцев, однако, проживают в аулах Юз-баши и Он-беги.

Небольшое число хозяйств ала-элинцев осталось в Хивинском оазисе, в Ильялинском районе Ташаузской области. Родовая принадлежность и численный состав ала-элинцев, проживающих в этом районе, нами пока не выяснены. Неизвестны нам также численность и родовая принадлежность ала-элинцев, проживающих на территории Афганистана, о которых упоминает Вамбери. Опрошенные нами старики ала-элинцы о своих афганских собратьях сообщают кратко: «число наших каахкинских ала-элинцев, по сравнению с афганскими, — капля в море; живут они там в приграничной полосе, примерно от крепости Кушка до границ нашего Керкинского района».

По соседству с ала-элинцами живут в Каахкинском районе туркмены-теке. Они населяют аулы: Душак, Чаача, Ахча-тепе, Мияна (Мехне), Махмал-тепе, Кауку-Зеренг, Хосров-кала, Артык, Баба-Дурмаз (в последнем текинцы смешаны с представителями потомков арабов — шихами), Каушут, Даргана и Мамед-Ораз-кала; махтумчи, потомки арабов, занимают аулы: Кесе-Ули и Махтум-кала; ана-улинцы, выслелвшиеся из крепости Анау, занимают аул Чукур-кала; крепость Тезе-Хисар заселена иранцами; третья группа потомков арабов — род Ходжа (смешанно с текинцами) проживает в ауле Ходжа-кала и, наконец, в ауле Мехенли живут аборигены Атска, туркмены рода Мехин или Мехисини. Часть мехинцев проживает в Бахарденском районе ТССР, а часть, известная под названием «мейли», находится в районе города Ташауза (Хорезмский оазис).

23 июля 1946 г. Распорядительное заседание Президиума Академии Наук СССР утвердило Положение о премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. В 1947 г. материалы о выдвижении кандидата на присуждение премии Комиссией по премии должны быть представлены Президиуму АН СССР к 15 декабря. В последующие годы присуждение премии будет приурочено ко дню рождения Миклухо-Маклая — 17 июля; работы на соискание премии должны представляться за полгода до присуждения ее.

Ниже печатается текст Положения о премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая.

Утверждено на Распорядительном заседании Президиума Академии Наук СССР от 23 июля 1946 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О ПРЕМИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

1. Премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая присуждаются Президиумом Академии Наук СССР один раз в три года, начиная с 1946 г., за работы в области общей этнографии, этнографии Океании и Юговосточной Азии, этнической антропологии и географии Тихоокеанских стран. Размер премии 10.000 рублей.

2. Для рассмотрения и оценки работ, представляемых на соискание премий имени Н. Н. Миклухо-Маклая, при Отделении истории и философии Академии Наук организуется Комиссия по премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, избираемая Бюро Отделения истории и философии Академии Наук и Отделения геолого-географических наук сроком на 6 лет. Состав Комиссии утверждается Президиумом Академии Наук СССР. Комиссия для своей работы использует аппарат Бюро Отделения истории и философии АН СССР.

3. Премия имени Н. Н. Миклухо-Маклая присуждается: за оригинальные работы, законченные в период между конкурсами и имеющие крупное значение для развития этнографии, антропологии и географии в вышеуказанных областях.

4. Работы на соискание премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая представляются в Отделение истории и философии Академии Наук СССР с надписью «на соискание премии Н. Н. Миклухо-Маклая» не позднее чем за полгода до присуждения премии. Комиссия обязана рассмотреть работы и представить на утверждение Президиума АН СССР кандидатов на премию не позже чем за три месяца до присуждения премии.

Президиум Академии Наук присуждает премию имени Н. Н. Миклухо-Маклая в день рождения его, т. е. 17 июля.

Примечание: Для 1946 г. срок присуждения премии устанавливается особым постановлением Комиссии.

5. Премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая могут быть удостоены исключительно ученые труды советских граждан, их авторских коллективов и советских научных учреждений.

Работы могут представляться научными обществами, научными исследовательскими институтами, высшими учебными заведениями, ведомствами, общественными организациями и отдельными гражданами СССР.

6. Работы представляются на русском языке в 3-х экземплярах, отпечатанные на пишущей машинке или типографским способом. При этом обязательно представление кратких автобиографических сведений о кандидате с перечнем его основных научных работ и изобретений.

7. Заседания Комиссии по премиям имени Н. Н. Миклухо-Маклая созываются председателем Комиссии и считаются действительными при наличии не менее двух третей состава Комиссии.

8. Решения Комиссии по вопросам выдвижения кандидатов на премии принимаются простым большинством голосов закрытой баллотировкой. Протоколы Комиссии подписываются председателем и всеми присутствующими членами Комиссии.

Решения Комиссии по премиям имени Н. Н. Миклухо-Маклая вместе с заключением Бюро Отделения истории и философии Академии Наук СССР утверждаются Президиумом Академии Наук СССР, после чего делается публикация о присуждении премии.

9. Архив и дела Комиссии по премиям имени Н. Н. Миклухо-Маклая хранятся в Отделении истории и философии Академии Наук СССР.

10. Средства, необходимые для выплаты премий, а также на проведение экспертиз, на объявления в газетах и журналах и другие расходы включаются в смету Отделения истории и философии Академии Наук СССР.

11. О предстоящем конкурсе и о присуждении премий имени Н. Н. Миклухо-Маклая публикуется в «Вестнике Академии Наук СССР», в центральных газетах и в «Известиях» Отделения истории и философии и Отделения геолого-географических наук.

12. Если премированные работы не были изданы до присуждения за них премии, Академия Наук публикует их в своих печатных органах, в случае же затруднительности издания работ по техническим причинам, Академия Наук принимает меры к опубликованию премированных работ через соответствующие издательства.

На главном листе работы, удостоенной премии, делается надпись о присуждении премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая.

13. Решения по работам, удостоенным присуждения премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая печатаются в «Известиях» Отделения истории и философии и Отделения геолого-географических наук.

14. Если Комиссия по премиям признает, что ни одна работа из представленных на премию не заслуживает полной премии, то она входит с предложением в Президиум АН СССР о присуждении премии в половинном размере. Равным образом Комиссия вправе внести предложение разделить премию между двумя соискателями. Во избежание чрезмерного дробления премии, деление ее между тремя и более соискателями не допускается.

Примечание: Порядок и условия распределения премии, присужденной авторским коллективам и научным учреждениям, определяются этими коллективами и учреждениями.

15. При отсутствии работ, достойных премирования, конкурс считается состоявшимся.

Вице-президент Академии Наук СССР академик *И. П. Бардин*
И. о. Академика-секретаря Академии Наук СССР
Член-корреспондент АН СССР *Х. С. Коштоянц*.

ДИСКУССИЯ О ПРОБЛЕМЕ ЭКЗОГАМИИ

8 апреля 1947 г. в Институте этнографии АН СССР состоялось первое заседание вновь организованной группы общей этнографии (руководитель проф. С. П. Толстов), посвященное обсуждению проблемы экзогамии.

С. П. Толстов во вступительном слове охарактеризовал задачи, стоящие перед группой общей этнографии. В первую очередь внимание группы должны привлечь такие общие теоретические и методологические вопросы, входящие в пятилетний план работы Института и объединяющие интересы всех его территориальных и специальных секторов, как проблема первоначального расселения человечества, вопросы периодизации истории первобытного общества, проблема происхождения и истории экзогамии, характер эпохи патриархата, проблемы формирования основных этнографических делений человечества, вопросы происхождения государства и его древнейших, этнографически регистрируемых форм, происхождения и истории первобытной религии, и др. В план работы группы необходимо включить также обзоры новейших течений в зарубежной этнографии и критику реакционных направлений в этой области, особенно оживившихся за последние годы и до сих пор не получивших надлежащего отпора в советской этнографической литературе.

Вводный доклад М. О. Косвена был посвящен историографическому обзору развития проблемы экзогамии, начиная с доморгановских теорий, в основном объяснявших происхождение экзогамии обычаем похищения женщин (Мак Леннан, Леббок, Спенсер, Дарвин), и кончая современным состоянием этой проблемы за рубежом и в советской этнографии. Морган объяснял происхождение экзогамии стремлением избежать кровосмешения. Анализ системы родства привел Моргана к выводу, что развитие экзогамии шло по линии постепенного исключения из брачного общения кровных родственников. Энгельс внес в теорию Моргана значительные коррективы, указав на то, что первым прогрессом в области регулирования брачных отношений в кровнородственной семье было исключение из брачного общения родителей и детей. Ученик Моргана, Файсон, в книге «Камиларон и курнан» дал выразительный, ставший классическим, образец организации племени и брачных отношений — деление на две связанные перекрестным браком половины. Это дало Энгельсу возможность устано-

вить четкую картину развития экзогамии: в кровнородственной семье в первую очередь исключаются из брачного общения родители и дети, затем, на стадии группового брака — братья и сестры и далее — все родственники. Второй этап экзогамии предполагает запрещение общения между родителями и детьми как нечто уже существовавшее до возникновения рода и группового брака. В вопросе о происхождении экзогамии Энгельс далеко не полностью последовал за Морганом и очень осторожно объяснял ее «смутным стремлением ограничить кровосмешение».

Позиция Моргана, связанная с тезисом о начальном промискуитете, вызвала критику со стороны апологетов буржуазной реакционной науки и попытки найти новое объяснение экзогамии. Вестермарк, исходивший из мифической первобытной семьи, объяснял экзогамию отсутствием полового влечения у совместно растущих и воспитывающихся детей. Крупным этапом в истории проблемы экзогамии является выступление по этому вопросу Тэйлора. После того как Тэйлор открыл, что порядок, который он назвал дуальной экзогамией, ведет к постоянному кросс-кузенному браку, т. е. браку между близкими родственниками, стало ясно, что то или иное объяснение экзогамии не может пройти мимо этого факта. Однако последующие попытки истолкования происхождения и сущности экзогамии далеко не всегда это учитывают. М. О. Косвен дал затем обзор соответствующих «теорий» и высказываний Томаса, Робертсона, Смита, Кроули, Дюркгейма, Фрезера, Фрейда, Риверса, Малиновского и др. Что касается трактовки проблемы экзогамии в советской этнографической науке, то поскольку взгляды занимавшихся этой проблемой, в особенности С. П. Толстова, А. М. Золотарева и С. А. Токарева, хорошо известны, докладчик лишь напомнил о них присутствующим. В заключение своего доклада М. О. Косвен вынес на дискуссию следующие вопросы: 1) действительно ли вреден родственный брак? 2) каков источник отращения от инцеста? 3) каково происхождение экзогамии? 4) какова эволюция экзогамии? 5) если экзогамия является избеганием родственных браков, то как объяснить наличие родственных браков при дуальной организации и широко распространенный кросс-кузенный брак? 6) какова связь между экзогамией и тотемизмом? 7) существует ли связь между экзогамией и классификационной системой родства? 8) как объяснить с точки зрения функции экзогамии ее переход из материнской филации в отцовскую?

Содержание последовавших за докладом М. О. Косвена выступлений сводилось к следующему.

Ю. М. Лихтенберг. Вопросы о происхождении экзогамии нужно рассматривать в комплексе с проблемами происхождения классификационной системы родства, дуальной организации, брачных классов и др. Чтобы приступить к изучению этого круга проблем, необходимо установить характер взаимосвязи между этими отдельными социальными явлениями. Принцип обязательного брака, открытый Л. Я. Штернбергом, может содействовать разрешению вопроса о происхождении экзогамии.

Б. О. Долгих. Истоки экзогамии следует искать в противоречии биологических инстинктов человека и условий существования первобытной орды.

П. И. Кушнер. Только путем тщательного исследования материала, а не путем построений, основанных на психологическом рационализме, можно дать ответ на вопрос о происхождении экзогамии, хотя материал, доступный исследователю, представляет большие трудности ввиду его хронологической отдаленности. Для разрешения дискутируемой проблемы необходимы соединенные усилия этнографов, биологов и антропологов.

С. П. Толстов указал, что его взгляды на экзогамию, высказанные им в 1935 г. в статье «Пережитки тотемизма и дуальная организация у туркмен», требуют некоторого уточнения, (в частности, в этой статье им было переоценено значение пологового тотемизма), но в основных положениях остались неизменными. Возражая Ю. М. Лихтенбергу, С. П. Толстов подчеркнул, что брачные классы и род нужно рассматривать как исходное, а кузенный брак как производное явление. Нередко исследователи ошибочно рассматривают групповые (классификационные) термины родства как расширение индивидуальных (неточные формулировки такого рода есть и у Моргана, противореча духу его концепции). На деле первоначально индивидуальное родство вообще не осознается и не играет общественной роли. Поэтому, например, нельзя говорить как об исходной форме о «браке между перекрестно-двоюродными братьями и сестрами», а надо говорить о дуальной организации, поздним производным которой является кросс-кузенный брак в собственном смысле слова. Нельзя искать решение вопроса в исследовании поздних пережитков группового брака у такого высокоразвитого народа, как гилеки, которых лишь условно можно назвать народом первобытным. С. П. Толстов не согласен с мнением С. А. Токарева, А. М. Золотарева и Д. А. Ольдерогге, считающих, что экзогамия произошла от соединения двух родов на почве хозяйственного объединения, закрепленного перекрестными браками. Первобытному человеку было так же трудно дойти до закрепления хозяйственных отношений между коллективами путем взаимных браков, как и обнаружить вредные последствия кровнородственных браков. В книге Кроули «Мистическая роза», при всей неприемлемости его конечных выводов, собран огромный фактический материал по распространенности различного рода половых табу, и на основании этого материала можно заключить, что экзогамия является частным, хотя и наиболее важным случаем

полового табу. Наибольшее число таких половых запретов — табу связано с периодом наибольшей хозяйственной и общественной активности коллектива; для всех первобытных обществ в той или иной мере характерно разобщение полов в период общественной охоты, рыбной ловли, войны. Ленин в одном из писем к Горькому указал, что зоологические инстинкты первобытного человека обуздала не религия, а первобытное стадо, первобытная коммуна. Так как функция воспроизводства у людей распределена на весь год, то общественно нерегулируемые половые отношения в первобытном стаде должны были сопровождаться непрерывными конфликтами, тормозящими хозяйственную деятельность коллектива, и человеческое общество одним из первых своих действий было вынуждено обуздать зоологические инстинкты человека. В частности, инстинкт ревности. Насколько можно судить по археологическим данным, уже в верхнем палеолите возникает род с ним — вся система брачных запретов, важнейшим звеном в развитии которых является экзогамия. Если учесть, что исследованный М. О. Косвенном дислокальный брак является наиболее древней формой локальности брака, то можно легко объяснить смысл экзогамного брака и стремления вообще запретить половое общение в рамках своего хозяйственного коллектива.

Перейдя к вопросу о кровнородственной семье, С. П. Толстов присоединился к аргументам Риверса и Золотарева, позволяющим отвергнуть эту теорию как устаревшую: теория кровнородственной семьи основывается на существовании малайской системы родства, но из первобытных народов элементы этой системы имеются у тех, у которых родовые институты находятся в состоянии крайнего разложения: у полинезийцев и других, не говоря уже о китайцах. Отношения внутри полинезийской большесемейной общины (например маорийское гапу) точно соответствуют отношениям, отраженным в малайской системе родства.

Относительно поставленного М. О. Косвенном вопроса о переходе экзогамного запрета из материнской линии в отцовскую при переходе от матриархата к патриархату С. П. Толстов полагает, что этот переход осуществляется тремя путями: 1) происходит смена материнских норм отцовскими через формы билатеральности; счет по материнской линии играет все меньшую роль, в результате чего слабеет экзогамный патриархальный род, в котором, как правило, продолжают существовать некоторые пережитки матриархата; 2) создается так называемый неэкзогамный патриархальный род, при котором вся система половых запретов отрывается от рода, становится системой индивидуальных и также билатеральных запретов (кочевники Средней Азии, арабы-бедуны и др.); 3) материнский род распадается, а патриархальный род вообще не складывался (полинезийцы, вероятно, чукчи).

Н. А. Кисляков выразил сомнение по поводу необходимости выделять дислокальный брак как определенную стадию брачных отношений. Для Н. А. Кислякова остается неясным значение половых табу в развитии института экзогамии.

В. В. Бунак. Смена форм брачных связей имеет большое значение для понимания изменчивости физического типа человека. При кузенном браке брачующиеся находятся между собой в четвертой степени родства. Между этой формой экзогамии и внутриродовой эндогамией разница вовсе не столь резка, как обычно предполагают. Решающее значение имеет общая численность рода. Если бы число членов рода измерялось тысячами, то и при отсутствии каких-либо ограничений или поощрений родительские пары оказались бы в среднем не более, чем в четвертой степени родства. В этом убеждает несложный математический расчет. В действительности нужно исходить из гораздо меньшего состава рода, из числа 100—200 человек, что повышает среднее вероятное родство. Однако будет ошибкой предположить, что при каких бы то ни было условиях среднее родство производителей потомства достигало хотя бы второй степени: по особенностям биологии человека рождение детей предполагает более или менее продолжительное и регулярное половое общение, а не случайные половые связи. Поэтому отсутствие запрета половых отношений между близкими родственниками далеко еще не определяет фактической частоты таких отношений.

На вопрос о том, возникли ли экзогамные фратрии путем разделения одной целой орды или путем слияния двух обособленных групп, антропологические данные могут пролить некоторый свет, если учесть изменчивость в пределах локальных групп на протяжении верхнего палеолита. К сожалению имеющийся остеологический материал для этой цели недостаточен. Что касается позднейших стадий, то процессы интеграции играли повидимому большую роль, чем явления дифференциации. Эти факты, как мне приходилось отмечать, имеют важное значение для понимания условий становления расовых типов.

С биологической точки зрения близко родственные браки могут быть и вредными и полезными для потомства, в зависимости от того, каковы эндогенные предрасположения родителей. Тем не менее теснота брачных связей никогда не является безразличным фактором: смещение разнородных задатков повышает изменчивость и шансы возникновения новых благоприятных сочетаний признаков. Конечно, эти факты не могли сознательно учитываться при возникновении брачных запретов. Если два рода, различные по физическому типу, вступают в брачные взаимные отношения, то через несколько поколений разница в физическом типе исчезает и брачные связи становятся эндогамными, оставаясь экзогамными в социальном отношении.

М. Г. Левин. Экзогамия сама по себе не может вызвать изменение физического типа и переход человека от стадии *homo primigenius* к стадии *homo sapiens*.

Социальные факторы создали те условия, при которых в неандертальской орде мог возникнуть новый биологический тип человека. Процесс сапиентации человека и экзогамия тесно связаны: когда вступает в силу экзогамия как определенный институт, когда в человеческой орде социальные институты достигают такой силы, что могут декретировать экзогамию, в этих условиях выступают и те факторы, которые ведут к процессу сапиентации человека.

Н. А. Бутинов остановился на двух вопросах: как понимать возникновение экзогамии, и что такое экзогамия, демонстрировав на двух примерах из истории изучения социальной организации камиларии Морганом и Штеренбергом, как легко можно впасть в ошибку при анализе характера общественной организации, если руководствоваться неправильным пониманием экзогамии.

С. П. Толстов, разъясняя и дополняя высказанные ранее положения и отвечая Н. А. Кислякову, отмечает, что половые запреты чрезвычайно разнообразны; их обилие, сложность и то, что их общая тенденция связана с запретом половых отношений в периоды наиболее интенсивной жизни коллектива — позволяет думать, что в экзогамии эти запреты доводятся до своего логического предела, т. е. брачные отношения в своем хозяйственном коллективе (роде) запрещаются вообще. Пока не существует парной семьи, пока не существует всей системы, утверждающей индивидуальное право одного мужчины на одну женщину и обратно, необходима какая-то система коллективных запретов, регулирующих брачную жизнь коллектива. Экзогамия — первый институт общественного регулирования брака, первая форма брака вообще, ибо там, где нет общественной организации половых союзов, там нельзя говорить о браке. Брак не биологическое явление, а общественный институт. Вместе с экзогамией как первой формой группового брака (взаимный брачный союз двух целых родов) возникает первая форма половой морали, чрезвычайно строго осуществляемой. Представление о групповом браке как о чем-то, связанным со «свободой прав», глубоко неправильно. Первобытные моральные нормы иные, чем позднейшие, но соблюдаются они несравненно строже: как известно, во многих случаях санкцией за нарушение экзогамных правил является смертная казнь.

М. О. Косвен, подводя итоги дискуссии, высказал, что результатом ее должен, по видимому, явиться отказ от объяснения экзогамии единственно на основании стремления избежать родственных браков. Близок, по видимому, к истине С. П. Толстов, представляющий экзогамию как выражение общественной морали. Необходимо услышать окончательное мнение биологов и антропологов по вопросу о вреде родственных браков, чтобы шире осветить эту проблему и укрепиться в наших позициях, а также, чтобы ответить на вопрос, не пришло ли человечество к осознанию этого вреда на более поздних стадиях развития, что могло содействовать укреплению экзогамии в некоторых ее проявлениях.

Закрывая заседание, С. П. Толстов наметил ряд вопросов, необходимость разрешения которых выявилась на дискуссии (вопрос о кровнородственной семье и возрастных ограничениях, вопрос о дуальной организации, о системе брачных запретов, вопрос половой табуации, формы перехода к патриархату и др.). Дальнейшая работа группы в области проблемы экзогамии будет вестись по линии исследования и обсуждения ряда частных вопросов.

И. Золотаревская

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

11 февраля 1947 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук окончившим аспирантуру института этнографии И. Ф. Симоненко. Тема диссертации — «Этнический состав населения западных районов Украины». Официальные оппоненты: академик В. И. Пичета и проф. П. И. Кушнер. Диссертация имеет целью показать состояние украинско-польской этнической границы к началу второй мировой войны. В работе дана сжатая характеристика историко-этнографических карт, относящихся к украинско-польской этнической границе, и критический анализ основной литературы и статистических сведений по данному вопросу. Собранный материал показывает несостоятельность теорий, оправдывающих захват Польшей районов Западной Украины, и попыток доказать, что западные украинцы это те же поляки, пользующиеся «особым», «простым» языком. Акад. В. И. Пичета, соглашаясь с конечными выводами автора, подверг работу серьезной критике, указав на ряд имеющихся в ней существенных недочетов в исторической ее части. Проф. П. И. Кушнер остановился главным образом на этнографической части диссертации. Он указал на актуальность постановки данной темы, затрагивающей вопросы взаимоотношений украинцев и поляков, получившие разрешение лишь в результате соглашения нынешнего демократического правительства Польши с СССР. При разработке темы диссертант столкнулся с большими трудностями, обусловленными дефектностью этнической статистики в довоенной Польше, как и в большинстве стран Европы, неразработанностью терминологии и методологии определения этнических границ и этнографических территорий, близостью обоих исследуемых народов в отношении языка, многих сторон материальной культуры и быта. Эти трудности диссертант в основном преодолел путем привлечения и сопоставления мно-

гообразных источников. Общие выводы автора, как и представленный им картографический материал, оппонент считает правильными, но в некоторых случаях недостаточно документированными. Это относится к тем выводам автора, которые он обосновывает данными страховых полисов и опроса украинского населения, переселившегося из Холмщины в восточные области УССР. Оппонент считает, что эти данные недостаточно уясняют исследуемый диссертантом вопрос об этническом составе Холмщины и Галиции. В методах сбора диссертантом этнографического материала имеются дефекты. Выступивший в прениях проф. П. Г. Богатырев подверг критике диалектологическую часть работы, построенную на материале отроцкого говора, возражая против утверждения диссертанта о том, что строчаки говорят «на особом оригинальном языке», а не на северо-украинском диалекте, как полагает проф. Богатырев. Возражения с его стороны вызвали и некоторые положения этнографической части работы — недостаточно глубокий анализ обрядов так называемых «любян» (полонизированных украинцев). Проф. С. П. Толстов в своем выступлении отметил актуальность разработки данной темы, тесно увязанной с общим планом Института, и проведенную диссертантом большую работу по выявлению и использованию самых разнообразных материалов. Новым и удачным приемом он считает использование в качестве источника для изучения народного жилища страховых полисов. Проф. Толстов возражал против выступления проф. Богатырева, считая, что приведенный в диссертации диалектологический материал, хотя он собран не диалектологом, представляет значительный интерес; это видно уже из того, что разбираемый диалект самим проф. Богатыревым определен на основании сделанного диссертантом описания. Этнографические карты, являющиеся основной частью диссертации, разработаны на основе материала, исследованного методами советской науки, и не вызвали ни у кого из оппонентов возражений. Представленная диссертация вполне заслуживает того, чтобы автору ее была присуждена степень кандидата наук. Диссертанту присуждена искомая степень.

11 марта 1947 г. состоялась защита кандидатской диссертации директором научно-исследовательского Института музейно-краеведческой работы Д. А. Маневским. Тема диссертации — «Домоногамные пережитки у восточных славян X—XI вв.». Официальные оппоненты: проф. Б. А. Рыбаков и проф. В. К. Никольский. Работа распадается на две части: первая носит источниковедческий характер, во второй исследуются собранные факты. С точки зрения проф. Никольского, первая часть менее ценна в силу неполноты собранного автором историографического материала. Вторая часть содержит значительный, тщательно подобранный материал, интерпретируемый с последовательно материалистических позиций. Углубленная критика первоисточников помогла автору опровергнуть многие неверные утверждения и установить ряд новых фактов. Автором привлечен археологический, лингвистический и фольклорный материал — последний недостаточно полно. Слабее использованы данные этнографии. Существенным пробелом считает оппонент недооценку автором роли семейной общины. Не использованы в диссертации ценнейшие замечания Маркса о патриархальной семье, данные в его конспекте книги Моргана «Древнее общество». Проф. Б. А. Рыбаков видит основную ценность обсуждаемой диссертации в критической переоценке материала, собранного буржуазными исследователями XIX в. Оппонент вполне согласен с основными выводами автора. Возражения встречают некоторые детали работы. Так, при терминологическом анализе не всегда дано правильное толкование, не везде выдержано критическое отношение к первоисточникам. Диссертант мало использовал данные славянского сравнительного языкознания — хорошо разработанную область науки, позволяющую уяснить многие явления терминологии и истории развития семьи, неправильно толкуемые индоевропестами. Недостаточно подтверждены выводы, построенные на анализе археологических данных, в частности, в отношении парных погребений, историю которых, по мнению оппонента, следует начинать с периода срубной культуры, где они свидетельствуют о появлении патриархального начала. При исследовании вопроса о домоногамном браке необходимо привлечь материалы не только деревенских, но и дружинных курганов, подтверждающие свидетельства арабских источников. Выступивший в прениях т. Карпыч возражал против самой постановки вопроса о домоногамном браке у славян в качестве диссертационной темы. Его выступление встретило возражения как со стороны официальных оппонентов, так и со стороны других участников диспута. Представленная диссертация получила хорошую оценку. Диссертанту присуждена степень кандидата исторических наук.

25 марта 1947 г. защищены кандидатские диссертации окончившими аспирантуру Института этнографии Г. С. Масловой и М. В. Саидовой. Диссертация Г. С. Масловой «Орнамент карел Калининской области» представляет собой фундаментальный труд — результат многолетней собирательской и исследовательской работы, объемом свыше 10 п. л. текста с приложением большого количества иллюстративного материала. Официальные оппоненты — проф. Б. А. Рыбаков и кандидат исторических наук Л. А. Диндес — отметили ценность представленной работы как по широкому охвату материала и умелому использованию литературы, так и по глубокому подходу к исследуемым явлениям. В отличие от многих искусствоведов, диссертантка изучала орнамент не изолированно, в отрыве от общего комплекса культурных явлений, а как неотъемлемую часть культуры. Проф. Рыбаков выразил свое полное согласие с основ-

ной концепцией автора, согласно которой орнамент рассматривается как система магических знаков, имевших первоначально значение оберега. Оппонент возражал при этом против чисто эстетической трактовки орнамента, проводимой некоторыми исследователями, отрицающими его исходную магическую роль. Особенно тщательно разрабатан диссертанткой раздел о головных уборах. Давая высокую оценку представленной работе в целом, оппонент указал на имеющиеся в ней пробелы, к числу которых он отнес в первую очередь отсутствие картографического материала. Следовало бы показать влияние на искусство карел предшествовавшего им населения — веги, глубже затронуть вопросы этногенеза славян и финских племен и шире привлечь археологический материал, сопоставив его, в частности, с вышивкой. Л. А. Динцес в своем выступлении вполне солидаризировался с общей оценкой диссертации, данной Б. А. Рыбаковым. Ценность работы, с его точки зрения, повышается еще в связи с тем, что часть зафиксированных в ней материалов варварски уничтожена фашистскими оккупантами. В обзоре литературы диссертантка подвергла справедливой критике попытки некоторых финских исследователей установить «прафинский» корень карельского орнамента и отнести явно русские вышивки к числу карельских и ингерманландских. Оппонент подробно остановился на вопросе о взаимовлиянии русского и карельского искусства, в частности, о влиянии на последнее культуры Новгорода. Л. А. Динцес не согласен, однако, с данной в работе интерпретацией истории головного убора «сороки», предлагая свою точку зрения. Он считает, что орнамент сороки тверских карел не является типологически более древним, чем орнамент полотенец: первый сложился уже в условиях Тверского края, под сильным влиянием искусства Московской Руси. Проф. С. П. Толстов выразил свое согласие с выводом диссертанта о том, что орнамент юго-восточной группы западных финнов говорит об их более тесной связи с восточными финнами, чем с Суоми и Эстонией. Наряду с этим он подчеркнул роль культуры Булгара в сложении искусства окружающих его народов. В оценке представленной диссертации он присоединился к официальным оппонентам, считая ее солидным вкладом в этнографическую и искусствоведческую литературу. Диссертантке присуждена степень кандидата исторических наук.

Диссертация М. В. Саидовой, озаглавленная «Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным», посвящена разработке вопроса, не освещенного в литературе, в частности, в кавказоведческой. Официальные оппоненты — проф. А. М. Ладыженский и проф. Г. А. Кокиев — отметили заслугу диссертантки, впервые на конкретном материале исследовавшей данную проблему на основании тщательного изучения литературных и архивных источников, а также сведений, собранных лично во время неоднократных поездок на Кавказ. Как отметил проф. А. М. Ладыженский, значительный интерес представляет характеристика так называемых «вольных обществ», изучение которых дает многое для выяснения порядка перехода от родового строя к феодальному. При этом диссертантка приводит данные, до нее никем не опубликованные (например, о рутульцах, до сего времени в литературе не описанных). Интересна, по мнению проф. Кокиева, глава, посвященная патриархальному рабству в Дагестане и разработанная на свежем полевым материале. Большое внимание уделено автором выяснению внутриродовых отношений, отношений вольных обществ между собой и с феодальными ханствами Дагестана. Заключительная часть работы посвящена выяснению переходных форм землевладения и социальных категорий. На конкретном дагестанском материале обосновывается положение о том, что первичной формой собственности была собственность родовая, перешедшая затем в общинную, в свою очередь имевшую ряд переходных форм в процессе превращения ее в собственность частную. Длительный процесс перехода от общинно-родовых отношений к феодальным, в условиях Нагорного Дагестана не закончившийся вплоть до Великой Октябрьской Социалистической революции, сопровождался ожесточенной межродовой и межобщинной борьбой и борьбой с соседними феодальными ханствами, основным содержанием которой было стремление свободных производителей отстоять свою независимость от феодального закрепощения. Наряду с правильным показом этих процессов, в работе имеются промахи и неудачные места. Проф. Кокиев указал на недостаточно критическое использование античных и арабских источников, что привело диссертантку к неправильным заключениям и нагромождению этногеографических терминов, данные без должной классификации. Упущением считает оппонент то, что в диссертации недостаточно освещен вопрос о Тарковском шамхальстве, на примере которого можно было убедительно показать неравномерность развития социально-экономических отношений в Дагестане. Не выяснен вопрос о том, совпадают ли в вольных обществах Нагорного Дагестана этнографические и территориальные границы. Не вскрыта семантика местных терминов. Имеются пробелы в библиографии — не использованы, например, грузинские анналы и материалы путешественника Рубруквиса, приводящего ценные сведения об экономическом и военном быте народов Дагестана. Проф. Ладыженский считает упущением отсутствие в работе сравнительно-исторического обзора. Анализируя процесс перехода от общинно-родового уклада к феодальному, диссертантка не остановилась на возникновении общинно-родовых форм и не дала анализа форм феодальных. Отсюда и основная, сам по себе правильный тезис о том, что классовая дифференциация в значительной мере проходила между родами, недостаточно обоснован. Не вскрыт ступенчатый характер феодальной земельной собственности — не показано, что соб-

ственниками одной и той же земли были и князь, и его вассал, и крестьянская община, обрабатывавшая землю. Выступивший в прениях доктор экономических наук проф. Погорельский подчеркнул значение разбираемой диссертации, противопоставив ее имеющимся в литературе попыткам идеализации общественных отношений в дагестанском горном ауле. Но некоторые положения диссертантки представляются ему спорными. Такова, например, попытка дать новое понятие родовой общины как переходной к сельской общине. Диссертантка не вкладывает реального экономического содержания в характеристику родовой общины. С точки зрения т. Старостина, также выступившего в прениях, в диссертации поставлен ряд важнейших теоретических вопросов, но не везде дано четкое их разрешение. Отмеченные недочеты, по мнению оппонентов, не снижают качества представленной работы, вполне оправдывающей присуждение ее автору степени кандидата исторических наук. Диссертантке присуждена исковая степень.

22 апреля текущего года защищена кандидатская диссертация окончившим аспирантуру Института этнографии Б. О. Долгих. Диссертация, озаглавленная «Родовой и племенной состав населения севера Средней Сибири», является результатом многолетней работы автора над обильным и многообразным материалом. Помимо русской и иностранной литературы, данных Всесоюзной переписи населения 1926—1927 гг., архивных материалов, этнографических коллекций, в работе использованы обширные полевые материалы, собранные лично автором во время его работы по Всесоюзной переписи в приполярных районах, а затем — по земле- и водоустройству народов Севера, когда он имел возможность разносторонне и детально ознакомиться с исследуемыми им народностями, побывав в самых отдаленных местах их обитания. Официальные оппоненты — чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин, кандидат историч. наук Б. А. Васильев и проф. П. И. Кушнер охарактеризовали представленную диссертацию как крупный вклад в историю и этнографию народов Сибири, впервые дающий отчетливое представление о племенной структуре многочисленных мелких сибирских народностей, истории их образования и их расселении, четко показанном на оригинально разработанных картах. С. В. Бахрушин считает особенно ценным в данной работе то, что она проникнута историзмом; этнографические явления рассматриваются в аспекте исторического процесса; в разработке статистических данных цифры сопоставляются за ряд столетий. Точное подразделение племен, точная транскрипция как личных имен, так и названий отдельных родов позволяют внести ясность в определение понятий племени, рода, большой семьи в применении к народностям Севера, для чего мы до сих пор не располагали достаточно фундированными сведениями. Высоко оценивая представленную работу в целом, С. В. Бахрушин остановился на двух принципиальных вопросах, разрешение которых в диссертации представляется ему спорным. Это, во-первых, вопрос об общественном строе тунгусов в XVII—XIX вв., который автор определяет как военную демократию. Оппонент считает, что северные звенья в этот период стояли на более низкой стадии общественного развития. Второе возражение касается вопроса о взаимоотношениях между племенем, родом и большой семьей. С мнением Б. О. Долгих о том, что у кочевых народностей Сибири из разросшихся больших семей образовывались роды, оппонент не может согласиться, во всяком случае он хотел бы иметь более глубокое обоснование этого тезиса. Б. А. Васильев остановился главным образом на этнографической части работы. Б. О. Долгих, заявил оппонент, открыл и показал в Сибири ряд племен как составных частей сибирских народностей, о чем до сего времени не было четкого представления. Он дал первую этнографическую карту сибирских племен, обосновав принципиальный сдвиг в наших представлениях о родоплеменном составе народов не только Средней, но и Восточной Сибири. В диссертации дается огромный фактический материал, в частности, по истории поздних форм доклассового общества, и ставится ряд новых проблем. Автор вводит в научный обиход новые понятия — «территориальная группа» и «этнографический тип». Под первой он понимает исторически сложившееся население хорошо выраженного географического района, объединенное различными социальными связями. Этнографический тип представляет собой органический комплекс элементов культуры, носителем которого является население, занимающее определенный ареал. Диссертантом описано 11 таких этнографических типов, из которых 6 описаны им впервые. Большой интерес представляют приведенные в диссертации наблюдения над процессами этнической ассимиляции, происходящими в среде территориальных групп. К числу имеющихся в работе спорных мест, обусловленных в основном новой постановкой ряда теоретических вопросов, оппонент относит введение автором терминов «экзогамное племя» и «несамостоятельный экзогамный род»; с придаваемым им значением Б. А. Васильев согласиться не может. Недостаточно ясно определение диссертантом понятий «племя» и «народность». Термин «патронимия» употребляется Б. О. Долгих в ином значении, чем то, которое принято в наукающее время нашими этнографами. Проф. П. И. Кушнер охарактеризовал этно-статистическую и картографическую части диссертации как выполненные на высоком уровне и могущие стать прочной базой дальнейшего, более детального изучения народностей Сибири. Лишь в отношении этнографической карты Средней Сибири оппонент считает необходимым более точно показать территории со смешанным по этническому составу населением. Далее оппонент разобрал освещение автором процессов ассимиляции и аккультурации, представляющих большой интерес и своеобразно про-

текающих в данной среде — отлично от того, что мы наблюдаем у европейских наций с выработавшимся национальным самосознанием, скрепляющим эти национальные коллективы. Оппонент не согласен с применяемыми автором терминами — обрусение, оякучивание, так как он считает, что в данном случае имеет место не ассимиляция, а проникновение новой культуры иными, не насильственными путями. В целом диссертация признана всеми выступавшими в диспуте крупным достижением этнографической науки. Диссертанту присуждена степень кандидата исторических наук.

Диссертация научного сотрудника Государственного музея этнографии М. В. Сазоновой, защищенная 22 апреля и носящая название «Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX веке», представляет собой историко-этнографическое исследование, построенное на оригинальном актовом материале Архива хивинских ханов. Выступивший в качестве официального оппонента проф. С. П. Толстов указал на то новое, что дала диссертантка по сравнению с ее предшественником по изучению этого интереснейшего документального памятника — выдающимся историком Ср. Азии П. П. Ивановым. В обсуждаемой работе приводится много новых данных, уточняющих наши представления о характере общественных отношений в Хивинском ханстве накануне его завоевания. Детально обрисованы существовавшие там аграрные отношения, вскрыты процессы внутренней дифференциации крестьянства, причины лауперизации значительной его части, показаны формы эксплуатации населения, действие налогового аппарата и т. д. К недочетам работы оппонент отнес в первую очередь отсутствие карты с нанесенными на ней основными пунктами, связанными с предметом исследования. Отсутствие такой карты привело к тому, что диссертантка не усмотрела специфики отношений в районах, населенных не узбеками. В работе имеет место некоторое архаизация общественных отношений. Так, например, диссертантка считает, что в Хорезме описываемого времени не произошло еще окончательного отделения ремесла от земледелия, с чем оппонент не может согласиться. Диссертантка не акцентировала своего внимания на чрезвычайно интересном, до сих пор на Востоке не исследованном явлении слияния государственной повинности — бегара с феодальной барщиной, хотя в этом отношении ею сделано важное открытие. Не всегда убедительно привлекаются положения шариата и Корана для истолкования исследуемых явлений. Не везде дано пояснение употребляемых местных терминов. Эти недочеты необходимо выправить при подготовке работы к печати, чего она, по мнению проф. Толстова, вполне заслуживает. Второй оппонент, доктор историч. наук Л. П. Потапов, изложив основное содержание работы, охарактеризовал ее как ценный труд, построенный на тщательном изучении первоисточника, написанного на узбекском языке, устанавливающий много новых фактов и дающий новую трактовку исследуемых явлений. Наряду с этим в диссертации имеются некоторые спорные положения и пробелы. К числу последних оппонент относит в первую очередь исключение автором из предмета исследования кочевого населения, хотя о нем имеется документальный материал, который мог быть дополнен и этнографическими сборами. Слабо затронуты вопросы, связанные с мюльковым землевладением. Не показан быт хивинских крестьян и своеобразная техника их хозяйства. Спорной представляется оппоненту трактовка вопроса о происхождении бегара. Диссертантка считает его пережитком отработочной ренты, оппонент же полагает, что здесь мы имеем дело с пережитком общинных работ, характерных для Востока, право на которые было постепенно узурпировано центральной властью и господствующими классами. Несмотря на эти недочеты разбираемая работа представляет оппоненту ценным, интересным исследованием, заполняющим пробел в истории социально-экономических отношений в Хивинском ханстве. М. В. Сазоновой присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе

РАБОТА ЛЬВОВСКОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИИ АН УССР В 1947 г.

Львовский отдел Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР возобновил свою работу с первых дней освобождения Львова от немецко-фашистской оккупации, т. е. с начала июля 1944 г., под руководством ныне покойного (скончался 3 марта 1947 г.) известного ученого-фольклориста, действительного члена АН УССР, орденоносца, депутата Верховного Совета УССР, профессора Филарета Михайловича Колессы, руководившего Отделом до последних дней своей жизни.

Отдел состоит из трех секторов: 1) искусствоведения, 2) устного и музыкального фольклора и 3) этнографии.

Сектор искусствоведения занят составлением «Библиографического указателя статей по искусствоведению западных областей УССР». Выполнено свыше 1500 записей на карточках. Работу эту ведет ст. науч. сотр. О. Р. Шкирман-Збронцева. Ст. науч. сотр. М. Д. Драган выполняет работу: «Библиографический словарь советских художников западных областей УССР».

Сектор словесного и музыкального фольклора заканчивает две большие коллективные работы: а) «Советский фольклор западных областей УССР», в двух томах: «Революционный фольклор западных областей УССР перед Великой отечественной войной» и «Фольклор западных областей УССР периода Великой отечественной вой-

ны», с особым разделом: «Следы рейдов партизанских отрядов дважды Героя Советского Союза ген. Ковпака в западных областях УССР». После смерти акад. Колессы, руководившего данной темой и написавшего вступительные статьи к обоим томам, работа эта продолжается и будет окончена в 1947 г. Второй большой коллективный труд Сектора составляет списывание текстов и мелодий с фонографических валиков, оставленных известным собирателем-фольклористом О. И. Роздольским. Он оставил по своей смерти около 3 000 полных текстов украинских народных песен и столько же мелодий, записанных на фонографических валиках. Материалы эти были собраны Роздольским по всей территории Украины в 1900—1938 гг. Данная работа выполнена уже на 70%. Содержащийся здесь исключительно ценный материал уже используют советские композиторы и преподаватели Гос. музыкальной консерватории. Работой руководит ст. науч. сотр., заслуженный деятель искусств УССР, проф. С. П. Людкевич, известный западноукраинский композитор.

Сектор этнографии выполняет большую работу — составление «Атласа материальной культуры Западных областей УССР», который удовлетворит назревшей потребности советской этнографии в научном труде, охватывающем всю в целом материальную культуру западных областей УССР. Эта работа даст: 1) карты размещения предметов материальной культуры, разные их формы, названия и производственную технику промыслов, 2) карты с рисунками и фотоснимками предметов, 3) разносторонний, исследовательски отработанный материал, необходимый для теоретических трудов и для исследований общих проблем этнографии, вопросов этногенеза, генезиса и развития первобытного хозяйства и техники, пережитков первобытной материальной культуры, сохраняющихся в классовом обществе, общинного характера первобытной экономики, феодального и буржуазного классового гнета и классовой дифференциации. Представленный в этом Атласе материал должен наряду со старой народной культурой показать расцвет материальной социалистической культуры западных областей УССР и выявить те изменения в жизни и быте, которые появились под влиянием ленинско-сталинской национальной политики. Атлас дает также и исчерпывающую литературу предмета, равно как сведения о научных учреждениях (музеях), в которых сохраняются соответствующие предметы. Труд этот был начат в 1941 г. После перерыва, обусловленного войной, он был возобновлен в конце 1946 г. и будет окончен в течение четвертой сталинской пятилетки. Атлас будет состоять из 2 томов, всего в 2 000 страниц. К настоящему времени выполнена 4 971 карточка и 164 рисунка. Работу эту ведут три научных сотрудника под руководством ст. нач. сотр. Р. П. Гарасимчука.

Работу «Быт рабочих Бориславского бассейна в прошлом и настоящем» выполняют ст. науч. сотр. М. М. Скорик и мл. науч. сотр. А. И. Дей. На тему этого рода до советской власти в Западной Украине почти никто не обращал внимания. Особые главы этой работы посвящаются периоду зарождения рабочего класса в эпоху первоначального накопления капитала, классовой борьбе и современному советскому быту рабочих данного района. Отметим еще работы Сектора этнографии на темы: «Быт ремесленников Старосамборщины в связи с изменением социальных отношений» (и. о. ст. науч. сотр. К. А. Добрянский) и «Одежда в западных областях УССР» (ст. науч. сотр. В. Ю. Пастущий). Вне плана собираются материалы к темам: «Славянские взаимовлияния в развитии материальной культуры Полесья и современная материальная культура Полесья» (Р. П. Гарасимчук) и «Монография Бойковщины» (М. М. Скорик).

Для повышения специального образования сотрудников Отдела и Государственного этнографического музея АН УССР, а также сотрудников кафедры фольклора и этнографии Львовского гос. университета М. М. Скорик читает курс лекций по истории общей этнографии. В порядке повышения идеологического уровня своего образования четверо научных сотрудников Отдела окончили в 1946 г. двухгодичный вечерний университет марксизма-ленинизма. Все остальные научные сотрудники Отдела ныне посещают этот университет.

Отдел сотрудничает с Львовским гос. университетом, Государственным этнографическим музеем, поддерживает связь с Институтом этнографии Академии Наук СССР, равно как с отдельными московскими и киевскими учеными, имеет своих корреспондентов на местах, окружен заботой уполномоченного Президиума АН УССР во Львове, директора Института акад. Рыльского и его заместителя Ф. И. Лаврова.

М. М. Скорик

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ЯКУТИИ

В конце 1943 г. в связи с восстановлением Научно-исследовательского института языка, литературы и истории Якутской АССР, вновь началась работа по этнографическому изучению Якутии.

Якутский национальный весенний праздник «Ысыах» — одно из наиболее интересных этнографических явлений в Якутии. Ысыах сопровождается массовыми народными песнями и плясками, выступлениями народных певцов-олонхосуттов, конскими состязаниями, соревнованиями в стрельбе, борьбе, беге, прыжках и т. д. После

установления автономии в Якутии, в 1924—1926 гг. ысыахи начали праздноваться в ряде районов республики. А с 1944 г. по всей ЯАССР широко стали практиковаться районные, наследные и колхозные ысыахи. Изучением советского ысыаха занимается научный сотрудник Якутского республиканского музея Е. Г. Иоффе. Она составила описание современного ысыаха, сравнивая его с дореволюционным. Над этим вопросом работала докторант Института этнографии АН СССР О. В. Ионова. Ею изучен значительный фольклорный материал и произведены наблюдения над ысыахом последних 3 лет. Исследованием ысыаха в историческом плане занимается также научный сотрудник НИИЯЛИ Н. М. Алексеев. Тема ысыаха представлена в рукописных фондах Института значительным количеством материалов, имеются записи научных сотрудников тт. Новгородовой, Пономаревой, корреспондентов Института тт. Порядина, Степанова и др.

Общественному строю якутов посвящены изданные Институте капитальная монография проф. С. А. Токарева «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.», работа проф. А. П. Окладникова «Исторический путь народов Якутии» и др. Этнограф-якут И. Д. Новгородов в течение ряда лет занимается изучением мало освещенной в этнографической литературе материальной культуры якутов. И. Д. Новгородов ставит своей задачей дать описание жилища, одежды, пищи и предметов домашнего обихода якутов с XVII в. Работа рассчитана на несколько лет. Изучением пищевого режима якутов занимается А. А. Саввин. Им исследуется: мясная, молочная и растительная пища якутов до периода развития в Якутии земледелия (XIX в.).

Институт поставил одной из своих задач изучение языка, быта и обычаев мало известного в этнографической литературе русского населения Якутии. С этой целью в 1946 г. была организована этнографо-лингвистическая экспедиция по изучению языка и быта русских старожиловских поселений, расположенных в низовьях р. Индигирки Якутской АССР. Собранные материалы показывают, что русские низовьев р. Индигирки, окруженные в течение трех веков иноязычными племенами, сохранили старинный русский язык, фольклор и многие обычаи.

Исследованием происшедших за советский период изменений, а также дополнением и уточнением фактических материалов по этнографии якутов, собранных в классических работах В. Серошевского, В. Трошанского, С. Ястремского, Э. Пекарского, В. Ионова и др., занимается докторант Института этнографии АН СССР О. В. Ионова. С целью сбора этнографического материала для докторской диссертации «Якуты» О. В. Ионова провела две экспедиции в Якутию: в 1944 и в 1946 гг. (охвачены Мегинно-Кангаласский, Таттинский, Нюрбинский, Якутский, Усть-Алданский и Амгинский районы). За время экспедиций ею собран большой этнографический материал, использованы архивы и фонды Якутского республиканского музея.

Начиная с 1944 г., в летние сезоны, используя наиболее подготовленные силы сельской интеллигенции, Институт проводит локальные экспедиции по изучению фольклора и этнографии. Собранные материалы представляют значительный научный интерес. Так, например, в течение 5 лет занимался сбором этнографических материалов по северным якутам и эвенкам Оленекского и Анабарского районов этнограф И. С. Гурвич. Им собраны ценные материалы по религиозным и свадебным обычаям населения Оленека и Анабары, а также по его материальной культуре. По заданию Института, локальными экспедициями в течение трех последних лет собирается фольклорный и этнографический материал по нахарским и джохсогонским якутам б. Якутского округа. Эти экспедиции преследуют цель всестороннего изучения небольшого по численности населения, связанного исторической и территориальной общностью. В течение ряда лет собирает материалы по истории, этнографии и фольклору б. Мегинского улуса старейший корреспондент НИИЯЛИ А. С. Порядин. Им собран значительный материал по истории Мегинского улуса, шаманству, семейно-брачным и земельным отношениям. Часть его материалов издается отдельным сборником под названием «Мегинские предания».

В фондах НИИЯЛИ имеется много материалов по историческим преданиям, этнографии и фольклору якутов северных районов, собранных экспедициями Института (С. И. Боло и А. А. Савиним), а также отдельными корреспондентами (Н. М. Васильевым, Д. Жирковым). Эти материалы ценны для ознакомления с историей, этнографией и фольклором населения северных районов и вместе с тем показывают большой интерес ряда районных работников к изучению своего района. Следует эту инициативу и желание отдельных работников всемерно поощрять.

В 1945 г. для установления контакта в научно-исследовательской работе и для изучения антропологии якутов приезжала антропологическая экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством М. Г. Левина. В 1945 г. этнограф-искусствовед С. В. Иванов, представитель того же Института, занимался изучением изобразительного искусства якутов.

1947 год — год 25-летнего юбилея Якутской Автономной республики — обещает дать много ценного в области этнографической работы. Якутию посетят антропологи, этнографы, диалектологи центральных научно-исследовательских институтов. Будет также развернута работа ряда локальных экспедиций.

Н. Алексеев

ВЫСТАВКА «ИСКУССТВО НАРОДОВ ОКЕАНИИ»

В январе — мае 1946 г. в Музее современного искусства (Museum of modern art) в Нью Йорке была открыта выставка «Искусство народов Океании». Организовал выставку Рене д'Арнонкур, искусствовед, директор одного из отделов Музея, в сотрудничестве с этнографами Р. Линтоном и П. Уингертом. Выставка была размещена в 13 небольших залах. Были представлены предметы из Австралии, Новых Гебрид и Новой Каледонии, Новой Гвинеи и о-вов Торрессова пролива, архипелага Бисмарка, Соломоновых о-вов, о-вов Адмиралтейства, Микронезии и Полинезии, в том порядке, в каком они здесь перечислены. Начиналась выставка с австралийских бумерангов и заканчивалась двумя куклами с о-ва Пасхи, напоминающими, по свидетельству Батесона, человеческие зародыши. Проблема связи между стилями различных культур была разрешена весьма остроумно. Стены для этой временной выставки были установлены с таким расчетом (в музее большинство внутренних стен передвижные), чтобы зритель мог видеть одновременно предметы, расположенные в нескольких залах. Рассматривая, например, образцы искусства из района Массим (Н. Гвинея), зритель мог, не сходя с места, видеть родственные, по мнению организаторов выставки, предметы с Соломоновых о-вов и о-вов Адмиралтейства, расположенные в другом зале.

Музей выпустил посвященную выставке книгу: «Искусство народов Океании». В книге приведены описания предметов, данные Р. Линтоном и П. Уингертом, и 200 иллюстраций. «Бюллетень искусства» поместил статью Г. Батесона, из которой мы заимствуем приводимые сведения¹. Батесон признает, что предметы, показанные на выставке, не доходят до зрителя. Черепа предков с Н. Гибрид показаны, например, так, что «средний зритель, несомненно, примет их за вонючие военные трофеи». Выставка, таким образом, не имеет научно-познавательной ценности. Батесон тем не менее дает ей высокую оценку. Выставка свидетельствует, пишет он, что стили искусств народов Тихого Океана «могут быть отнесены, каждый порознь, к различным эпохам человеческого производительного цикла». Культуры распределены в строгой последовательности «от (детского) фалличизма до половой зрелости и далее вплоть до рождения новых людей» (именно это значение приписывает Батесон двум куклам с о-ва Пасхи, заканчивающим выставку). «Я настаиваю на том, — пишет Батесон, — что насколько бы эстетически приятной ни была выставка, она не будет научной, если искусства различных народов не будут отнесены к физиологическим эпохам жизни человеческого индивида». Выставка, таким образом, построена в духе идей новой американской психологической школы. В этом причина того, что она не имеет познавательной ценности для зрителя. Лихорадочно-нервная спешка, с какой этнографы психологической школы пропагандируют свои идеи, заставляет их, однако, смотреть на эту выставку как на последнее слово музейной техники. В этом — секрет успеха третьеразрядной выставки.

Н. Бутинов

Г. И. КАРПОВ

(1890—1947)

31 марта 1947 г. в г. Ашхабаде скончался выдающийся советский этнограф и историк-туркменовед, заслуженный деятель науки Туркменской ССР, Георгий Иванович Карпов.

Г. И. родился 9 декабря 1890 г. в селе Караванка, б. Царицынского (ныне Сталинградского) уезда, в бедной рыбацкой семье. Нужда ограничила для Г. И. возможность получить систематическое образование, и, окончив лишь 4 класса средней школы, Г. И. с 1905 по 1912 гг. работает в качестве рабочего на складах сначала в б. Астраханской губ., затем — в Фергане. Здесь же, в Фергане отбывает Г. И. воинскую повинность и отсюда отправляется на фронт с началом первой империалистической войны. Приняв, будучи в армии, активное участие в Великой Октябрьской революции, Г. И. переходит в ряды Красной Гвардии (1917—1919 гг.), а затем занимает должности председателя Волостного Ревкома в своем родном селе Караванка и председателя Царицынского уездного Исполнительного Комитета (1919—1920 гг.). В марте 1920 г. Г. И. вступает в ряды ВКП(б). В 1921 г. Г. И. переезжает в Туркмению и здесь до последних дней своей жизни принимает самое активное участие в административно-политической, хозяйственной, культурной и научной жизни республики. По линии административно-политической Г. И. занимал ряд высоко ответственных должностей: заместителя Наркома Внутренних дел Туркестанской АССР (1921—1922), председателя Туркменского Областного Исполнительного Комитета (1922—1924), заместителя Наркома Внутренних дел Туркменской ССР (1924—1926) и ответственного секретаря ЦИК ТССР (1926—1929).

¹ G. Bateson, Art of the Seas, «The Art Bulletin», vol. XXVIII, 1946, No. 2, June, pp. 119—123.

В указанный и последующий периоды своей деятельности в ТССР Г. И. исполнял одновременно и ряд отдельных ответственных поручений партии и правительства: был уполномоченным по ликвидации казахско-иомутской вражды, уполномоченным по переселению (от границы) белуджей и джемшидов, уполномоченным по ликвидации басмаческих банд в Тедженском уезде, руководителем экономического обследования кишлака и аула ТССР, уполномоченным по проведению земельно-водной реформы, председателем Комиссии по административно-территориальному районированию ТССР, уполномоченным по реэмиграции туркмен из Афганистана и т. д. и т. д.

Эта интенсивная и разносторонняя работа в Туркмении, в связи с которой Г. И. изучил туркменский язык, дала ему возможность самым основательным образом изучить страну и ее народ. Замечательно одаренный по природе, Г. И. занялся изучением истории Туркмении и уже систематически стал заниматься ее этнографией. На-



чиная с 1923 г., Г. И. обращается, наряду со своей административно-политической деятельностью, к столь же активной и интенсивной работе на культурном фронте, становясь пионером местного советского краеведения, исторической науки, литературоведения и этнографии. Скромное начало той большой работе, которую Г. И. вел в Туркмении на культурном фронте, было положено им в 1923 г., когда он организовал и возглавил «Кружок по изучению истории, этнографии и археологии». Последующая работа Г. И. на культурно-научном поприще достаточно ярко характеризуется следующим (неполным) перечислением его организационных работ и исполнявшихся им обязанностей. В 1927 г. Г. И. организовал Историко-краеведческий комитет, став его председателем, в 1928 г. организовал Институт туркменской культуры, который также возглавил. С 1928 по 1930 г. Г. И. редактировал весьма содержательный журнал «Туркменоведение», выходивший на русском и туркменском языках. Затем последовательно Г. И. состоял: заместителем директора Туркменкульта, зав. сектором этнографии Института истории ТССР, директором и зав. кафедрой общественно-политических наук Туркменского хлопкового института, директором Института истории, языка и литературы, членом совета при Наркомпросе ТССР, начальником Центрального архивного управления ТССР, председателем Комитета по делам наук при СНК ТССР, членом Комитета по подготовке декады туркменского искусства (в Москве), заместителем председателя Президиума Туркменского филиала АН СССР и, наконец, заведующим сектором истории Института истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР; в этой должности Г. И. состоял до своей смерти.

Г. И. Карповым опубликовано с 1925 по 1947 г. на русском и туркменском языках свыше 60 научных и научно-популярных трудов по этнографии и истории туркменского народа. Около 40 работ ждут еще своего опубликования.

С самого начала своей исследовательской работы Г. И. Карпов нашел свой самостоятельный путь. В центре его научных интересов встала проблема родоплеменного состава туркмен и монографического историко-этнографического описания отдельных туркменских племен. Уже первая его печатная работа «Племенной и родовой состав туркмен» (1925) сразу завоевала ему известность среди специалистов и до сих пор остается наиболее полной сводкой сведений по этому вопросу. Работы «Туркменское племя салыр», «Туркменское племя иомут», «Осколки исчезнувших аланов», «Отуркменившиеся племя нохур» («Туркменоведение», 1929, 1930), «Туркме-

ны С. Кавказа, Астраханской губ. и Таджикистана», «Племя али-эли» («СЭ», 1947, № 3) и два десятка аналогичных маленьких монографий по отдельным племенам, еще неопубликованных (см. список работ) представляют ценнейший вклад в детальную разработку вопросов истории и этнографии туркмен. Ряд работ, посвященных исследованию отдельных сторон туркменского быта («Тамга», «Родословные туркмен», «Пережитки древних форм брака у туркмен», «Калым и его социальные корни», «Туркменские легенды и рассказы», «Остатки огнепоклонства у туркмен» и др.), вводят в науку новый, неисследованный материал и заполняют значительные пробелы в наших знаниях по этнографии туркмен.

Столь же плодотворной была работа Г. И. Карпова в области изучения фольклора и литературы. Им был опубликован ряд статей, переводов и сборников произведений устного народного творчества и классической литературы туркмен.

Перечень работ Г. И. Карпова должен быть также дополнен рядом ценных исследований и публикаций по новейшей истории Туркмении, в частности — по истории революции и гражданской войны.

Являясь лучшим знатоком и неутомимым собирателем материалов по этнографии туркмен, Г. И. Карпов неизменно выступал в качестве научного консультанта по этому кругу вопросов, отдавая массу времени делу помощи приезжающим в Туркмению ученым, художникам, писателям, композиторам, охотно делясь с ними своими знаниями и материалами, руководствуясь в этом одной целью — содействовать дальнейшему развитию любимого дела изучения и популяризации туркменской культуры и строительства новых, социалистических ее форм.

Советское государство высоко оценило заслуги Г. И. Карпова, наградив его орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», медалями «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в годы Великой отечественной войны» и присвоив ему почетное звание заслуженного деятеля науки Туркменской ССР.

В лице Г. И. советская наука потеряла замечательного ученого-общественника, отдавшего всю свою жизнь служению народу. Нашим общим долгом перед памятью ушедшего товарища должна быть скорейшая публикация его оставшихся еще неизданными трудов, значение которых для советской этнографической науки трудно переоценить.

М. Косвен и С. Толстов

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Г. И. КАРПОВА

Племенной и родовой состав туркмен. С приложением 9-ти генеалогических таблиц изд. НКВД ТССР, 1925.

Памятка советскому строителю кишлака и аула, Туркменгиз, 1925.

То же на туркм. яз.

Памятка секретарю аульной партийной ячейки, (на туркм. яз.), Туркменгиз, 1927.

Бытовые законы ТССР (на туркм. яз.), Туркменгиз, 1929.

Памятка члену аульного совета (на туркм. яз.), Туркменгиз, 1929.

Зачем рабочие бригады едут в аул? (на туркм. яз.), Туркменгиз.

Национальное и культурное строительство народов КССР (на туркм. яз.), Туркменгиз, 1931.

Национальное и культурное строительство народов Таджикистана (на туркм. яз.), Туркменгиз, 1931.

Национальное и культурное строительство народов ЗСФСР (на туркм. яз.), Туркменгиз, 1931.

Национальное и культурное строительство народов Узбекистана (на туркм. яз.) Туркменгиз, 1931.

Восстание тедженских туркмен в 1916 г., Туркменгиз, 1935.

Творчество народов Туркменистана, Гослитиздат, М., 1936 (совместно с Н. Ф. Лебедевым).

Восстание туркмен в 1916 г. (на туркм. яз.), Туркменгиз, 1937.

Сборник документов о восстании туркмен в 1916 г., Карпов, Ершов, Филипов, под ред. Г. И. Карпова, изд. ТГИЗ.

Туркмения и туркмены, «Туркменоведение», 1929, № 10—11.

«Тамга» — знаки родовой собственности у туркмен, «Туркменоведение», 1929, № 8—9.

Белуджи, «Туркменоведение», 1928, № 2.

Туркменское племя салыр, «Туркменоведение», 1930, № 8—9.

Туркменское племя йомут, «Туркменоведение», 1930.

Родословные туркмен, «Туркменоведение», 1928, № 12; 1929, № 1.

Национальные меньшинства ТССР, «Туркменоведение», 1931, № 3—4.

«Содержание корана» (рецензия), «Туркменоведение», 1929, № 4.

Радянське будівництво у Туркменії, «Східний Світ», Харків, 1930.

Пережитки древних форм брака у туркмен (рецензия), «Туркменоведение», 1928, № 7—8.

Некоторые данные о туркменах мейли (рецензия), «Туркменоведение», 1928, 3—4.

О неправильных выводах Н. Н. Иомудского в его очерке «Бытовые особенности туркмен», «Туркменоведение», 1928.

- По следам Джунаида (рецензия), «Туркменоведение», 1928, № 10—11.
- К истории восстания хивинских туркмен (рецензия), «Туркменоведение», 1929, № 6—7.
- Туркмены Северного Кавказа, Астраханской губернии и Таджикистана, «Туркменоведение», 1929, № 8—9.
- Калым и его социальные корни, «Туркменоведение», 1930, № 2—3.
- Научно-исследовательская работа в ТССР, «Туркменоведение», 1930, № 8—9.
- Осколки «исчезнувших» аланов, «Туркменоведение», 1930, № 8—9.
- Аламань, «Туркменоведение», 1931, № 5—6.
- Хивинское восстание 1916 г. (рецензия), «Туркменоведение», 1931, № 5—6.
- Иомуды, «Туркменоведение», 1931, № 7—9.
- Пережитки бескулачества, «Туркменоведение», 1927, №№ 1 и 4.
- Туркмены, «Туркменоведение», 1927, № 4.
- Туркменские легенды и рассказы, «Туркменоведение», 1928, №№ 7—8 и 9.
- Остатки огнепоклонства у туркмен, «Туркменоведение», 1928.
- Намазы (молитвы), «Большевик», 1928, № 10—11.
- Мудрый вопрос (рассказы), «Туркменоведение», 1928, № 10—11.
- Устное творчество у туркмен, «Туркменоведение», 1931.
- Туркменский колхозный фольклор, (совместно с А. П. Поцелуевским). «Советский фольклор», изд. АН СССР, вып. I, 1934.
- На развалинах древнего Мерва. Коллективный труд, Москва-Ташкент, Огиз, 1934.
- Керкинский округ (политико-экономический обзор). Коллективный труд, изд. ЦИК ТССР, 1925.
- Административное деление ТССР. Коллективный труд, изд. ЦИК ТССР.
- Литературный альманах «Туркменистан». К XX-летию Октябрьской революции. Коллективный труд, Туркменгиз, 1937.
- Предстоящие перевыборы советов в ТССР. Сб. статей, изд. ЦИК СССР, М., 1928.
- Очерки по истории Туркмении и туркменского народа с древнейших времен до наших дней, «Комсомолец Туркменистана», 1939.
- Гражданская война в Туркмении (на русск. и туркм. яз.), Партиздат ТССР, 1940.
- Сборник воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении (на русск. и туркм. яз.), Партиздат ТССР, 1940.
- Очерки по истории Туркмении и туркменского народа (на русск. и туркм. яз.), Госиздат ТССР.
- Прошлое и настоящее туркменского народа (на русск. и туркм. яз.; совместно с Л. Курбановым), Партиздат ТССР.
- Гиляки Мазандерана, «Советская этнография», 1946, № 1.
- К истории туркмен али-эли (ала-эль), «Советская этнография», 1947, № 3.
- Хивинские туркмены и конец Кунградской династии (Материалы по истории туркмен; в соавторстве с Д. М. Батцеров), Госиздат ТССР, 1930.
- Туркменская ССР. Социально-экономический очерк (в соавторстве с Е. Школьниковым), М., 1945.
- Туркменский народ в дни Великой отечественной войны, Изв. ТурФАН, 1944, № 1.
- Изучение этнографии в Туркмении, Изв. ТурФАН, 1944, № 2—3.
- Туркмены-огузы, Изв. ТурФАН, 1945, № 1.
- Вахф и Силах-Су (в соавторстве с А. В. Башкировым), Изв. ТурФАН, 1945, № 5—6.
- Этнографическая работа в Туркмении, «Советская этнография», 1946 № 1.

Работы, подготовленные к печати

Туркменское племя салыр	
"	кара-дашлы (языр)
"	арабачи
"	кнзил-баши
"	караили
"	абдал (эртел)
"	меджеур
"	сунчали
"	караул
"	мурчали
"	шик (шейх)
"	махтум (мохзум)
"	эрсари
"	гоклен (гоклан)
"	сакар
"	мехинли
"	анаули
"	баят
"	сарык
"	игдыр
"	джеланр

Ставропольские туркмены (очерк)

Туркменские «Тамги» — клейма (у туркмен и других туркменских народов и иранцев). 8 таблиц.

Этнографические этюды.

«Вакуфы» — документы и исследования (в соавторстве с А. Ахундовым).

К истории колхоза «Большевик» (там, где было «Государево имение»). Коллективный труд.

Фольклор — 6 сказок народов ТССР.

Материалы к истории древнего Мерва.

Краткое описание содержания книги «Салор-баба» — автора истории туркмен XVI в.

К истории Ленинского Союза коммунистической молодежи Туркменистана, ч. I.

Юношеское движение и первые организации комсомола в Туркмении.

Материалы к истории КП(б)Т.

Хорезмские туркмены. О взаимоотношениях туркмен с хивинцами с X в. до 1918 г.

Эпоха туркменского классика Махтум-Кули (XVIII век).

Этнический состав туркмен (диссертация).

Список народностей Ирана.

Русско-туркменский словарь (в соавторстве с Ш. Батыровым).

Геоктепе.

Парторганизация Туркмении в период восстановления народного хозяйства (1921 — 1925). Глава к истории компартии Туркменистана.

Туркмения в период восстановления народного хозяйства.

Очерк по истории Туркмении (глава для Экономгеографии ТССР).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ



КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Новые данные по антропологии острова Кодьяк и Алеутских островов

Перед нами две посмертные работы Алеша Грдлички — монографии, посвященные итогам его многолетних исследований на острове Кодьяк и Алеутских островах¹.

С 1931 по 1938 г. автор производил систематические археологические раскопки и сбор краниологического и остеологического материала на островах, имея основной целью освещение вопроса о времени и путях заселения этих ближайших к Аляске островных территорий. Эти работы Грдлички являлись непосредственным продолжением его исследований на Аляске, планомерно с 1926 г. проводившихся им по поручению Смитсоновского института². Если по раскопкам на Алеутских островах Грдличка имел своих предшественников³, то в археологии острова Кодьяк он явился пионером. Грдличкой был собран очень большой археологический материал и обширные краниологические и остеологические коллекции, относящиеся к различным периодам и характеризующие культуру и физический тип населения островов на всем протяжении времени от их первоначального заселения до современности.

Обе монографии построены по единому плану. После краткого географического введения следует подробный обзор литературы по этнографии, археологии и антропологии островов, в котором автор широко использует имеющиеся работы, главным образом сообщения русских путешественников и исследователей; последние, как известно, были пионерами в изучении Аляски и Алеутских островов. Далее автор публикует подробные дневники своих раскопок в течение каждого полевого сезона, сопровождая их детальными топографическими планами, многочисленными photographиями раскопок и прекрасными иллюстрациями инвентаря. Антропологическая часть содержит характеристику краниологического и остеологического материала, а также результаты немногочисленных исследований современного населения. В конце приложен список фауны, обнаруженной при раскопках.

Основной вывод автора состоит в установлении важного факта, что первоначальное население островов как антропологически, так и культурно, значительно отличалось от тех обитателей, которых застали здесь русские исследователи в XVIII в.

В истории острова Кодьяк автор намечает следующие основные этапы: первичное заселение его относится, примерно, к началу н. э. и связано с переселением сюда с севера очень небольшой группы. Это первоначальное население — преконьяги (Pre-koniag) — принесло с собой на остров сравнительно высокую неолитическую культуру, которая в течение последующих столетий претерпела здесь в некоторых отношениях упадок. В середине II тысячелетия н. э. на острове происходит резкая смена населения. Новые пришельцы, коньяги, не обнаруживают, по мнению Грдлички, преемственности с предшествующим населением ни по своей культуре, ни по антропологическому типу; это, с точки зрения автора, свидетельствует о том, что в данном случае имели место не инфильтрация новых элементов, не трансформизм, а вытеснение древнего населения новыми пришельцами. Краниологически преконьяги характеризуются по сравнению с коньягами более длинным, более высоким и менее широким мозговым черепом, более высоким и узким лицом, меньшим выступанием альвеолярной части и несколько более низким носовым указателем. Алеуты также являются новыми пришельцами на острова. Заселив Алеутские острова с полуострова

¹ The anthropology of Kodiak Island. By Aleš Hrdlička. The Wistar Institute of Anatomy and Biology, Philadelphia, XIX + 486 pp., 1944.— The Aleutian and Commander Islands and their inhabitants. By Aleš Hrdlička. The Wistar Institute of Anatomy and Biology, Philadelphia, XX + 630 pp., 1945.

² A. Hrdlička, Anthropological survey in Alaska, 46th Ann. Rep. Bur. Am. Ethnol., 1930.

³ W. Jochelson, Archaeological investigations in the Aleutian Islands, Carnegie Inst., Washington, 1925.

Аляски за несколько столетий до прихода русских, алеуты застали здесь древнее население — преалеутов (Pre-aleut), которые были частично уничтожены, частично ассимилированы. Первоначальное заселение Алеутских островов преалеутами датируется автором приблизительно началом н. э. По своей материальной культуре преалеуты отличались от алеутов. В некоторых отношениях они обнаруживают более высокий уровень техники. По своему антропологическому типу преалеуты резко отличны от алеутов; для них характерны: более длинный и высокий мозговой череп, более высокое лицо, меньший прогнатизм. Судя по длинным костям, преалеуты отличались также более высоким ростом и крепким сложением. Разведки на Командорских островах установили, что они до прихода русских были необитаемы и что первоначальное заселение их связано с переселением алеутов с о. Атки и других западных Алеутских островов в начале XIX в.

Центральное место в обеих рецензируемых монографиях занимает сравнительный анализ краниологического и остеологического материала. По заключению Грдлички, преконьяги обнаруживают в своем типе резкое отличие от эскимосов и стоят ближе к алгонкинам; коньяги также отличны от эскимосов и наиболее близки к алеутам. Алеуты и эскимосы, будучи близки по языку, резко различаются по своему антропологическому типу. Этот вывод автором особенно подчеркивается. Сравнение преалеутов с эскимосами и индейцами приводит автора к заключению, что преалеуты, так же, как и преконьяги, резко отличны от эскимосов; наибольшее сходство по краниологическим данным автор обнаруживает между преалеутами и снуками. Тип алеутов и коньягов Грдличка склонен связывать с антропологическим типом тунгусов; приводя сравнение черепов алеутов с очень небольшой исследованной им брахикранной серией тунгусских черепов (6 мужских и 9 женских), автор находит между ними большое сходство и высказывает на этом основании гипотезу, согласно которой алеуты, являющиеся недавними пришельцами на Аляску, связаны по своему происхождению с тунгусами Сибири.

Таковы основные выводы Грдлички. Выводы эти, устанавливающие большую близость древнего населения островов к алгонкинам и снукам, чем к эскимосам, затрагивают проблему генезиса эскимосского типа и его отношения к расовым типам Азии и Северной Америки. Если они верны, то должны служить аргументом в пользу теории Боаса, согласно которой аляскинские эскимосы в своей культуре и физическом типе представляют результат смешения с индейцами⁴. Однако эти выводы Грдлички встречают серьезные возражения и, как пишет в своей рецензии такой знаток эскимосской археологии, как Коллинз, противоречат археологическим данным⁵. Но и в своей антропологической части выводы Грдлички не могут считаться достаточно обоснованными. Приведем составленную по данным Грдлички сравнительную таблицу (по мужским черепам).

Признаки	Г р у п п ы						
	Пр. коньяги	Коньяги	Преалеуты	Алеуты	Эскимосы (вариация средних разных серий)	Алгонкины	Снуки
№	65	50	57	113	995	250	52
Продольный диам.	180,1	176	186,9	180,5	182—202	182	186
Поперечный »	199,9	151	142,6	150,7	134—146	139	143
Высотный »	139,2	135	131,4	129	136—148	139	130
Черепной указатель	77,6	85,9	76,3	83,8	70,3—77,4	76,4	77,2
Высотно-продольный указатель	87	83	79,8	77,9	83,5—86,3	86,7	79,1
Верхняя высота лица	78,5	75	76,4	75,4	76—79	73,5	76,5
Скуловая ширина	140,3	146	144,1	144,3	140—143,5	139	143
Лицевой указатель	56,0	51,7	52,9	52,3	52,8—55,8	52,8	53,5
Длина Endobasion	104,1	102	103,2	100,1	104—108	—	103
» Endobasion prealveolare	102,8	98	104,9	105,2	103—106	—	101
Лицевой угол	68,4	68,2	67	64,6	67—70	—	69,3
Альвеолярный угол	57	54,5	55,1	52,1	55—59	—	56,4
Высота орбиты	36,3	36	36,2	36,9	35,5—36,7	34	36
Ширина »	40,1	40	40,2	41,1	39,8—40,7	39	40
Орбитный указатель	90,4	89,3	90,1	89,7	87,1—91,7	87,6	90,9
Высота носа	53,9	53	52,8	51	52,5—55	53	55
Ширина »	25	25	25,6	25,3	22,7—24,9	26	27
Носовой указатель	46,4	47,4	48,6	48,7	42,7—95,4	49,1	49,4

⁴ См. нашу заметку «К антропологии эскимосов», сборн. «Советская этнография», VI—VII, 1947.

⁵ «Amer. Journ. of Phys. Anthropology», vol. 3, New Series, No. 4, 1945, pp. 355—361.

К сожалению, программа краниологических исследований автора недостаточно полна и не содержит очень многих важных в расово-диагностическом отношении признаков, что особенно существенно для рассматриваемого материала, когда сравниваются в общем близкие между собою серии. В работе приведены лишь средние величины немногих признаков, что не позволяет взвесить статистическую реальность отмечаемых автором различий. Однако и из приводимых автором данных обнаруживается безусловно большая близость к эскимосам древнего населения островов, чем современных алеутов и коньягов. Как указывает Коллинз, это выступает еще более отчетливо при сравнении черепов преконьягов не с суммарной серией эскимосских черепов, а с отдельными локальными сериями с Аляски.

Трудно согласиться с мнением Грдлички о близости черепов преконьягов к алгонкинам; различия между ними в строении лицевой части выступают достаточно отчетливо. Сравнение алеутов и коньягов с тунгусами предполагает, естественно, наличие определенного краниологического тунгусского типа. Вместе с тем, как известно, тунгусы обнаруживают в своем типе очень значительные вариации, и приводимая Грдличкой небольшая серия отнюдь не может считаться характерной. Так называемый палеосибирский тип, характерный для ряда тунгусских и ламутских групп, обладает во многих признаках резко отличными чертами.

Автор при оценке различий между сравниваемыми сериями очень охотно ссылается на влияние внешней среды, что согласуется с его общей концепцией происхождения западного типа эскимосов. Однако это важное положение никак не аргументируется в рецензируемых работах. Когда антропологу приходится иметь дело с такой популяцией, как население Кодьяка и Алеутских островов, весьма немногочисленное, очень длительно изолированное и происходящее, как предполагает автор, от крайне малочисленных групп переселенцев, нельзя не учитывать значения стохастических процессов — возможности случайного сочетания признаков в исходных группах, равно как и процессов особого проявления признаков в изолированных популяциях. Можно предполагать, что в рассматриваемом материале эти процессы в известной степени определили различия между группами. В целом приходится признать, что сложные вопросы взаимоотношения и генезиса эскимосского и алеутского антропологических типов остаются и после капитальных монографий Грдлички неразрешенными.

Но значение рецензируемых работ не столько в их выводах, сколько в огромном собранном материале. Они снова напоминают о той утрате, которую понесла американская антропология со смертью этого неутомимого исследователя. Собранные материалы ждут своей дальнейшей обработки как в археологической части, так и в антропологической, где, применив более широкую программу измерений и обработки материала, можно ожидать немало существенных результатов.

М. Левин

По поводу одной рецензии

В журнале «Советская книга» (1946 г., № 12) опубликована написанная Л. Климовичем подробная рецензия на изданный в 1946 г. поэтический перевод на русский язык важнейшего эпизода киргизского героического эпоса «Манас». Рецензия Л. Климовича, совершенно неудовлетворительная, крайне узкая и однобокая, содержащая множество ошибок, не заслуживала бы внимания, если бы она не содержала положений и выводов, имеющих большое принципиальное значение.

Отмечая значение эпоса «Манас» как крупнейшего памятника киргизского народного творчества, высоко оценивая качество художественного оформления книги и труда переводчиков, автор рецензии основное место в ней отвел обоснованию того тезиса, что указанное издание содержит грубые искажения киргизского народного эпоса. Обвинив составителей, редакторов и переводчиков в некритическом отношении к существующим записям «Манаса», Л. Климович призывает к созданию такого текста «Манаса», «который был бы свободен от нарочитых искажений и искусственности».

В своей рецензии Л. Климович выдвигает беспартийное утверждение о «модернизации и фальсификации» «Манаса» усилиями родов ой (разрядка всюду наша.— С. А.) верхушки (стр. 91; на стр. 95 она превращается в феодально-клерикальную верхушку), использовавшей для этой цели мулл. Абсолютно не представляя себе киргизской действительности, Л. Климович механически переносит на нее те явления, которые характерны для других стран, где феодальные отношения достигли в прошлом большего развития и в соответствии с этим имело место гораздо большее влияние клерикальных мусульманских элементов. Но нет никаких оснований говорить о какой-либо значительной роли в дореволюционной Киргизии мулл (в принятом значении этого слова) и о мусульманском клерикализме вообще. Если некоторое значение мусульманское духовенство и имело, то лишь среди части южно-киргизских племен, близко соприкасавшихся с оседлым узбекско-таджикским населением, т. е. как раз там, где эпос «Манас» был относительно мало известен и не приобрел того широкого распространения, какое наблюдалось на севере Киргизии.

Автор рецензии, не располагая какими бы то ни было известными науке данными, устанавливает, что особенно большим изменениям эпос подвергся в XVIII—XIX вв.

С таким же основанием мы можем допустить, что эпос подвергался серьезным переработкам и в XVI—XVII вв., когда киргизы были участниками бурных политических событий в восточной части Средней Азии, и в XX веке, принесшем глубочайшие преобразования в жизни киргизского народа. Эти изменения в эпосе Л. Климович связывает с распространением в Киргизии ислама. Мы полагаем излишним доказывать поверхностность такого объяснения, хотя, разумеется, появление новой идеологии в виде ислама должно было, в ряду других факторов, оказать известное влияние на процесс эпического творчества у киргизов.

Наряду с полным неведением Л. Климовича в вопросах конкретной истории Киргизии, мы встречаем в его рецензии совершенно необъяснимые противоречия. На стр. 92 он заявляет, что «распространители мусульманства не добились в Киргизии больших успехов» (заметим, кстати, что мы впервые узнали от Л. Климовича о том, что русское самодержавие способствовало мусульманизации Киргизии). На стр. 94 автор, не смущаясь, заявляет: «Вобщем из «Рассказа Алмамбета» видно, каких больших результатов добились мусульманский клерикализм в своей фальсификации народного эпоса». Получается, что, не добившись «больших успехов» в распространении ислама, таинственные представители мусульманского клерикализма весь свой пыл обратили на «фальсификацию» народного эпоса и весьма преуспели в этом. Антиисторичность таких «концепций» слишком очевидна, чтобы подробно останавливаться на них.

Л. Климовичу и дальше не удается свести концы с концами. Он, например, с явным удовлетворением отмечает, что «исламская перелицовка киргизских сказаний... с точки зрения мусульманской, несовершенна». Это по его мнению, совершенно неотразимый аргумент в пользу следующего вскоре утверждения о «наносности» мусульманской окраски «Манаса», «надуманности» трактовки похода киргизов на Китай. Подобным утверждением Л. Климович сводит на-нет свой же собственный «анализ», изложенный двумя страницами ниже, где он говорит о «мусульманской переложке эпоса». Сам того не замечая, он подтверждает то положение, что проникшие в эпос на более поздних этапах его формирования и связанные с исламом идеи не могли значительно видоизменить и, тем более, «фальсифицировать» основные, наиболее существенные народно-героические сюжеты и ситуации эпоса.

Неосведомленность рецензента в вопросах, о которых он смело берется судить, нашла свое наиболее яркое выражение в его попытке трактовать «Рассказ Алмамбета» как переработку древнего киргизского эпоса «в духе мусульманского ортодоксального клерикализма». Домыслы Л. Климовича не идут дальше выводов о том, что народному герою Алмамбету были приданы черты мусульманского воителя за веру — газы, что «легенды» об Алмамбете повторяют как общеизвестные мусульманские предания, так и мифы о богах и пророках.

Если бы Л. Климович не отнесся так легкомысленно к рассматриваемому им фольклорному сюжету, то он, прежде всего, должен был бы знать, что еще в 1890 г. акад. В. В. Радлов указал на то, что среди тюркских племен еще до сих пор живет предание об Огуз-кагане, и в качестве примера сослался на изданный им в V томе «Образцов народной литературы северных тюркских племен» текст «Манаса»¹. Во втором эпизоде киргизского эпического сказания о Манасе говорится о том, как калмыцкий богатырь Алмамбет был обращен в ислам казахским витязем Көкчө. Не добившись согласия своего отца Кара-хана принять ислам, Алмамбет убивает его и становится соратником Манаса. На древнее уйгурское сказание об Огуз-кагане, как на один из возможных источников создания сюжетной канвы киргизского эпоса «Манас», обратил внимание в своей работе А. Н. Бернштам (Эпоха возникновения великого киргизского эпоса «Манас», Аляманах «Киргизстан», Фрунзе, 1946).

Сопоставляя уйгурскую версию легенды об Огуз-кагане с эпосом «Манас» мы действительно находим в последнем некоторые мотивы, дающие основание для сделанного А. Н. Бернштамом предположения. В имени матери Огуз-кагана — Ай-каган мы видим тот же элемент, который содержится в имени матери Алмамбета — Алтын-ай. Однако отдельные черты образа Огуза оказываются перенесенными в «Манасе» не на Алмамбета (как мы это наблюдаем в более поздних версиях легенды об Огуз-кагане), а на самого героя эпоса — Манаса. Как и Огуз, вкусив первое молоко от груди своей матери, просил уже мяса и других кушаний и напитков, так и Манас после рождения выпивает три бурдюка масла. Если ноги Огуза были подобны ногам быка, туловище — туловищу волка, грудь — груди медведя и т. д., то и Манас, по эпосу, имел тигровую шею, змеиные веки, волчьи уши. Манас, как и Огуз, в детстве пас скот, ездил верхом, сходил в Огуз единоборствует с единокором, который пожирал лошадей и истреблял людей, втягивая их в себя. Манас, подобно Огузу, убивает в детстве чудовищного зверя, но не копьём, как Огуз, а выстрелом из своего чудесного ружья «Ак-кельтэ». Кстати, образ единокорога мы встречаем и в «Манасе», но в другой связи: враждебный киргизам китайский богатырь Мады-хан выезжает на бой на единокором быке. В эпосе «Манас» мы находим отголосок тех религиозных воззрений, которые

¹ В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб., 1893. Для дальнейшего изложения мы пользовались помещенными в этой работе различными вариантами сказания об Огуз-кагане.

наличествуют в легенде об Огузе. К небу, как к божеству, обращаются и снотолкователь Улук Турук в легенде об Огузе, и герои киргизского эпоса. Можно, наконец, еще указать на характерный эпитет богатырей в «Манасе», постоянно применяемый к самому Манасу — «Кок-жал», сивогривый (волк), синоним храбреца. В легенде же об Огузе последний указывает, что онгоном уйгуров будет сивый волк, а в дальнейшем одним из персонажей в легенде становится сивошерстный сивогривый волк, говорящий на человеческом языке и преданно служащий Огузу, указывая ему путь во время похода.

Но в еще более отчетливой форме непосредственная связь «Манаса» с легендой об Огузе выступает при ознакомлении с мусульманской версией этой легенды, изложенной в «Тарих-и-Газани» Рашид ад-Дина, памятнике, относимом к началу XIV в. Можно со значительной долей вероятности говорить о том, что эта версия сказания об Огуз-кагане послужила прообразом сюжета рассказа об Алмамбете, который Л. Климович считает позднейшей, «несвойственной киргизам мусульманской интерпретацией» какого-то никому неизвестного народного эпического повествования. Нам уже пришлось указывать на поразительное в сюжетном отношении совпадение ряда деталей истории Алмамбета с мотивами распространенных в Восточном Туркестане древних мусульманских легенд («Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас», «Советская Этнография», 1947, № 2). Совершенно очевидно, что сказание об Огуз-кагане могло отложиться в киргизском эпосе через знакомство его творцов с теми, в частности, вариантами сказания, которые воспроизведены в восточнотуркестанских легендах. Однако при этом «Рассказ Алмамбета» сохраняет важнейшие черты указанной выше версии сказаний об Огуз-кагане. Как явствует из записанной В. В. Радловым версии «Манаса», Алмамбет, подобно Огуз-кагану, является сыном Кара-хана:

Из ойратов четырех стран света,
Из ойратов, имеющих воротники из грив,
Золоточубый, с кушаком снабженным кистями,
Сын Кара-Кана
Тигроподобный Алман Бет

(Радлов, Образцы, т. V, стр. 6).

По Рашид ад-Дину родители Огуза были неверными. Он рождается мусульманином и, являясь матери во сне, склоняет ее стать мусульманкой. По варианту С. Каралаева Алмамбет рождается от тайной мусульманки Алтын-ай. В имеющейся поздней редакции сказания об Огузе-кагане, сообщаемой Абульгази (середина XVII в.), говорится, что Огуз-каган, едва начав говорить, произносил имя пророка. Алмамбет сразу же после рождения начал кричать слово «ислам».

Далее Рашид ад-Дин излагает историю брака Огуза. Только третья девушка, которой он, как и двум предыдущим, предложил принять ислам, согласилась выполнить его просьбу, и за это он полюбил ее. Тот же мотив, но в иной интерпретации мы встречаем и в «Манасе». Алмамбет, будучи еще язычником, полюбил китайскую принцессу Бурулча, также тайную мусульманку, и предлагает ей стать его женой. Бурулча ставит условием, чтобы Алмамбет принял мусульманство, только после этого она полюбит его. Алмамбет выполняет наказ Бурулчи и отправляется в страны, где господствует ислам. Когда Кара-хан узнает о том, что его сын Огуз исповедует другую религию, он решает убить его. Отметим сообщаемую в варианте Абульгази деталь: «Ко времени Кара-хана неверие тюрков было так велико, что сын, узнав о том, что его отец принял ислам, убивал его, и отец услышав то же о сыне, также убивал его». Узнав о решении Кара-хана, жена Огуза предупреждает последнего. В последовавшем между сторонниками Кара-хана и Огуза сражении Кара-хан был поражен мечом. По Абульгази Кара-хан умер от пущенной неизвестно кем и попавшей ему в голову стрелы. У того же автора мы находим характеристику Огуза, рисуящую его как распространителя ислама, «воителя за веру», который «осыпал подарками тех, кто принимал веру, на тех же, которые не принимали, ходил войной». После 73-летней войны с могулами и татарами Огуз покорил их и сделал мусульманами.

Те же мотивы отцеубийства и войны за веру мы видим и в биографии Алмамбета. Таким образом, все кажущееся Л. Климовичу в «Рассказе Алмамбета» и в эпосе вообще чуждым, искусственным, «нарочитой фальсификацией» и т. д. является для эпоса закономерным и органичным, восходя к древнейшим фольклорным сюжетам. Тезис Л. Климовича о позднейшей «исламской перелицовке» киргизского эпоса распыляется, едва соприкоснувшись с известными науке фактами.

Та же участь должна постигнуть и другое «изыскание» Л. Климовича — по поводу распространения ислама в Китае. Он пытается утверждать, что ислам и буддизм активно уживались в Китае, причем относит значительное распространение там ислама к XIV веку. В данном случае именно Л. Климович, и не кто иной, извращает исторические факты. Известно, что уже во второй половине X в. ислам сделал большие успехи среди уйгуров, основная территория распространения которых находилась в пределах современного Китая. К концу X в. там появляется мусульманская дина-

стия «Илек-ханов». Родоначальник этой династии Абд-ал-Керим-Кара-хан Сатук², принявший ислам, всю жизнь стремился к его распространению. При жизни одного из его преемников, Тоған-хана, из Китая выступило крупное войско, приблизившееся к столице государства «Илек-ханов» — Баласагуну. Тоған-хану удалось разбить это войско. «Несомненно, — пишет В. В. Радлов³, — это было войско, состоявшее из кочевых уйгуров (христиан или язычников), если мы здесь не имеем дела с первым напором тибетцев». Известно далее, что в некоторые периоды, например в 80-х гг. XIII в., положение мусульман в Китае было особенно тяжелым, что не могло соответственно не вызывать антагонизма между ними и инаковерующими. История китайских мусульман — дунган, саларов и др. в XVII—XIX вв. заполнена их борьбой с тлетворной цинской (маньчжурской) монархией, причем не малую роль в мотивах этой борьбы играли притеснения и оскорбления религиозных чувств, которым систематически подвергалось со стороны китайских властей мусульманское население Китая. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что ислам в Китае далеко не всегда мирно уживался с буддизмом и другими религиозными течениями.

Авторы вступительной статьи к рецензируемой книге, У. Джакишев и Е. Мозольков, не столь уж неправы, как кажется Л. Климовичу, когда они пишут: «Ведь борьба Манаса с китайцами в какой-то степени — религиозная борьба мусульманства с буддизмом». Следует помнить, что зная содержание эпоса, У. Джакишев и Е. Мозольков, говоря о борьбе мусульманства с буддизмом, имели в виду не столько буддизм как таковой, сколько идолопоклонство или язычество в широком смысле слова, т. е. ту противоположность между язычеством и исламом, о которой пишет В. В. Радлов. Обвиняя авторов вступительной статьи в допущенной ими неточности при цитировании В. В. Радлова, Л. Климович в своем стремлении смягчить религиозный антагонизм, действительно существовавший в Китае между исламом и язычеством, и доказать, что опубликованный вариант эпоса заведомо и вполне обдуманно «фальсифицирован» в мусульманском духе, допускает недобросовестный прием, сознательно опуская ту часть цитаты из предисловия В. В. Радлова к V тому его «Образцов», которая идет в разрез с его концепцией. В. В. Радлов не ставит точки после слов: «Эти войны (с калмыками, в XVIII в. — С. А.) собственно не были религиозными...», как это делает Л. Климович (стр. 92), а пишет далее: «но калмыцкие князья и китайцы своими притеснениями возбудили в киргизах-магометанах религиозную ненависть к неверующим врагам» (стр. XI). Следовательно, окрашивающие эпос «Манас» религиозные мотивы борьбы киргизов со своими врагами не навязаны эпосу искусственно «феодално-клерикальной верхушкой киргизского аула», как это силится доказать Л. Климович, а являются объективным отражением не только обусловленной конкретной исторической обстановкой XVII—XVIII вв. вражды между киргизами — мусульманами и соседними народами — не мусульманами, но и более древней борьбы религиозных течений в Китае, в которой принимал участие и ислам.

Л. Климович, подчеркивая народность образа Алмамбета, упоминает о героях средневекового французского эпоса. Ему больше чем кому-либо другому следовало бы знать, что французский «Песне о Роланде», сложившийся в атмосфере подготовки крестовых походов в конце XI в., был придан религиозный характер борьбы христианства с мусульманским миром, что исторический факт — стычка арьергарда Карла Великого с басками в 778 г. — трансформировался в «Песне о Роланде» и превратился в грандиозную битву с маврами — традиционными врагами христианской веры. Киргизский эпос «Манас» не является, следовательно, исключением в ряду других произведений мирового эпоса. Как Роланд в «Песне...» являет собой образец христианского рыцаря, так и герой киргизского эпоса — Манас наделен не одними лишь чертами патриота, неустранимого вождя киргизских племен, но и чертами мусульманского героя, покорителя «неверных». Все то, что автору рецензии представляется «искусственным» и «феодално-клерикальными искажениями народного эпоса», оказывается на деле закономерным проявлением на киргизской почве общих законов эпического творчества. Поэтому по меньшей мере беспочвенными являются обвинения, которые Л. Климович походя, совершенно незаслуженно, бросает авторам вступительной статьи, приписывая им роль проводников панисламистских и пантюристских идей.

Л. Климович обвиняет составителей книги еще в одном «преступлении»: в «довольно свободном» подборе отдельных отрывков из эпоса. На проверку оказывается, что Л. Климович просто наудачу слепил изданный полный перевод первой части цикла «Великий поход» с некоторыми прежними публикациями отдельных отрывков из «Манаса»⁴. Обнаружив отдельные несущественные купюры (в две, четыре, шесть строк) в нескольких эпизодах последнего издания по сравнению с предыдущими публикациями, Л. Климович хочет подчеркнуть, что коль скоро «рецензируемая кни-

² В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, стр. 122; ср. В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 25, 26; у него Сатук-Бограхан Абдулкерим или Сатук Кара-Хакан.

³ Цит. соч., стр. 124.

⁴ См. напр. «Манас». Киргизский народный эпос. Главы из «Великого похода». М., 1941; «Чубак и Алмамбет», Библиотека журнала «Огонек», М., 1939.

га — не академическое издание» и составители уже «погрешили» перед наукой, можно идти и дальше по пути «обработки» эпоса. Никому и в голову не могла прийти мысль о том, что мы имеем дело с академическим изданием, ибо для последнего потребовалась бы прежде всего публикация самого текста эпоса и отнюдь не поэтический, а подстрочный его перевод.

Рецензенту кажется, что при издании поэтического перевода допущены крайне серьезные отступления от текста эпоса. В качестве примера он приводит, в частности, пропуск двуступия на стр. 99, в котором говорится об обращении жены Манаса — Каныкей за тканями для изготовления доспехов и к русским:

«У ткачей в Карашаре просить,
Средь орусов шаря, просить...»

Эта упущенная деталь, по мнению Л. Климовича, «может лишь затруднить понимание (? — С. А.) многих исторических несообразностей, имеющих в современных записях «Манаса» (стрельба из лушек и ружей, пользование подзорной трубой и т. п.). Воображаемые «исторические несообразности» являются вполне обычным для эпических произведений явлением. Ту же «подзорную трубу» можно встретить не только в киргизском эпосе. Что касается пушки Абзель, то ее наличие в эпосе, как на это указано в специальной работе⁵, может быть объяснено связями киргизов с калмыками, у которых пушки появляются уже в первой половине XVIII в.

Все эти, как и многие другие «аргументы» нужны Л. Климовичу для того, чтобы «с чувством разочарования» сделать основные выводы:

а) Героический киргизский эпос «Манас» подвергся в XVIII—XIX вв. «феодално-клерикальным искажениям»;

б) Составители, редакторы и переводчики книги некритически и «дозвольно свободно» отнеслись к существующим записям эпоса и воспроизвели фальсифицированные тексты;

в) Необходимо «воссоздать» подлинный народный текст «Манаса», свободный от нарочитых искажений и искусственности.

Мы должны оставаться прежде всего на почве современных научных взглядов на процессы сложения и формирования эпических произведений. Это обязывает нас считать с тем фактом, что в нашем распоряжении из наиболее полноценных имеются лишь те записи «Манаса», которые были положены в основу рецензируемого поэтического перевода на русский язык. Иных записей пока нет, и вряд ли они будут. Имеющиеся варианты «Манаса» являются продуктом творческой переработки эпических сюжетов, осуществлявшейся многими поколениями сказителей — манасчи. В свою очередь сказители, не исключая и Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева, всегда были «детьми своего века» и не могли не отражать в своем творчестве господствовавших общественных идей и взглядов, а следовательно и религиозной идеологии. Именно поэтому даже у вполне советского сказителя Саякбая Каралаева мы находим «омусульманенную» (по словам Л. Климовича) версию «Манаса», и в том числе «Рассказ Алмамбета», в котором не в меньшей (если не в большей) мере, чем мусульманские предания или жизнеописания богов и пророков, отражены широко распространенные международные фольклорные мотивы. Не допускает ли Л. Климович, что изъятие всех мусульманских наслоений в «Манасе», вполне оправданных для эпохи завершения формирования эпоса и его окончательной редакции (вторая половина XIX — начало XX в.) может вызвать еще более грубые искажения исторической действительности? Не учитывать сложности переплетения различных элементов в идеологии киргизов — значит отмахнуться от реальной исторической обстановки, складывавшейся в течение последних столетий жизни киргизского народа.

Мы не склонны разделять пронизывающие всю рецензию Л. Климовича опасения в возможности воздействия на широкого советского читателя, который будет пользоваться русским поэтическим переводом «Манаса», имеющих в нем мусульманских наслоений. Удельный вес этих наслоений не столь велик, и они имеют явно второстепенное значение по сравнению с основной, патриотической идеей эпоса. «Фальсификации», «искажения», «перелицовка», «перекраска» эпоса, о которых так много говорит Л. Климович, вовсе не играли решающей роли в том процессе творческого переосмысления господствовавшей мусульманской идеологии в эпическом произведении, какой мы наблюдаем у манасчи. Какое бы мы ни взяли эпическое произведение, в нем в большей или меньшей степени отразилась та или иная религиозная идеология — христианская, мусульманская, буддийская, шаманская и т. д. Если бы, допустим, в дошедших до нас версиях эпоса отсутствовали наслоения, связанные с исламом, то разве в такой же степени не выступило бы в эпосе предшествовавшее исламу у киргизов шаманское мировоззрение? Вряд ли такой вариант может больше устроить рецензента.

Мы не знаем как представляет себе Л. Климович «воссоздание» подлинного текста эпоса (к сожалению нам неизвестны научные труды в этом направлении, на

⁵ С. М. Абрамзон, Черты военной организации и техники у киргизов, Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, Фрунзе, 1945.

которые он ссылается), но мы убеждены в том, что эта задача, выдвинутая Л. Климовичем, в принципе антинаучна, а на практике может привести к плачевным результатам. По существу Л. Климович предлагает подменить существующие тексты эпоса переработанными, подчищенными от мусульманских наслоений и «фальсификаций» текстами, в которых во всей полноте проявится субъективный подход того или иного редактора или составителя. Повидимому, нарушить живую ткань эпического произведения и выхолостить из него органически выросшие мотивы разновременного происхождения — значит, по мнению Л. Климовича, «воссоздать» его подлинность и народность, освободить его от искажений и искусственности. Мы не стоим на этой точке зрения.

В «Манасе», разумеется, есть элементы искусственности, имеются и отдельные эпизоды (например «Поход на запад», «Поход на север» и др.), созданные индивидуальным творческим вдохновением Сагымбая Орозбакова и не всегда представляющие большую художественную и познавательную ценность. Но под флагом борьбы с «искусственностью» в эпосе «Манас», являющейся, якобы, результатом «перекраски» событий и героев, Л. Климович пытается навязать свою точку зрения, которая привела бы к действительно искусственному «воссозданию» текста эпоса. Именно поэтому предложения Л. Климовича имеют гораздо более широкий и принципиальный характер, призывая по сути дела к отказу от сохранения специфики фольклора, к полной переработке эпоса, к нарушению целостности эпического произведения. С этой концепцией решительно нельзя согласиться, ибо кроме вреда она ничего принести не может.

С. Абрамзон

НАРОДЫ СССР

Фольклор Саратовской области. Книга первая. Составила Т. М. Акимова под редакцией А. П. Скафтымова, Саратов, 1946, 536.

Сборник «Фольклор Саратовской области» представляет собой выборку из того большого фольклорного материала, который был собран в саратовском Поволжье за последние двадцать пять лет.

Начало систематическому и интенсивному изучению фольклора Саратовской области было положено профессором Б. М. Соколовым, значение деятельности которого, кстати сказать, недостаточно подчеркнуто в книге. Широко, многообразно и серьезно развернутая Б. М. Соколовым работа была затем продолжена его учениками, к числу которых принадлежит и составительница рецензируемого сборника Т. М. Акимова, имя которой как собирателя и исследователя саратовского фольклора пользуется заслуженной известностью.

В книге, являющейся первой частью предпринятого саратовскими фольклористами труда, представлен «старый дореволюционный по тематике и происхождению фольклор в его современном звучании». Таким образом, в сборник вошли образцы традиционного фольклора, записанные в советское время. «Новому» фольклору составители предполагают посвятить вторую часть сборника. Целесообразность такого деления материала, записанного в советское время, на «старый» и «новый» фольклор вызывает сомнения. Такой искусственный разрыв единого и живого творческого процесса уничижает представление о современном репертуаре и о тех путях, по которым развивается советский фольклор. Совершенно правильно Т. М. Акимова отмечает, что во многих «старых» фольклорных произведениях «нередко проскальзывают черты советского быта, нового отношения к жизни, к труду, к религии» (стр. 5). Возникает вопрос, можно ли эти произведения отрывать от фольклорных текстов советской тематики. При таком принципе деления сказка № 379, например, совершенно выпадает из общего тона «старых» сказок, благодаря своей концовке: «...и завелся у них брачный пир, и пировали так долго, до самой Октябрьской революции. Но советская-то власть их разгрузила. Им хвост-то накрутила, что они народ эксплуатировали, людей собирали. Ну и ходят они теперь где-нибудь, шатаются по миру». Эта традиционная по сюжету сказка, несомненно, неразрывно связана со сказками, посвященными современным событиям. Этот же порочный принцип деления приводит к тому, что зачастую в сборнике даны только любовные, что почти не представлены пословицы и т. д. Если количество материала диктовало необходимость деления книги на два тома, было бы целесообразнее в одном томе дать сказовый, в другом песенный материал, так как это не разрушало бы представления об отдельных фольклорных жанрах во всем их живом многообразии.

Не всегда удачно распределение материала и внутри сборника. Так, например, веснянки, правда, исполняемые детьми, может быть, все же лучше было дать в разделе обрядовой поэзии. Вряд ли стоило широко распространенную юмористическую песню «Поедем, хозяйшюк, со мной на базар», восходящую к польской виршевой поэзии, относить и так называемым «тутушальным» песням.

Подавляющая часть текстов, данных в сборнике, публикуется впервые. Сборник очень интересен по своему составу. Очень интересны тексты опубликованных былии

и исторических песен, прекрасно представлены различные виды лирических песен. Особый интерес представляет публикация до сих пор неизвестной народной драмы «Как француз Москву брал». Очень ценны тексты опубликованных сказок и преданий.

Своей научной доброкачественностью сборник резко выделяется среди обычных областных изданий. Это следовало и ожидать, памятуя о славной традиции саратовской фольклорной школы и принимая во внимание имена составителя и редактора сборника.

В сборнике дана большая статья о фольклоре саратовского Поволжья, обширный комментарий к отдельным текстам, словарь местных слов, библиография саратовского фольклора, указатель населенных пунктов, где производилась запись публикуемых текстов.

Приходится пожалеть о том, что в комментарии нет достаточно точных сведений о характере бытования отдельных жанров или даже произведений. Недостаточно четко разграничены материалы, активно живущие в репертуаре, и такие, которые еще живут в памяти носителей фольклора, но уже ушли из живого быта. Так обстоит дело со свадебными и многими хороводными и игровыми песнями, записанными в основном от пожилых женщин.

Отдельные жанры недостаточно равномерно представлены в сборнике, что ведет к искажению репертуарного лица области. Так, явно недостаточно показаны пословицы, представленные в записях только от одного лица, и частушки, данные в очень небольшом количестве и в записях только 20-го года.

Комментарии в целом составлены очень тщательно, они содержательны и интересны; очень ценно, что даются подробные сведения о носителях фольклора, причем не только о сказочниках, но и о певцах, что значительно реже практикуется в фольклорных сборниках. Ценно также то, что в комментариях к песням не только даются ссылки на основные сборники, но указываются и даже приводятся местные варианты, имеющиеся в малоизвестных и труднодоступных изданиях.

Тем досаднее, что в некоторых случаях комментарий недостаточно исчерпывающ. Так, например, нет достаточно четкой характеристики репертуара такого незаурядного сказочника, как П. К. Артемьев. Сведения же о составе репертуара сказочников, представленных в сборнике, совершенно необходимы, так как сказки представлены лишь выборочно. Следовало бы, помимо чисто биографических сведений, дать сведения о творческом пути и такого своеобразного сказочника, как Савихин, кстати сказать, почему-то лишенного в сборнике имени и отчества. В комментариях к сказкам даны, помимо указания соответствующего номера по «Указателю сказочных сюжетов» Аарне-Андреева, ссылки на сборники последних лет. Однако эти ссылки сделаны недостаточно полно. Так, например, в комментарии к сказке № 383 «Про царя и двух мастеровых» указана антология М. К. Азадовского и сборник беломорского сказочника М. Коргуева и не указаны сборники Красноженовой, сборник Азодочского «Верхнеленские сказки» и сборник «Сказки И. Ф. Ковалева», в которых имеются варианты комментируемого сюжета. По отношению к целому ряду сказок диспозитивные ссылки вообще не даются. Иными словами, в сборнике нет единого принципа комментирования.

Материал сборника очень выигрывает от того, что предваряется большой и серьезной статьей Т. М. Акимовой. Думается, однако, что некоторые положения автора, в частности об отмирании фантастической сказки, нуждаются еще в проверке на более широком материале.

Сборник «Фольклор Саратовской области» — значительное явление советской фольклористики. Читатели, несомненно, с нетерпением будут ждать появления обещанной составителями второй части. Надо надеяться, что она не заставит слишком долго себя ждать.

Э. Померанцева

Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой отечественной войне. Запись, вступительная статья и сведения о сказителях Ф. В. Тумилевича, Ростов н/Д, 1946.

Рецензируемый сборник представляет значительный интерес несмотря на его малый размер. Он заставляет вспомнить одну из интереснейших страниц русской истории начала XVIII в. В то же время главное содержание сборника — самые горячие события современности. Казаки-некрасовцы ведут свое название от имени атамана Игната Некрасова (Некраса), ближайшего сподвижника вождя народного восстания (1707—1708 гг.) Кондрата Булавина. Когда восстание было подавлено, Некрасов не смирился: он увел повстанцев вместе с их семьями на Кубань. Позднее, спасаясь от преследований царского правительства, некрасовцы ушли в Турцию. Там, на чужбине, стремясь сохранить свое национальное лицо, некрасовцы ревниво, упорно оберегали свой быт и свои обычаи. Благодаря этим особо сложным историческим условиям, некрасовцы сумели на протяжении более чем двух столетий сохранить до наших дней целый ряд интереснейших остатков русской старины. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции некрасовцы начали возвращаться на родину. Недалеке от города Приморско-Ахтарска, на Кубани, некрасовцы поселились

на трех хуторах — Потемкинском, Новопокровском и Новонекрасовском. Еще перед Отечественной войной оба колхоза некрасовцев стали участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В дни войны казаки-некрасовцы доблестно сражались в рядах Красной Армии, а оставшиеся на хуторах во время немецкой оккупации старики, женщины и дети активно боролись против фашистских захватчиков.

Песни и сказки, представленные в рецензируемой книге, были записаны в дни войны в 1944 г. В этих произведениях мы видим исключительно интересное сочетание старинной традиции с современностью. В сборнике представлены песни, плачи-причеты, сказки-легенды, рассказы, частушки. Текстам предпослана статья Ф. В. Тумилевича «Устная поэзия некрасовцев об Отечественной войне». В конце книги даны краткие сведения о сказителях, приложены шесть портретов сказителей и сказительниц. Сказители-некрасовцы умело перерабатывают старинную поэтическую традицию, создавая новые произведения большой впечатляющей силы. К таким произведениям прежде всего надо отнести плач «Будь ты проклят, Гитлер» сказительницы Капустинской. В сжатой, энергичной форме ей удалось передать глубину и силу народного гнева и презрения к фашистам. Интересна сказка-легенда Господарева «Игнат помогает Красному войску». Господарев обращается к дорогому для некрасовцев образу Игната Некрасова, делает его участником Отечественной войны. Выделяется среди других замечательная песня Морозова «Я пушу стрелу». Все произведения, представленные в сборнике, привлекут внимание не только исследователей, но и рядового советского читателя своими несомненными поэтическими достоинствами. Вступительная статья и сведения о сказителях, составленные Ф. В. Тумилевичем, полезны и нужны для понимания текстов. Но в этих материалах имеется и ряд недостатков. Ф. В. Тумилевич напрасно отделяет сведения о сказителях от вступительной статьи, тем более, что большая часть этих сведений содержится во вступительной статье, а за остальными почему-то приходится обращаться в конце книги. Давая характеристику сказителям, Ф. В. Тумилевич усердствует по части личных оценок («добрый», «бодрый», «гостеприимный» и т. д.), но часто не дает творческой характеристики. В нескольких случаях Ф. В. Тумилевич приводит любопытные сопоставления старинного фольклорного образца и возникшего на его основе нового произведения, но в отношении большинства произведений он этого не делает. Читателю остается гадать, является ли то или иное произведение вполне оригинальным или переработкой старого традиционного текста. Отсутствует ясный и систематический комментарий к отдельным произведениям. В сборник включена группа произведений («Штурман», «Село с рассветом вышло из тумана», «В небе туча грозовая»), несомненно являющихся переработкой стихотворений советских поэтов. Составитель не только не дал никаких комментариев к этим произведениям, но даже не указал, от кого они записаны.

Появление этой небольшой книги выдвигает насущный вопрос об издании большого сборника фольклора казаков-некрасовцев, снабженного полноценным научным комментарием. В этом есть настоятельная необходимость, так как о быте и творчестве некрасовцев в советской науке до сих пор не опубликовано серьезных исследований.

М. Кузнецов и И. Дмитриков

Руны и исторические песни. Перевод и предисловие В. Евсеева, Петрозаводск, 1946.

Еще на первом съезде писателей Карело-Финской ССР в 1941 г. перед литературоведами и писателями республики была поставлена задача популяризации народного творчества. Выполняя это решение, научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР издал в течение последних 6 лет ряд фольклорных сборников с самой разнообразной тематикой. К числу их следует отнести и рецензируемую работу. Кроме того, рецензируемый сборник может быть включен в число произведений, вызванных к жизни Великой отечественной войной, так как в нем, по словам переводчика, прослеживается, «каким образом на протяжении многих столетий тематика войны отразилась в устной народной поэзии». В этой области рецензируемой работе предшествовали: сборник того же автора «Про изверга-немца. Старинные карело-финские народные песни» (1943), и его же статья «Борьба с немецкими захватчиками во карело-финским народным песням» («Дружба народов», 1943, № 9). Таким образом, некоторые из помещенных в рецензируемом сборнике песен публикуются на русском языке уже в третий раз, некоторые во второй (впервые они появились в сборнике того же автора «Сампо», Петрозаводск, 1940), и лишь переводы вариантов, взятых из Suomenkansan vanhat runot (Helsinki, 1904—1940, т. I—XIII) публикуются на русском языке впервые.

Из многообразных сюжетов карело-финских рун и исторических песен в сборнике помещено 15. Работе предпослана вводная статья; имеется указатель источников; подстрочные примечания разъясняют местные, областные слова, имена собственные и некоторые мотивы рун. Фольклорный материал сборника не разделен на руны и исторические песни. Автор лишь разместил их в определенной последовательности: первые пять сюжетов являются вариантами рун Калевалы, затем следуют

семь сюжетов с военной и антинемецкой тематикой, последние три сюжета песен связаны с именами Ивана Грозного, Петра I и Павла I. Касаясь художественной ценности публикуемых в сборнике вариантов рун и их переводов, автор в предисловии подчеркивает свое стремление к точности перевода, близости к оригиналу; стилистическая правка перевода не касалась содержания рун. Сравнение рун из рецензируемого сборника с более ранними публикациями наглядно показывает вдумчивый и творческий подход переводчика к своему материалу, его сложную и кропотливую работу над передачей нужного смыслового оттенка не дословным (хотя бы и точным, как это в переводах «Калевалы» Л. Бельского) пересказом содержания, но с сохранением и стихотворного размера, и художественных образов рун. Лаконичность и динамичность рун в рецензируемом сборнике особенно ярко выступает при сравнении их с рунами «Калевалы» в литературной обработке Ленрота, где текст загроможден длиннотами заговорной и обрядовой поэзии. Кроме своей несомненной художественной ценности, публикуемые материалы имеют и большое общественно-политическое значение. С одной стороны, песенный материал неопровержимо свидетельствует о глубокой древности финско-славянских культурных связей. Дружественные финско-славянские отношения, как это убедительно доказывает публикуемый материал исторических песен, существовали еще в эпоху Александра Невского, когда карелы участвовали в Ледовом побоище в рядах Новгородского войска; исторические песни карело-финского народа откликаются и на войны Ивана Грозного, и на походы Петра I, и на нашествие Бонапарта. Тесная культурная связь русского и карельского народов своеобразно воплощается в образе Ивана Калевы: само соединение русского и карельского имен у этого излюбленного героя рун и исторических песен весьма показательно. С другой стороны, карело-финские руны и исторические песни это своеобразный отклик народа на постоянные грабительские происки феодалов-немцев. Образ знатного богатого немца Ганса (с его постоянным эпитетом «низкий»), способного на насилие, грабеж, убийство жены, сожжение сына, возник в сознании народа еще несколько столетий тому назад, когда немецкие псы-рыцари столкнулись с карело-финскими племенами при колонизации Восточной Прибалтики. Руны и исторические песни отражают многовековую борьбу карело-финского народа с немецкими захватчиками; недаром даже шведов руны называют «свейскими немцами». Песни показывают, что образ немца стал для народа символом грабежа, насилия, убийства, рабства. Опубликованный материал показывает всю беспочвенность «теорий» некоторых финских ученых о том, что финский народ никогда не был связан с русским народом, что Финляндия развивалась изолированно от России, что у нее гораздо больше общего с Западом, чем с Востоком. Маннергеймовские холопы Гитлера шли еще дальше; они пытались доказать, что карело-финский народ это «младший северный брат немецкого народа». Но руны и песни, рассказанные самим народом, говорят об обратном. Опубликованный материал — новое свидетельство давней, исторически сложившейся дружбы русского и карело-финского народов, скрепленной кровью на протяжении сотен лет.

Наряду с отмеченными достоинствами как общественно-политического, так и художественного характера, рецензируемая работа не свободна от некоторых недостатков. Не всегда последовательно и четко выдержан характер сборника. Книга рассчитана на массового советского читателя. Несомненно, что для очень многих термины «руны» неясны, а зачастую просто неизвестны. Читатель не в состоянии сам отделить руны от исторических песен, а составитель этого не сделал. Подбор сюжетов и вариантов ничем не мотивирован и не оправдан. Место публикуемых рун в «Калевале» не указано; смысл и значение сюжетов рун для тех, кто не знаком с Калевалой, остается неясным. Примечания к рунам и историческим песням слишком кратки и могут быть не поняты массовым читателем (например: «Суоми — самоназвание Финляндии»; «Тарпанайнен — имя, редко встречающееся в карело-финских рунах» и др.). Предисловие к сборнику не помогает читателю раскрыть тот «определенный культурно-познавательный интерес», который, безусловно, присутствует в публикуемых рунах. Поражает отсутствие в сборнике современных карельских народных эпических песен. Песня сказителя-красноармейца Минина о Сампо, разрушенном немецко-фашистскими захватчиками и восстанавливаемом народом, показала бы глубину и значимость этого символа народного счастья в старых опубликованных в сборнике рунах и дала бы читателю перспективу развития эпического творчества карело-финского народа. Об этих новых песнях автор лишь упоминает в предисловии, не показав их места и значения в истории развития народного эпоса Карелии. Серьезные возражения с научной точки зрения вызывают некоторые положения предисловия, а также оформление публикуемых вариантов. Указатель источников составлен неудачно; даже специалист не сможет, пользуясь им, установить, кто, где, когда и от кого записал данный вариант. Это тем более странно, что в своих предыдущих публикациях автор после каждого текста давал сведения о записях и исполнителях. Следовало бы также огорчиться, что названия рун и исторических песен даны самим переводчиком, а не сказителями. Это тем более необходимо, что в сборнике «Про изверга-немца» те же самые песни называются по-иному (например, «Немец Ганс и Маркетта» — «Немец насилует Маркетту»; «Немец Ганс, Елена и Кайса» — «Немец убивает свою жену»; «Походы Куллерво под замок» — «Куллерво и рижско-немецкий рыцарь» и т. д.). Не имея возможности сравнить перевод с оригиналом, читатель, тем не менее, может

поставить под сомнение точность перевода. Сравнивая тексты рецензируемого сборника с ранее вышедшим сборником «Про изверга-немца», где помещены те же варианты того же переводчика, можно заметить не только разницу в форме, стилистическую правку, вполне уместную и понятную, но и разницу в содержании, смысловое различие в текстах. Такое изменение текста ставит под сомнение заявление переводчика в предисловии: «Точность перевода, адекватность его оригиналу являлась основной задачей, стоявшей перед составителем сборника». Читатель не знает, какому тексту больше верить.

Автор совершенно справедливо объединил два жанра фольклора — руны и исторические песни — и указал на неразрывную генетическую связь между ними. Но последующий вывод автора: «Поэтика этих двух жанров карело-финского эпоса идентична» (разрядка моя. — Л. П.) кажется слишком поспешным. Несомненна глубокая органическая связь между поэтикой рун и исторических песен, их близость, их сходство, их генетическая зависимость. Но говорить об идентичности этих двух поэтик значит лишать историческую песню ее специфики как жанра. Даже в том случае, если поэтический образ рун целиком без изменений перешел в историческую песню, он несет в ней совершенно иную смысловую нагрузку, он качественно меняется, получая новое значение при старой, неизменившейся форме. Сомнительно также, что руны и исторические песни имеют значение как источник «познания героического прошлого народов северо-западных окраин нашей Родины». Руны и исторические песни это отклик народа на исторические события, отклик, во многом своеобразный, специфичный, который хотя и дает временами верную оценку событий, но привлекаться в качестве исторического «источника познания» никак не может. Песни, в которых Екатерина II и Наполеон Бонапарт, Иван Грозный и Карл XII живут и действуют в одно и то же время, едва ли могут быть «источником познания» прошлого народа. Автор сообщает в предисловии, что он размещал «руны и исторические песни в определенной последовательности», стремясь показать «стадиальность их возникновения и переосмысления». В связи с этим возникает вопрос: почему сюжет «В борьбе за старое Сампо» стоит раньше, чем руны с сюжетом «Изготовление кантеле»? Автор ничем не подтверждает большей древности первого сюжета, да это и невозможно, как невозможно в большинстве случаев вообще доказывать старшинство одних рун по сравнению с другими, ибо время возникновения отдельных вариантов не может быть точно определено. Стадиальность возникновения рун — вопрос очень сложный, и на таком небольшом материале простым размещением рун в произвольно выбранном автором порядке его решить нельзя.

Несмотря на перечисленные недочеты, сборник представляет собой значительное явление. Его ценность прежде всего в том, что впервые на русском языке в сравнительно большом тираже (10 000) выходят исторические песни карело-финского народа. Не только массовый советский читатель знакомится с поэтическим творчеством этого народа, но и специалисты получают возможность сравнительного изучения русского и карело-финского эпоса, русских и карело-финских исторических песен. Выход этой книги свидетельствует о росте советской фольклористики не только в центрах научной мысли, но и на периферии. Прошло всего несколько лет после освобождения Карело-Финской республики от ига немецкой оккупации, а К-ФССР возрождается и с экономической и с общественно-политической, и с научной стороны. Рецензируемая книга — одно из ярких тому доказательств.

Л. Пушкарев

Wilfrid Chettéoui, *Un rapsode russe Rjabinin le père, La byline du XIX siècle*, Paris, 1942.

Объемистый труд доктора Парижского университета Вильфрида Шетеуи посвящен характеристике творчества знаменитого олонечного сказителя Грофима Григорьевича Рябинина, тексты которого были записаны в 60-х и 70-х гг. П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом.

Проблема индивидуального творчества в фольклоре была впервые поставлена в русской фольклористике. После сборника Гильфердинга «Онежские былины» становится как бы обязательным распределение материала в фольклорных сборниках по сказителям и сказочникам, записываются и публикуются биографии носителей фольклора, дается анализ их творчества, делаются попытки установить особенности отдельных школ сказителей и сказочников, появляются монографии, посвященные лучшим мастерам фольклора. Это направление русской науки оказало значительное влияние на западноевропейскую фольклористику.

Интересным вкладом в изучение русской былины и творчества русских сказителей является рецензируемая книга французского ученого. Первая часть книги посвящена биографии и характеристике репертуара Рябинина. В качестве сравнительного материала привлекаются параллельные тексты и сведения о других олонечных сказителях. Дается очень детальная и основательная критика текста записей Рыбникова и Гильфердинга. Вторая часть посвящена анализу поэтики былины. Это — основная часть работы, в которой дается общая характеристика поэтики былины, анализ текстов Рябинина, характеристика былинного стиха, стиля и композиции былины. Особое вни-

мание уделено анализу общих мест или «*rièses mobiles*», как их, вслед за Мазоном, называет автор. Третья часть работы посвящена непосредственно творчеству Рябинина; дается подробный анализ имеющихся в репертуаре последнего сюжетов и особенностей его вариантов.

В результате своего исследования автор приходит к четко сформулированным выводам. Былина, по его мнению, как жанр больше не обновляется, а только доживает свой век. Русские былины очень мало изучены со стороны их стиля и композиции. Объясняется это тем, что русские ученые интересовались, главным образом, вопросами генезиса былины. Трудно установить, насколько современные былины сохраняют древние черты. Очень трудно установить элементы индивидуального творчества сказителей, так как они, с точки зрения автора, — лишь пересказчики воспринятого ими материала, а не поэты-творцы, как сербские певцы или монголо-ойротские тувльчи. Несмотря на это, пристальное изучение текстов, записанных из уст лучших крестьянских сказителей, и сравнительное изучение былинных текстов дают возможность выяснить некоторые черты, если не поэтического творчества, то ремесла сказителей. Особенности манеры сказителя выявляются при анализе того, как он воспроизводит воспринимаемый им традиционный текст. Детальное изучение вариантов Рябинина дает право вынести объективное суждение об искусстве Рябинина как сказителя. Рябинин — враг новшеств и стремится сохранить тексты былины в том виде, как он их воспринял в юности, вплоть до незнакомых и непонятных ему слов. Несмотря на стабильность былинных текстов, роль певца для эволюции былины неоспорима; в этом можно убедиться, рассмотрев различные варианты одного и того же сюжета. Былина, переходя от одного сказителя к другому, индивидуализируется, принимает другой колорит в зависимости от темперамента, характера нового исполнения. Сказитель осваивает новую былинку не сразу: сперва он заинтересовывается подвигами и характером героя, развитием сюжета, потом, неоднократно слушая былинку, бессознательно ее запоминает. Когда же он пытается ее воспроизвести, внимание его сосредоточено на сюжете; в обрисовке же героев, с которыми он уже освоился, он сохраняет только оригинальные черты. Он допускает общие места, заменяя их эквивалентными своими. В результате, спетый новым исполнителем текст, при всем стремлении сказителя сохранить его в том виде, как он его слышал, будет иным: появятся новые нюансы в характеристике героя, в отдельных деталях, в использовании общих мест. Рябинин — яркая творческая индивидуальность. Он вносит изменения в структуру былинного стиха, подвергает изменениям ритм былины в зависимости от избранного им напева. Он своеобразно, сохраняя строгий классический стиль исполнения, использует различные возможности рифмы, ассонансов, строфики. Необычайно богаты и разнообразны постоянные эпитеты текстов Рябинина. Его метафоры и сравнения просты и вместе с тем блестящи. Повторы его, построенные обычно по принципу усиления, крайне динамичны. Очень большую роль в текстах Рябинина играют общие места. Вместе с тем он никогда не перегружает свои варианты излишними по ходу сюжета общими местами. Он создает и новые, свои общие места, в которых особенно ярко проявляется его склонность к точности и ясности изображения. Огромная заслуга Рябинина, по мнению автора, в том, что он поднял и оживил былинную традицию, проявив при этом огромное художественное чутье и такт, сумев сохранить черты древних сказаний и вместе с тем дать аромат современной ему северной деревни. Характеристика былинных героев так же, как и сюжетная схема, один из наиболее стабильных элементов былины. Однако и здесь можно уловить некоторые индивидуальные черты сказителя: благородство, гуманность Рябинина проявились и в обрисовке его героев. Сказалось в былинах и его классовое самосознание: его герои, как и он сам, прежде всего защитники интересов народа.

В заключение автор подчеркивает значение аудитории, коллектива в формировании текста. Конечный вывод, к которому приходит автор, блестяще опровергает его исходное положение о том, что сказители являются лишь ремесленниками, а не творцами. Вывод этот, который нельзя не принять, следующий: «Т. Г. Рябинин, старый крестьянин из деревни Середки, имеет полное право войти как поэт в историю русской поэзии».

Э. Гофман

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Миленко С. Филипович, *Несродничка и предвојена задруга*, Београд, 1945, 61.

Автор рецензируемой работы — известный сербский этнограф, возглавляющий отдел этногенеза в Народном этнографическом музее Белграда. Работа посвящена двум мало изученным, однако, как указывает автор, широко бытующим видам южно-славянской задруги, именуемым «несродничка» (неродственная) и «предвојена» (разделенная) задруга.

Объединяя в терминах «несродничка» или «смешанная» задруга как семья, члены которых связаны не родством, а свойством, побратимством или усыновлением,

так и коллективы, возникшие на чисто хозяйственных основаниях, автор в первой части своей работы описывает главным образом второй вид неродственной задруги. Как указывает автор, такая задруга обычно является результатом договорного соединения двух или нескольких малочисленных и малоимущих семей в целях улучшения своего экономического положения. Справедливо указывая на материальные потребности и интересы как основную причину образования такого рода задруг, автор, однако, не проводит достаточного различия между данным неродственным коллективом, в известной мере близким типу так называемой «договорной семьи», с одной стороны, и другим типом задруги, относимым автором к тому же виду неродственной задруги, который все же не чужд родственного начала в виде свойства, побратимства и пр. Возникновению неродственных задруг, по мнению автора, способствовала фискальная налоговая система, при которой налоги распределялись по домам, а не по семьям или по размеру имущества. Проследивая территориальную распространенность «неродственной» задруги, автор приходит к заключению, что наибольшее число ее падает на территорию бывшей Военной границы в Хорватии и Славонии, чему способствовала, по мнению автора, колонизационная политика австрийского правительства. Другой вид задруги, именуемый «предвојена» или «раздвојница», в свою очередь тоже широко распространенный, представляет собой семейную общину, члены которой, связанные действительным родством, несмотря на отсутствие общности территориальной, сохраняют общность хозяйственную и идеологическую. В некоторых районах такая задруга является результатом перенаселенности и безземелья и вызванной этим необходимостью покупки земли в отдаленных районах. Чаше существование «раздвојниц» обусловлено скотоводческой формой хозяйства, заставляющей некоторых членов задруги проводить большую часть времени на пастбище. В обоих случаях все члены задруги представляют собой единый хозяйственный коллектив, владеющий общим сельскохозяйственным инвентарем и на коллективных основаниях распределяющий продукты своего труда. Такая задруга возглавляется одним домашним, который периодически посещает отдельные части задруги, распределяет работу, контролирует ее выполнение и т. д. Проследивая на большом материале территориальную и историческую распространенность всех указанных видов задруги, автор приходит к выводу, что задруга вообще представляет собой, как выражается автор, весьма «эластичную» форму, которая легко приспосабливается к изменяющимся условиям и потребностям. Исчезают старые задруги, но не пропадает задруга как форма народного быта». Заметим все же, что автор соединил в своей работе в основном две формы производственных коллективов, исторически совершенно различных. «Раздвојница», основанная все же на полностью сохраняющемся родственном начале, от архаичного, свойственного родовому строю, типа задруги отстает только тем, что в силу привходящих новых экономических условий нарушает свое территориальное единство. Иное дело задруга договорного типа, представляющая собой сравнительно позднюю форму, предполагающую полный распад родовых связей и лишь по форме наследующую задружное начало, что, впрочем, автор и отмечает.

Работа д-ра М. Филиповича имеет большую ценность, представляя собой довольно обширное собрание конкретного материала, как литературного, так и собранного самим автором в его полевых исследованиях. Материал этот хорошо сгруппирован и четко характеризует описанные автором виды задруги. Исследование этих видов задруги значительно расширяет и уточняет наши представления о югославянской форме семейной общины и еще раз демонстрирует ее замечательную стойкость. Рецензируемая книжка — значительный вклад в литературу о сербской задруге.

И. Прокопович

Миленко С. Филипович, *Галипольски срби*, Београд, 1946, 124.

Основательное и разностороннее описание остававшейся почти совершенно неизвестной в этнографической литературе группы сербов-галипольцев, поселенцев Пехчева (Македония). Описание это основано исключительно на материале, лично собранном автором во время его поездки по Южной Сербии и Македонии осенью 1937 г. Современное население Пехчева, как установил автор, составляют сербы, в течение нескольких столетий жившие оторванно от родины на Галипольских полуостровах, в селах Байрамич и Караджа. Все это время они находились под сильным греческим и турецким влияниями, несмотря на что во многом сохранили свои национальные черты. Знакомство с местным наречием, подробный фонетический, грамматический и синтаксический анализ которого дан автором, приводит его к заключению, что это наречие принадлежит к косовско-ресавскому диалекту сербского языка. Останавливаясь в области материальной культуры на занятиях населения, местных сельскохозяйственных орудиях, жилище, автор особенно подробно описывает местный костюм, сохранивший некоторые черты старого национального сербского костюма. Хотя задружное начало у галипольских сербов претерпело сильное разложение, однако и в настоящее время встречаются немногочисленные задруги и в полной силе сохраняется среди односельчан взаимопомощь в сельскохозяйственных работах. Духовная культура галипольских сербов, подвергшаяся, в особенности, влиянию

соседней греческой культуры, сохранила, наряду с общеславянскими элементами, характерные черты, присущие славянам Балканского полуострова. Автор, в частности, подробно останавливается на обычаях и обрядах, сопровождающих праздники годового цикла, в том числе на характерном для южных славян празднике «славы». Автор указывает, что в прошлом семейно-родовая «слава» существовала у всех галипольских сербов, в настоящее же время, под влиянием греческой церкви, вытеснена днем именин. Как нам кажется, судя по материалу автора, «слава» здесь продолжает все же существовать в форме семейного почитания икон. Воспоминанием об имевшем некогда место празднике сельской «славы» является существующий в настоящее время обычай ношения всем селом икон на второй день пасхи («служи»). Большой интерес представляет, наряду с подробным описанием обрядно-магических процедур, сопровождающих рождение, вступление в брак, смерть и погребение, собранный автором материал по народной медицине и местному фольклору. На основе анализа материальной, общественной и духовной культуры галипольских сербов, автор приходит к выводу, что их первоначальным местом поселения была область Моравской Сербии, откуда они были переселены турками в конце XVI — начале XVII в., что подтверждают и местные народные предания. Работа д-ра М. Филиповича, дающая впервые подробное описание быта и культуры особой группы сербских переселенцев, является ценным вкладом в южнославянскую этнографическую литературу.

И. Прокопович

НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Joseph-Stany Gauthier, *Les maisons paysannes des vieilles provinces de France*, Paris, 1941, 253.

Как указывает автор, его работа вызвана желанием зафиксировать быстро исчезающие оригинальные образцы сельской архитектуры Франции и обратить внимание молодых архитекторов на некоторые положительные стороны старинного жилища французского крестьянина: четкость структуры, прекрасную функциональную приспособленность, гармоническое сочетание с окружающей обстановкой.

Автор начинает с общих замечаний, касающихся местоположения, ориентировки поселений и отдельных строений, строительного материала, некоторых конструктивных деталей и пр. Характер сельских построек, пишет автор, определяется преимущественно местным строительным материалом. Земля, камень, лес, используемые отдельно или комбинированно, создают местные специфические формы. Указывая на разнообразие отправных точек в классификации сельского жилища (форма крыши, характер строительного материала, географическая распространенность и пр.), автор полностью не присоединяется ни к одной из них. Основное содержание работы Готьё составляет подробное описание крестьянского жилища по отдельным старым провинциям Франции. Не отрицая возможности частичного внутреннего и внешнего взаимовлияния отдельных архитектурных форм, автор считает, однако, что каждой из этих провинций присущ особый и глубоко характерный тип жилища, лишь в редких случаях выступающий за ее пределы. Начав свои описания с примитивных форм жилища (пещеры, хижины, шалаша), сохранившихся до настоящего времени в некоторых районах Франции, автор в последующих главах, наряду с краткой географической и исторической характеристикой рассматриваемой провинции, подробно описывает местоположение отдельных типов жилища, их планировку, внешний вид, внутреннюю обстановку, конструктивные детали и т. д.

Работа Готьё, показывающая замечательное разнообразие крестьянского жилища Франции и его весьма оригинальные формы, имеет большой интерес для исследователя народного жилища. Ценность представляет собой большое количество прекрасно выполненных фотографий и зарисовок автора, а также обширная библиография предмета.

И. Прокопович

Arnold van Gennep, *Le folklore de l'Auvergne et du Valay*, Paris, 1942, 371.

Настоящий труд известного французского фольклориста Арнольда ван Женнеп относится к серии его работ под общим названием «Contributions au folklore des provinces de France» (tome V). Работа написана в основном еще в период прошлой мировой войны и касается, как видно из заглавия, фольклора старой французской провинции Овернь. Хотя и существует обильная литература по фольклору этой провинции, однако многие стороны ее фольклора до последнего времени оставались не освещенными или плохо исследованными. Данная работа восполняет этот пробел и является как бы сводкой всего того, что сделано во Франции по данной, весьма интересной для фольклориста, провинции. В книге богато представлены местные легенды, поверья, описания народных игр, народной медицины, сельских ремесленных профессий. Особый упор делает автор на описание семейных и периодических обычаев и обрядов. Материал, собранный в кантонах Пью де Дом, Верхней Лузур и

Канталы, разбит на части: 1) родильные, свадебные и похоронные обряды; 2) некалендарные праздники; 3) аграрные обряды; 4) народная медицина и магия. Значительное место в книге занимает сырой материал, данный автором в виде приложения. По богатству материала, касающегося одной только провинции, книга Женнепа представляется, пожалуй, единственной в своем роде во всей западноевропейской фольклорной литературе новейшего времени. Многочисленные примеры книги находят живую параллель в обычаях народов Советского Союза. Так, например, в главе о свадебных обычаях, автор сообщает: в нормальных условиях девушка поселяется в доме своего мужа, или, если экономические возможности не ограничены, отстраивается новый дом для самостоятельного жительства супругов. В семьях жениха, где много девушек, молодые супруги не поселяются, и жених идет в дом своего тестя. Этот обычай бытует и в тех случаях, когда в доме тестя ощущается нужда в рабочих руках. Эта форма называется «входить зятем» («entrer gendre»). Большой интерес представляет книга и для историка религии. По народному представлению французов, болезни имеют различные формы: то в виде маленьких животных, пребывающих в колодцах, прудах или под влажными камнями, то в виде бестелесного «дыхания». Болезнь наступает у того, кого весной кукушка увидит первым. Смерть у больного наступит, если его перенести через проточную воду. Чтобы прошли простуда и менингит, надо разрезать живого голубя пополам и его части прикладывать в первом случае к груди, во втором — к голове, шее, пяткам. При недержании мочи больному дается мясо поджаренной крысы; больной не должен знать, что это мясо крысы, иначе лекарство не подействует. Для избавления от ночных кошмаров вешают над головой на ночь ветку самшита. Крик петуха или совы в необычное время рассматривается как предзнаменование близкой смерти кого-либо в семье. После наступления смерти окна, ставни и двери комнаты покойника закрываются плотно, а вся мебель убирается. Еще в конце прошлого века в гроб или могилу покойника клали хлеб, бутылку вина и монету.

К. Гаггаев

E. Eslyn Evans, *Irish heritage*, The landscape, the people and their work, Dundalk, 1944, 190 + XVI.

Труд профессора Бельфастского университета доктора Ивенса посвящен описанию ирландской национальной культуры. Книга — результат личных наблюдений автора и его учеников, а также широкого использования специальных работ и трудов ирландских краеведческих и фольклорных обществ. Краткая экономическая характеристика современной Ирландии, описания ландшафта, климата и археологии служат введением к обстоятельному этнографическому очерку Ирландии, посвященному в основном материальной культуре. Автор детально описывает типы жилищ и хозяйственных построек, утварь, сельскохозяйственные орудия, технику полевых работ, средства передвижения, орудия для добычи торфа, рыболовные принадлежности, лодки и т. д., прослеживая генезис и эволюцию этих форм, попутно останавливаясь на обычаях и пережитках общинного землевладения. Описание подкрепляется привлечением архивного и археологического материалов. Три заключительные главы посвящены описанию ирландских национальных праздников, ярмарок, провинциальных гсродов, обычаев и поверий. Книга богато иллюстрирована типологическими таблицами, фотографиями и схемами. Труд Ивенса — ценный вклад не только в ирландскую, но и в европейскую этнографию.

И. Гурвич

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Arthur Christensen, *Essai sur la démonologie iranienne*, København, 1941, 97.

Крупный современный датский иранист дает подробный очерк развития индоиранской демонологии с древнейших времен до наших дней. Настоящая работа по существу примыкает к ранее опубликованным большим исследованиям автора: «Etudes sur le zoroastrisme de la Perse antique» (Copenhagen, 1928), «Les Kayanides» (Copenhagen, 1932) и «Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens», I—II (Upsala, 1934). Работа разбита на главы: 1) Лжебоги в Гатах; 2) Демоны и чудовища в Авесте; 3) Демонология Вендидад; 4) Демоны надписи Ксеркса; 5) Демоны-чудовища в среднеперсидской литературе; 6) Дивы и пари в новоперсидской эпопее и 7) Арабские и иранские демоны. Как видно из этого перечня, материалом для автора послужили письменные источники древне-средне- и новоиранской литературы. По его словам, на иранскую демонологию оказывают влияние религиозные системы и учения последующих времен. В основе учения об иранских демонах лежат идеи зороастризма, а в новое время, с усилением культурного влияния арабов на Иран, иранская демонология приспособляется к религии ислама. Арабы приносят иранцам различные вариации джиннов и гномов мира бедунов. В иранских условиях арабские джинны принимают характер злых иранских духов зороастрийской религии. Современные иранские дивы и пари, сохранившиеся

от маздеизма, и джины, перенятые от арабов, восходят по существу к более примитивным типам религиозного мышления древних иранцев и арабов. За исключением небольшой главы, посвященной ирано-армянским религиозным отношениям, вся монография ограничивается иранским миром, причем из поля зрения автора выпала религия большинства живых иранских народов, не учтено также влияние на Иран религии тюркоязычных народов Средней Азии и Ближнего Востока. Надо сказать, что исследовательские приемы почтенного ученого несколько устарели и к нему можно отнестись слова С. Рейнака, сказанные им по адресу старой сравнительно-мифологической школы: «ученые этой школы сравнивали между собой три или четыре мифологии и оставляли за бортом огромную область народных преданий и религии нецивилизованных народов» («Cultes, mythes et religions», vol. I, p. 122).

К. Гагкаев

C. G. Feilberg, *La tente noire*, Contribution ethnographique à l'histoire culturelle des nomades, København, 1944, XII + 254.

Проблема возникновения номадизма поныне остается одним из тех вопросов, по поводу которых в науке не достигнуто единогласия. Концепции Э. Гана, полагающей возможным возникновение кочевого скотоводства только на основе оседлого земледелия, с самого начала была противопоставлена точка зрения Г. Хэта, допускающая переход к скотоводству непосредственно от охотничьего хозяйства. Теория Хэта нашла горячих сторонников в лице патеров Шмидта и Копперса, так как все номады были ими объединены в «патриархально-большесемейный круг», а патриархальная семья объявлена изначальной формой организации общества. В последнее время ученик обоих патеров Фриц Флор, используя данные австрийского археолога О. Менгина, предложил компромиссное решение вопроса: одомашнение рогатого скота произошло на основе оседлого земледелия, верхового скота — независимо от последнего. Эта же проблема занимает и автора рецензируемой работы — помощника хранителя этнографического отдела Датского государственного музея. По мнению К. Г. Файльберга, для ее решения необходим этнографический анализ культуры номадов и, в первую очередь, жилища. Широко используя разнообразные виды источников — музейные коллекции, известия древних и средневековых авторов, путешественников последних веков и новейших исследователей, автор основательно разбирает черную палатку арабов Северной Африки, Египта, Аравии и сопредельных областей, палатки курдов, луров, афганцев, белуджей, тибетцев, греков и европейских кочевых цыган. Отдельные главы посвящены кожаной палатке туарегов, среднеазиатской «кибитке», палаткам арабских полуномадов и специальным видам палаток, употребляемых горожанами, — ярмарочных, палаток китайских торговцев. Анализ связанной с палаткой терминологии и сравнительный анализ отдельных элементов всех видов палатки приводит автора к заключению, что шерстяная палатка номадов является сравнительно поздним типом жилища, содержащим трансформированные элементы различных видов жилища оседлых земледельцев. По мнению автора, палатка возникла у полуномадов на той стадии хозяйственного развития общества, когда приручение дромадера позволило освоить пустыню и перейти к чисто кочевому скотоводству.

Книга Файльберга снабжена фотографиями и планами различных видов палатки. Имеется очень удовлетворительная библиография.

А. Першиц

Elio Migliorini, *La Siria*, Cremonese — Roma, 1941, 76.

Описание Сирии в серии монографий «Современные страны». Первые две главы посвящены физико-географической характеристике Сирии, третья — ее краткому историческому очерку. Несомненный интерес для этнографа представляет четвертая глава: «Население Сирии». Помимо обще-статистических данных конца тридцатых годов, автор довольно подробно описывает антропологические, языковые и религиозные группы населения и классифицирует последние по хозяйственному признаку. Пятая и шестая главы посвящены экономико-географическому описанию страны, причем и здесь автор вполне отчетливо разграничивает экономические особенности различных групп населения. В седьмой, заключительной, главе трактуются «итальянские возможности в Сирии».

А. Першиц

Arab Archery, *A book on the excellence of bow and arrow and the description thereof*, translated from an Arabic manuscript of about A. D. 1500 by Nabih Faris, with notes and appendix by Robert Potter Elner, Princeton, 1945, XI—182.

Уникальная арабская рукопись начала XVI в. из Гарретского собрания библиотеки Принстонского университета. В вводных главах говорится о различных типах лука, о терминологии, связанной с луком и его отдельными частями, и доказываются преимущества арабского типа сложного лука. Большая часть рукописи представ-

ляет собой чрезвычайно подробное практическое руководство по обращению с луком и стрельбе из него. Ряд глав посвящен методике снятия и привязывания тетивы, проверке боевой готовности лука, способам зажима стрел и натягивания тетивы, прицеливанию в различных позах, расчету силы ветра и т. п. Столь же подробно автор останавливается на различных видах стрел, их наконечников и оперения в связи с методикой употребления каждого вида. В заключение описываются колчаны и перевязи для ношения лука. Одна из наиболее интересных глав рукописи, названная: «Вещи, которые необходимо знать лучнику», посвящена главным образом изложению системы передачи на расстояние численных понятий посредством сигнализации пальцами одной руки. В приложении теоретик и американский чемпион стрельбы из лука Р. П. Элмер подробно разбирает арабский лук в сравнительно-этнографическом отношении.

А. Першиц

НАРОДЫ АФРИКИ

Ch. Barat de la Jesse, *Au fil du Mozambique*, Paris, 1945, 196.

Судовой дневник путешественника, совершившего многократные опасные рейсы вдоль побережья Мозамбика и Восточной Африки на примитивном арабском судне «бутра». Автор более года провел на северо-западном побережье Мадагаскара, населенном племенами сакалава. Много страниц посвящено описанию обычаев, религии и патриархальных порядков этих племен.

К. Гагкаев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Bolletín bibliográfico de Antropología Americana (Instituto Pan-americano de geografía e historia), Mexico, vls I—VI, 1937—1942.

Выходящий с 1937 г. в г. Мексико «Библиографический бюллетень американской антропологии», издаваемый Пан-американским институтом географии и истории (3 №№ в год), является весьма полезным информационным и справочным пособием для этнографа, археолога и антрополога, интересующихся американским материалом. «Бюллетень» составляется по разнообразной программе, давая хронику, обзоры ведущихся исследовательских работ по различным районам, обзоры журналов, списки научных работ отдельных авторов-американистов и, наконец, ценные большие систематические библиографические указатели. Таковы: помещенный в виде приложения к т. т. I—V за 1937—1941 гг. обширный указатель литературы о майя, составленный Р. Валле, и библиография мексиканского фольклора, составленная Р. С. Боггсом, напечатанная в т. III, 1939 г. Пренимущественное внимание уделяет «Бюллетень» все же странам Латинской Америки.

М. К.

Georg Peter Murdock, *Ethnographic bibliography of North America* (Yale Anthropological Studies, vol. I.), New Haven — London, 1941, 168.

Библиографический указатель, составленный известным американским этнографом Г. П. Мэрдок, распределен по географическим, одновременно этно-культурным, районам Северной Америки, а в пределах этих делений — по народностям и племенам (всего 277 этнических названий). Особый раздел отведен этнографической литературе по Северной Америке в целом. Приложена интересная схематическая карта мест обитания основных народностей и племен. Как предупреждает сам составитель, его указатель не является исчерпывающим, давая лишь общую и наиболее значительную литературу. Много пробелов, в особенности в последнем разделе. Все же и в таком своем виде указатель Мэрдока — пособие, необходимое для американистов, полезное для всякого, использующего американский этнографический материал.

М. К.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бартольд, Туркмения,	— В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, Сб. «Туркмения», т. I, Изд. АН СССР, Л., 1939.
Бартольд, Туркестан	— В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, Тексты; ч. II. Исследование, СПб., 1900.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ИАН	— Известия Академии Наук.
ИОАИЭ	— Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИОИФ	— Известия Академии Наук СССР, серия истории и философии.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЖС	— Живая старина.
ЗВО	— Записки Восточного отдела Русского археологического общества.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МИТТ	— Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. I, Труды Института востоковедения АН СССР, т. XXIX, М.—Л., 1939.
МК	— Mahmud b. al-Hasan b. Muhammad a'-K a ṣ ṣ a r ṣ . Kitab ² divān ¹ luṭā'ī-l-turk, I—III, Istanbul, 1333.
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
СА	— Советская археология.
СВ	— Советское востоковедение.
Собр. свед.	— Иакинф (Бичурин), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I—III, СПб., 1851.
СЭ	— Советская этнография
ТВО	— Труды Восточного отдела Русского археологического общества.
ХА	— Худуд ал 'Алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.
AIM	— Die Altürkischen Inschriften der Mongolei von W. Radloff, I—III, SPb., 1894—1896.
BGA	— Bibliotheca Geographicorum Arabicorum.
BSOS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.
Chavannes, Doc.	— E. Chavannes, Documents sur les toukieue (turcs) occidentaux. Сб. трудов Орхонской экспедиции, VI. СПб., 1903.
DAI	— Constantine Porphyrogenetos, De Administrando Imperio.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society.
Marquart, Hist. Glossen	— J. Marquart, Historische Glossen zu den Altürkischen Inschriften, Wiener Zeitschr. f. die Kunde des Morgenlandes, XII, 1896.
Marquart, Komanen	— J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen. В кн. W. Bang. und J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien, Berlin, 1914.
Marquart, Streifzüge	— J. Marquart, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903.
SPAW	— Sitzungsberichte d. Preussischen Academie d. Wissenschaft.
USD	— W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, Leningrad, 1928.
ZDMG	— Zeitschrift Deutscher Morgenländischer Gesellschaft.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы общей этнографии и антропологии

М. О. Косвен. Амазонки (История легенды)	3
Я. Я. Рогинский. К вопросу о древности человека современного типа (Место сванскомбского черепа в системе гоминид)	33

Вопросы этногенеза

А. Н. Бернштам. К вопросу об усунь кушан и тохарах (Из истории Центральной Азии)	41
А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X веках	43
С. П. Толстов. Города гузов (Историко-этнографические этюды)	55

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Л. П. Потапов. Этнический состав сагайцев	103
---	-----

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Б. И. Шаревская. Памятник жертвенного культа древнего Бенина	128
--	-----

Из истории этнографии и антропологии

М. В. Степанова	Из истории этнографического изучения б. русских владений в Америке	141
-----------------	--	-----

Заметки. Сообщения. Рефераты

Г. И. Карпов.	К истории туркмен али-эли (ала-эль)	145
---------------	---	-----

Хроника

Положение о премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая	150
И. Золотаревская. Дискуссия о проблеме экзогамии	151
О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии	154
М. М. Скорик. Работа Львовского отдела Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР в 1947 г.	158
Н. Алексеев. Этнографическая работа в Якутии	159
Н. Бутинов. Выставка «Искусство народов Океании».	161

М. Косвен и С. Толстов.	Г. И. Карпов.	(Некролог)	161
-------------------------	---------------	----------------------	-----

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

М. Левин. Новые данные по антропологии острова Кодьяк и Алеутских островов	166
С. Абрамзон. По поводу одной рецензии	168

Народы СССР

Э. Померанцева. Фольклор Саратовской области	173
--	-----

М. Кузнецов, И. Дмитраков. Песни и сказки, Фольклор казаков-некрасовцев о Великой отечественной войне	174
Л. Пушкарев. Руны и исторические песни	175
Э. Гофман. <i>Wilfrid Chettéoui, Un rapsode russe Rjabinin le père, La byline du XIX siècle</i>	177

Южные славяне

И. Прокопович. <i>Миленко С. Филипович. Несродничка и предвојена за друга</i>	178
— <i>Миленко С. Филипович. Галипольски срби</i>	179

Неславянские народы зарубежной Европы

И. Прокопович. <i>Joseph-Stany Gauthier, Les maisons paysannes des vieilles provinces de France</i>	180
К. Гагкаев, <i>Arnold van Gennep, Le folk ore de l'Auvergne et du Valay</i> . . .	180
И. Гурвич. <i>E. Estyn Evans, Irish heritage</i>	181

Народы зарубежной Азии

К. Гагкаев. <i>Arthur Christensen, Essai sur la démonologie iraniënnë</i>	181
А. Першиц. <i>C. G. F. ilverg, La tente noire, Contribution ethnographique à l'histoire culturelle des nomades</i>	182
— <i>Elio Migliorini, La Siria</i>	182
— <i>Arab Archery, A book on the excellence of bow and arrow and the discription thereof</i>	182

Народы Африки

К. Гагкаев. <i>Ch. Barat de la Jesse, Au fil du Mozambique</i>	183
--	-----

Народы Америки

М. К. Bolletin bibliografico de A-tropologia Americana	183
— <i>Georg Peter Mirdock, Ethnographic bibliography of North America</i>	183
Принятые сокращения	184

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ В № 2 «СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ»

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
223	18 сверху	«пинятки» и	«пивнятки», и
223	39 »	«се. епки»	«силенки»
223	40 »	«ланцски жабовые на часы»	«ланцоки на часы до жеба»